

Российская академия наук
Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

А. К. Салмин

ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ЧУВАШЕЙ НА САВИРО-БУЛГАРСКОМ ПЕРЕПУТЬЕ

Нестор-История
Санкт-Петербург
2024

УДК 93/94
ББК 63.3(29=)
С 16

Работа утверждена к печати Ученым советом МАЭ РАН

Научный редактор
заведующий Центром этноистории Института истории и археологии
Уральского отделения РАН, доктор исторических наук *И. Р. Атнагулов*

Рецензенты:
старший научный сотрудник Центра европейских исследований МАЭ РАН,
кандидат исторических наук *И. Б. Губанов*;
главный научный сотрудник Института истории, археологии
и этнографии Дагестанского научного центра РАН,
доктор исторических наук *Р. И. Сефербеков*;
профессор Санкт-Петербургского государственного университета,
доктор исторических наук *А. К. Шагиня*

С16 Салмин А. К.

Этническая история чувашей на савиро-булгарском перепутье. —
СПб.: Нестор-История, 2024. — 336 с. — ISBN 978-5-4469-2206-2

Монография посвящена самой актуальной проблематике на сегодняшний день — многовековым дебатам об исторических предках чувашей и казанских татар. Исследование опирается на первоисточники, датируемые с V в. до н. э. по сегодняшний день, а также на достижения в области этнонимии, истории, географии, геногеографии, антропологии, археологии, религиоведения, этнографии, искусства, языкознания и фольклористики. Комплексный подход позволяет выстроить системную картину этнической истории двух братских народов Среднего Поволжья.

В оформлении обложки использовано фото женского манекена в традиционной одежде саратовских чувашей — фрагмент постоянной экспозиции МАЭ РАН «Имперский зал: многонародная Россия». Манекен скопирован с Ольги Петровой (родом из Канашского района Чувашской Республики).

УДК 93/94
ББК 63.3(29=)

© МАЭ РАН, 2024
© А. К. Салмин, автор, 2024
© СПбФ АРАН, иллюстрации, 2024
© Издательство «Нестор-История», 2024

*Светлой памяти Учителя –
Сергея Александровича Арутюнова
посвящается*

ВВЕДЕНИЕ

Тема этногенеза и этнических корней не теряет своей актуальности ни на персональном, ни на региональном, ни на глобальном уровнях.

[Головнёв 2023: 10]

Утверждения сторонников болгарской теории, что чувашаи — прямые потомки болгар, не выдерживают критики.

[Егоров 1953: 75]

Перепутье, вернее, перекресток... место, где дороги пересекаются, расходятся накрест; распутье, раздорожье, раздорожица.

[Даль 1982: 61, 78]

Рис. 1. Особо почитаемое в Чувашии *Эль кӳлли* — озеро Аль (Янтиковский район) [Салмин 2016]. О нем бытует множество легенд и преданий. Длина его около 300 м, ширина 250 м, зеркальная площадь составляет 4 га, средняя глубина 8 м, иногда более 10 м. Раньше оно было необыкновенно глубоким, местами доходило до 20 м. Оказалось, что история народа несравненно глубже легендарного озера

Вот уже три столетия идут дебаты вокруг вынесенной в заглавие книги проблематики. Сложность состоит в том, что активно бытуют две наиболее обсуждаемые версии происхождения чувашей: болгарская и суварская. До сих пор (особенно в XX в.) безапелляционно главенствовала первая теория, но в последнее время вторая приобретает более достоверные черты [Булатов, Дмитриев 1962: 226–236; Каховский 1972: 200–217; Иванов 2010; Таймасов 2011: 140–141; Salmin 2014; 2022: 9–17; 2022a: 1244–1253; 2023: 331–351]. Чтобы проверить истинность той или иной версии, нужны аргументы и система фактов. Попытаемся их выявить и проанализировать. Как всегда, *terra incognita* ожидает нас в древнем и раннесредневековом периодах.

Для начала заинтригуем читателя высказыванием нашего болгарского коллеги. В связи с вынесенной в заголовок книги проблематикой он восклицает: «Но были ли у болгар и сабиров общие предки, это все еще вопрос обсуждаемый! Кроме того, сабиры жили на землях, которые до них, по крайней мере, со II в. н. э., были заселены различными индоевропейскими народами и некоторыми небольшими автохтонными этносами, говорящими на кавказских языках» [Stepanov 2013: 7]. Археолог Н. П. Третьяков, наоборот, настаивал на том, «чтобы вопрос о происхождении чувашского народа и вопрос о происхождении татарского народа решался совместно, ибо несомненно, что мы здесь имеем дело с процессом, который привел, очевидно, в свое время к созданию здесь двух очень близких друг другу народов» [см.: Михайлов 2022: 36]. Правы оба исследователя, но в какой степени — это тоже еще вопрос.

Методология

Ведущие исследователи историко-этнографического направления обращают внимание на необходимость комплексного (равно как и трансдисциплинарного и междисциплинарного) подхода в освещении этногенетических процессов. Имеем в виду исследования, применяющие материалы из двух и более научных специальностей. Как правило, в таких случаях речь идет о необходимости выхода ученого за рамки своего предмета. «Понятно, что междисциплинарность в этом случае не является самоцелью, а имеет скорее прикладное значение: огромную важность представляет не до конца изученный познавательный потенциал пограничных сфер науки, особен-

но в областях их взаимопроникновения с другими науками, где формируется новое знание» [Аликберов 2019: 154]. Это «нормальное состояние науки, ибо там, где все ясно и вполне устоялось, наступает застой» [Гуревич 2000: 125]. Ценность и универсальность предлагаемой методологии в том, что с ее помощью можно провести скрупулезный анализ материалов по любому этносу.

Действительно, работа представителя любой научной дисциплины о происхождении и формировании народа всегда ущербна. Пусть даже великолепный труд на самом высоком уровне. Во-первых, он охватывает лишь отрезок времени и пространства, во-вторых, оставляет в стороне все остальные аспекты исторического процесса. В результате к бесчисленным гипотезам прибавляется еще одна, однако она не может стать основательной. В частности, «в работах археологов совершенно необходим комплексный подход, а именно сочетание этнографических, лингвистических, антропологических данных и письменных источников» [Молодин 1985: 5]. Например, горные группы грузин, карачаевцы, балкарцы и осетины — классические представители высокогорной культуры, но говорят они на разных языках. Однако некоторые из них (карачаевцы и балкарцы) перешли на современный язык (тюркский) в историческом плане недавно. В то же время есть веские основания полагать, что предки всех перечисленных народов говорили на кавказских языках. Также известно, что для этих центральнокавказских народов характерна особая комбинация антропологических черт. В данном случае совпадают границы этнической и антропологической общностей. Именно в силу указанных причин выдвижение на первый план данных только одной дисциплины всегда недостаточно. Естественной, проблематика этнической истории (тем более трансдисциплинарный подход к ней) требует синтеза достижений многих научных дисциплин.

Использование материалов и трудов не только этнографического и исторического плана не говорит о желании автора этих строк взять на себя всю ответственность по этим дисциплинам. По геногеографии, антропологии и археологии используются источники и исследования преимущественно резюмирующего характера. Они необходимы для построения наиболее полной системы.

Совершенно справедливо предупреждение о трудностях применения комплексного подхода. Да и опубликованный труд, написанный с использованием трансдисциплинарного

подхода, часто не находит отклика. Объясняется такое явление приверженностью каждого к своей специальности. Более того, практически невозможно найти рецензента уже на уровне подготовки рукописи монографии к публикации. Каждый смотрит главу по своей непосредственной специальности и говорит: «Все остальное мне незнакомо, поэтому я не могу написать вам отзыв». В итоге монография рискует остаться вне внимания и коллег, и науки в целом.

При этом следует признать, что деление событий, скажем, на чисто исторические и географические весьма условно и носит рабочий характер. А чаще всего разделить их невозможно и не нужно. Поэтому, кстати, в работе возник параграф под названием «Историко-географический анализ», объединяющий соответствующие вопросы.

Несмотря на ратование за междисциплинарный подход в изучении этногенеза, ощутимых сдвигов в этом направлении не произошло. Каждый исследователь оставался преимущественно в своей ячейке. И это серьезная проблема, настоящий тормоз для исторической дисциплины. Намного лучше обстоит ситуация в естественных науках. Здесь получили развитие, к примеру, такие стыковые направления, как биофизика, зооинженерия, наномедицина.

Гипотез о происхождении чувашей много. Их предками называли сюнну, хунну, сяньби, ухуаней, огуров, угров, гуннов, болгар, древних тюрков, иранцев и шумеров. Весь этот длинный и в то же время неполный перечень племен говорит не только о плохой изученности, но и, прежде всего, о сложности обсуждаемой проблематики.

Если исходить из взглядов авторов публикаций, то материнскими регионами исторических предков чувашей являются, соответственно, Сибирь, Индия и Месопотамия. К первому направлению относим работы А. А. Куника, Н. И. Ашмарина, В. Ф. Каховского, С. Р. Малютина, Н. И. Егорова и В. П. Иванова. Хронологический диапазон обсуждаемых материалов — с древнейших времен до начала нашей эры. Второе направление представлено фрагментарными высказываниями искусствоведа А. А. Трофимова, ссылающегося на труды Мегасфена, Ариана, Плиния Старшего, охватывает период с древнейших времен и завершается описанием ирано-индийских походов Александра Македонского. Третье направление (назовем его условно шумерским) представлено публикациями Н. Я. Марра, А. А. Трофимова, Г. П. Егорова и Д. Ф. Мадурова. Что касается

книг, изданных В. В. Николаевым, то в них соединены все три направления. Таким образом, в предлагаемых гипотезах имеются хронологические провалы от древности до начала нашей эры. Теоретически все три предположения должны быть либо доказаны, либо отвергнуты.

На самом деле, история народа — это череда перерождений. Следует писать только о пространственно-временных параметрах племен и народов. Менялось не только время — трансформировались и этносы. Так, невозможно поставить знак равенства между подданными Модэ и Аттилы. Ведь «поток событий обновляет этничность, которая не существует вне движения» [Головнёв 2009а: 53]. Этнические составляющие — признаки непостоянные. Смена культурообразующих компонентов помогает им изменяться, преодолевать кризисы и способствует возрождению. Перерождаются народы в самом широком смысле. Тюрко-монгольские племена, то объединяясь, то распадаясь на орды, то вовлекая в свои воинские соединения покоренные этносы, смогли завоевывать степи. Так исчезали одни народы и возникали другие. С учетом происходивших трансформаций полезно распрощаться с иллюзиями и свыкнуться со многими вновь открытыми фактами.

Как приверженец исхода исторических предков чувашей из Сибири, А. А. Куник утверждал, что чувашаи — это потомки одной из групп старотюрков, поселившиеся среди волжских финнов задолго до появления здесь татар [Куник 1878: 118, 120]. Но Н. Н. Поппе, считавший чувашей наследниками булгарской истории и языка, категорично заявлял, что древние чувашские племена вблизи озера Байкал никогда не жили [Рорре 1971: 227]. Рациональное зерно в высказывании Н. Н. Поппе в том, что, действительно, исторические предки чувашей, как и булгары, в Сибири и тем более на Дальнем Востоке никогда не обитали.

Сегодня в публикациях можно увидеть самые странные предположения о сибирском исходе предков чувашей. В качестве курьезных можно привести сяньбийскую и ухуаньскую версии происхождения чувашского народа. Как известно, эти племена обитали и кочевали в Южной Сибири. Еще до нашей эры они выделялись из союза племен дунху. Сяньби изначально населяли северо-восточную часть Внутренней Монголии, а ухуани известны по взаимоотношениям с сяньби и северокитайскими племенами. Автор этих строк, проведя комплексный историко-этнографический анализ, пришел к мнению, что ни одна из этих версий не имеет никакого отношения к истории чувашей [Салмин 2019: 35–39].

Автор также считает, что утверждение о чувашах-тюрьках не так уж незыблемо. Пока в науке, особенно в языкознании, сохраняется тенденция априорно утверждать о тюркских корнях чувашей. Так, Андраш Рона-Таш уверенно заявляет, что «существуют два подхода к изучению чувашского языка. С одной стороны, можно исходить из пратюркских форм и подбирать современные чувашские соответствия к отдельным пратюркским фонемам. С другой стороны, можно исходить из фонетики современного чувашского языка, выявляя затем пратюркские соответствия чувашским звукам» [Рона-Таш 1987: 43]. Он использует оба варианта. Обыкновенно начинать свои книги и статьи с априорного утверждения: «Чуваши — название тюркского народа», имел М. Р. Федотов [Федотов 1996а: 394]. Этот метод — кредо почти всех тюркологов, заведомо рядящих чувашский язык и культуру в тюркские одежды. Между тем подход Андраша Рона-Таша, М. Р. Федотова и других тюркологов к подбору соответствий ни «с одной», ни «с другой стороны» методологически не оправдан. Такой подход игнорирует все не тюркское (шире: не тюрко-монгольское), т. е. преследует заведомо заданную цель. Используя эту методику, можно с таким же успехом подобрать общие корни чувашей с этрусками, афетидами, японцами.

В целом загадка этногенеза неразрешима без комплексного подхода. При разборе разных точек зрения оставляю без внимания те, что имеют априорный и необоснованный характер. Нет доказательств — нет и науки. Даже самая солидная для своего времени книга «Происхождение чувашского народа: основные этапы этнической истории», изданная в 1965 г. археологом В. Ф. Каховским, сегодня вызывает множество упреков. Так, в частности, еще в 1974 г. Р. Г. Кузеев справедливо писал: «Несколько неожиданным является его заключение о том, что „древние болгары и сувары вышли из древнетюркской этнической общности, сложившейся в Семиречье и Центральном Казахстане“» [Кузеев 2010: 391]. Речь идет об априорности основных положений в книге В. Ф. Каховского. Например: «упоминаемый в письменных источниках этнос чеши он [В. Ф. Каховский. — *Прим. авт.*] ошибочно признавал за чувашей» [Димитриев 2014: 79]; «этноним чăваш никак нельзя связывать с названием чешы/чешы» [Филиппов 2008: 10]. Впрочем, заведомо ошибочных заявлений, касающихся обсуждаемой темы, предостаточно. Так, брошюра С. Р. Малютина со звучным названием «Этногенез чувашского народа» (Чебоксары, 2000) построена на бессвязных «рассуждениях» ни о чем. В целом из-за

априорных констатаций и квазинаучных взглядов проблематика этногенеза чувашей загнана в тупик. В ходе предварительных исследований обнаружилось, что большинство работ по обсуждаемой теме написано по имеющимся лекалам.

Совершенно справедлива критика в отношении тех исследователей, которые редко штудируют первоисточники. Так, Агустин Алемань указывает на то, что историки часто не вникают в подробности. «Проблема в том, — пишет он, — что почти никто, кажется, не читает источники подробно, хотя имеют как доступ к оригинальному тексту, так и достаточные знания в историческом плане» [Alemany 2013: 233–236].

Есть важные, но ускользающие от внимания географов нюансы. Так, Прокопий в основном обходит вниманием кочевников, передвигающихся по суше. В его периплах сухопутные передвижения не выдвигаются на передний план. Также понятно: те, кто ближе к римлянам (например, кутригуры), являются их врагами, в то время те, кто далек от них (утигуры, трапезиты), — их союзники [Curta 2019: 33]. Прокопий и Агафий упоминают кутригуров, но в описании тех же событий у Иордана есть только булгары. Выходит, не всегда отсутствие упоминания в источнике о тех или иных этносах говорит об их отсутствии в это время в этом месте.

Успехи в генетике позволяют проникнуть в самые древние слои истории человечества. Уместно отметить, что используемый генетиками термин «этногеномика» еще требует уточнений. На самом деле, вернее было бы сказать «генеогеография», что «гораздо более адекватно описывает цели и результаты их научной деятельности» [Тишков 2016: 14]. Термином «генеогеография» историки и генетики также пользуются широко. Этому есть веское основание, ибо генетическое сходство популяций определяется их географическим соседством, а не лингвистическим сходством [Балановская и др. 2016: 76, 77]. Если до начала XXI в. генетики и этнологи свои исследования проводили независимо, то сейчас они совершают комплексные экспедиции, вместе анализируют добытые материалы. «При совместной экспедиционной работе генетиков, этнографов и историков ее итоги оказывались гораздо глубже, чем работа каждого из этих специалистов в автономном режиме. Их дальнейшее взаимодействие на всех последующих этапах исследования позволяло достигать много более глубокого научного знания о структуре генофонда и истории его формирования» [Юсупов и др. 2017: 31]. Кроме того, объединение усилий позволяет выдвигать версии о путях миграций народов.

Имеются мнения о преимуществе археологии перед другими дисциплинами в определении и анализе этнической принадлежности того или иного явления или субъекта. Параллельно идет дискуссия о ее беспомощности в выявлении этнической принадлежности носителей определенной культуры. Иногда критика археологов заходит так далеко, что некоторые готовы утверждать невозможность раскрыть этническую принадлежность через добытые археологические артефакты. Якобы этническая принадлежность должна быть исключена из всех дискуссий, если археологи хотят добиться какого-либо прогресса в своих исследованиях. Автор этих строк, как всегда, придерживается золотой середины. Обо всем этом поговорим в соответствующих параграфах нашего исследования. В любом случае археология правомерно занимает отдельную нишу в исследованиях этнической истории.

Выступая на пленарном заседании XV Конгресса антропологов и этнологов России (2023 г.), археолог Н. Н. Крадин подчеркнул, что современные открытия в палеогенетике приводят к выдающимся результатам, которые иногда противоречат существующим концепциям. Сегодня палеогенетика дает серьезные перспективы в области исследований этнических процессов в глубокой древности. В синтезе с лингвистикой, археологией и биологической антропологией мы получаем более точную и интересную картину освоения человеком ойкумены в прошлом. С открытием ДНК в археологии произошла революция. Н. Н. Крадин также указал, что выводы археологов не стыкуются с установившимися теориями наших лингвистов.

Маркеры религии в историческом измерении могут меняться быстро и масштабно. Например, крещение Руси привело к коренным преобразованиям верований многих жителей Восточной Европы. Исследование генетической структуры народов Кавказа может послужить значительным вкладом в решение проблем этногенеза, истории и культуры не только самих кавказских народов, но и многих других этносов Восточной Европы. При этом, разумеется, следует иметь в виду, что «этногенез народов Кавказа относится к числу наиболее сложных вопросов в современной исторической науке» [Худавердян 2018: 137]. Естественно, в процессе этногенеза племена трансформируются. Причин много: нашествие более мощных соседей, разделение по родовым коленам, массовое принятие другой религии (например, исламизация египтян и превращение их в египетских арабов). Как будет выяснено, аналогичная трансформация произошла у болгар. Поэтому

априорное увлечение болгарскими истоками предков чувашей, а заодно прямая идентификация болгар с древнетюркским миром приводит к квазинаучным обобщениям.

Аналогично интернациональным следует считать верховное божество чувашей *Турă* (*Тор*, *Тур*, *Торă*) [Салмин 2016: 255–263]. Он стоит в одном ряду со скандинавским *Тор*, ирландским *То-ран*, шотландским *Торун*, *Тора* у африканских бушменов, пигмеев и бамбути, мансийским *Нума-Торум* и *Таром*. Говоря словами коллеги, «Тору удалось перешагнуть этнические границы» [Головнёв 2009: 38].

Сегодня традиционные праздники, обряды и верования чувашей и татар имеют мало общего из-за превалирования соответственно православия и ислама в их мировоззрении, хотя в I тысячелетии в этом плане они имели больше сходств, чем различий.

Эти элементы у чувашей и татар наиболее близки и имеют общую основу... Сохранение традиционных основ народной религии (folk religion), несмотря на продолжительный период взаимодействия с мировыми религиями... являлось формой рефлексии, направленной на сохранение своей самобытной культуры и идентичности... В их традиционной религиозной системе отсутствовал институт храма: местом культа выступала окружающая природная среда [Исхаков 2013: 5, 6, 13].

Язык также содержит в себе историю. Для анализа его надо сравнивать с родственными языками и языками соседних племен и народов. Во времени он может расщепляться на несколько потомков. Связано это с нарушением единства социума, в котором он функционирует. Когда различия начинают затруднять взаимопонимание между членами общества, тогда появляются разные, но родственные языки. Изменение является обязательным свойством языка хотя бы потому, что застывшая система не могла бы обеспечивать коммуникацию социума в трансформирующемся мире. Лингвистами на ряде языковых групп установлена скорость размывания пяти слов из списка Сводеша за 1000 лет. При такой скорости за 20 000 лет список Сводеша должен вымываться полностью [Дыбо 2015: 338, 344, 370]. Выходит, нет статичных языков, просуществовавших 20 000 лет, хотя скорость изменений в разных языках и в разные периоды времени может быть различной (например, глобальные изменения в английском после франко-норманнского завоевания).

Перерождение рассматривается в лингвистике как фундаментальный атрибут существования языка. Лингвистическая трансформация означает изменение компонентов языковой системы, а также правил, определяющих их функции. Это означает, что перемены в каждом языке происходят непрерывно в любое время. Язык конкретного исторического периода можно изучать, даже когда нет письменных памятников, для этого нужно проследить конкатенацию звуковых изменений. Однако изменение звука имеет не только временное измерение, но и измерение интенсивности применения в определенном локусе. При этом следует учесть, что диалекты существовали и в предыдущие периоды [Agyagási 2007: 25–26].

Конечно, при анализе языковых аспектов этногенеза к опубликованным исследованиям следует относиться критически. Например, Н.Н. Поппе и О.И. Прицак полагали, что болгарско-чувакская ветвь была каким-то промежуточным звеном между тюркским и монгольским языками, которые, по мнению этих ученых, были генетически связаны. Сегодня «никто никоим образом не поддерживает эту точку зрения» [Erdal 2007: 78].

На самом деле, комплексный подход придуман не сегодня и не в XX в. К нему инстинктивно с XVIII в. прибегали почти все путешественники, начинавшие свой путь в науку как естествоиспытатели, в том числе представители Академии наук России [Салмин 2022]. В частности, в 1880 г. представитель флорентийской школы социальной антропологии Стефан Сомье совершил поездку в одиночку на север Западной Сибири. Целью и результатом его путешествия стали детальные первоисточники по истории, лингвистике, экономике, политике, ботанике, антропологии, этнологии, а также визуальные материалы. Исследователи справедливо называют его путешествующим энциклопедистом, смыслом жизни которого стало «получение новых знаний о природе и человеке» [Перевалова и др. 2016: 79]. Только уже в XX в. исследователи начали окончательно углубляться и изолироваться каждый в свои исследовательские ячейки. Но начало XXI в. показало, что изучение этнической истории невозможно без комплексного подхода.

К методологии и методу написания данного труда следует добавить одно важное замечание. Читателю может показаться, что автор как-то странно излагает материал: начинает с доисторических событий, вроде бы не имеющих отношения к теме, и доводит ис-

следование до наших дней. На самом деле, автор поступал как раз наоборот: начинал анализ с общеизвестных фактов и дополнял их информацией из новых спорных и мало или совсем не использованных источников. Так, в основу исследовательской схемы последовательно легли взаимосвязанные и взаимодополняющие источники по линии «Ибн Фадлан ← Птолемей ← Геродот». Этот метод условно можно назвать «обратной линией». Время и пространство между трудами этих светил хорошо заполняют и комментируют сочинения таких замечательных историков, как ал-Бекри, ал-Гарнати, ал-Истахри, ал-Куфи, ал-Мукаддаси, Ала-ад-Дин Джувейни, аль-Балхи, Аммиан Марцеллин, Андрей Лызлов, Аполлоний Родосский, ат-Табари, Баладзори, Барбаро Контарини, В. Н. Татищев, Николаас Витсен, Г. Ф. Миллер, Гевонд Вардапет, Гильом Рубрук, Захария Ритор, И. Г. Георги, Ибн ал-Асир, Ибн Баттута, Ибн Саид ал-Магриби, Ибн Хаукал, Ибн Хордадбех, И. И. Георги, Иоанн Милан, Иоанн Никиусский, Иованнес Драсханакертци, Иордан, Константин Багрянородный, Мартин Фрэн, Масуди, Менандр Протектор, Мовсэс Каланкатуаци, Мухаммед-Аваби Акташи, Н. М. Карамзин, П. С. Паллас, Приск Панийский, Прокопий Кесарийский, Псевдо-Орфей, Рашид-ад-дин, Михаил Сириец, Стефан Византийский, Феофан Исповедник, Фредегар. Но события подаются коллегам в хронологическом порядке, как это принято в исторических науках. Хотя и этот момент спорный, можно предложить альтернативные подходы.

Терминология

В работе используются термины «племя», «народ», «этнос» — как этнические общности на разных этапах исторического развития. Как правило, изучаемые племена, вовлеченные в поток Великого переселения, более цивилизованными соседями назывались варварами. Этот термин ничем, по сути, не отличается от греческого *ἔθνος* (у Приска в форме *ἔθνεσι* [Prisc 1979: 9]), использовавшегося в Византии по отношению к «варварским» племенам, т. е. не принявшим христианство. Аналогично тартары (монголо-тартары) иноземцев, которых они не уважали, называли варварами и говорили о них, что те видят одним глазом, а сами тартары — двумя [Витсен 2010: 4]. В то же время некорректно подменять термины «племя» и «варвары» понятием «народ», как часто встречается и у вполне серьезных историков. Поэтому «принципиально неверно переводить выражение *hominum genus* словом „народ“»

[Анфертьев 1994: 141]. В таких случаях лучше подходят термины «род», «племя». Так, на тюрко-китайском двуязычном памятнике в честь Кюль-Тегина (730-е гг.) имеется, в частности, фраза: *Qayanin anta ölürtümüz elin altımız* «Их кагана мы там убили, его племенной союз покорили» [Наделяев и др. 1969: 168]. Здесь слово *el* верно переведено как «племя», «племенной союз». А для понятия «народ» в древнетюркском языке использовали слово *bodun*.

Может вызвать вопрос и встречающийся в книге термин «сопредельные племена». А почему «сопредельные племена», а не часто используемое словосочетание «сопредельные территории»? Потому что в доисторические времена, в древности и в Средневековье территории, занимаемые племенами и народами, как правило, не имели четких границ. Более того, границы соприкосновений были «плавными» и менялись очень часто. Племена не только постоянно мигрировали — трансформировались и их наименования. В понимании Византийской империи границы — это, во-первых, пределы сферы деятельности ее администрации на землях, разделенных на римские провинции; во-вторых, это пределы стран, имеющих местных правителей, но находящихся в сфере византийской юрисдикции. Однако и эти границы между эллинским и варварским мирами были весьма условными, расплывчатыми, потому что часто менялись. Заклятые враги — гунны и византийцы — имели условленный район, предназначенный для дипломатических переговоров и торговли. Что касается территорий, над которыми властвовал Атила, то тут имеются самые разные высказывания.

Не было четких границ в Волжской Булгарии. В пространстве между Хазарией и Бургасией не имелось постоянных поселений. От Итиля до соседних бургасов простирались степи, для преодоления которых нужно было 20 дней пути [Ал-Идриси 2006: 120; Бартольд 1973: 37]. Кроме того, между племенами и народами (например, между хуннами и китайцами, гуннами и ромеями, а также между булгарами и суварями) пролегали нейтральные полосы. Например, по состоянию на IX — начало X в. расстояние между булгарами и башкирами, формально подчиненными Булгарии, составляло 25 дней пути [Бартольд 1968: 494]. Еще более аморфными были границы Золотой Орды.

Что касается термина «сопредельные территории», то он используется, как правило, при исследовании сформировавшихся народов и государств. В принципе, можно было пользоваться

ся и терминологией «сопредельные территории», но тогда работа приняла бы историко-географический крен, а автору хотелось, чтобы в книге было больше историко-этнографических сюжетов.

Традиционная культура в широком смысле, как известно, включает словарный состав, этикет, менталитет, а также сведения о жилище, пище, одежде, религиозно-обрядовой стороне этноса. Все эти исконные элементы культуры в живом бытовании теперь можно встретить лишь в среде некрещеных и не исламизированных до сих пор чувашей (в основном в Причеремшанье). Именно исследование их быта обещает наиболее плодотворные научно-практические результаты. Таким образом, этнографические данные послужили весомым подспорьем в изучении истории чувашского народа.

Как видим, в работе понятие «история» подается расширительно. Помимо собственно истории, автор по мере необходимости и по мере доступности пользуется экстраисторическими доводами этнонимии, географии, генетики, антропологии, археологии, религии, этнографии, искусства, языка и фольклора. Таким образом, предпринята попытка исследования истории народа как единого целого, т. е. системы.

Идентичность

В XXI в. в большом количестве издаются работы по истории народов и их идентичностей. Особенно усилились старания краеведов, журналистов и других любителей старины с их красочно оформленными книгами, брошюрами и буклетами с огромными для нашего времени тиражами. Основным опорным материалом для них являются научные и околону научные публикации исследовательских институтов и вузовских работников. «Мало ли что издается», — могут возразить мне. Однако считаю, что значение этих книг в науке весьма сомнительно, а их издание вносит еще больший хаос. Назову первые попавшиеся: Абайдаров Акпарс. Авалхи чăваш патшалăхĕсем (Древние чувашские государства). Чебоксары, 1994. 152 с.; Александров (Садур) Василий. Волжские булгары и чуваша: гипотезы, исследования, теории. Чебоксары, 2016. 240 с.; Семенов А. С. Тайны старины глубокой: записки любителя-этимолога. Чебоксары. 2005. 100 с. «Скромный и трудолюбивый инженер, краевед», — это про Василия Александрова. Впрочем, его книга более чем корректная по содержанию по сравнению с другими. Например, его тезис: «Если же они и принимали ислам,

то в дальнейшем окончательно теряли свои языковые и этнические особенности», в принципе, верный. В своей работе он разбирает топонимы, ойконимы, этнонимы, антропонимы, этимологию, подробно останавливается на истории гуннов.

Затем строит какие-то домыслы-абракадабры типа:

Итак, «Сибирь» означает первый запад от хуннов (т. е. от Алтая) до Уральских гор. Об этом можно найти в трудах Н. Я. Бичурина. Он пишет, что территория до Урала называлась «первый запад». А потом это название перешло на весь регион. В чувашском языке «Сибирь» пишется «Сёпёр»... И здесь «пёр» — первый, а «Си» и «Сё» схожи по звучанию, вероятно, и по значению. В современном чувашском языке нет самостоятельного слова «Сё».

Потом идет пространное изложение истории древних тюрков и ее связи с историей Китая. Но все это никак не относится к истории предков чувашей. Как верно замечает В. А. Шнирельман, такие «этноцентристские мифы всегда грозят расколоть полиэтническое общество, если оно не выработало никакого объединительного мифа» [Шнирельман 2003: 13]. Самое обидное, что профессиональные исследователи почти ничего не делают для исправления ситуации в освещении этногенеза чувашского народа. Более того, и в их изысканиях не прослеживается фундаментальный подход. Одни считают исходной родиной предков чувашей Центральную Азию, другие — южный Кавказ, третьи — Месопотамию и Индию. Чувашей называли финнами, тюрками, зороастрийцами, суvarами, булгарами и даже булгарами-суvarами. На историко-этнографическую тематику, кроме печатной продукции, создаются квазискульптуры, квазифильмы и квазироманы. Главное в них — затронуть душу и психику народа. Авторы всех этих «шедевров» ищут и находят «героическое прошлое народа»: чем славнее их предки, тем лучше. Не имеет значения, что ими могут быть шумеры, хунны-гунны, древние тюрки, кыпчаки, персы, яфетиды. С ростом этнического самосознания и желания знать свое историческое прошлое в XXI в. возрастает и стремление получить ответ на вопрос: «Кто я есть?» Создается такое впечатление, будто профессионалы следуют за любителями. В такой обстановке нет никаких шансов выявить историческую и этническую идентичность чувашей.

Впрочем, так считает не только автор этих строк. Например, исследователи истории Волжской Булгарии пишут:

Претендующая на научность региональная, а также научно-популярная и учебная литература часто носит на себе глубокий отпечаток псевдонаучных патриотических идей в духе мифов о «великих предках» либо просто направлена на построение или обоснование идеологических концепций, призванных утвердить какие-либо исторические или территориальные прерогативы за отдельными группами современного населения Волго-Уральского региона. В других случаях недостаток источниковедческой и методологической квалификации авторов публикуемых работ сводит их результаты, в сущности, до уровня любительского краеведения [Мухаметдинов, Тишин 2023: 21].

Притом чем дальше углубляемся в историю, чем больше обнаруживаем разность культур народов. Чем ближе к нам этнографический факт, тем виднее в нем следы глобализма, т. е. в современном обществе идет процесс утери этнической идентичности. К тому же чем дальше от исследователя отстоит время формирования изучаемой общности, тем уже и скуднее круг искомым источников. А это подталкивает к соблазну исходить из современной картины мира при разглядывании темных пятен истории. Иначе говоря, исследователь может оказаться в плену априорных суждений. Отсюда и до методологических ошибок рукой подать: появляется склонность современное состояние источников принять за древние. Такая точка зрения особенно свойственна российским языковедам.

Несмотря на разнонаправленность и квазинаучность взглядов большинства авторов, в целом чувашская история была придумана и представлена чувашской интеллигенцией как эффективный инструмент укрепления и развития национальной идентичности [Kutchanoff 2017: 137]. По мнению М. В. Кирчанова, если Г. И. Комиссаров и В. Ф. Смолин писали историю Чувашии как национальную историю, то у И. Д. Кузнецова и В. Д. Димитриева сложились глубоко пророссийские формы истории. Следует признать, что во многих случаях чувашские историки ориентировались на взгляды ведущих российских исследователей, которые не вникали в детали и нюансы древней истории чувашского народа.

Как показывают исследования по идентичности в широком смысле, споры, дискуссии и заглядывание как в историческое прошлое, так и в будущее никогда не закончатся. Допустим, что люди, сообщества и государства сумели договориться

о демократических ценностях и пришли к согласию. Однако нерешенные проблемы тем не менее остаются.

Как показывают исследования социологов, самооценка и самоидентичность основываются и на таких факторах, как уровень благосостояния и текущих доходов [Тихонова 2020: 8, 11].

Видимо, эти и другие жизненно важные проблемы обретут новый виток, а история будет продолжена, хотя на другом уровне. «Конец и начало истории» проявляется и на уровне субъекта Российской Федерации. Так, в ходе всенародных выборов в 1993 г. был избран первый президент Чувашской Республики. Им стал юрист Н. В. Фёдоров. Как считает сам Николай Васильевич, он многое сделал для укрепления демократического устройства, экономики и культуры республики. Казалось, что достигнуто равновесие в социальных слоях в этом субъекте РФ, а народ и республика как бы пришли в состояние желаемого благосостояния. Н. В. Фёдоров принимал подарки в виде национальной одежды, но никогда ее не надевал, очень редко говорил по-чувашски. Население республики, где подавляющее большинство (почти 68%) составляют чуваша, называл «народом Чувашии». В 2010 г. его сменил министр сельского хозяйства М. В. Игнатьев. Михаил Васильевич на праздники надевал одежду с чувашской вышивкой, часто говорил на чувашском, а покинув пост, на своей странице в интернете поместил строки из стихотворения народного поэта Чувашии П. П. Хузангая: *Эпир пулнă, пур, пулатпăр!* «Были мы, и есть, и будем!» Каждый из двух руководителей республики вписал свою страницу, свое понимание в историю народов Чувашии. Каждый из них считал, что именно он идентичен народу, республике и исторической правде. В 2020 г. республику возглавил депутат Госдумы О. А. Николаев. У него также имеется своя версия истории народа, идентичная общероссийской и с рядом специфик. История продолжается на новом витке. Меняются ценности, меняются люди, пишутся новые страницы истории народа и республики. Так конец одной истории порождает начало новой.

Более того, в процессе трансформаций в области социальной истории могут появиться новые народы. Как известно, в XVIII в. действия властей по обустройству региона привели к тому, что в Уфимской провинции обосновались казаки, состоящие в основном из крещеных татар. Их административным центром стала Нагайбакская крепость. От названия крепости новое сообщество стало именоваться нагайбаками. Наряду с татарами в него вошли также местные чуваша, марийцы и удмурты. «Вступле-

ние в 1736 г. этих групп в казачье сословие и положило начало собственно нагайбакской истории» [Атнагулов 2015: 134]. Говоря о «сложении» нового народа, С. Ю. Белоруссова отмечает, что «мы имеем исторические свидетельства, которые переводят этно-историю в русло конструктивизма, поскольку открывают реальную ситуацию и действующих лиц этого „сложения“» [Белоруссова 2019: 104]. Уход в православие или ислам, а также прямое вхождение в новую народность приводят к потере идентичности. На самом деле это уже не только отказ от нее, но и конец своей истории.

Естественно, любая научная работа по этнографии и истории (а также по религии, языку и т. д.) так или иначе должна будет изучать проблему идентичности изучаемого явления или субъекта — притом не только племени, народа или какого-то социального сообщества, но и совсем иных событий и предметов. Например, проблему идентичности археологической находки, т. е. соответствия ее конкретной исторической стадии и этнической общности или личности.

Но может ли существовать «археология идентичности»? Речь идет о материальных следах прошлых идентичностей в более широком смысле, из которых вопрос этнической интерпретации является лишь одним, хотя и важным аспектом и отражает то, как археологические доказательства могут быть вставлены в общую картину «эпохи миграции» [Pohl 2010: 9]. Идентичность — это более широкий термин, чем этническая принадлежность. Идентичность, равно как и этническая самобытность [Салмин 2022], является более проблематичным понятием, чем может представиться на первый взгляд. Она может пониматься совершенно по-разному: например, как статическая или динамическая, как объективная или субъективная, как социальная или индивидуальная, как фактическая или как построенная (виртуальная) идентичность. Как сложную категорию, ее, безусловно, трудно (скорее, невозможно) определить удовлетворительным образом [Салмин 2022а: 112–122].

В этом плане археология может дать даже больше, чем исторические исследования или письменные источники. Она имеет возможность проследить историю людей через их погребальные останки и выдвинуть гипотезу об их «личности» в контексте контактов с историческими соседями, а также приверженности к тому или иному божеству или ритуалу. Идентичность представляет собой отношения, вернее, связку отношений между индивидом

и социальным миром. С этой точки зрения поиск прошлых идентичностей в археологии является более сложной целью, чем попытка соотнести археологические культуры с этническими группами. Ученые анализируют сложный, но увлекательный баланс между индивидуальной и социальной идентичностью. Вполне могут быть индивидуальные особенности, свойственные только конкретному человеку, — какая-то уникальная находка, которую вряд ли когда-нибудь найдут в другой могиле. Но в большинстве случаев и археологи, и историки имеют дело с тем, что типично, будь то тип малоберцовой кости или керамики, определенный обряд ингумации, социальный маркер, этническое обозначение или часто используемое личное имя [Pohl 2010: 10–18].

Радует то, что представители отдельных наук ведут поиски способов объединения локальных культур в наднациональные (надэтнические) системы. Пока исследователи истории народов и народных традиций используют устоявшийся прием: следуют лингвистическим группировкам языков по семьям. Например, «известны попытки создать музыкальное славяноведение, музыкальное финно-угроведение, музыкальную тюркологию» [Кондратьев 2011: 6]. М. Г. Кондратьев справедливо считает, что такие подходы не помогают проникнуть в суть.

Не всегда признаки и границы языка и музыкальной культуры совпадают. В качестве примера, как применение классификационных категорий внемузыкального порядка при изучении музыки порождает тенденции расчленения феноменов регионального характера и искажения их масштабов, М. Г. Кондратьев приводит Волго-Уральский регион. Действительно, при изучении культур народов этого ареала музыкальные и поэтические явления сравниваются у тюркоязычных народов только с аналогами у других тюрков, у финно-угорских — только с финно-угорскими и т. п.

Аналогично обстоит дело и с конфессиональной ориентацией: у исламизированных народов региона поиски родственных явлений иногда ограничиваются параллелями в исламских культурах, порой весьма далеких, и не замечаются более близкие параллели у рядом живущих не мусульманских народов. Это обстоятельство еще раз подчеркивает необходимость разработки собственно музыковедческих классификаций, независимых от лингвистической, конфессиональной или даже этнической принадлежности культур, составляющих целостности. Музыка — в определенных отношениях самодостаточная и саморазвивающаяся система [Кондратьев 2011: 6–7].

Ученым следует находить иногда совсем далекие отзвуки у изучаемых народов. Например, доказана краткосюжетность и афористичность поэтики Волго-Уральской цивилизации. Как показал М. Г. Кондратьев, ветвь афористических традиций поэтики Востока занесена к чувашам с юга более тысячи лет тому назад. Для выхода на новый уровень знаний необходимо разработать собственно музыковедческие классификации изучаемых культур. Они должны быть надэтническими, надлингвистическими и надконфессиональными, констатирует М. Г. Кондратьев. «По особенностям традиционной ритмики культуры Поволжья являют собой пример редкой сохранности архаической квантитативной системы, известной главным образом территориально и хронологически отдаленным цивилизациям (индоиранские, средиземноморские культуры)» [Кондратьев 2011: 10]. Концепция М. Г. Кондратьева имеет прямое отношение к методологии изучения обсуждаемой темы.

К сожалению, национальные движения порой не учитывают указанные исторические, географические и этнографические особенности народов. Поэтому имеется тенденция создавать территориально ограниченные политические единицы (государства) из однородных культурных сообществ (наций). Но этнические, языковые, религиозные, политические и личные идентичности редко совпадают с географическими границами, которые охватывают национальные государства. В национальных государствах всегда есть группы, чья идентичность отличается от большинства. Их лидеры часто рассматривают присутствие нескольких этнических общин в рамках одного национального государства как признак напряженности и нестабильности, угрозу целостности и самому выживанию страны. Следовательно, они ищут способы культурной гомогенизации нации, чтобы государство и нация совпадали друг с другом [Eminov 2000: 129]. Естественно, ни к чему хорошему такие представления не приводят.

Автор считает делом чести гарантировать коллегам ряд важных условий: не выдумывать события и не выдавать их за исторические (как это часто бывает в самых серьезных монографиях), не фантазировать (хотя в научных реконструкциях фантазия вполне имеет место), оперировать только достоверными фактами (т. е. первоисточниками); все реконструкции только в пределах реалий; никаких субъективных выпадов в адрес оппонентов.

В предлагаемой книге уделяется особое внимание наиболее спорным эпизодам истории этногенеза чувашей. Ранее опубликованные тезисы в этот раз подвергались критическому анализу и уточнялись. Остальные аспекты по методологии, теории и историографии темы можно найти в других публикациях автора этих строк.

При написании настоящего труда частично использованы первые две главы книги автора «Савиры, болгары и тюрко-монголы в истории чувашей» (СПб.: Нестор-История, 2019). В этот раз они значительно переработаны и существенно дополнены, но сохранена основная структура исследования, т. к. новая книга, как и предыдущие работы, опирается на методологию комплексного (трансдисциплинарного и междисциплинарного) исследования источников.

Выражаю глубокую признательность зав. отделом Кавказа МАЭ РАН, доктору исторических наук М.С.-Г. Албогачиевой и главному научному сотруднику отдела антропологии МАЭ РАН, доктору исторических наук А.Г. Козинцеву за замечания и предложения, высказанные в ходе подготовки рукописи. Особая моя признательность софийскому коллеге, профессору Цветелину Стапанову, высказавшему много ценных замечаний и предложений по истории и религии болгар/болгар. Работа обсуждена и одобрена на заседании Центра европейских исследований МАЭ РАН.

САВИРЫ

Рис. 2. Чувашка в летнем платье. XVIII в. [Георги 1776: илл. № 14]

В истории происхождения и формирования чувашского народа слишком много неясного. До сих пор остается за семью печатями истина, которую желает постичь читатель. Чрезмерное желание читателей быстрее узнать, с одной стороны, и великое желание авторов скорее донести свои соображения до читателя, с другой, порождали третье: компиляцию, сумбур и беллетристику. Большинство работ по этногенезу чувашей на сегодняшний день выполнено не выше уровня любительского краеведения. Одна из основных причин таких неудач — отсутствие прямых источников об исторических предках чувашей: «История была крайне немилостива к чувашам и языку их. В течение целого ряда веков они оставались в полном забвении и неизвестности, как бы в положении народа без роду и племени» [Егоров 1953: 66]. Достаточно сказать, что первое документальное упоминание этнонима «чуваша» относится к началу XVI в. В аналогичных случаях историческая наука обращается за помощью к ретроспекции и сравнительно-исторической методологии. Ведь любые племена с самой загадочной историей непременно имели соседей, обязательно общались с другими племенами, входили в союзы. Плюс (что очень важно) могли фигурировать под иными (позднее трансформированными) этнонимами.

Естественно, факты — это кирпичики истории. Из них складывается реальная хронология событий. Однако настоящее исследование предполагает и осмысление фактов, и умозаключения, вытекающие из них. Насколько удалось автору разрешить поставленные задачи — судить коллегам по научному сообществу. А вообще, изучение запутанной истории чувашей — занятие труднейшее. Питер Голден обсуждаемую тему называет самой запущенной («one of the largely neglected and vexing problems») [Golden 2011: 146]. Это с одной стороны. С другой — сложность проблемы позволяет плести многочисленные квазиистории.

История изучения сапиров/савиров/суваров показывает самый широкий разброс мнений: одни считают их частью еврейского мира, вторые идентифицируют с кавказско-поволжскими предками чувашей, третьи вообще отрицают существование такого народа-племени.

Хронологический диапазон исследуемых событий — с V в. до н. э. по сегодняшний день, т. е. 2500 лет. Более ранние источники, увы, пока не поддаются достоверной идентифи-

кации, хотя уже можно строить вполне реальные гипотезы, связанные с событиями IX–V вв. до н. э. Для обоснования нужно вовлекать ранее не использованные источники. Пока в работе больше внимания уделяется событиям I тысячелетия н. э., которые стали решающими в судьбе исторических предков чувашей.

ЭТНОНИМИКА

Рис. 3. Чувашка. 1785 г. Итальянская гравировка. Автор Теодоро Виеро (Teodoro Viero) // Интернет (открытый доступ)

Еще в 1925 г. Н. И. Ашмарин в письме автору брошюры «О происхождении чуваш» М. П. Петрову указывал, что «слово „чăваш“ до сих пор еще научно не было объяснено: все существующие объяснения были неудовлетворительны» [Петров 1925: 60]. Историки и филологи в своих исследованиях по этногенезу используют субдисциплину именологии (Teildisziplin der Namenskunde) — анализ народных названий. Например, венгерский языковед Клара Адягаши с ее помощью объясняет народное название этнонимов *čeremis* и *čávaš* [Agyagási 2003: 9–10]. Попробуем проанализировать нерешенную проблематику и мы. Для этого обратимся к источникам и наиболее заметным толкованиям.

Этноним *саспиры* в формах Σάσπειρες, Σασπείρων, Σάσπειρσι, Θεσπίεες зафиксирован в V в. до н. э. в «Истории» Геродота шесть раз [Hρόδοτ 1995: 1. 104, 110; 3. 94; 4. 37, 40; 7. 79; Геродот 1993: 45, 46, 168, 196, 335].

Этноним в виде *Саспиритид* запечатлелся в названии одной из области Великой Армении (IV в. до н. э. — V в. н. э.).

Упомянутые племена в форме Σάπειρες/Σάπειρας (*сапиры*) встречались и в «Аргонавтике» Аполлония Родосского, это середина III в. до н. э.

ἐνθα γὰρ ὑμῖν ὄνειαρ ἀδευκέος ἐξ ἁλὸς εἶσιν
 ἄρητον τῷ καὶ τε φίλα φρονέων ἀγορεύω
 ἰσχύμεν — ἀλλὰ τί με πάλιν χρειῶ ἀλιτέσθαι
 μαντοσύνη τὰ ἕκαστα διηνεκὲς ἐξενέποντα;
 νήσου δὲ προτέρωσε καὶ ἡπείροιο περαιῆς
 φέρβονται Φίλυρες Φιλύρων δ' ἐφύπερθεν ἔασιν
 Μάκρωνες, μετὰ δ' αὐτὴν περιώσια φυλα Βεχείρων
 ἐξεῖς δὲ Σάπειρες ἐπὶ σφίσι ναετάουσιν,
 Βύζηρες δ' ἐπὶ τοῖσιν ὁμόλακες, ὧν ὑπερ ἤδη
 αὐτοὶ Κόλχοι ἔχονται ἀρήιοι. ἀλλ' ἐνὶ νηὶ
 πίρεθ, ἕως μυχᾷτη κεν ἐνιχρίμῃητε θαλάσση...
 Κεῖθεν δ' αὖθις Μάκρωνα ἀπειρεσίην τε Βεχείρων
 γαῖαν ὑπερφιάλῳ τε παρεξενέοντο Σάπειρας,
 Βύζηράς τ' ἐπὶ τοῖσιν ἐπιπρὸ γὰρ αἰὲν ἔτεμνον
 ἐσσυμένως, λαοροὶ φορεύμενοι ἐξ ἀνέμοιο [Apollonius 1889: 75, 110].

Дальше за островом этим и на земле, что напротив,
 Люди филиры живут, за ними повыше — макроны,
 Выше еще и поодаль немалое племя бехиров,
 Возле них соседи сапиры давно проживают.
 Дружные с ними бизиры живут немного подальше,

А за ними уже сами колхи, любимцы Ареса...
Край макронов и беспредельную землю бехиров
Дальше они миновали, а также надменных сапиров,
Рядом с ними бизиров. Все время дальше и дальше
Мчались быстро они с порывами теплого ветра [Аполлоний 2001: 44, 63]

Собравшимся в плавание в далекую Колхиду храбрецам-грекам слепой прорицатель Финей рассказывает, какие племена будут встречаться им в пути. Среди них есть и сапиры. «Аргонавтика» — произведение эпическое, весьма близкое по сюжету к «Одиссее» и «Илиаде» Гомера. Можно задаться вопросом: откуда автору «Аргонавтики» стало известно название реальных сапиров? Ответ прост: главные герои — Пелиэс и Ясон — лица исторические. Пелиэс взял силой царскую власть в свои руки, Ясон — его племянник и сын царя Иолка Эсона и Полимеды. Вокруг них и борьбы за трон построена вся сюжетная канва. Но для нас первостепенное значение имеет знание греками, кто действительно населял юго-восточное побережье Понта. В VIII в. до н. э. они «основали в Причерноморье и Пропонтиде более 900 торговых факторий и поселений, крупнейшие из которых находились в Колхиде» [Чистякова 2001: 142]. В V–IV вв. до н. э. греки уже четко представляли границы завоеванных ими областей. Более того, исследователи пишут о смешанных браках чужеземцев с местными племенами. По крайней мере, о реалистичности упомянутых в «Аргонавтике» Аполлония Родосского этнонимов Βεχίρες, Σάπειρες и Βύζηρας мы можем говорить точно.

Следует особо отметить, что почти все переводчики Геродота (в том числе и Г. А. Стратанович) Σάπειρες читают и переводят как *саспиры*, а не *саспиеры*, а это говорит о равнозначности двух вариантов. Сюда следует отнести и третий вариант — *сапиры*. Естественно, следует учесть законы древнегреческой фонологии. Так, в аттическом языке долгие гласные возникали из-за сокращения соседних коротких гласных. Например, пишем κλέω, а произносим *κλιο/клио*. Аналогично Βεχίρες — *бехиρες*.

Традиция написания обсуждаемого этнонима в самых разных фонетических вариантах имела место и в I тысячелетии н. э. Так, у Стефана Византийского (VI в.) читаем: «Сапиры (Σάπειρες), народ Понтийской области, ныне называемый через β — сабирами (Σάβειρες)» [Stephan 1849: 555]. В этой же работе находим формулировки Σάπειρ и Σάσπειρ [Stephan 1849: 166]. То есть имеет место продолжение тех же закономерных фонетических вариантов, что и у Геродота.

Несомненно, во всех перечисленных источниках речь идет об одном и том же племени. Просто византийцы произносили вместо звука *в* — *б* (не Византия, а Βυζάντιο, не варвар, а βαρβάρο). В большинстве старых славянских заимствований из греческого языка эта буква передается звуком *в* (например, Βασίλειος — *Василий*). Обе формы отражены в византийских источниках. Кстати, звук *б* из урартских клинописей в армянском языке аналогично передается звуком *в* [Тер-Саркисянц 2015: 42]. Лингвисты также указывают на переход **w* → **b* в прасеверокавказских и праиндоевропейских языках [Старостин 2007: 358]. То, что *v* и *b* являются фонетическими вариантами, писали и другие исследователи [Németh 1991: 150, 153, 265]. Например: **tävä* → **täbä* ‘верблюд’.

В первой половине II в. н. э. Клавдий Птолемей на р. Куме зафиксировал этноним Σάβαροι ‘савары’ [Ptolemae 1843: 171]. Дюла Немет указывал, что венгры были известны под этнонимом *savardi* [Németh 1929: 81–86]. В. П. Шушарин полагал, что саварты — это мажарские племена, оставшиеся на востоке, в так называемой Великой Венгрии [Шушарин 1997: 112, 157, 159]. Если в терминологии Константина Багрянородного Σάβαροι ἄσφαλοι -τ примем за допустимый аффикс множественного числа, то слово Σάβαροι будет представлять Σάβαρ + аффикс множественности -τ + еще аффикс множественного числа -οι из греческого языка. Это же племя позже в арабских источниках известно и как *савардийа*.

Как утверждает современный венгерский исследователь Балинт Керёньи, народное название венгров Σάβαροι ἄσφαλοι является венгерской традицией, отраженной византийским императором Константином Багрянородным в его «*De Administrando Imperio*» (глава 38). Подлинность традиции подтверждается достоверностью «*De Administrando Imperio*» как исторического источника, согласно которому ученый-император и его писцы располагали письменными данными и информантами при составлении материалов. Еще одним аргументом в пользу Σάβαροι ἄσφαλοι является утверждение в конце главы о том, что венгры поддерживали связь с восточной частью Кавказа через послов. Σάβαροι следует отождествить с этнонимом *сабуры* (*Sabirs*), а также с людьми, обитавшими в европейской степи, которые позже стали населением Хазарского каганата. В своей статье Балинт Керёньи разбирает аргументы авторов, отрицающих связь между этнонимами Σάβαροι и *Сабир* или даже ставящих под сомнение подлинность венгерской традиции Σάβαροι ἄσφαλοι. Венгерский коллега указывает на существование многих имен в хазарской

и болгарской среде, связанных с *сабирами* в разных формах. Сабирь были частью хазар. Кабары, по религиозным причинам в 830 г. мигрировавшие от хазар к венграм, также имели сабирскую традицию. «Идентичность между народами *сабарто* и *сабир* следует считать действительной» [Kerényi 2019: 20–35], — заключает наш коллега.

Конфедерацию во главе с каварами (*kāwar*), ушедшую из Хазарии и прибывшую в Леведию к мадьярам, источники передают как Тоѳркои. Но каваров раньше также называли Σάβαρτοι ἄσφαλοι, т. е. раньше они не были Тоѳркои, а Σάβαρτοι = *Sāwart* [Pritsak 1965: 383]. Это означает, что кавары по происхождению и не хазары, и не турки. Они представляли собой часть савирской конфедерации, поклоняющейся божеству *Куар/Кӕвар* (*кӕвар* — чуваш. ‘горячий уголь, жар’). Например, гунны, называемые савирами, имевшие столицу Варачан и князя Илитвера, почитали божество *Куар*. *Кӕвар* — одно из основных божеств и у современных некрещеных чувашей [Салмин 2016: 298–301]. Впрочем, политоним «гунны» распространялся не только на савиров/сабиров, но и на другие племена, входившие на Кавказе в гуннский союз, — например, на огуров и сарагуров [Obrusánszky 2009: 28].

У греческого грамматика Элия Геродиана (первая половина III в.) вместо птолемеевского *савар* встречается *σάπερ/σάπειο* [Guilielmi 1823: 51], т. е. так, как у Геродота. А это говорит о бытовании этого варианта в течение не менее восьми веков. В «Римской истории» Аммиана Марцеллина этноним зафиксирован в форме *Sapires* [Ammianus 1970: 26], это 361–362 гг. Сапиры в IV в. также упоминаются в произведении «Поход аргонавтов» [Псевдо-Орфей 1948: 268].

Согласно аль-Масуди (896–956 гг.), этот же народ турки называли *sabîr* [al-Masûdî 1894: 83]. Тюркский вариант *sabîr* означает ‘допустимые’, ‘терпимые’, ‘сносные’, что, впрочем, вполне согласуется с поговоркой: «*Чӑваш — йӑваш*», т. е. «Чуваш — смирный, кроткий». В поэме Юсуфа Баласагунского «*Qutadγu bilig*» (чуваш. «*Хӓтлӓ пӗлӳ*» — «Знание, приносящее счастье», XI в.) зафиксированы арабские термины *sabîr* и *sabur* в значениях ‘терпеть’, ‘терпение’. В чувашском языке арабское *sābr* и персидское *sabr* сохранились в виде *санӑр* ‘тихий’, ‘смирный’, ‘кроткий’. Производные значения — ‘миролюбивый’, ‘деликатный’, ‘снисходительный’. Однако следует отметить, что *сабир* — это арабизированная форма этнонима (ср. заимствования: в турецком — *sabir*, в балкарском и татарском — *сабыр*).

Один из древних вариантов разбираемого этнонима сохранился в названии осетин в виде *савиар* в языке сванов. Исследователь этнонимов и племенных названий Кавказа Н. Г. Волкова считает, что «данный термин является отражением названия древних савиров» [Волкова 1973: 109]. Такой же точки зрения придерживается известный кавказовед М. Д. Каракетов, отмечающий, что у сванов карачаевцы и балкарцы известны под именем *савьяр* [Каракетов 2014: 96].

Римские, греческие, иранские, армянские, грузинские, сирийские и арабские авторы писали об этом народе, искажая этноним каждый на свой фонетический лад. В древних и средневековых рукописях он передавался через согласные *с. в. р.*, где гласные звуки восстанавливались исходя из правил консонантизма. В сочинении Ибн-Хордабеха, у Иосифа и в подлинном документе харьских евреев Киева так и написано: *SWR* [Прицак 2003: 56].

В 658 г., на фоне распада Западно-тюркского каганата, в северо-восточных предгорьях Дагестана на основе раннефеодальных отношений образуется государство *Сувар* со столицей Варачан. Эту дату следует считать переходной для этнонима *савир* в *сувар*. Должно быть, смещение произошло из-за арабского влияния на Кавказе (ср. арабские антропонимы и топонимы *Сувар*). Именно с этого времени начинают появляться на Кавказе этнонимы с основой *Сувар* — например, *Биля-сувар* на азербайджанско-иранской границе. Здесь таких объектов несколько: село, таможенная застава, урочище. Исследователи считают, что это следы обитавших в этих местах суваров.

Историография этнонима *савар* — *савир* — *сувар* включает в себя длинный список литературы, а перечисление абсолютно всех публикаций не входит в нашу задачу. Многие авторы ограничиваются избирательным указанием трудов своих предшественников. Так, яркий маррист С. Н. Быковский писал, что «чередование *савир* | *савар* не может вызывать никаких сомнений» [Быковский 1931: 48].

Кстати, консонантный этноним *с. в. р.* можно читать не только как *савар*, *савир*, *сувар*, но и как *север*. Отсюда еще одна версия — желание подать кавказских и волго-донских савиров как славяноязычных северов или северян. Такое прочтение пошло с легкой руки слависта П. Й. Шафарика. Тем не менее «объяснение двойного чередования *а/е* при переходе от реконструируемой славянской к греческой форме так и не было найдено. Иванов и Топоров... считают слав. **sever* поздней калькой иранского термина,

что снимает соответствие савары-северяне» [Шелов-Коведяев 1994: 60].

В целом историки идентифицируют этнонимы Σάπειρες, Σάσπειρες, Σάβιροι, *Sapires, Savares, Saviri* [Буданова 2000: 335, 342, 345].

Махмуд Кашгарский (XI в.) зафиксировал г. *ас-Сувār*, расположенный вблизи г. *Булгār* [Ал-Кāшгарī 2005: 409]. По поводу Суvara В. В. Бартольд сделал существенную оговорку, приняв его за название племени [Бартольд 1968: 66]. Аналогичного мнения придерживаются многие исследователи. В рукописи географа ал-Идриси (сочинение написано в 1154 г.) говорится: «Народ буртас соседствует с [народом] ал-хазар и между ним и ал-хазар нет никакого другого народа. Это хозяева деревянных домов и войлочных шатров. У них [есть] два города — Буртас и Сувар» [Коновалова 2006: 122]. Пока оставим в стороне выяснение историко-этнографических обстоятельств и уточнение местоположения этих городов, а лишь заметим, что в 1154 г. зафиксировано название г. Суvara, означающее этноним одноименного племени. Естественно, слово *сувар*, как и *булгар*, было в одно и то же время названием и племени, и города. Булгары Среднего Поволжья использовали в отношении своих соседей экзоэтноним *сувазы*, первичным вариантом которого является слово *сувары*. Сигизмунд Герберштейн в первой половине XVI в. использовал две формы: *Zuwaschi* и *Czubashi* (*w* → *b*) [Герберштейн 1988: 170].

Следует также иметь в виду, что название *Сувар* в Волжской Булгарии в чувашском языке звучит как *Сāвар*. Нынешние населенные пункты на месте бывшего Суvara — с. Кузнечиха и д. Новая Кузнечиха — чуваша называют *Кивё Сāвар* «Старый Сувар» и *Џёнё Сāвар* «Новый Сувар», а татары, соответственно, *Иске-суар* и *Янгя-суар*. Их русские названия распространены только среди русских, писал Гайнутдин Ахмеров, обследовавший в XIX в. это городище. Йоханнес Бенцинг связывал в единую линию этноним *sāvar* и имя *Savar*, зафиксированное в 1322 г. на могильном камне в Булгарии: *Savar ioli Ağnab* «Агнаб — сын Савара» [Бенцинг 1986: 26]. Притом такие надписи типичны. Например: «Сувар, сын Мухмуда, внук Фила, правнук Шагима Мелика»; «Сувар, сын Хасана Геира Белука» [Эрдман 1832: 1221, 1227]. Несомненно, речь идет об исламизированных потомках суваров. Таким образом, мы имеем прямую перекличку поволжских эпитафий с зафиксированным во II в. Птолемеем этнонимом Σαύαροι. Кстати, на карте Себастьяна Мюнстера (1488–1552) «*Sarmatia Asiatica*»,

составленной по данным Клавдия Птолемея, савиры обозначены как *Suardeni* [Münster 1988: Tabula Asiae II].

Этимон слова *савар/савир/савир/савир/сувар* восходит к персидскому *sāvār* ‘всадник’, ‘наездник’, ‘умелый’ [Миллер 1953: 294] и к классическому персидскому *savār*. См. также: [Brandenstein, Mayrhofer 1964: 106]. Видимо, название города *ас-Сувар* (*Suwar*, *al-Suwwar*) на восточной окраине Сирии также имеет связь с персидским этимоном.

В сасанидском войске имелись привилегированные корпуса *асавира* (*asawîra*, в новоперсид. — *sawâr/suwâr, asâwira*). Их набирали из аристократического сословия, и они составляли основную ударную силу. Асавиры находились в постоянной боевой готовности. Так, в 32 г. х. (654 г.) эмир ал-Ахнав б. Кайса написал наместнику персидских шахов в Армении Базану, а также всадникам (*асавира*) и иранцам с предложением вместе со всадниками принять ислам [ат-Табари 1987: 34]. Из письма ясно, что асавиры занимали в персидском обществе привилегированное положение и от их приверженности зависел успех государства. Из истории Персии также понятно, что *asawîra* и *asavar* — грамматические варианты одного и того же слова. Так же обстоит дело и с этнонимами *савир* и *савар*.

В османском диалекте слово приняло форму *сѣвар* [Радлов 1905: 851]. Аналогичное заимствование произошло в некоторых тюркских языках. Например, в каракалпакском языке и языке анатолийских турков: *...yüz süvarinin kumandanı imiş* «...был командиром сотни всадников» [Imrani 2017: 8].

Поэтому следует констатировать, что геродотовская форма Σάσπειρες, птолемеевская фиксация Σαῦαροι (перс. *savār*) и средневековый этноним *савиры* являются фонетическими вариантами по отношению друг к другу, т. е. идентичными словами. Аналогичная точка зрения была высказана еще в XIX в. [Забелин 1876: 371]. Об этнонимах *савар* и *сувар* как вариантах пишут многие исследователи. Например, [Гейбуллаев 1986: 18]. Кстати, Юлиус Немец упоминал три племенные подгруппы венгров, известные соседним племенам: *оногуры*, *тюрк* и *савар* [Немец 1963: 131].

Ашмаринская стадияльная схема трансформации этнонима «чуваш» в виде *јуаś → śуаś → цуаś → цуаш → цываш* [Ашмарин 1902: 132] в целом соответствует историческому пути развития народа: *савир → сувар → суваш → чѣваш*. Согласно его мнению, не все современные тюркские народы изначально были тюрками в собственном смысле. Прежде всего, это касается

чувашей. Об этом свидетельствуют языковые факты — например, закон *p/l* — *з/ш*-языков. Аналогичные тенденции зафиксированы у закавказских народов, что свидетельствует об их общей древней истории. Еще один фонетический пример чередования в виде *с* → *ш*: *суваз/сувас* → *чйваш/чуваш*. Для сравнения: *сенкер* → *шенкер* ‘голубой цвет’, *салам* → *шелом*, название хеттской столицы *Хаттусас/Хаттушаиш*, историческая область в Южном Предкавказье *Сакасен/Шакашен*, *сумеры* → *шумеры*, *сахар* → *шекер*, а также название армянской провинции *Чуаш* и марийское произношение этнонима чувашей в форме *суас*. Об этом же свидетельствуют китайские и монгольские источники начала XIII в.: *Сибир* → *Шибир*. В.Г. Егоров, сопоставляя *сувас*, *шупаиш* и *чуваиш*, определил особенности языка предков чувашей. По всей вероятности, писал он, название племени *сувас/суас* приняло форму *чуваиш* (*сувас/суас* → *шувас/шуас* → *шуваш* → *чуваиш*) [Егоров 1971: 10]. Как видим, происходил исторический процесс перехода звука *с* → *ш* → *ч*: *сувас/суваз* → *суваиш* → *чуваиш*, где звук *ч* — результат татаризации (кыпчакизации) этнонима.

Сказанное позволяет выстроить хронологическую последовательность фонем в этнониме *чйваш*: *с* → *ш*, *с* → *ς* → *ц* → *ч* (о фонетических преобразованиях *ц* → *ч* см. в разделе «Язык»).

М. Р. Федотов, исходя из совокупности приводимых предположений, говорил об исторической преемственности марийского *сувас* и чувашского *чйваш* [Федотов 1996: 399], т. е. он признавал *с* → *ч* и *с* → *ш*. О. Г. Большаков также считал верной указанную схему. В частности, он уточнял, что арабское *с* часто заменяет отсутствующий в арабском языке звук *ч*, отсюда: *суваз* → *чуваз* → *чуваиш* [Большаков 1971: 67], т. е. заявлял о переходе *с* → *ч*. Практически об этом же пишет И. Г. Коновалова. Разбирая упоминание названия г. Суvara, она замечает, что «начальное *сад* в слове *Сувар* у ал-Идриси можно рассматривать как передачу звука ‘ч’, отсутствующего в арабском языке» [Коновалова 2006: 244]. Дело в том, что при изучении арабских источников следует учитывать не письменное начертание, а произношение. На надгробных памятниках Волжской Булгарии букву *с* обычно писали оригинальным образом — с тремя точками внизу. Это явный признак того, что данная буква имела своеобразное произношение, среднее между *с* и *ч*. Сюда же (*с* → *ч*) следует отнести современное башкирское и татарское название чувашей — *сыуаш* и *чуаш*. «В башкирском именнике XIX в. зафиксированы этнонимические названия узбек, казак, казакбай, казаккуль,

киргизбай, сыуашбай/чувашбай, турукмен, турукменбай, калмак, калмаккуль, мишар и др.» [Хисамитдинова 2016: 224]. Ср: *мәрийә килен* ‘русская сноха’, *татар килен* ‘татарская сноха’, *сыуаш килен* ‘чувашская сноха’.

Здесь уместно привести разъяснение Питера Голдена, изложенное в письме к автору этих строк от 2014 г.:

В арабском, древнееврейском и сирийском языках отсутствует фонема *ч*. *Ч* передается через букву *ц* (древнееврейская *צ* или арабская *ص*, так называемая эмфатическая *с*, похожа на русский *с* перед *ы*), из семитских языков арабский сохраняет более древнее произношение *ṣ*. В древнееврейском и сирийском, быть может, уже на рубеже нашей эры *ṣ* стали произносить как *ц*. В X в. арабский *гим* стали произносить как *джим* (ج). Раньше арабоязычные источники передавали тюркские имена и титулы вроде *külčur/külčor* как *کورصول* (*kūrṣûl*) — *ṣ* передает *ч*.

Все эти стадияльные фонетические переходы позволяют *de facto* выстроить сокращенную схему развития этнонима *чăваш* в виде *сапир* → *савир* → *сувар* → *суvas* → *суваш* → *чăваш*.

Ибн Фадлан вполне отчетливо упоминает племя суваров в составе Волжской Булгарии. Отъехав с зимней стоянки, Алмуш «захотел, чтобы произошла перекочевка (племен), и послал за народом, называемым суваз, приказывая им перекочевать вместе с ним» [Ибн-Фадлан 1956: 139]. Р. Г. Фахрутдинов верно полагал, что Ибн Фадлан писал о *суварах*, а не о *сувазах* [Фахрутдинов 1986: 97]. Естественной следует считать констатацию, что «волжские сувары являлись потомками кавказских сувар (савиров)» [Каховский 1972: 215]. По мнению Питера Голдена, сувары Поволжья имеют родственные связи («to be connected») с сабирами (савирами/саварами), которые ассоциируются с Северным Кавказом [Golden 2008: 235]. А. П. Смирнов признавал, что упоминаемые Птолемеем *Σαῦαροι*, откочевавшие из района р. Кубани савиры и основавшие г. Сувар на Средней Волге сувары — одно и то же племя [Смирнов 1951: 11]. Предков чувашей в составе Волжской Булгарии в литературе идентифицируют как саваров и называют «савары-чуваш». Например: «Савары-чуваш, буртасы и финские насельники возделывали поля, сеяли пшеницу, ячмень, просо, а собственно болгары торговали хлебом с суздальскою землею по Волге и Оке» [Спаский 1912: 226]. Это уже перекличка II и XX вв.

В длинный ряд языковых различий *p*-з следует включить и сам этноним *сувар/суваз*. А. П. Ковалевский ошибочно назвал их диалектными различиями [Ковалевский 1956: 21, 35]. Хотя это две различные этнические метки: суварский и тюркский. Вместо *з* и *p* в арабской графике мог быть и звук *н*, *суван* — это еще один вариант этнонима. Впрочем, именно этот вариант прочтения в рукописи Ибн Фадлана считают правильным некоторые казанские исследователи и называют его реально бытовавшим этнонимом [Фахрутдинов 1986: 97]. Действительно, аналогичные варианты в истории встречались, например: *tatar* ~ кит. *дамань* или *тань-тань*; *taḫwâr* ~ кит. *давань* или *даюань* 'тохары'. Среднекитайский *-нь* часто передается как *-p*. Форма *суан* встречается у Приска Панийского. Характеризуя события 468 г., он, в частности, писал: «Римляне и лазы были в сильном раздоре с суанами (Σουάννων). Этот народ (суаны) готовился к бою. Когда персы хотели воевать с ним (лазским владетелем) за замки, отнятые у них суанами, то он отправил посольство к царю (византийскому) и просил, чтоб выслано было к нему войско, охранявшее пределы Римской Армении» [Prisc 1829: 164–165]. У Менандра также упоминаются *суаны* (Σουανῶν, *Suani*) [Menandr 1829: 225, 407]. Комментаторы Менандра называют суанов близким по происхождению к лазам племенем (*Suani, gens Lazis finitima*) [Дестунис 1860: 339–365]. Интересно отметить, что форма *суаны* является также вариантом грузинского рода *сваны*. Сюда же отнесем Суанию (Сванетию). По-моему, Г. Ф. Миллер необоснованно считал ошибкой написанную Ф. И. Страленбергом фразу *rudera urbis Bulgan* «остатки города Булган». Он полагал, что у Страленберга это погрешность, а надо было, как и восточные авторы, писать *Булгар* [Миллер 1791: 4–5]. Однако, скорее всего, Ф. И. Страленберг в начале XVIII в. зафиксировал реальное написание названия столицы Волжской Булгарии в форме *Булган*, т. е. мы имеем пример фонетических вариаций консонантных звуков *p* ↔ *з* ↔ *н*. К тому же в арабской графике все эти буквы имеют сходные начертания. Сюда же следует отнести в качестве примера двойное название реки Кубань: *Κωφήν* — Кофин (по Менандру Протектору), *Κοιφης* — Куфис (по Кедрену). Таким образом, явно прослеживается схема *p* → *з* и *с* → *ς*. А в целом историю фонетических переходов можно отразить так: *с* → *ш* → *ς* → *ч*, *p* → *с* (*з*)-(н) → *ш*, *а* → *у*.

Пример из словаря тюркских наречий В. В. Радлова: *Kірәк су-ваш*, *кiрәк чiрмiш*, *кiрәк әр*, *кiрәк нiдi кiшi булсын барысыда ал-*

ланың, мәндәләри икән! «Будь это чуваши, черемисы, вотяки или другие какие-либо люди, все они рабы Божии» [Радлов 1899: 1354–1355]. Он же зафиксировал этноним в форме *šăvash* [*šăvash*, *сьяваш*] [СПбФ АРАН. Ф. 177. Оп. 1. Д. 107: 2833]. Кстати, в Сабинском районе Республики Татарстан имеется село с названием *Субаш*, а в Арском районе — *Субаш-Аты*. Это еще одно подтверждение того, что в Средние века этноним *суваш/субаш* имел распространение на Средней Волге. В этих деревнях к тому же проживают татары-кряшены, по своим традиционным обрядам и верованиям они предельно близки к чувашам [Исхаков, Николаев 2014: 32, 56, 64]. Примеры подтверждают схему $p \rightarrow ш$.

Как известно, сванские имена существительные имеют несколько видов множественного числа. Наиболее часто используемыми аллоформами являются *-ær* и его варианты: *-æl*, *-æ* → *r*; *-æ* → *l*; *-i* → *r*, а также *-ar/-al/-a* → *r/-e* → *l* [Tuite. A short]. Например, этноним *сваны* в основном выступает лишь во множественном числе — *šwan-är*; форма единственного числа — *-тә-šwan*. Но суффикс *-är* как основная форма множественного числа обычен для грузинского и мегрело-чанского языков [Дондуа 1975: 72]. О суффиксе множественного числа *-ar* в кавказских языках писали и другие исследователи. Например: [Гаджиев 2019: 22]. В основном фонде чувашского языка множество слов с окончаниями на *-ar*, *-ur*, *-as*, *-аш*. Например: *кавар* ‘уговор’, ‘заговор’ (чуваш. ‘восставший’, ‘смешивать’); *янавар* ‘животное’, ‘несмышленный’ (от перс. *джанвār* ‘имеющий душу’); *кăвар* ‘жар’, ‘горячий уголь’ (от иран. *хвар* ‘солнце’, ‘огонь’); *чукмар* ‘дубина’ (от звукоподр. чок); *Пихампар* — название божества (от перс. *Пэйамбар* ‘пророк, посланник’); *хытар* ‘весть’ (от араб. или перс. *хăбār* ‘весть’); *масар* ‘кладбище’ (от араб. или перс. *мăзар* ‘могила’, ‘место посещения’); *пасар* ‘базар’ (от перс. или араб. *базар*); *кавир* ‘ковёр’ (ср. название пустыни *Кавир* в Иране); *кёшемир* ‘кашемировый’, т. е. изготовленный из пуха горной козы (Индия, Иран, Афганистан); *пăхаттир* ‘богатырь’ (от др.-монг. *баһадур* и перс. *пăһлăван*); *кефир* ‘кефир’ (ср. мегрел. *kipuri*, балкар. *гэрэ*, осетин. *кæрукæри*); *палас* ‘палас’ (от перс. *пăлас* ‘грубый шерстяной ковер без ворса’); *атлас* ‘атласный’ (от араб. *aflas* ‘гладкий’); *йăваш* ‘тихий, смирный’ (от перс. *йăваш* ‘тихий’) [Желтов и др., 2009].

В этом же ряду этнонимы *авары*, *кавары*, *сапиры/савары/савиры/сувары*, *булгары*, *хазары*, *балкары*, *мадьяры*. Все они являлись обитателями Кавказа и Предкавказья. Большинство слов из данного ряда восходит к персидскому языку. Также можно,

исходя из вышеизложенных доводов, говорить об универсальности форм множественного числа у всех перечисленных племен. Если обобщить, во всех случаях к основе этнонима прибавляется один и тот же аффикс *-ar*, указывающий на множественность. Одновременно этот длинный ряд слов свидетельствует об историческом переходе звуков *p* → *c* → *ш* в этнонимике. Как видим, целый ряд кавказских языков (включая табасаранский, агульский, рутульский, будухский, лезгинский, крызский) в качестве показателя множественного числа также имеет форму *-ar/-är*. А в хиналугском и удинском языках суффикс множественного числа представлен в варианте *-r*.

Однако такая же картина встречается в чувашском языке: *эпĕ* ‘я’ + *p* = *эпĕр* ‘мы’. Эта форма в чувашском языке раньше могла встречаться чаще [Дёрфер 1986: 111–112].

Опираясь на историческую фонетику и бытование в марийском языке этнонима *сăвас* в значении «чуваши», Н. И. Ашмарин приходил к выводу: «Слово *чăваш* в старину произносилось чувашами несколько иначе, чем теперь, и именно в одной из следующих форм: *суаś, суаз, сываś* или *сывас (суаś, суас, сăваś, сăвас)*» [Ашмарин 1902: 45]. Старой чувашской формой этнонима был **šăvaś/šăvaś* ‘жертвоприносите́ль’, вторит Н. И. Ашмарину Н. И. Егоров. Он полагает, что старочувашская форма **šăvaś* в конечном итоге восходит к древнетатарскому апеллятиву **jauiçi* ‘жертвоприносите́ль’ (< *jaui* ‘жертвоприношение’; < *jaу* ‘приносить жертву’) [Егоров 2012: 38–39]. Против такого видения выступал историк В. Д. Дмитриев: «Даже остепененные чувашские филологи стали утверждать, что этноним *чăваш* произошел от созвучного ему слова *сăва* ‘могила’, означающего якобы язычника» [Дмитриев. Фальсификация]. Тем не менее с фонетической точки зрения (*ç* → *ч*) взгляды Н. И. Ашмарина и Н. И. Егорова (*сăваś* → *чăваш*) вполне допустимы. Выступление фонемы *ç* вместо тюркских фонем *й ~ ж ~ жç ~ дь ~ ч* — характерная черта чувашского языка [Баскаков 2008: 106]. Должно быть, это явление более древнее. Аналогичный факт имеет место в случае с марийцами: *сармаś* → *черемис* (*ç* → *ч*). По мнению Р. Г. Ахметьянова, *šăäś* → *човаш* → *чуваш* могло означать «крестьянина, земледельца». С таким видением соглашается Д. М. Исхаков. Он считает, что *šăäś* в Казанском крае функционировало как обозначение оседло-земледельческого тяглого населения — «черных людей» — и вполне могло быть использовано как этническое определение [Исхаков 1998: 94, 95].

Памятник древнерусской литературы «Слово о погибели Русской земли после смерти великого князя Ярослава» содержит такие строки: «Буртасы, черемиси, веда и морьдва бортьничаху на князя великого Володимера» [Слово 1969], т. е. платили дань медом. Как полагают исследователи этого памятника, «Слово» было написано между 1238 и 1246 гг. Соседняя мордва предков чувашей звала *ветке*. Так, И. Г. Георги по этому поводу писал: «Чуваши, которые так называются ими самими и русскими, мордвинами называются *Wiedke*, а черемисами — *Kurk Mari* (горными людьми)» [Georgi 1776: 38]. Согласно Г. Ф. Миллеру, «и сейчас можно услышать, что мордва называет их *Wiedke*, какое название, однако, впоследствии было перенесено на вотяков и на заселенную ими реку Вятку» [Миллер 2009: 39]. Аналогичное видение зафиксировано в «Истории» В. Н. Татищева и в «Географическом лексиконе Российского государства». В мордовских народных песнях чувашская земля называется *Веткень мастор*. Мордва, проживающая в Чувашской Республике (с. Малые Кармалы и с. Атрать), также называет чувашей *ветке* [Мокшин 1978: 282], т. е. *веда* является мордовским экзоэтнонимом чувашей. Г. Ф. Миллер привел еще один пример, согласно которому мордва называла чувашей *вьедене* [Миллер 1791: 33].

Упомянутый в «Слове» народ веда, живший между черемисами и мордвой, — это, несомненно, чуваш. Также присутствует этот термин в форме топонима *Veda Suar* на карте Фра Мауро от 1459 г. на месте нынешнего г. Чебоксары. *Веда* — искаженное чувашское слово *вӑта* ‘средний’, *суар* — вариант этнонима *сувар*. В Чувашии сохранилось множество названий населенных пунктов, содержащих слово *вӑта*: *Вӑта Пукаш*, *Вӑта Уна кас-си*, *Вӑта ел* и т. д. Основателями населенного пункта *Веда-Суар* были предки чувашей, основным занятием которых на Волге было рыболовство.

О географическом расположении *веда* пишут и современные исследователи. Признается, что последовательность упоминаний «побуждает думать, что область проживания вяды находилась где-то в районе современной Чувашии» [Ююкин 2015: 309]. Притом М. А. Ююкин ссылается на строки из записи венгерского монаха Юлиана: «...quinque regna paganorum Sasciam, Bulgariam, Wedin et Meroviam Poydoviam, Mordanorum regnum». Наличие в перечне народов булгар дает ему повод сомневаться, что под *веда* имеются в виду исторические предки чувашей. «Юлиан упоминает как булгар, так и вяду, следовательно, он считает их разными

народами», — пишет М. А. Ююкин, допуская, видимо, что булгары являются историческими предками чувашей, а веда — нет. Но он ошибается — как раз наоборот (*веда* — экзоэтноним чувашей, а булгары не являются предками чувашей).

На самом деле, в вопросе об этнической принадлежности народа веда точку поставил еще М. Н. Тихомиров: «В этом источнике под черемисами, ведой или под буртасами надо понимать в первую очередь чувашей» [Тихомиров 1973: 92].

Чувашей, проживавших в северных районах современной Чувашской Республики, в официальных документах часто называли черемисами. Или же в одной и той же грамоте писали в одном месте *чуваши*, а в другом — *черемисы*, особенно в XVI–XVIII вв. Исследователи на такой факт обращали внимание не раз. Например, в письме одного иезуита от 1712 г. находим слова: «Я проехал через землю нагорных черемис, обыкновенно называемых чувашами» [Милан 1904: 206]. Анализ путаницы этнонимов «черемисы» и «чуваши» см.: [Димитриев 1964: 118–132]. На этот раз укажу еще на две редко цитируемые публикации: [Магницкий 1900: 20–24; 1903: 24–43]. Здесь приведены материалы 1524–1877 гг., относящиеся к присурским чувашам. В грамотах и полюбовных записях о тяжбах на землю и оброчных деньгах чуваша Ядринского и Курмышского уездов, как правило, назывались черемисами, хотя речь идет явно о чувашских деревнях (Сорма, Хочашево, Торашево, Абашево, Токшихова, Чурашево, Яушево, Лебедкино, Аккозиной, Новые Атаи, Кумашка и т. д.). По этому поводу В. К. Магницкий в своих публикациях документов справедливо делал пометки типа: «Селения, помеченные нами цифрами 2, 3... 9, все издревле чувашские»; «Приводимая ниже грамота может служить указателем того, до какой степени произвольно в старые годы приводились в грамотах названия инородческих племен».

Дискуссионной является и непосредственно дата фиксации этнонима *чуваши*. Историки предполагают, что впервые он упоминается в 1502 г. в одном из списков «Истории о Казанском царстве», согласно другим данным — в 1508 г.

Однако, как утверждал Карл Фукс, этноним *чуваши* впервые появляется в 1469 г. В этот год хан Ибрагим провел перепись земли Казанского ханства. Согласно ей, к жителям нагорной стороны (к горным людям) были причислены чуваша, черемиса, мордва, можары и тарханы. Карл Фукс при этом сослался на «Полное собрание русских летописей». Сама ссылка выглядит так: «Сузд. VI. 234. Царств. кн. 772» [Фукс 1914: 4]. Однако ни в указанных

местах, ни в ПСРЛ в целом упоминание чувашей под 1469 г. не зафиксировано. Видимо, Карл Фукс располагал неопубликованным документом, пока нами не обнаруженным (например, оригиналом или копией ярлыка, принадлежавшего хану Казани Ибрагиму).

Тем не менее есть основания считать, что первое письменное (хотя и косвенное) упоминание о поволжских чувашах было сделано в 1469 г. Источниками являются летописи. В них имеется запись, сделанная в 1469 г., под названием «Послал князь велики судовую рать на Казань». Это повествование о походе российских войск на Казань по Волге. Накануне и после боя московские суда останавливались «на Ирыхове острове на Волзе» [ПСРЛ 8: 156]. К тому же по пути из Новгорода в Казань московские войска «начевали на Чебоксари, а от Чебоксары шли день весь да и ночь ту всю шли и приидоша под Казань» [ПСРЛ 12: 121]. Согласно Софийской и Львовской летописям, в 1470 г. русские войска под предводительством Ивана Руно также встали «на Ирыхове острове на Волзе» [ПСРЛ 6, 2: 168]. В Патриаршей летописи говорится о событиях 1552 г. «на Волге у Ирохова острова» [ПСРЛ 13: 175]. Исследователь истории чувашей В. Д. Дмитриев справедливо принимал слово *Ирых* за название чувашского божества *Йёрёх*. Расположен *Йёрёх утравё* «остров Йёрёх» в 20 верстах выше Казани [Дмитриев 2003: 44]. Действительно, слово чисто чувашское, будь оно татарское, мы бы имели *Ирык* вместо *Йёрёх*. Таким образом, следует утверждать, что в 1469 г. в 20 верстах выше Казани, по Волге, зафиксировано чувашское название острова. Видимо, на острове люди не жили, он служил святилищем для совершения молений у чувашей. Несколько выше по Волге, напротив п. Шомикова, было еще одно аналогичное островное святилище под названием *Амаксар*. Оно было затоплено после ввода в строй Чебоксарской ГЭС в 1980 г. Иначе говоря, иметь на волжских островах (т. е. в наиболее труднодоступных и укромных местах) святилище было характерно для верховых чувашей и горных марийцев.

Запись от 1508 г., описывающая события близ Казани, выглядит так:

Тогда же нечестивый царь, со всеми своими князи и мурзы, и со многим поганским народом, не токмо живущими во граде, но и из дальних мест пришедшими, изшед из града в поля, стояше в шатрах около града, во время праздника своего поганского, наньже приходяху народы татарские и черемиские и чувашские,

и пребываху ту пиюще и веселящися многи дни, и куплю между собой деюще [Лызлов 1787: 96].

В 1510 г. этноним *чуваши* в форме *чюваша* зафиксирован в «Жалованной льготной и несудимой грамоте Василия III каринскому татарину Девлечьяру Магмет Казыеву сыну на деревни в Чепецком стане Хлыновского у.» [Гришкина 1988: 35–36]. В документе говорится, что в Чепецком стане «жили наши люди чюваша на Якимцове и на Иштинникове».

В русских летописях XVI в. под термином *чюваш* однозначно имеется в виду этноним, а не социальный слой без этнической метки, как это хотят преподнести некоторые казанские историки и этнографы. Например: «Казанских людей побили многих и языков, татар, и черемисы, и чюваши» [ПСРЛ 6, 1: 37]; «И на том бою многих князей и мурз и татар и черемису и чювашу избиша»; «И Магметь с товарищи государю били челом ото всее Горние стороны, от князей и мурз и сотных князей и десятных и чювашей и черемисы и казаков» [ПСРЛ 13: 164].

Кстати, в документах XVII в. по Казанскому уезду (Зюрейская, Арская и Алатская дороги) присутствует не только форма *чюваш*. В одних и тех же рукописных книгах и спорных земельных делах писали *чуваши*, *чювас*, *чюваш*, *чювашенин*. Например: «чуваши Янус Ишеев», «чюваши дер. Ащермы», «чювасская земля», «чювашенин Чемейка Чепасев», «чуваши д. Мереть», а также «дер. Чюваши» [Яковлев 1950: 11–25, 67]. В отписях, наказных памятях, грамотах, челобитных и в других исторических записях 1656–1673 гг. также встречаются варианты этнонима *чуваши* в виде *чювас*, *чювашенин*, *чюваш*, *чювас* [Мустафина, Амерханова 2008: 16–56]. Например: «Чюваши турмышевские всею деревнею». В 1658 г. Онофрейко с товарищами совершили разбой в д. Норваш (поселения с такими названиями есть в Батыревском и Янтиковском районах) и забрали у чювашенинов много добра, в том числе дорогие женские украшения: *сарбаны* (*сурпаны*), *кашпов* (*хушпу*) и *тафьи* (*тухъя*). Следуя «логике» некоторых казанских историков и этнографов, в данном случае можно сделать парадоксальное утверждение: оказывается, «чювашки-татарки» массово жили в глубинной, чисто чувашской деревне. Тогда получается, что в это время в Казанской и Симбирской губерниях вообще не было чувашей, только татары. Вот такой абсурд.

Служилые чувашы в количественном отношении составляли незначительную часть населения. Из их числа назначали кня-

зей (*пӱ*), сотных (*сӗрпӱ*), десятных (*вунпӱ*), а также тарханов и казачков. В основном это были новокрещенные чувашаи Свияжского и Чебоксарского уездов (территориально наиболее близкие к Казани земли). Некоторые из них имели поместья в чувашских деревнях [Димитриев 2005: 53]. Как правило, служилые чувашаи тут же стали называть себя или татарами (до середины XVI в.), или русскими (после покорения Казани).

Говорить, что *чуваш*, *чюваш* и *чювашенин* — социальные термины или политонимы, просто нелогично, поскольку они перечисляются наряду с другими этнонимами (*черемис*, *татар*, *татарин*, *татаровя*, *вотьяк*, *мещеряк*) в одних и тех же текстах. Например: «...и чювашу, и черемису, и вотьяков» [Яковлев 1950: 163]. Также в документах уточняется религиозная принадлежность: «А велено сыскать всякими многими людьми всякими сыски накрепко, рускими людьми по святей непорочной евангильской заповеди, а чувашею и черемисою по их вере по шерти» [Яковлев 1950: 151]. Согласно писцовой книге Казанского уезда (т. е. в непосредственной близости к Казани) 1602–1603 гг., среди чувашей были люди, обслуживавшие господское хозяйство («люцкие чювашские дворы»), одинокие крестьяне без земельного надела (бобыли), зависимые от помещиков крестьяне, платившие дань продуктами или деньгами. Многие уплачивали исключительно натуральный налог (ясак). Притом в этом уезде преобладали служилые татары и ясачные чувашаи. Их земли были размечены и четко разделены: «Направе земля и луги служилых татар, а налеве земля и луги ясачные чювашаи» [Степанов 1978: 104].

Служилых чувашей в Казанском, Свияжском и Чебоксарском уездах почти не было, т. к. чувашаи, перешедшие из ясачных в служилые, тут же стали именоваться татарами. В купчих грамотах они также указаны как «новокрещены из служилых татар» [Насыров 2016: 182], что для последней трети XVIII в. выглядит явным анахронизмом. Поскольку служилых чувашей в документах записывали как «служилых татар», то им ничего не оставалось, как назваться именно так. В противном случае перед ними возникали юридические преграды. Например, они не могли претендовать даже на наследство. Не вызывает сомнений, пишет А. С. Смирнов, ссылаясь на писцовую книгу 1602–1603 гг., что ясачными людьми в Казанском уезде на начало XVII в. были преимущественно представители чувашской народности. Имеются данные, что поместье служилого татарина Сабакая Еникеева, жившего с братом Чувашаем Еникеевым, ранее принадлежало ясачному чувашу

Ондрюшке Мордвину. Выясняется, что имя брата служилого татарина — Чувашай, а фамильное прозвище — Мордвин [Смирнов 2014: 189]. Также выяснилось, что служилый татарин на самом деле природный чуваш.

Еще один документ касается знаменитого архитектора XVIII в. чувашского происхождения П. Е. Егорова, автора многих шедевров в Санкт-Петербурге и не только. В сохранившихся архивных источниках имеется переписка, связанная с его службой. Так, одно из дел называется «Гоф-интендатская контора: Дело № 3 по предложению Его Превосходительства генерал-лейтенанта и кавалера господина Фермора об определении в службу в Ее Величества канцелярию из чуваш новокрещеного Петра Егорова в архитектурную науку». Оно датировано 1755 г.

Здесь имеются такие строки:

Новокрещеной из чуваш Петр Егоров поданною наивысочайшее Ея Императорского Величества имя челобитною, объявляя, что он желает быть в службе Ея Императорского Величества архитектуры учеником, просит об определении в ведомство канцелярии от строениеи, а понеже о нем отставной артиллерии господин генерал-майор, князь Дадиян пишет ко мне с рекомендацією, что упомянутой Петр Егоров из чуваш и в малолетстве окрещен, и выучен при доме его грамоте читать, писать, арифметике, геометрии и отчасти малевать и прилежен к учению, и никаких пороков за ним не присмотрено [РГИА. Ф. 470. Оп. 4. Д. 111: 1].

И далее говорится: «Бьет челом из чуваш новокрещенон Петр Егоров, а в чем мое прошение, тому следуют пункты; 1) Родом я прежде был чувашенин...» [РГИА. Ф. 470. Оп. 4. Д. 111: 2]. Разумеется, во всех этих примерах речь идет о природном чуваше Петре Егоровиче Егорове, поистине исторической личности, который собственноручно указывал, что он чуваш. В те годы в прописях и скорописях буква *ю* передавалась знаком *Ѣ* (не путать со знаком *Ѥ*, означавшим строчную букву *е*). Например, *ѢчувашѢ* — «чуваш», *ѢчувашенинѢ* — «чувашенин» или *ѢчувашѢ* — «чуваш». В последнем случае использовано уже современное начертание буквы *ю*. Напомню, все эти примеры взяты из обращения П. Е. Егорова к императрице Елизавете Петровне.

Епископ Нижегородский и Алатырский Дамаскин свой труд назвал «Словарь языков разных народов в Нижегородской епархии обитающих; имянно Россиян, Татар, Чувашей и Черемис»

(1875 г.) [РНБ. Ф. 885. Д. 223]. И в этом случае понятно значение слова *Чюваш* как передающее этноним *чуваши*. При всем старании утверждать обратное не получится. Вскоре, уже со второй половины XVIII в., букву *ю* в слове *чуваши* начинают писать как *у*, т. е. согласно современной орфографии.

Имеется грамота царей Иоанна и Петра Алексеевичей и царицы Софии Алексеевны от 1669 г. на владение чувашами д. Отучевой Кинярьской волости угодьем, именовавшимся Масловым островом. Здесь чувашей называли татарами: «Деревни Отучевы чюваша Яшкубарка Яштеев с товарищи... Да они ж, чюваша... горные служилые татарова Чебоксарского уезду Кинярьской волости» [Михайлов 2004: 307–310]. Однако известно, что Кинярьская волость в Козьмодемьянском уезде существовала до 1840 г., но татар там не было. Во многих документах здешних чувашей называли горными татарами (по аналогии — горными черемисами). Татары к тому времени на территории современной Чувашской Республики проживали ближе к Свияжскому уезду, т. е. в приграничных с Татарстаном землях. Из документов также известно, что упоминаемый чувашский сотник Отучка, ходатайствовавший в 1594 г. об острове Маслове, являлся родоначальником чувашей с. Оточева Ядринского уезда. А его брат Бахтышка Пигилдеев (также фигурирующий в грамоте) — родоначальник чувашей деревни Бахтыгильдиной Козьмодемьянского уезда. Как видим, писари чувашей называют татарами. Видимо, они имели в виду, что те относятся к тюркскому племени, и решили, что чувашаи являются татарами (тюрками) по происхождению.

Служилые татары владели землями чувашей не только в Казанском уезде, но и на западе Чебоксарского уезда. Например, земли д. Чандырево в конце XVI в. принадлежали служилому татарину Ишею Наурусову и башкирскому князю Темигенею Муралееву. Естественно, в такой ситуации шел интенсивный процесс ассимиляции чувашей с более крепким в экономическом плане этносом — в данном случае с татарами. Резко усиливается тенденция называться татарами, носить татарские имена, принимать их религию — ислам. А желание современных казанских исследователей определить «чюваша» как татар — это уже лишь стремление закрепить результаты вынужденной ассимиляции. Ведь в тех же писцовых книгах *татары*, *чюваша*, *черемисы*, *вотьяки*, *латыши* и *немцы* — понятия одного этнонимического уровня. *Чюваша* — это всего лишь фонетический вариант этнонима *чуваши* в произношении русских. Именно этот вариант в основном

фигурирует в русской канцелярской стилистике XV–XVIII вв. *Чюваша* — продукт казанских походов Московии, когда русскоязычные летописцы впервые вплотную столкнулись с неизвестным этносом. Термин *чюваша* массово не употреблялся как до, так и после XV–XVIII вв.

Соответствие этнонима *чюваш* названию *сувар/суваз* — общепризнанный факт среди чувашских историков [Димитриев 1976: 6–7]. То, что *чюваш/чуваш* — это этноним для чувашей, признает и казанский этнограф [Исхаков 1998: 93]. Однако этот же автор в другой работе пишет, что в Казанском ханстве государствообразующий этнос состоял из двух сословий: феодалов разного ранга из «татар» и «черной» части — ясачных чувашей (или бесермен). Оказывается, эти ясачные чуваша значительно превосходили собственно татарскую часть населения в Казанском ханстве [Исхаков 2001: 103–105].

Исследователи готовы спорить о равнозначных фонетических вариантах, в то же время забывая, что в историческом процессе этнонимы переживали трудно узнаваемые трансформации. Например: *да-да* → *татары*. Во всяком случае, между этнонимами *савир* и *чюваш* имеется прямая связь в историческом, этимологическом и фонетическом планах. Не следует видеть между летописным *чюваш* и этнонимом *чуваш* смысловых различий — они являются лишь фонетическими нюансами, переданными графически в XVI–XVIII вв. На самом деле *чюваш* — начертание звука *y* в этнониме *чуваш*. Это даже не фонетический нюанс, а искаженная графическая передача. Поэтому из-за письменных особенностей XV–XVIII вв. историкам и этнографам выдумывать новые социальные слои и этнонимы, а также напрасно ломать копыя не стоит. Говоря словами одного из известных этнографов, тут важно учесть, что самосознание и неразрывно связанное с ним самоназвание являются решающими демаркаторами этноса [Арутюнов 1989: 9]. Коль такое название (*ч'аваш/чуваш*) существует и оно признается как самим народом, так и всеми соседями, значит, существует такая этническая общность.

Во времена Золотой Орды власть монголов осуществлялась через местную родовую знать. Благодаря такому общественному устройству башкиры сохранили свой этноним и домонгольские родовые названия типа *бурзян, усерган, тамьян, катый, юрматы* [Юсупов 2002: 161]. Название племени *юрми* в виде слова $\epsilon\rho\mu\acute{\iota}\alpha\rho\eta\varsigma$ обнаружено в надписи на колонне IX в. Памятник открыт археологами близ древней столицы дунайских болгар Плиски [Успен-

ский 1905: 192]. *Юрмекей* как родовое прозвище чувашей зафиксировано В. К. Магницким [Магницкий 1905: 10]. В Нурлатском районе Республики Татарстан есть чувашский род *Ерми*, теперь семьи этого круга известны под фамилией Ермиловы. Название башкирского племени *юрми/юрматы* находит также отклик в Чувашской Республике в виде названия д. Юрмекейкино. Естественно, деревня была названа по имени рода *Юрми*. Фамильное прозвище *Юрма* зафиксировано в с. Орауши Вурнарского района [Ашмарин 1930: 9]. У чувашей имелась разновидность супа под названием *юрма яшки* — «суп с приправой из кислого молока». Как на закономерность, Р. Г. Кузеев указал на интересную цепь аналогий: волжско-булгарское и дунайско-болгарское племя *ерми* — чувашская родовая фамилия *Юрма/Ерми* — башкирский племенной термин *юрми*. В северном Башкортостане записано сказание о борьбе башкир с народом *юрми халкы*, который происходил из чувашей-черемисов. Р. Г. Кузеев определяет средневековых юрматынцев как угризированных тюрок, которые вместе с булгарами переселились из Приазовья на Волгу. По его мнению, племя *юрми/ерми* разделилось еще на юге: часть юрмийцев ушла на запад, остальные юрматынцы вместе с родственными племенами последовали на Волгу. Известно также древневенгерское племенное название *Gyermat* [Кузеев 2010: 123, 124, 126]. Однако правомерна и обратная гипотеза о том, что юрматынцы — это тюркизированные угры. Скорее всего, так и есть, поскольку, как известно, тюркизация угров как в Сибири, так и в Восточной Европе была общей тенденцией с начала нашей эры. Угризация тюрок ни в Азии, ни в Восточной Европе не имела места. Неслучайно и то, что в Ядринском районе имеется село под названием *Пушкăрт* «Башкир».

Фамилии чувашам в церковных метриках стали указывать только с середины XIX в. [ГИА ЧР. Ф. 557. Оп. 3. Д. 59–66]. До этого в миру их называли по родовым именам. Например: *Салма Иванё*, т. е. Иван из рода *Салма*; *Кушаксем* — Кошкины; *Кирк-касем* — потомки из рода *Кирккă*.

Чуваши-сувары как народность сформировались в Волжской Булгарии, точнее — в ее юго-западной части. Можно даже сказать, что они территориально не входили в Волжскую Булгарию. Завершился этот процесс на правобережье Волги к XV в. А с начала X в. в Волжскую Булгарию входили местные племена: черемисы, вотяки, мордва и русы. Следы суварских субстратов сохранились до сих пор в Чувашии в виде топонимов. Например,

в Красноармейском районе имеется д. *Сунар* (в произношении *Субар*). Дорогу, идущую из д. *Мунъялы* Вурнарского района через *Мӑн сырма* «Большой овраг» в волостной центр, местные жители называли *Саваши сӱлӗ* «дорога Саваши» [Терентьева 2013: 224]. Должно быть, изначальное (верное) название произносилось как *Сӑваши*. Возле д. Малое Буяново Шемуршинского района есть холм археологического значения. Местные называют его *Сӑвар тӑми* «холм Сӑвар» [Михайлов, Березина 2015: 141]. Ручеек *Савартер* имеется в Красноармейском районе. В числе зарегистрированных чувашских антропонимов есть такие, которые прямо указывают на этнический состав Волжской Булгарии: *Булгар*, *Савир*, *Савирка*, *Саврик*, *Саврила*, *Чуваши*, *Аварин*, *Авер*, *Хосар*, *Касар* и др. [Магницкий 1905].

Кстати, рассуждая о роли Н.Я. Марра в истории наук о чувашах, следует постараться научиться отделять зерна от плевел — отбрасывая дурное, как бы не выдернуть и нужное. Например, учет имеющихся источников позволяет подтвердить марровскую этимологию этнонима *чӑваш* [Марр 1935: 401] и найти связь между этнонимами *савар* — *савир* — *сабир* — *сувар*. А это, в свою очередь, указывает не на сибирское, а на кавказское происхождение исторических предков чувашей. Сюда же можно отнести теорию окания и укуания. Замечательно не следует забывать, что среди множества учеников Н.Я. Марра есть ряд талантливых исследователей. Они сумели в непростой ситуации плодотворно заниматься сугубо научной деятельностью. Прежде всего, имею в виду Т.С. Пассек и Б.А. Латынина.

Также выяснилось, что этноним *сапир* намного старше этнонима *сувар/сувас*. *Сапир/сабир* в форме *Σάπειρες/Σάβειρες* зафиксирован в V в. Стефаном Византийским на побережье Понтийского моря, а Геродотом в форме *Σάσπειρες* в Южном Предкавказье еще раньше — в V в. до н. э. В то же время форма *сувар* зафиксирована не ранее середины VII в. на азербайджано-иранской границе.

М.Р. Федотов, исходя из совокупности приводимых предположений, утверждал об исторической преемственности марийского *сувас* и чувашского *чӑваш* [Федотов 1996: 399]. О преемственности этнонимов *савар* → *савир* → *сувар* → *сӑвар* → *чуваши* писали и другие исследователи [Мухаметшин, Хакимзянов 1987: 12]. Сегодня не приходится сомневаться в том, что «национальное название чувашей возникло от названия племени савиров-суваров-сувазов» [Димитриев 1962: 23]. Восхождение самоназвания чувашей к названию племени *сувар/суваз/суас* признается и другими исследователями [Черных, Каменских 2014: 6].

Приказом Федеральной службы государственной статистики от 27 января 2010 г. № 74 «Об утверждении нормативно-справочных документов для автоматизированной обработки материалов Всероссийской переписи населения 2010 года и подведения ее итогов» в графе «Ваша национальная принадлежность» этноним *сувары* внесен в реестр (№ п/п 1314, код 1191). Во время переписи несколько человек называли себя суvarами.

Наш анализ этнонима *чуварши* можно представить в виде таблицы.

Таблица 1

Хроногеография трансформации этнонима *чуварши*

Этнонимы	Хронология	География	Источник
Σάσπειρες, Σασπείρων, Σάσπειροι, Θεσπίεες	V в. до н. э.	Южное Предкавказье	Геродот Галикарнаасский
Σάσπειρες/ Σάσπειρας	Сер. III в. до н. э.	Южное Предкавказье	Аполлоний Родосский
Савиары	До I в. н. э.	Южное Предкавказье	Сваны
Σαύαροι	1-я пол. II в.	р. Кума (Дагестан)	Клавдий Птолемей
Σάπειρ/σάπειρ	1-я пол. III в.	Кавказ	Элий Геродиан
Sapires	2-я пол. IV в.	Кавказ	Аммиан Марцелин
Σαβίρες	2-я пол. V в.	Кавказ	Приск Панийский
Σαβήρ	1-я пол. VI в.	Кавказ	Феофан Византиец
Σάπειρες, Σάβειρες, Σάπειρ, Σάσπειρ	VI в.	Понтийская область	Стефан Византийский
Σαβείροισ	Сер. VI в.	Южное Предкавказье	Прокопий Кесарийский
SWR	2-я пол. IX в.	Северный Кавказ	Ибн Хордабех
Сувары, сувазы	922 г.	Левобережье Среднего Поволжья	Ибн Фадлан

Этнонимы	Хронология	География	Источник
SWR	X в.	Северный Кавказ	Иосиф, каган хазарский
Σάρβαροι	1-я пол. X в.	Поволжье	Константин Багрянородный
<i>Sabîr</i>	1-я пол. X в.	Поволжье	Ал-Масуди
Веда	1-я половина XIII в.	Правобережье Среднего Поволжья	«Слово о погибели Русской земли»
Чуваши	С середины XV в.	Среднее Поволжье	[Ярлыки хана Казани Ибрагима]
<i>Zuwaschi, Czubashi</i>	1-я пол. XVI в.	Правобережье Среднего Поволжья	Зигмунд Герберштейн
Горные черемисы	XVI–XVIII вв.	Среднее Поволжье	А. И. Лызлов, официальные документы
Чюваши, чуваша	XVI–XVIII вв.	Среднее Поволжье	Летописи, официальные документы
Въедене	XVIII в.	Правобережье Среднего Поволжья	Г. Ф. Миллер
Ветке	XVIII в.	Правобережье Среднего Поволжья	И. Г. Георги, В. Н. Татищев
Чăваш (эндоэтноним)	В письменных источниках появляется с 1870 г.		

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Рис. 4. Саспиры в IX–I вв. до н.э. в Закавказье. Карта составлена автором на основании данных «Истории» Геродота и этнической карты Европы V–IV вв. до н.э. // Всемирная история. Т. 2. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1956. Карта размещена в свободном доступе на ресурсе: <http://tinyurl.com/3dp9u6sd>

Как показали предварительные публикации [Salmin 2023: 353–373], историю чувашского народа можно рассматривать как в хронологической последовательности, так и в зависимости от географических ареалов. В этот раз предложим единый историко-географический подход. В нем синтезированы хронологический и ареальный анализы.

Саспиры в Южном Предкавказье

Вступая в дискурс по древней истории предков чувашей, важно определиться с пространственными ориентирами. Анализ большого потока литературы позволяет локализовать индоевропейскую прародину в Закаспии. При этом следует учесть, что в Закавказском регионе имели место два типа индоевропейцев. Это оседлые земледельцы верхнего Евфрата и верхней Месопотамии на юге и кочевые скотоводы Закавказья и Восточной Анатолии к северу.

В конце IX — начале VIII в. до н. э. в Урартской державе жило четыре этноса: алародии (урарты), матиены (хурриты), саспиры (ошибочно принимаемые за сперов) и армены. Урарты располагались на территории Армянского нагорья [Дьяконов 2008: 240]. На современной карте это Армения, восточная Турция, северо-западный Иран и Нахичеванская Автономная Республика Азербайджана. В VII в. до н. э. к юго-востоку от Колхиды образовалась крупная конфедерация племен во главе с саспирами [Кудрявцев 1956: 156]. Это создало ряд трудностей завоевателям для продвижения в северном направлении. Ко второй половине VII в. нашествие ассирийцев значительно ослабило мощь Урартского государства. Воспользовались ситуацией саспиры, которые стали контролировать область между Колхидой и Мидией. В начале VI в. до н. э. саспиры и вовсе положили конец урартскому господству в Южном Предкавказье. «Южное Закавказье вскоре оказалось в сфере влияния сасперов» [Бердзенишвили 1962: 15]. Они совместно с колхами играли ведущую роль и на землях Западного Закавказья.

С VI в. до н. э. Колхидское государство находилось в зависимости от Ахеменидов лишь формально. Административные задачи, внутренние вопросы и торговлю с другими странами Колхида вела самостоятельно. С Ахеменидским государством были налажены устойчивые экономические и социальные связи. К тому же в Западном Иране действовала оживленная трасса, проходившая через земли саспиров.

В V в., как известно, саспиров (Σάσπειρσι) упоминал Геродот. В то время они административно входили в Персидское царство, столицей которого был Персеполь. Наряду с матиенами и алародиями они платили Ахеменидам подать в 200 талантов золотого песка (Ματιηνοῖσι δὲ καὶ Σάσπειρσι καὶ Ἀλαροδίοισι διηκόσια ἐπετέτακτο τάλαντα νομὸς ὄγδοος καὶ δέκατος οὗτος) [Hρόδοτ 1995:

3.94.1; Геродот 1993: 168]. В стране функционировала единая монетная система — золотой *дарик* весом 8,42 г и серебряный *скиль* весом 5,6 г. Как уточняет Г.А. Стратанович в комментарии к этому тексту из Геродота, «саспиры жили в долине совр. р. Чороха, впадающей в Черное море у Батуми». Весьма любопытно сравнивать размеры податей от входивших в административные округа Персидского царства народов. 17-й округ (парикании и азиатские эфиопы) платил 400 талантов, 20-й (здесь самыми многочисленными были индийцы) — 360, 19-й округ (мосхи, тибарены, макроны, мосиники и мары) — 300, а 18-й округ (саспиры) — 200. Тут можно строить предположения: размеры платы (точнее, вес золотого песка) зависели или от степени подчиненности, или от отдаленности от столицы империи Ахеменидов. Для более точного выяснения нужны сравнительные исследования.

В этом плане правильным представляется взгляд О.Г. Хорикиана. Он полагает, что «последовательность перечисления сатрапий обусловлена хронологической очередностью их формирования... По нашему мнению, подобная хронологическая условность формирования сатрапий объясняется той политикой, которую вел Дарий I по отношению к восставшим странам, чтобы по возможности пресечь в дальнейшем мятежи в государстве» [Хорикиан 2019: 21–22]. Такой подход вырисовывается и из сочинения Геродота. Намерения и хитрость Дария I состояли в возможности главы сатрапа направлять народы своего ведомства друг против друга, «противопоставляя и стравливая их между собой и тем самым обеспечивая персидскую гегемонию или господство» [Хорикиан 2019: 24]. Упрощенно говоря, Дарий I намеренно составлял сатрапии из разноязычных народов.

По тексту Геродота можно определить местоположение саспиров, ориентируясь по местности и по их расположению в отношении к другим народностям: «От озера Меотиды до реки Фасис и страны колхов 30 дней пути для пешехода налегке. А от Колхиды до Мидии — не дальше, только между этими странами живет одна народность — саспиры. Минувя их, можно попасть в Мидию» (ἔστι δὲ ἀπὸ τῆς λίμνης τῆς Μαίητιδος ἐπὶ Φᾶσιν ποταμὸν καὶ ἐς Κόλχους τριήκοντα ἡμερῶν εὐζώνῳ ὁδός, ἐκ δὲ τῆς Κολχίδος οὐ πολλὸν ὑπερβῆναι ἐς τὴν Μηδικήν, ἀλλ' ἐν τὸ διὰ μέσου ἔθνος αὐτῶν ἐστι, Σάσπειρες, τοῦτο δὲ παραμειβομένοισι εἶναι ἐν τῇ Μηδικῇ) [Ηρόδοτος 1995: 1.104.1; Геродот 1993: 45]. Выходит, саспиры занимали земли между мидянами и колхами. Об этом у Геродота имеется однозначное указание: «Персы живут в Азии вплоть до Южного моря, называемого

Красным. К северу от них обитают мидяне, выше мидян — саспиры, выше саспиров — колхи, граничащие с Северным морем, куда впадает река Фасис. Эти четыре народности занимают область от моря до моря» (Πέρσαι οἰκέουσι κατήκοντες ἐπὶ τὴν νοτὶν θάλασσαν τὴν Ἐρυθρὴν καλεομένην· τούτων δ' ὑπεροικέουσι πρὸς βορρὴν ἄνεμον Μῆδοι, Μήδων δὲ Σάσπειρες, Σασπείρων δὲ Κόλχοι κατήκοντες ἐπὶ τὴν βορρὴν θάλασσαν, ἐς τὴν Φάσις ποταμὸς ἐκδιδοῖ. ταῦτα τέσσερα ἔθνεα οἰκεῖ ἐκ θαλάσσης ἐς θάλασσαν) [Ηρόδοτ 1995: 4.37.1; Геродот 1993: 196].

Характеризуя местность «к северу от Акбатан по направлению к Евксинскому Понту», Геродот Галикарнаасский уточняет: «Только в одном месте, именно поблизости от земли саспиров, Мидийская земля покрыта высокими горами и густым лесом, вся же остальная Мидия — плоская равнина» (αἱ δὲ ὑπὸρειαὶ εἰσι τῶν ὀρέων, ἔνθα τὰς νομάς τῶν βοῶν εἶχε οὗτος δὴ ὁ βουκόλος, πρὸς βορρῶν τε ἀνέμου τῶν Ἀγβατάνων καὶ πρὸς τοῦ πόντου τοῦ Εὐξείνου. ταύτῃ μὲν γὰρ ἡ Μιδικὴ χώρα πρὸς Σασπείρων ὀρεινὴ ἐστὶ κάρτα καὶ ὑψηλὴ τε καὶ ἰδησι συνηρεφής, ἡ δὲ ἄλλη Μιδικὴ χώρα ἐστὶ πᾶσα ἄπεδος) [Ηρόδοτ 1995: 1.110.2; Геродот 1993: 47]. Он также называет важные северные объекты от саспиров: Каспийское море и р. Аракс (πρὸς βορρῶν δὲ ἡ Κασπίη τε θάλασσα καὶ ὁ Ἀράξης ποταμός) [Ηρόδοτ 1995: 4.40.1; Геродот 1993: 196].

В сведениях Геродота в этот раз нас интересует то обстоятельство, что под саспирами подразумевается крупное объединение, территория которого была раскинута от Мидии до Колхиды и включала в себя также значительную часть территории бывшего Урартского царства. Если точнее, саспиры были северо-западными соседями матиенов, которые фактически входили в состав сатрапии Мидия [Сафарова 2009: 12, 14].

О. Г. Хорикиан также отмечает, что саспиры граничили с мидийцами в области нижнего течения Куры, а дорога из Колхиды в Мидию проходила по западным областям Каспийского моря и через долину Куры: «Саспиры не могли локализоваться к югу от колхов, поскольку там жили мосхи (восточные халибы)... Следовательно, саспиры находились к востоку от колхов и жили между матиенами на западе и алародиями на юге» [Хорикиан 2015: 199–200].

Как полагают грузинские коллеги, в VI в. до н. э. южные границы саспиров простирались до р. Аракс, а центр, «возможно, находился в Чорохском ущелье. На север от них располагалось объединение племен колха (кулха)» [Мусхелишвили 2015: 23–24]. Саспиров также знали во многих других местах иранского мира,

в труднодоступных горах и приморских местностях — например, на южном берегу Каспийского моря [Пьянков 2013: 347].

Колхи, как и саспиры, находились в сильной зависимости от Персидского царства, в том числе и в V в.: «Например, когда персидский царь Ксеркс в 480 г. до н. э. пошел походом на Грецию, в его войсках, наряду с мосхами, тибаренами, макронами, моссиниками, марами и сасперами, находились и колхи» [Бердзенишвили 1962: 17].

Саспиры наряду с алародиями к концу правления Ахеменидов сформировали одну из двух армянских сатрапий. В IV в. до н. э. они входили в состав Великой Армении [Пьянков 1979: 74]. Поэтому следует утверждать, что в доисторические времена судьбы саспиров и армян были тесно связаны — по крайней мере, в географическом отношении.

Примерно в первой половине III в. до н. э. Аполлоний Родосский писал о сапирах (Σάπυρες), «давно проживавших» рядом с племенами бехиров и бизеров [Apollonius 1986: 75, 110; Аполлоний 2001: 44, 63]. То есть, по Аполлонию, выходит, что еще задолго до первой половины III в. до н. э. сапиры являлись соседями бехиров и бизеров. Все это вполне соответствует исторической действительности. Если более точно, сапиры в этот период занимали земли к юго-востоку от р. Чорох, в сторону озер Севан и Ван.

В 333 г. до н. э. Александр Македонский в бою при Иссе одержал победу над Дарием III, в результате чего Малая Азия оказалась потерянной для персов.

Сумма геродотовских топографических координат позволяет не сомневаться в исторической достоверности локуса обитания саспиров в V в. до н. э. Опираясь на других историков, можно расширить эту хронологию на IX–I вв. до н. э. В этот период саспиры занимали территорию от Мидии до Колхиды, т. е. между мидянами и колхами. Притом мидяне находились к югу, а колхи — к северу от р. Фасис. Матиенскими горами, возле которых обитали саспиры, считаются горы в районе современного Эрзурума [Пiotровский 1959: 117]. Нисколько не сомневался в этих ориентирах переводчик и комментатор Геродота Г. А. Стратанович.

Савиры на Кавказе

Исследователи истории Кавказа придерживаются мнения, что в степной и предгорно-плоскостной зоне Северного Кавказа савары/савиры фиксируются не позднее первых веков нашей эры [Чеченов 2014: 288].

Как известно, Клавдий Птолемей отметил саваров в форме Σαῦαροι на Кавказе, ниже аорсов и пагиритов, в первой половине II в. [Ptolemai 1843: 171]. Но на карте Себастьяна Мюнстера, составленной в 1550 г. по данным Птолемея, савиры размещены справа по течению от устья реки *Rha* (Волга) [Münster 1988: Tabula Asiae II]. Есть мнение, что у Птолемея речь идет о Северо-Западном Прикаспии [Фёдоров, Фёдоров 1978: 57]. Если учесть искажения карты Европейской Сарматии, савары «должны быть помещены не западнее Волго-Донского междуречья» [Шелов-Коведяев 1994: 60]. К тому же в описаниях Сарматии есть и другие огрехи. Например, написание *санары* и *навары* вместо *савары*, т. е. у комментаторов Птолемея путаница в названиях, хотя речь идет о пространственно-временном совпадении. Что касается славян, то их в этих областях в те времена не было. Таким образом, опубликованные источники однозначно утверждают, что к началу II в. аорсы занимали «степи по Каспийскому побережью как к востоку, так и к западу от Волги» [Артамонов 1962: 65]. Получается, что савары в начале II в. обитали на Каспийском побережье, поэтому утверждение, что савиры в составе сибирских кочевников оказались в Европе после гуннов [Комар 2013: 181], не соответствует историческим фактам. Гунны на Северном Кавказе оказались не ранее середины III в. [Салмин 2017: 270–279], а савары зафиксированы здесь не позднее начала II в. Исследователь истории чувашей В. Д. Дмитриев придерживался того же мнения, что и Клавдий Птолемей, о наличии во II в. на Северном Кавказе групп саваров [Дмитриев 2014: 89].

Одной из достоверных версий в качестве исторических предков чувашей признаются саспиры/сапиры/савары/савиры/сувары. В целом на сегодня идентификация птолемеевских саваров с суvarами Среднего Поволжья не подлежит сомнению [Salmin 2014: 29–51]. Рассмотрение первоисточников и научной литературы в хронологической последовательности позволит внести уточнения в обсуждаемую тематику.

В начале III в. греческий грамматик Элий Геродиан писал о племенах *σάπειρ/σάπειρ*. Тогда сапиры были соседями бехиров и бизеров [Guilielmi 1823: 51].

Под 361–362 гг. сапиров (*Sapires*), обитавших на юго-восточном побережье Понтийского моря между базами и тибаренами, фиксирует Аммиан Марцеллин [Ammianus 1970: 26]. Но следует учесть, что он имел в виду события, происходившие до него и ставшие историей.

Опираясь на имеющиеся данные, можно сделать предположения о вооружении савиров. Так, погребения IV–V вв. на Паласа-Сыртской возвышенности (в 30 км к югу от Дербента) содержат оружие ближнего (длинные и короткие мечи-кинжалы) и дистанционного боя (луки со стрелами). По своей конструкции оно относится к числу «гуннских» типов. Взрослое мужское население, так или иначе принимавшее участие в ратном труде, обладало высоким уровнем военной подготовки для того времени [Саидов 2014: 24–25]. Независимо от того, какую этническую принадлежность имело население Паласа-Сыртской возвышенности, все эти характеристики полностью относятся и к савирам, поскольку они в те времена жили в районе Дербента и составляли основную силу, удерживающую Дербентскую крепость.

Во второй половине V в. савиры обосновались в бассейне р. Кумы, вдоль Каспийского моря. В начале 60-х гг. V в. савиры/сабиры вынуждают оногуров (т. е. булгар) покинуть занятые ими земли и переместиться на запад Предкавказья. Таким образом, юго-восточные кочевья становятся полностью подконтрольными савирам [Гадло 1986: 14]. Как видим, этноним Σάβιροι в византийских источниках вновь активно всплывает после кончины Аттилы. После его смерти в 453 г. и разделения гуннского союза на автономные племена на Кавказе устанавливается господство савирской конфедерации. Государство оногуров распалось, а на смену ему пришло новое военно-политическое объединение во главе с савирами. Сюда же входила оставшаяся часть гуннов, а также булгары.

«Распад на Северном Кавказе первого гунно-булгарского объединения во главе с оногурами обусловил начало параллельного процесса объединения кочевников Восточного Предкавказья и становления нового военно-политического союза во главе с сабирами» [Джафаров 1985: 69]. О доминировании савиров в степях Северо-Западного Прикаспия в дохазарский период пишут и другие исследователи [Комар 2013: 182].

Согласно источникам и литературе, примерно в 463 г. савиры, кочевавшие в северокавказских степях, напали на сарагуров, урогов и оногуров. Сарагуры, в свою очередь, вторглись в земли акациров. Такое поведение сабиров/савиров (Σάβιρων) было продиктовано тем, что к ним якобы вторглись авары, а тех изгнали племена, жившие на побережье [Prisc 1829: 158; Dobrovits 2011: 373–409]. Я. В. Пилипчук даже полагает, что «авары... уничтожили савиров». Но в той же работе он поправляет себя и пишет, что «аварское

завоевание снизило влияние савиров в прикаспийских степях» [Пилипчук 2019: 67, 77]. Об этом нападении аваров на савиров пишет и Балинт Керёnyi. При этом он использует глагол *defeated* [Kerényi 2022: 6], что можно перевести по-разному в зависимости от контекста: «нанести поражение», «разбить», «расстроить планы».

Но, как показывают археологические исследования на Паласа-Сырте, движение савиров было продиктовано совсем иной причиной: угроза исходила не от аваров, а от давления персидских войск. Говоря о первом упоминании савиров, большинство исследователей берет дату у Приска. Но у него в оригинале речь идет не точно о 463 г., а о 461–465 гг. Поэтому невозможно упомянутое событие привязать к точной дате, она начала фигурировать в исследованиях с чьей-то «легкой» руки. В конце концов, речь идет не об аварах в подлинно этническом смысле (тем более не о современных аварах), а о псевдоаварах.

Аналогично изложены эти события, зафиксированные Приском, и в издании Г.С. Дестуниса. Здесь также повествуется о племенах, живших «на берегах океана» [Приск 1860: 87]. В комментарии В.В. Латышева сказано, что эти «племена должны быть локализованы где-либо в районе Кавказа, ибо именно там свидетельства греческих и латинских авторов помещают изгнанных аварами из их родины саби́ров» [Латышев 1948: примеч. 97]. Практически так же понимал ситуацию и И.Е. Забелин. Он утверждал, что действия происходили на берегах океана, а точнее, в районе устьев Дона и Днепра. После этого савиры, будто бы потесненные аварами, ушли с донских земель к Тереку. Их владычество простиралось тогда от Дона до Боспора [Забелин 1876: 370–371].

При этом следует обратить внимание на сам источник — фрагмент из Приска. Из контекста выясняется, что изгнанные савирами племена (сарагуры, уроги и оногуры) к этому времени уже обитали на Северном Кавказе, это во-первых. Во-вторых, жаловаться на обидчиков они пошли к ромеям, т. е. к византийцам. Если бы действие происходило в Сибири, как это подается в литературе в большинстве случаев, то говорить о покровителях-византийцах не приходилось бы: слишком большое расстояние, и ромеям не было дела до племен, обитающих в там. В-третьих, в тексте предельно ясно говорится о действиях и племенах у океана (т. е. у моря), что никак не относится к сибирским лесостепям. Судя по источникам и исторической литературе, речь идет о Северном Кавказе — точнее, о Прикаспийском побережье. Заодно следует согласиться с утверждением, что савиры/сабиры (чей эт-

ноним в это время часто скрывался под названием «гунны») являлись предшественниками аварцев на Северном Кавказе [Цароева 2016: 30], т. е. присутствовали там задолго до псевдоаваров (до 460-х гг.). К тому же фрагменты из текста Приска не являются оригинальной записью, они сохранились в копии из судебного документа X в. Копировщики вставили другую дату, поэтому мы не знаем, какая там была в действительности. На самом деле, псевдоавары появились на Северном Кавказе только около 558 г., а не в 463 г. [Гаджиев 2006: 87; Obrusánszky 2009: 28], т. е. о притеснении савилов аварами в V в. и речи быть не может. Получается как хронологическая, так и пространственная нестыковка. Кстати, такую же ошибку обнаруживаем и у Кароя Цегледи. По его мнению, савиры (*szavir/szabir*) якобы прибыли в Европу в 558 г. и владели территориями между устьем Волги и восточными окраинами Кавказа, в их племенной конфедерации были также баланджары и самандары. Хотя он же полагал, что гунны, упомянутые Псевдо-Захарией и Прокопием, на самом деле были идентичны савирам/сабирам [Czeglédy 1969: 148].

Наконец, из Приска мы узнаем только то, что авары выступили против савилов. Но большая византийская энциклопедия X в. «*Suda Lexicon*», составленная около 1000 г., содержит другую, более пространную версию текста Приска об аварах. Здесь рассказ принимает мифическую окраску: народы, жившие на берегу океана, были изгнаны множеством человекоядных грифонов и туманом, поднявшимся из океана. И, как следствие, племена, обитавшие у океана, заняли землю аваров. Эта мифическая история заимствует элементы из древней скифской сказки, которую Геродот уже рассказывал о гиперборейцах, живших у северного моря. Более подробный анализ см. у Вальтера Поля [Pohl 2018: 38]. Таким образом, в рассказе Приска об аваро-савирском столкновении слишком много надуманного.

Ошибался и комментатор Н. М. Карамзина А. М. Кузнецов, писавший, что угры и болгары были вытеснены из азиатской части России савирами, которые скоро перешли к Кавказским горам и воевали там с римлянами и персами до 578 г. [Карамзин 1998: 298]. Неуверенность в этом факте просматривается в современной литературе. Например, пишут: «Савиры (сабиры) — кочевой народ, первоначально обитавший, *вероятно* [выделено мной. — Прим. авт.], в Западной Сибири, между Алтаем и Уралом, вытесненный оттуда аварами и переселившимися в области к северу от Кавказа» [Филатов 2011: 267].

Достоверными можно считать мнения многих кавказских историков относительно событий V–VI вв., разворачивавшихся вокруг савиров.

Так, один из исследователей, в частности, пишет:

С середины V в. в Предкавказье и на Северном Кавказе верховенство одержала новая федерация кочевников — савирская... савиры, в частности, подчинили... болгар-оногуров (сарагуров), собственно гуннов... во второй половине V в. расположение ставки правителя савиров указывается на р. Кума... степные районы собственно Северо-Восточного Кавказа (ныне входящие в Чечню и Дагестан) с конца V–VI в. в той или иной степени контролируют, порой до передовой цепи гор... гунны-савиры [Ахмадов 2019: 411, 417].

Тем не менее географическая путаница продолжает сохраняться в литературе. Порой один и тот же автор излагает противоположные суждения. Так, один из историков писал: «Сувары — это объединение прикаспийских племен, обитавших на Северном Кавказе со II века нашей эры» [Гусейнзаде 1979: 33]. Но этот же автор в той же статье через строку утверждает нечто другое: якобы вытесненные аварами из Западной Сибири сувары (савиры, сабиры) во второй половине V в. владели долиной вдоль Каспийского моря и Кавказских гор — до Дербента. Если согласиться с этим и попытаться выстроить логическую цепочку, то выходит несуразная ситуация: будто бы во II в. савиры обитали на Кавказе, но в V в. авары их прогнали из Сибири на Кавказ. В силу названного историко-географического контекста невозможно согласиться с мнениями типа: «В начале VI в. в составе других кочевых племен сабиры прибыли в кавказские степи» [Zimonyi 2014: 258]. Поэтому предположения некоторых авторов о том, что изложенные события происходили в Сибири, а также миф о первом появлении саваров/савиров в Европе лишь в 463 г. не имеют под собой никаких оснований.

Считаю точку зрения Я. З. Ахмадова верной, поскольку Дербентское и Дарьяльское ущелья действительно служили главными военными и торговыми проходами. С учетом этого обстоятельства савиры в начале VI в. стали контролировать восточные и центральные районы Северного Кавказа. Они заняли районы тех и других стратегических ворот. Поэтому исследователи самое начало VI в. называют началом савирской гегемонии. При этом некоторые даже называют точную дату — 506 г. [Róna-Tas 1999:

212]. В «Летописи» Феофана Византийца под 516–517 гг. записано: «Гунны, именуемые савир (Οὔννοι οἱ λεγόμενοι Σαβήρ), переправившись через Каспийские ворота [т. е. Дербентский проход. — *Прим. авт.*], совершили набег на Армению, разграбив Каппадокию, Галатию и Понт, чуть было не подступили к Евхаиту» [Феофан 1980: 26, 49]. Вернулись савиры с крупными трофеями. Те же события описывал Георги Кедрени (Οὔννοι οἱ λεγόμενοι Σαβήρ) [Cedreni 1894: 689–690]. Поэтому вполне обоснованно мнение, что именно вторжение кочевников — прежде всего, савиров — через кавказские перевалы на иранскую территорию заставило Кавада заключить мир с Византией.

Приведенный выше текст отражает взгляды населения Южного Предкавказья на кочевые народы, жившие за пределами Кавказа. Они упрочились после нападения савиров на регион. Такие описания были основаны на традиционных рассказах, бытовавших в древности. Они особенно распространились после вступления кочевых скифов в Европу. В принципе, такой взгляд не уникален.

Оседлые цивилизации — от Китая до Европы — представляли своих безумных, с их точки зрения, соседей аналогично. По их мнению, эти дикари пили кровь, ели детей, а их жадность и скотоложство не знали границ. Помимо вероятного вторжения с Северного Кавказа, можно было ожидать нападения и со стороны Центрального и Южного Кавказа, места традиционного расселения многих народов. Кавказские гунны, аланы, авары, савиры постоянно угрожали южному региону Кавказа мелкими грабительскими набегами [Мако 2010: 51, 54].

Такой поворот событий сильно не нравился и персам. Тем более опыт предыдущих лет с опустошительными вторжениями савиров показал, что иберийские и албанские цари не смогли обезопасить северную границу. Поэтому персы теперь взяли дело в свои руки. Они предприняли ряд действий для контроля границ на Кавказе. Так, в 513 и 515 гг. Кавад I совершил походы против савиров. К 517/518 г. на Южном Кавказе сильно ощущалось персидское военное присутствие [Schleicher 2021: 170, 192].

В VI в. Сасаниды построили ряд крепостей в Кавказском регионе. Они должны были держать в страхе «северных варваров» (гунно-савиров, берсилов, хазар, аланов и т. д.). Как считают дагестанские исследователи, с учетом военно-политических событий и противостояния Ирана и Византии «период с 522 по 526 г. представляется наиболее подходящим для крупномасштабного

строительства» [Гаджиев 2006: 82; Гаджиев, Касумова 2006: 100]. Кавад I (488–531) построил глинобитную стену между Ширваном и Дарьяльским ущельем с рядом фортов вдоль него. Позже его сын Хосров I Ануширван в конце 560-х гг. возвел знаменитую стену Дербента и несколько крепостей. Очевидной угрозой, из-за которой была построена стена, стали кочевые «гунны», жившие на севере (т. е. савиры): они разоряли сасанидские приграничные районы Армении и Кавказской Албании. Сасаниды заселили эти приграничные земли иммигрантами из них, считавшими себя гораздо более свободными людьми по сравнению со своими соседями на юге [Stepanov 2010: 15].

В литературе существует расхожая характеристика савиrow как жадных до войн. Особенно перестарался в этом плане Агафий. Почти то же самое писал Прокопий Кесарийский в книге о войне с готами. Можно встретить и крайности в оценке действий савирских войск. К примеру: «...не брезгуя при этом в течение одной кампании переходить из одного военного лагеря в другой» [Семёнов 2015а: 234]. Однако такая оценка однобокая и априорная. Во-первых, так же поступали соседи савиrow. Например, аланы состояли как на византийской, так и на сасанидской службе [Alemany 2006: 46]. Во-вторых, савирские правители постоянно учитывали внутреннюю обстановку и международное положение двух главных соперников на Кавказе — Ирана и Византии. Тем не менее из-за постоянных войн между ними, а больше всего — из-за выступления савиrow то на одной, то на другой стороне, в савирском объединении образовались две группы: иранской и византийской ориентации. Савиры в эти годы представляли собой ряд самостоятельных «колен». «Но уже в начале VI в. положение в савирском обществе изменилось. Из среды племенной знати выделилась династия, претендующая на управление всеми савирами. Представители этой династии вступили в открытую борьбу с сепаратизмом племенных вождей» [Фёдоров 1972: 21].

Савиры действительно представляли собой одно из сильнейших племен в регионе [Malalas 1831: 430–431; Феофан 1980: 26, 50]. Боарикс, «женщина из гуннов, именуемых савир» (Οὐννων τῶν λεγομένων Σαβήρ), стала править в гуннских землях после смерти своего мужа Валаха (Βαλαχ). Под ее властью находилось 100 000 воинов. В 527–528 гг. она провела переговоры с ромеями. А персидский царь Кавад склонил двух племенных царей, родственников Боарикс, помогать ему в войне против римлян. Когда они проходили через владения царицы, она напала на них. Одно-

го, Стиракса, взяла в плен и в оковах отправила в Константинополь, другого, Глониса, убила в бою. Так она сделалась союзницей Юстиниана [Cedreni 1894: 701; Cecota 2023: 245].

Относительно этого эпизода Питер Голден пишет, что сабирская княгиня Боа управляла 100 000 людьми и могла иметь на поле сражения 20-тысячную армию [Golden 2011: 91]. На самом деле, у Малалы сказано, что Боа имела «под своим началом сто тысяч». А в переводе этого фрагмента на латинский язык отчетливо говорится о 100 000 воинах: «*Mater erat haec filiorum parvulorum; quae exercitum 100 000 militum* [т. е. воинов, выделено мной. — *Прим. авт.*] *sub se habens, regionibus, Hunnicis, post Blach conjugis sui obitum imperabat*» [Malalas 1831: 431]. Дюла Немет склонен был читать «100 000 солдат», но противоречил сам себе и полагал, что это число означает людей всего племени [Németh 1991: 151]. Видимо, он исходил из постулата, что каждый взрослый мужчина у савилов одновременно был воином. Однако и в таком случае жены, родители и дети (т. е. те, кто не воевал) остаются вне подсчета.

Феофан (использовавший фрагменты текстов из Малалы) утверждал, что Боарикс имела «при себе сто тысяч гуннов», именуемых савиры. На самом деле, ни один первоисточник не дает ясности, что означает 100 000: это воины или вообще численность савирского населения? Однако известно, что два полководца из числа внутренних гуннов (по контексту надо полагать, что они тоже были «савирами, называемыми гуннами», но союзниками персов) шли в поход на выручку персам с 20 000 воинов. Естественно, в этом случае речь идет только о воинах, а не о простом населении. То есть Малала, несомненно, оперировал понятием «воины», а не «население».

Кстати, автор анонимного персидского сочинения конца X в. (речь идет фактически о начале X в.) «Худūd ал-‘Алем» относительно г. Булгара оставил запись: «Из него выходит до 20 000 всадников» [Бартольд 1930: 32]. Иначе говоря, понятия «воины», «всадники» и «иметь царице при себе столько-то гуннов» выступали синонимами. О наличии у Боарикс войска из 100 000 человек однозначно писал во второй половине XVIII в. академик Петербургской академии наук [Стриттер 1771: 82]. Наличие у правительницы Боарикс 100-тысячной армии признавал чувашский историк [Димитриев 2014: 92]. Она наголову разбила оба отряда, размер ее войск в пять раз превосходил численность двух других савирских отрядов под предводительством Стиракса и Глониса. А это дополнительный аргумент в пользу многочисленности воинов под руководством Боарикс.

Ссылаясь на Малалу, Хюн Ким пишет, что сабиры были мощной конфедерацией, которая могла выставить на поле битвы 100 000 всадников. Он полагает, что в преувеличении нет сомнений, но факт свидетельствует о силе сабирских войск в глазах византийцев [Kim 2013: 253]. Мысль о желании враждующих между собой персов и византийцев заполучить савиров как союзников высказывает Питер Голден. Он также считает, что цифра преувеличена, но тем не менее указывает на значительную военную мощь [Golden 1992: 105]. Поэтому Питер Голден не видит ничего удивительного в том, что Византия изыскивала пути вовлечения савиров в союзники в их постоянных схватках с Сасанидским Ираном с целью доминирования на Кавказе [Golden 2008a: 259].

Таким образом, согласно Феофану и Малале, в 528 г. савирские вожди могли одновременно выступить со 120-тысячным войском. Отсюда можно предположить и общую численность савирского населения, добавляя к числу воинов их жен, минимум от трех до шести детей, а также родителей. Получается один миллион душ. Другой такой мощной силы в то время на Кавказе практически не было. Учитывая, что численность семьи кочевника составляла от 2 до 11 человек (в среднем 6–7), можно подсчитать и количество семей под властью Боарикс: 167 000 (подсчеты А. М. Хазанова и Л. Б. Гмыри). Естественно, использовать такую военную мощь савиров старались как персы, так и византийцы. Получается, вперед выходит не представление о «жадных до войн» савирах, а об их многочисленности и военной мощи — это разные понятия. Несомненно, Боарикс ставила задачу ликвидации сепаратизма племенной аристократии, объединения вокруг Варачана всех савиров и укрепления своего государства.

В 541 г. начались военные действия между Ираном и Византией в Лазике. Это был стратегический район для обеих сторон. Важным пунктом стала мощная морская цитадель Петра, построенная по приказу Юстиниана к югу от реки Фасис. Однако местное население было недовольно византийской оккупацией. Лазы обратились за помощью к персидскому шаху. Тот хорошо подготовился и взял крепость. В итоге в 545 г. было заключено перемирие между Персией и Византией. Однако в 548 г. царь лазов решил сбросить персидское владычество и обратился за помощью к византийцам. Юстиниан в 549 г. прислал сюда семитысячную армию. Василевс также добился заключения союза между аланами и сабирами. Царь лазов Гуваз приказал милитуму Армении Дагисфею послать кого-нибудь охранять ущелье, ведущее в Петру, а сам

выдвинулся к границам Лазики, чтобы защищать имеющиеся теснины. А до этого он заключил союз с аланами и савирами: «Между тем василевс Юстиниан послал племени савиров (Σαβείρων) условленную сумму денег» [Procori 1905: 300]. Как верно заметила комментатор Прокопия А. А. Чекалова, «союз с гуннами-сабирами был действительно важен, поскольку это был народ воинственный и хорошо знавший осадное дело» [Чекалова 1998: 422]. Прокопий не раз отмечал эти качества у савиров в книге «Война с готами».

В начале 551 г., используя помощь гунно-савиров, византийский военачальник Бесса овладел, наконец, Петрой. При этом савиры применили тараны особой конструкции, что сыграло решающую роль в разрушении стен крепости. Эти тараны существенно отличались от тяжелых и неуклюжих сооружений, передвигаемых запряженными быками. Как писал Прокопий, случайно в войске римлян оказалось несколько варваров из племени савиров. Прибыв к осаждавшим стены Петры, они увидели, что римляне в сложившихся обстоятельствах не знали, что делать, и попали в безвыходное положение. Тогда сабиры/савиры (Σαβείροι) «придумали такое приспособление (машину), какое ни римлянам, ни персам, никому от сотворения мира не приходило в голову, хотя и в том, и в другом государстве было всегда, да и теперь есть, большое количество инженеров» [Procori 1905a: 538–540]. Прокопий дает подробное описание савирского изобретения. На этой машине не было бревен, их заменили толстыми веревками. Только в середине разместили свободно передвигающееся бревно с заостренным концом. Савиры приготовили три такие машины. Человек сорок из римлян, облаченных в панцири, легко разместили тараны у стен Петры. По сторонам машины встали воины, снабженные шестами с железными крючками на концах. Когда удары бревна расшатывали ряды камней, они вытаскивали этими крючками рассыпающиеся камни и откидывали их. Так были разрушены стены Петры. Вскоре при осаде Археополя уже персы воспользовались легкими савирскими таранами.

Персидский военачальник Мермероес, прежде всего,

велел сабирам (Σαβείροις) делать много стенобитных машин, которые можно было бы людям носить на плечах; обычные машины он никоим образом не мог пододвинуть к укреплениям Археополя, так как они были расположены на подъеме горы. Он слышал, какие машины были сделаны союзными с римлянами савирами (Σαβείροις) около стены Петры немного раньше, и, подражая тому, что ими было там изобретено, он из этого опыта хотел извлечь

для себя пользу. Они стали делать то, что он им приказал, и скоро сделали много стенобитных орудий, таких же, какие сделали для римлян недавно, как я рассказывал, союзные с ними савиры (Σαβείροις)... И вот персы и савиры (Σαβείροις), пуская в стоящих на стенах тучу стрел и копий, которыми они, можно сказать, закрыли здесь небо, почти добились того, что под их напором римляне готовы были оставить верх укреплений [Procori 1905a: 538–540].

Конечно, Прокопий несколько преувеличивает, отдавая пальму первенства савирам в изобретении таранов при взятии и разрушении фортификаций. О таранах и «черепашках» и их применении в военном деле подробно писали древнегреческий инженер Афиней Механик (умер ок. 21 г. до н. э.; сочинение «О машинах»), Аполлодор Дамасский (начало II в.; сочинение «Полиоркетика»), Флавий Вегетий Ренат (писал как очевидец о событиях 390–410 гг.; сочинение «Краткое изложение военного дела»), Аноним Византийский (VI в.; сочинение «Инструкции по полиоркетике»). Однако все это несколько не умаляет заслуги савиров в военном искусстве — в изготовлении и практическом применении облегченных вариантов переносных таранов и «черепашек» при разрушении крепостей противников.

Об использовании савирами при осаде крепостей «методов, неизвестных как византийцам, так и персам», пишут и современные исследователи [Kardaras 2015: 19].

В то же время савиры вместе с хазарами «составляли одно и то же военно-политическое объединение, во главе которого, однако, стояли савиры, так как в первой половине VI в. в большинстве исторических известий именно их наименование служит для обозначения варваров, обитавших севернее Дербента» [Артамонов 1962: 127].

В описаниях племен, в 550–552 гг. населявших районы Кавказского хребта и Кавказских гор в целом, Прокопий говорил о гуннах, так называемых сабирах (Σάβειροι) и некоторых других гуннских племенах. Обитали они восточнее зихов, которые располагались в северной части побережья Понта [Procori 1905: 291–292; 1905a: 497, 538].

Местоположение стран и народов по состоянию на 555 г. указал Захария Ритор. Он перечислил их с юга на север: Армения с Араном, Сисган, затем базгуны, чья земля простирается до Каспийских ворот и моря. Тут жили гунны. Потом шли авнагуры, затем следовали агары и сабиры. Все они в пределах Даду [Захария 2011: 595].

Далее на севере размещались бургары, аланы, куртаргары, авары, хасары и т. д. Иначе говоря, булгары находились к северо-западу от савиров. В середине VI в. савиры владели Прикаспийским проходом (т. е. Дербентом), который армянские историки называют Чора. В 571 г. отдельные передовые отряды азиатских тюрок во главе с Истеми-каганом достигли пределов Северного Кавказа [Алаев, Ашрафян 2002: 66]. До них в 558 г. вторглись авары, состоявшие по большей части из тюркских воинов, а также из вражеских пленников и дезертиров [Kardaras 2015: 19].

Сабиры были явно изобретательными воинами, всегда готовыми и способными к инновациям. Все это позволяло им успешно осаждать и брать крепости и города. Как указывается в источниках и как отмечают исследователи, их кавалерия использовалась для блокады крепостей, перерезания линий снабжения и проведения рейдов на вражеских территориях. Пешие воины были тяжелооруженными [Agathi 1828: 177]. Согласно Агафию, на позднем этапе войны в Лазике (556–557 н. э.) до 5000 сабиров было в персидской армии и около 2000 — на византийской службе. Тем не менее присутствие такой большой кочевой силы также создавало серьезные проблемы. Если верить Прокопию, персидский полководец Мермероес был обеспокоен тем, что эти варвары, которых было так много, могут не захотеть подчиниться его приказам и нанести ужасный вред персидской армии. Персидский военачальник принял меры предосторожности, оставив только 4000 человек и отправив оставшиеся 8000 обратно в свои дома, «богато одарив деньгами» [Прокопий 1996: 56].

572 г. был ознаменован началом глубоких разногласий между Персией и Византией по кавказскому вопросу. Узнав, что гунны направили посольство к Юстину II, Хосров I забеспокоился. Дело в том, что василевс ежегодно выплачивал персам золото, чтобы вторгающиеся племена не беспокоили оба государства. Теперь Юстин расторг мир, сказав, что ему позорно платить дань персам. «Из-за этого имела место та самая великая война персов и ромеев» [Феофан 1980: 30, 54]. Как полагал И. С. Чичуров, под «вторгающимися племенами», о которых Феофан не говорил конкретно, следует иметь в виду, прежде всего, кавказских гуннов, в основном гунно-савиров [Чичуров 1980: 89]. Действительно, в это время гунны, под которыми имелись в виду савиры, владели Дербентом и были восточными соседями аланов. Савиры беспокоили византийцев и тем, что совершали дерзкие походы на их малоазиатские провинции.

Как видим, во второй половине VI в. савиры обосновались в районе р. Кумы, вдоль Каспийского моря. Против них Византийская империя в основном использовала аварские племена, к этому времени ворвавшиеся в степи Западного Прикаспия и далее в Северное Причерноморье [Акимова 1991]. Фиксация сави-ров во II–VI вв. на большом пространстве Кавказа (северо-вос-ток, юг) говорит об их многочисленности и высокой мобильности.

Опираясь на «Армянскую географию VII в.», И. Г. Семёнов значительно расширяет устоявшиеся представления о ме-стоположении сави-ров. На современной карте область их оби-тания локализуется на территории от нижнего течения Терека до низовий Волги. При этом учитываются уровень Каспийско-го моря и гидрографическая картина этой зоны Прикаспия в VI–VII вв. [Семёнов 2012: 36]. К концу VII в. фактически распадается Западно-тюркский каганат. Одновременно в северо-восточных предгорьях Дагестана на основе раннефеодальных отношений образуется государство Сувар со столицей Варачан (см. рис. 5). По инерции армянские источники продолжают называть его Цар-ством гуннов, а арабские хронисты — Джиданом.

Исследователи даже предполагают, что имя правителя Варача-на, правившего в VII в., было *Вихтун* или *Биктуан* [Marquart 1898: 42; Ашмарин 1902: 62–63; Фасмер 1925: 57]. Оно перекликается с именем *Вихтун* из болгарского Именика. Что касается второго варианта, то он явно поздний ввиду изменения звука *х* на *к* и *в* на *б*. Считается, что этимология прозрачная: *вих*/бик ‘князь’, *тун* или *туан* ‘рожденный’, ‘родной’. Ср. чуваш. *ту* ‘делать, творить, роди-ть’ и *тăван* ‘родной, родственник’. Р. Р. Фасмер был склонен считать, что *Вихтун*/*Биктуан* — князь хуннов (т. е. гуннов). Но общеизвестно, что сави-ров в те времена называли гунны или гунно-савиры. В подтверждение чувашскости имени этого князя (должно быть, воеводы) Н. И. Ашмарин привел название святилища *Киремет* в Козьмодемьянском уезде — *Хоратуан*. Следует доба-вить, что слова *туан* ‘рожденный’ и *тăван* ‘родня, родственник’ — однокоренные. В конечном счете оба восходят к *ту* ‘делать, тво-рить, рожать’. Получается, что *Вихтун*/*Биктуан* по смыслу лучше расшифровывается как ‘наш князь; воевода из нашей родни’ (если совсем точно, то ‘единоутробный’). Поэтому мы имеем не антропо-ним, а статусную форму обращения.

Характеризуя правление князя Алуанка Вараз-Трдата, Мовсес Каланкатуаци также упоминал прекрасный город Варачан — тог-дашнюю столицу сави-ров. Сюда было перевезено бревно от срублен-

ного священного дуба гунно-савиров, поклонников божества *Куара* [Салмин 2016: 298–301]. Посланники великого князя гунно-савиров Алп-Илитуера просили епископа Исроэля согласиться быть учителем и утвердить престол в их городе Варачане [Каланкатуаци 1984: 124–128]. В 684 г. просьба гунно-савиров была удовлетворена.

Дуглас Данлоп и А. В. Тоган считали, что Варачан располагался между Баку и Дарбандом. А. В. Тоган полагал, что слово *Варачан* содержит элемент *var*. С таким видением соглашается Питер Голден [Golden 1980: 244]. Естественно, *var* в названии *Варачан* совпадает с чувашским словом *вар* в значении ‘овраг’. Но имеется еще одна любопытная версия: *var* в значении чувашского же слова-омонима *вар* в значении ‘костный мозг, мякоть, ядро’ [Stachowski 2019: 274], а также «желудок, живот». Например: *Вёсем пёр вартан* (букв.: «Они из одного желудка (чрева), т. е. единопотробные»). Такой вариант позволяет этимологизировать *Варачан* именно как столицу, центр этнического объединения.

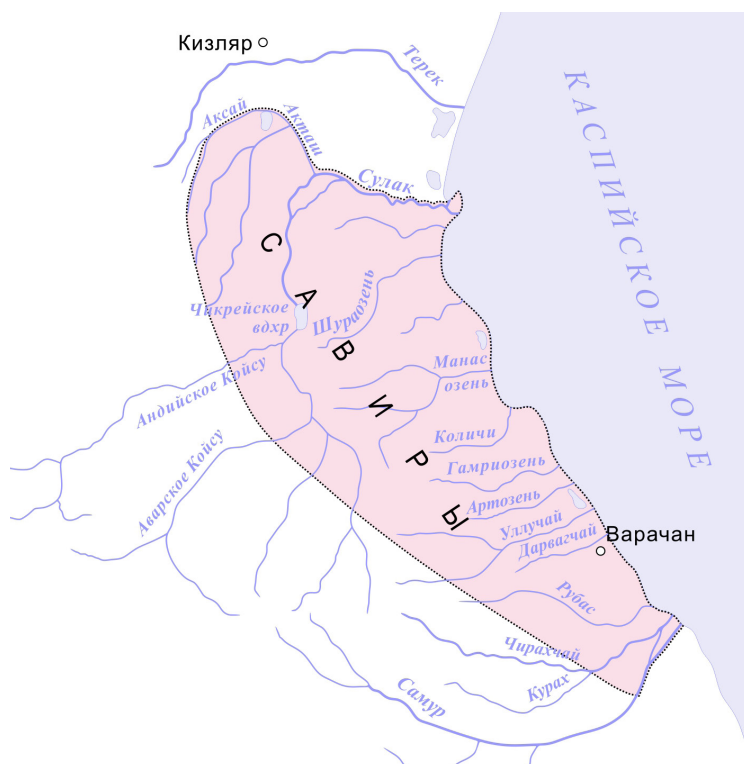

Рис. 5. Страна савиров в 127–737 гг.

Археологические источники и соотношение их с ойконимией позволили идентифицировать г. Варачан с укрепленным поселением *Шах-Сенкер* (чуваш. *сенкер* ‘голубой’), расположенным в 36 км к северу от Дарбанда. Здесь находилась штаб-квартира предводителя гунно-савирав Алп-Илитуера [Gadjiev 2020: 101, 116–117]. Просуществовал г. Варачан до 737 г. После разгрома его арабами столичным городом «страны гуннов» временно становится Семендер [Гмыря 1995: 138]. Затем Семендер/Самандар приобретает статус хазарской столицы.

К концу VII в. Царство гуннов (т. е. савирав) представляло собой вполне самостоятельное государство со своим политическим центром. У него были собственные органы управления, духовная и светская аристократия, многотысячная армия. Если в эти годы на Кавказе из-за вторжения кочевых тюркутов и византийско-иранских войн исчезали народы, то Царство гунно-савирав сумело сохранить свою целостность.

Во второй половине VIII в. военно-политическая ситуация изменилась в пользу Хазарии. Хазары возложили дань и на суваров, и на болгар. Страна Сувар стала хазарским федератом. Однако по состоянию на середину VIII в. Дербент был в руках арабов. Хазары не могли с этим смириться и сделали несколько попыток одолеть крепостные стены, однако безуспешно. Аббасидский халиф Абу Джафар Мансур (правил в 754–775 гг.) отдал приказ правителю Дербента Езиду восстановить старые укрепления. Были отстроены и заселены несколько разрушенных ранее крепостей, в том числе и Сувары. Кроме того, Езид поставил на границах и, конечно, в Сувары по тысяче караульных. Таким образом, все укрепления вокруг Дербента были переполнены войсками, а город огражден от хазар [Мухаммед-Аваби 1898: 83–84]. Как видим, задолго до VIII в. рядом с Дербентом находилась крепость Сувары, первоначально построенная, несомненно, сувавами.

В 723 г. арабский полководец Джаррах вторгся на территорию Вабандара, т. е. Варачана. В городе в то время было 40 000 домов [ал-Куфи 1981: 20].

Согласно Баладзори, арабский полководец Мерван в 737 г. вступил в савирские владения Хамзина-Варачана. Однако жители отказались заключить с Мерваном мирное соглашение. Замок был взят силой после месячной осады. Крепость была сожжена и разрушена. Принудительный договор предполагал доставку в Баб одновременно 500 юношей и девиц, а также 30 000 мер зерна ежегодно [Баладзори 1927: 18]. О взятии арабами Хамзина

писали и другие источники. Историк ал-Куфи, например, говорил, что защитники крепости вступили с арабской армией в сражение: «Марван и владетель крепости сразились в жарком бою, и муслимы потеряли много убитыми» [ал-Куфи 1981: 55]. Армянские источники писали, что Мерван при поддержке армянского князя Ашота предпринял поход на землю гуннов. Он овладел Варачаном и вернулся оттуда победителем, захватив огромную добычу [Вардан 1861: 96; Гевонд 1862: 81–82].

Конечно, под «дагестанскими гуннами» в данном случае имеются в виду савиры, поскольку к этому времени гунны не представляли собой ни единый этнос, ни военно-политический союз. Так по инерции называли савиров, до смерти Аттилы состоявших в конфедерации. Считается, что столица гунно-савиров прекратила свое существование после 737 г. [Гмыря 2012: 4]. Действительно, савиры покинули эти места, но ушли не на Среднее Поволжье, как преподносят некоторые историки [Каховский 1972: 215], а в междуречье низовой Волги и Дона, где вместе с аланами, хазарами и мадьярами образовали салтово-маяцкую археологическую культуру, существовавшую в VIII–IX вв. (см. рис. 24 — на карте помечен только район обитания суваров).

Как видим, Царство гуннов (т. е. суваров) первым приняло на себя удар арабских войск. Конечно, это значительно ослабило арабов, чем и воспользовались хазары. Тогда же, после событий 737 г., в дельте Волги возникает хазарская столица Итиль. Поэтому исследователи считают — и это корректно, — что включение территории страны гуннов (т. е. савиров) в сферу влияния Хазарского государства происходило на фоне арабо-хазарской войны за Кавказ [Гмыря 1995: 75].

Во второй половине IX в. Ибн Хордадбех фиксирует также царство Сувар на северной стороне от Баба [Ибн Хордадбех 1986: 110]. Таким образом, савары/савиры/сувары обитали на Северном Кавказе и побережьях Каспийского моря более семи веков (II–IX вв.). Из них два с лишним века (от смерти Аттилы до вхождения в Хазарское царство, 453–650 гг.) они занимали в Восточном Предкавказье главенствующее положение. При этом выступали на стороне то Персии, то Византии. Впрочем, так же поступали и воинственные аланы. И те, и другие вели то кочевническую, то оседлую жизнь. Во всех случаях савиры/сувары сохраняли целостность, укрепляли свой племенной союз, зарабатывали ратным трудом и выторговывали богатство у своих временных союзников. Источники по инерции продолжают называть страну

савиров со столицей Варачан «страной гуннов». Как правильно отмечается, по уровню социально-экономического развития «страна гуннов» (т. е. савиров) была «на пути формирования государственности» [Гмыря 2007: 111].

Л. Б. Гмыря дает географические ориентиры мест проживания прикаспийских гуннов, что также способствует уточнению района обитания гунно-савиров.

Это

равнинный регион протяженностью в 300 км, ограниченный руслами рек Аксай и Самур, имеющий в основном узко вытянутую конфигурацию шириной 10–30 км, обусловленную расположением его южной части между береговым урезом Каспийского моря и передовой линией горных хребтов Кавказа... Южная часть Прикаспийского Дагестана (от г. Махачкалы до дельты р. Самур) включает Приморскую низменность протяженностью 160 км, имеющую на трех участках сужения, образованные близким подходом к берегу моря горных хребтов, у гг. Махачкалы (ширина 3,5–4 км), Избербаша (4–5 км) и Дербента (3,5 км) [Гмыря 2007: 112].

О многочисленности и мобильности савиров на Кавказе свидетельствует сохранившаяся топонимия. Например, в Северной Осетии и Дигории: *Савир-ком* «Савирское ущелье», р. *Савир-дон* «Савирская река», гора *Савар-тизон-хох* «Савирская гора».

895 г. в южнорусских степях стал поворотным пунктом из-за агрессивной активизации печенегов. Разорение поселений заставило жителей искать подходящие по природным условиям места обитания. Произошел сдвиг населения салтово-маяцкой культуры. Печенегі отправились дальше на запад и вытеснили мадьяров с насиженных мест на северном побережье Черного моря. В 896 г. атака печенегов вынудила мадьяров уйти в Карпаты [Zimonyi 2014: 157–159].

Беспокойство населения Северного Кавказа и более северных территорий было выгодно Византии. Письма византийского императора, адресованные печенегам, свидетельствуют о том, что правительство поддерживало постоянную дипломатическую связь с ними через послов и регулярно посылало им подарки. Именно тогда (почти одновременно с мадьярами) сувары берут курс на север и, поднимаясь вверх, в самом конце IX в. достигают южных рубежей Волжской Булгарии. С этого времени эльтебер

волжских болгар начинает контролировать также барсилы и сувары [Комар 2010: 193].

Сувар на Волге изначально являлся столицей суварского народа. Однако, как показывают письменные источники и археологические данные, до 940 г. это был лишь племенной центр, а не город в собственном смысле слова [Казаков 2014: 230]. Нумизматический материал и письменные документы позволяют утверждать, что в начале X в. он был независим от Булгара и подчинялся хазарскому царю. Но затем, в эпоху между правлениями ханов Насра и Талиба, произошло объединение этих двух городов под началом сыновей Ахмед-хана, которые в 941–992 гг. чеканили монеты как в Суваре, так и в Булгаре (монеты Наср бен-Ахмед-Суvara, Талиба бен-Ахмеда, Мумина бен-Ахмеда). Окончательная потеря самостоятельности Суvara произошла в 976 г. В этот год хан Мумин чеканил монеты в обоих городах [Мухаметшин, Хакимзянов 1987: 88].

Разумеется, каменный Сувар на Волге возник реально не ранее середины XIII в. Поэтому ал-Гарнати (Ибн Сайд) в 1135–1136 гг. писал просто «жители Суvara» [Ал-Гарнати 1971: 27], т. е. жители страны Сувар. Во всяком случае, г. Сувар, возникший на левобережье, «в золотоордынскую эпоху... экономической и политической роли уже не играл» [Егоров 1985: 96].

По определению неизвестного персоязычного автора конца X в., *Sūvar* — город, расположенный недалеко от г. *Bulghār* [Minorsky 1970: 163]. Ибн Са'ид ал-Магриби (ал-Гарнати, XIII в.) отметил, что г. *Савдā* (Сувар) лежит на такой же широте, что и *Булгār* [Ибн Са'ид 2009: 31–32]. Стараниями Ш. Б. Марджани и Г. Н. Ахмарова было определено местоположение Суvara — в 4 км от с. Кузнечихи, на запад по р. Утке. Затем планомерно велись раскопки А. П. Смирнова: «Городище четырехугольной формы расположено в 4 км к западу от Кузнечихи и в 0,5 км к юго-востоку от Даниловки, на равнине, по левому берегу реки Утки» [Смирнов 1941: 137–138]. Более точно — Суварское городище расположено на месте д. Татарский Городок Спасского района. К городищу также примыкали посады (Татгородские, Покровские и Кузнечихинские) [Руденко 2015: 284–287].

По современным ориентирам, земли суваров ограничиваются в основном небольшой юго-западной частью Спасского района Республики Татарстан и всем Старомайным районом Ульяновской области. Выходит, встреча арабской миссии произошла на земле суваров. А это говорит о том, что ко времени прибытия

Ахмеда Ибн Фадлана сувары жили компактно в южной части Волжской Булгарии и не смешивались с болгарскими и другими племенами.

Можно признать верным утверждение, согласно которому Волжская Булгария складывалась в результате объединения под одной властью самостоятельных этнополитических территорий [Мухамадеев 2014: 3–4]. Поэтому важно определить и уточнить местоположение суварских племен в составе Волжской Булгарии. Надежным источником в этом плане является дневник Ахмеда Ибн Фадлана. На юге Волжской Булгарии он последовательно перечислил встреченные их караваном реки: Ирхиз (Иргиз), Бачаг (Моча), Самур (Самара), Кинал (Кинель), Сух (Сок), Кюнджюлю (Кундурча). На последней реке арабская миссия встретила башкир. После Кондурчи была р. Джарамсан (чуваш. *Ўарайман* — «Большой Черемшан»), где и обитали сувары. Встреча с арабским посольством произошла на расстоянии дня и ночи пути от ставки царя. Здесь представители Алмуша стояли четыре дня, ожидая прибытия всех князей Волжской Булгарии для приветствия гостей [Ковалевский 1956: 131]. Князья представляли четыре основных племени страны: болгар, суваров, эскэлов и барсула.

«Кроме того, он [Алмуш] захотел, чтобы произошла перекочевка [племен], и послал за народом, называемым суваз (سوفار), приказывая им перекочевать вместе с ним. [Они] же отказали ему» [Ибн-Фадлан 1956: 139]. Иначе говоря, царь Волжской Булгарии общался с суvarами через посланника. А это означает и политическую, и территориальную независимость суваров от болгар.

Вскоре, в самом конце 922 г., основная часть суваров, несогласных с политикой (в основном с религиозной переориентацией) Алмуша, во главе с предводителем *Вырэх* переправляется (надо полагать, по льду) на правобережье Волги, на земли нынешних полевых (*хирти*) чувашей (юг Чувашской Республики и север Ульяновской области). Фактически происходит окончательное территориальное отделение суваров от государства Волжская Булгария. Стратиграфические данные с Тигашевского городища позволяют констатировать, что к первой четверти X в. здесь появляется новое святилище на месте старого городища. Таким образом, исторические предки чувашей в который раз в своей судьбе отстаивали свою самостоятельность, самобытность/идентичность в историческом, географическом, этническом и экономическом плане. Поэтому включение суваров в число «народов, потерявших

к X в. свою политическую автономию» [Комар 2013: 180], — большая ошибка.

Получается очень интересная картина: за время проанализированной истории предков чувашей длиной в 30 столетий наши прадеды все время продвигались почти по прямой линии: с юга на север. В IX в. до н. э. они обитали на 40° , а в XXI в. н. э. чуваша живут на 56° северной широты. Колоссальная миграция на 16° . А вот по географической долготе их отклонение минимальное: будучи на 42° , оказались на 47° , что составляет всего 5° . Несмотря на военно-политические перипетии, исторические предки чувашей стремились сохранить свою этническую идентичность и численность. Они адаптировались к внешним воздействиям, привыкали к физико-географическим условиям, регулировали взаимоотношения с соседями.

ГЕНОГЕОГРАФИЯ

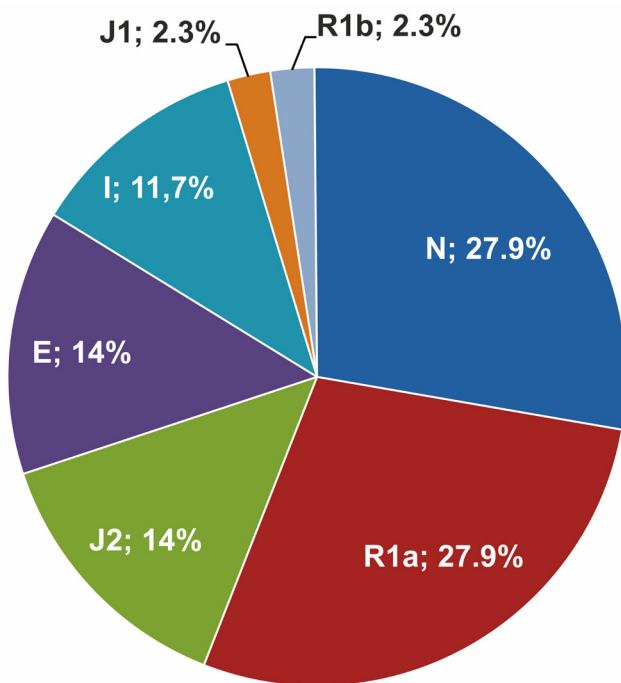

Рис. 6. Распространение Y-хромосомных гаплогрупп у чувашей // Чуваши. Загадка этого народа в их генетике? | SpaceNET (палеогенетика) | Дзен (dzen.ru)

Генетики заявляют о близости популяций Кавказа к популяциям Передней Азии. Такая картина свидетельствует об их общей истории. Временем образования автохтонного населения называют период, следовавший за окончанием Последнего ледникового максимума (ПЛМ, примерно XXIV в. до н. э.), а регионом — юго-восточное Причерноморье. Впоследствии племена мигрировали оттуда на территории Кавказа. Самые древние линии гаплогруппы Н (человеческая митохондриальная эталонная последовательность, с которой сравниваются все прочие) встречаются с максимальной частотой на территории Южного Кавказа и в северной части Передней Азии. А это позволяет предполо-

жить, что возникновение и начальная эволюция гаплогруппы Н имела место именно в данном регионе. Ученые считают очевидным взаимное влияние популяций Кавказа и Передней Азии. Это генетическое единство имеет глубокие исторические корни, а происхождение кавказских популяций связано с территорией этого региона.

Средняя частота западноевразийских гаплогрупп мтДНК в популяциях Кавказа составляет 88,58% (HV, H, V, J, T, U, N1, I, W, X). Однако если рассматривать популяции Кавказа без ногайцев, то частота западноевразийских линий будет 92,78%. Выводы генетиков однозначно указывают на переднеазиатское происхождение их генетического субстрата. Наиболее высокие частоты гаплогруппы Н в популяциях Кавказа и Передней Азии у армян (30,9%), затем карачаевцев, балкарцев (24,6%) и народов Дагестана (22,3%). В целом анализ Y-хромосомных и мтДНК-маркеров позволяет согласиться с мнением историков, антропологов и лингвистов о связи происхождения дагестанцев с древним населением Передней Азии [Кутуев, Хуснутдинова 2011: 170–195; Хуснутдинова и др. 2012: 752; Худавердян 2018: 133–134].

Что касается Y-хромосомы, то тут выделяется специфический для автохтонных популяций Кавказа профиль распределения частот гаплогруппы: высокая частота G-M201, J-12f2 и R1-M173 (преимущественно R1a1a-M198 и R1b1b269). Подобный профиль распределения частот гаплогрупп характерен только для автохтонных популяций Кавказа и не встречается больше нигде в мире. Гаплогруппа G-M201 попадает преимущественно на Кавказе, в Передней Азии и в Средиземноморье. Для этнических групп Северо-Западного и Южного Кавказа характерно повышенное содержание гаплогрупп J2-M172 и G-M201, в то время как на Северо-Восточном Кавказе они встречаются гораздо реже, основная доля приходится на гаплогруппу J1-M267. Например, генетики указывают на связь субварианта гаплогруппы J2-M172 абхазов с народами Южного Предкавказья [Теучеж 2013: 22].

Кроме того, по частоте перечисленных мажорных гаплогрупп следует отметить два отдельных региона внутри Кавказа. Так, для популяций северо-западной и южной частей региона характерна высокая частота гаплогрупп G2-P15, J2-M267 и R1a1a-M198. Этот регион включает абазин, адыгов, балкарцев, черкесов, карбардинцев, карачаевцев, осетин, мегрелов, армян и абхазов. Для Северо-Восточного Кавказа, представленного популяциями андийцев, аварцев, багуалинцев, чамалинцев, чеченцев, даргинцев,

ингушей, кумыков, лезгинов и табасаранов, характерны высокие частоты гаплогрупп J1-M267 и R1b1b2-M269 [Кутуев и др. 2010: 18–23; Хуснутдинова и др. 2012: 754–755]. Особенно высока частота гаплогруппы J1 у коренных малочисленных народов Дагестана. Например, у гунзибцев она составляет 100%, у цезов — более 99%, у бежтинцев — около 98% [Раджабов и др. 2014: 219].

Таким образом, популяции Северо-Восточного Кавказа с одной стороны и Северо-Западного и Южного Кавказа с другой являются во многом разделенными по генетическому признаку. В то же время у них выражено общее переднеазиатское происхождение генетического субстрата. Подобная картина в значительной степени соотносится с представлением о двух путях заселения Кавказа, связанных с западным Прикаспием и восточным Причерноморьем, известных еще с глубокой древности.

Генетические данные свидетельствуют о прямом происхождении кавказских линий с Ближнего Востока, прежде всего — мужских. Это и понятно, поскольку в миграционных процессах изначально участвовало мужское население. Колонизационные потоки могли исходить из района между р. Тигр на востоке и севере Сирии и прилегающей Восточной Анатolieй на западе. В целом наиболее частыми гаплогруппами на Кавказе были J1*-M267 (34%), J2a4b*-M67 (21%), G2a3b1-P303 (12%) и G2a1a-P18 (8%). Они вместе охватывают 73% Y-хромосом. Все четыре основные кавказские гаплогруппы демонстрируют признаки ближневосточного, а не европейского (тем более не сибирского) происхождения. Они либо распространены у населения Ближнего Востока (G2a3b1-P303 и J2a4b*-M67), либо имеют предковые линии, присутствующие там (G2a1*-P16 и J1*-M267). Типичные европейские гаплогруппы очень редки (I2a-P37.2) или ограничены конкретными популяциями (R1a1a-M198) на Кавказе. Эта закономерность предполагает однонаправленный поток генов с Ближнего Востока на Кавказ, который мог произойти во время первоначального палеолитического поселения или последующего неолитического распространения земледелия [Balanovsky et al. 2011].

Существенную долю генетического пула кавказских популяций составляет гаплогруппа U. Бóльшая часть данных субкладов первоначально возникла и эволюционировала на территории Передней Азии. А это позволяет предположить, что субгруппы U, распространенные на территории Кавказа, пришли именно из Передней Азии. Например, гаплогруппа U1 практически не встречается в Европе и Центральной Азии, но широко распространена

в популяциях Передней Азии, что вкупе с ее сравнительно невысокой частотой на Кавказе может свидетельствовать о проникновении в данный регион именно из Передней Азии.

Изучение этнических групп Кавказа с использованием маркеров Y-хромосомы, митохондриальной ДНК, а также полногеномного анализа показало наличие преимущественно (за исключением ногайцев) переднеазиатского компонента. Характерный для народов Кавказа переднеазиатский предковый компонент практически отсутствует у непосредственных северных соседей — народов Восточно-Европейской равнины [Хуснутдинова и др. 2012: 750].

Вариации аутосомных (неполовых) генов на Кавказе показывают значительное единообразие среди этнически и лингвистически разнообразного населения и согласуются преимущественно с версией ближневосточного происхождения кавказцев с незначительными внешними воздействиями. В отличие от аутосомных и мтДНК-вариаций показатели региональных Y-хромосом дают основание различать восточных и западных северокавказцев. Кроме того, племена Кавказа и Восточной Европы в период после ПЛМ, возможно, послужили рефугиумом для заселения Восточной Европы. Произошло это 26 000 лет назад. В это время первые переселенцы через Кавказ достигали северных районов [Yunusbayev et al. 2012]. В целом распределение гаплогрупп мтДНК, как и Y-хромосомы, а также анализ линий в популяциях Кавказа свидетельствуют о том, что генетическую популяцию Кавказа составляет автохтонный субстрат.

Анализ аутосомных данных показывает, что кластер (объединение нескольких однородных элементов) $K = 7$ является основным родословным компонентом кавказских народов. Он имеется на Ближнем Востоке, но практически отсутствует среди непосредственных северных соседей — населения Восточно-Европейской равнины. Однако по аутосомным данным есть некоторые доказательства противоположного потока генов из Восточной Европы на Северный Кавказ, что подтверждается наличием Y-хромосомных гаплогрупп R1a1. Таким образом, налицо генетические разрывы между Кавказом и Восточно-Европейской равниной. Это свидетельствует о том, что ядро аутосомно-генетической структуры популяций Кавказа сформировано до его современного языкового разнообразия.

В популяциях Волго-Уральского региона подавляющее большинство (82,7%) представлено западноевразийскими гаплогруппами. Наибольший вклад в митохондриальный генофонд региона

вносят линии гаплогрупп Н (25%), U (21%) и Т (11,5%). В сумме они составляют около половины всех гаплогрупп мтДНК в Волго-Уральском регионе. Основная доля отцовского генофонда изученных популяций приходится на гаплогруппы R-M269, R-M198 и N-M231 [Трофимова 2015: 8, 16, 21].

Сегодня, к счастью, уже нет той глухой стены, которая бы огораживала исследователей исторических предков чувашей от обоснованной теории исходной принадлежности к кавказскому региону. По крайней мере, относительно II–VIII вв. точно. По обсуждаемой теме имеются предварительные изыскания [Arnaiz-Villena et al. 2003: 375–392; Graf et al. 2012: 17–67; Salmin 2022: 9–17].

Среди урало-поволжских тюркских народов чуваша обладают наибольшими частотами гаплогрупп Н, К, U2 и V [Булыгина, Соловьев 2013: 73–74]. Если говорить более определенно, то следует признать западноевразийское происхождение исторических предков чувашей. Точнее, они имеют историческую и генетическую связь с автохтонным населением Кавказа, в том числе Южного Закавказья и Восточной Анатолии.

По данным геногеографии, сапиры, с IX по I в. до н. э. жившие на Юго-Западном Кавказе (в пространстве р. Чорох — оз. Ван — оз. Севан), были типичными носителями гаплогруппы Н. Также известно, что савиры во II–VIII вв. н. э. были одним из многочисленных и активных племен на Северном Кавказе. Отсюда можно заключить, что савиры пришли на Северный Кавказ из Закавказья (Юго-Восточного Причерноморья). Поэтому генетические предки суваров и чувашей, как наследников савиров/сапиров, также являются выходцами из переднеазиатско-причерноморского региона.

Вплоть до сегодняшнего дня превалирует мнение об исходе всех тюрков из Южной Сибири. Однако у так называемых тюркских народов (имеются в виду казанские татары и чуваша) более тесная генетическая связь со своими географическими соседями, чем с родственниками по языку. «Ограниченное присутствие восточноазиатских линий мтДНК в этих двух волго-уральских популяциях отражает последствия языковой замены, которая произошла в результате доминирования элиты» [Khusnutdinova et al. 2008: 376]. К аналогичным выводам приходят и другие генетики. У центральноазиатских тюркоязычных народов, в том числе у казахов и узбеков, восточноазиатское генетическое влияние является доминирующим (> 35%), в то время как у башкир оно выражено на более низких уровнях (~ 20%). Важно отметить, что

у носителей западнотюркских языков, таких как чувашаи и волжские татары, восточноазиатский компонент был обнаружен лишь в небольших количествах (~ 5%) [Triska et al. 2017: 10].

В то же время большинство отцовских линий волго-уральского населения относится к западно-евразийским Y-хромосомным гаплогруппам. Об этом же свидетельствует дендограмма генетических расстояний между популяциями. Например, родственные казанские татары и чувашаи в этом плане наиболее близки к лезгинам, марийцам, а также даргинцам и аварцам. Генетики склонны объяснить такой «парадокс» «случайными эффектами, связанными с небольшой численностью выборки» [Степанов и др. 2011: 67]. Но если учесть древнюю и средневековую историю казанских татар и чувашей, то никакого парадокса тут нет.

Гаплогруппа H, как переднеазиатский субстрат, занимает одно из первых мест по частоте распространения у большинства народов Волго-Уральского региона (у башкир, татар, чувашей, мордвы и марийцев). По частоте распространения в популяциях Волго-Уральского региона важное место занимает кластер U, считающийся одним из самых древних, его эволюционный возраст составляет 50 000 лет. Данный кластер в регионе имеет наибольшее значение у чувашей (43,6%), коми-зырян (37,1%), татар (29,4%) и башкир (28,5%). В Волго-Уральском регионе наибольшее распространение получили гаплогруппы U5 и U4. Наряду с финно-угорскими популяциями гаплогруппа U5 с высокой частотой выявлена у башкир, татар и чувашей. Подкластер U3 в Европе встречается редко и не обнаружен в Центральной Азии. Высокий уровень генетического разнообразия гаплогруппы U3 выявлен в популяциях Кавказа (Осетия, Грузия, Армения) и Турции. В популяциях татар и чувашей данный подкластер представлен двумя линиями, найденными ранее у турков, армян и ногайцев [Бермишева и др. 2002: 992–994, 996].

Распределение частот гаплогрупп Y-хромосомы среди народов Волго-Уральского региона свидетельствует о преобладании здесь гаплогруппы R1a1a-M198 [Трофимова и др. 2015: табл. 1]. Самая высокая частота у мордвы — 42,4%. У чувашей она составляет 29,5%. Близкими к чувашам по частоте являются бесермяне (32,1%). В этом отношении народы Волго-Уральского региона близки к автохтонам Кавказа: у них R1a1a-M198 также входит в число преимущественных мажорных гаплогрупп. Притом у чувашей имеется большое сходство с народами северо-западной и южной частей Кавказа. Следует учесть, что рассматриваемая

гаплогруппа R1a1a-M198 на территории современного Дагестана изначально отсутствовала [Хуснутдинова и др. 2012: 755]. Изучение популяций в генетическом пространстве евразийской степи и смежных регионов по набору 24 гаплогрупп Y-хромосомы показывает близость чувашей, прежде всего, к карачаевцам и балкарцам [Схалыхо и др. 2013: Табл. 3].

Однако у народов Волго-Уральского региона достаточно высокие показатели и гаплогруппы N-M231, имеющие параллели с Южной и Западной Азией, а также с Внутренней Азией и Южной Сибирью [Трофимова и др. 2015: 123]. У чувашей N-M231 составляет 27,3%, близкий результат у казанских татар — 28,3%, самые высокие показатели N-M231 у марийцев — 79,5%. По частоте гаплогруппы N в мтДНК среди популяций Волго-Уральского региона чувашаи занимают первое место. Этот показатель составляет у них 69%, у бурзянских башкир и казанских татар — 57 и 56% соответственно. Почти аналогичная картина по частоте гаплогрупп Y-хромосомы среди популяций Волго-Уральского региона. Чувашаи по этим показателям близки к марийцам, коми и туймазинским татарам. По данным мтДНК, в целом чувашаи в Волго-Уральском регионе ближе всего к казанским татарам и дальше всего от пермских башкир [Трофимова 2015: 8, 16, 17]. В разрезе гаплогруппы N следует признать значительное влияние на чувашей племен Внутренней Азии и Южной Сибири — даже больше, чем на урало-поволжских башкир и татар. Притом по ДНК-локусам ядерного генома чувашаи ближе к марийцам и удмуртам, чем к татарам и башкирам. Генетическую близость популяции чувашей к марийцам и удмуртам можно объяснить их территориальной близостью, а также историческим смешением чувашей с марийцами [Васильева и др. 2013: 3, 18]. Вся эта пестрая генетическая картина свидетельствует, по крайней мере, о соединении в популяции современных чувашей трех основных геномов. Речь идет о кавказском, европейском и южносибирском сближениях.

Что касается смешения чувашей с восточноазиатскими/сибирскими популяциями, то, как пишут генетики, эти события начинали происходить с IX в. [Yunusbayev et al. 2015: 14].

Образцы 96 неродственных лиц из Чувашии были секвенированы по показателям молекул митохондриальной ДНК. Большинство обследованных людей, как и все представители западных и северных европейцев, обнаруживает гаплогруппы H (31%), U (22%) и K (11%). Но названные показатели отсутствуют в алтайских или монгольских популяциях. Таким образом, исследо-

вания мтДНК-маркеров показывают, что исходно чувашаи не связаны с алтайским и монгольским населением по материнской линии [Graf et al. 2012: 17–67]. В то же время анализ отдельных генов в популяции чувашей свидетельствует в пользу их монголоидности (например, аллели 240), а некоторых (например, аллели 244) — в пользу европеоидности [Хуснутдинова и др. 2003: 1557]. Выходит, что чувашаи сменили автохтонный язык на тюркский, а их генофонд остался без значительных изменений.

Уже после того, как была поставлена точка в рукописи книги, я получил от Genotek отчет по моему анонимному анализу ДНК. Результаты говорят о том, что моими предками были чувашаи (87%) и поволжские татары (13%). Гаплогруппы представлены следующим образом: по мужской линии — I2a2a1b2a2, по женской линии — U4b3. Выходит, что гаплогруппа I2a досталась мне от европейских предков. Гаплогруппа U первоначально возникла и эволюционировала на территории Передней Азии и имеет высокий процент в популяциях Кавказа. Ее возраст составляет 50 000 лет. А гаплогруппа U4 свойственна волго-уральским народам. Получается, я являюсь типичным представителем сави-ров/чувашей. Хотя некоторые склонны сравнивать результаты Genotek с гороскопом, тем не менее любопытно.

АНТРОПОЛОГИЯ

Рис. 7. Ольга Петрова, родом из Канашского района Чувашской Республики (фото предоставлено Ольгой Петровой)

Исторические предки чувашей — сапиры/савиры/сувары — имеют прямое отношение к Кавказскому региону. По крайней мере — по историческим источникам II–VIII вв. Поэтому мнение антропологов об этнической картине по кавказским народам имеет архиважное значение.

Как считала Т.А.Трофимова, в состав формировавшейся чувашской народности вошло несколько основных антропологических типов. Это лапоноидный тип, европеоидный восточно-средиземноморский тип, европеоидный относительно широколицый тип, широконосый и прогнатный тип с «негроидными» особенностями, монголоидный длинноголовый тип с относительно узким лицом [Трофимова 1950: 64].

Изучение антропологических показателей кавказцев эпохи бронзы (III–II тысячелетие до н. э.) приводит к общему заключению о доминантности средиземноморского типа. Это резко выраженная долихокrania, высокий свод мозговой коробки; уже среднего и выше среднего лицо, резко профилированное в горизонтальной плоскости; высокое переносье, уже среднего, средней высоты и резко выступающий нос. В этот период наиболее близкие к кавказским особенностям антропологические формы засвидетельствованы в основном в переднеазиатских и средиземноморских краниологических сериях. Выходит, в бронзовый период на территории всего Кавказа был распространен один антропологический тип, который засвидетельствован в сериях как с территории Южного Предкавказья, так и Северного Кавказа. Морфологическая гомогенность раннеантичных черепов с территории Кавказа полностью исключает если не этническую, то, во всяком случае, большую этногенетическую пестроту населения. На юге Предкавказья в это время известна только кавказская разновидность средиземноморской расы [Абдушелишвили 2003: 251–254].

В составе Центрального Кавказа выделяют кавкасионский тип. Сюда относятся осетины и картвельская группа (сваны, пшавы, рачинцы и др.). Кавкасионский тип представлен и в Западном Дагестане (аварцы и андийская группа). В целом все население Кавказа, проживающее по отрогам центральной части Кавказского хребта, объединяет морфологическое сходство. Антропологи пишут о формировании кавкасионского типа на той же территории, какую он занимает в настоящее время. Это результат консервации особенностей древнейшего населения, восходящего к эпохе неолита или верхнего палеолита и относившегося к палеоевропейскому типу европеоидной расы. Изоляция в труднодоступных

районах высокогорья способствовала их сохранению. Поэтому есть основания говорить не только об антропологических, но и культурно-исторических особенностях [Алексеев 1963: 28–64]. Сходство популяционных характеристик Северного Кавказа и Западного Закавказья показывает, что основу одонтологического статуса северокавказских популяций составляет морфологический комплекс западного подтипа южного грациального типа [Кашибадзе 2007: 30–31].

Палеоантропологический материал населения Дагестана до периода позднего Средневековья свидетельствует о преобладании долихокранного и узколицевого типа, близкого к древнему населению Южного Предкавказья и Передней Азии. Присутствие других типов менее выражено. В целом связь кочевников Южного и Северного Кавказа остается несомненной [Гаджиев 1975: 63].

Анализ краниологического материала с территории Северного Кавказа от эпохи бронзы до Средневековья, связанного с предками балкарцев, приводит к выводу о том, что не выявляются ни аланский, ни тюркский компоненты. Современные балкарцы, как и карачаевцы, чеченцы, ингуши, осетины и представители горно-грузинских групп, входят в круг популяций понтийского антропологического типа, хотя всеми признается существенное влияние огузских племен на карачаевский язык и доминирование в балкарском языке кыпчакского слоя. Таким образом, тюркизация на Кавказе не сопровождалась сменой населения. Если допустить биологическое смешение, то оно имело спорадический характер [Герасимова 2013: 52–53, 68–69]. Савиры, обитавшие в Южном Предкавказье и на Кавказе с древнейших времен до конца VIII в., фактически входили в анализируемый антропологический регион.

Судить об антропологическом типе жителей города и страны Сувар (VI–VIII вв., западное Прикаспийское побережье) можно по краниометрическим данным серий из могильников Урцеки, Дегва, Агач-кала, Узун-тала. «Тип, представленный в этих могильниках, коренной дагестанский, связанный с древним пластом автохтонного населения обширного этнокультурного региона, в границы которого входят как предгорья, так и некоторые горные районы Дагестана» [Фёдоров, Фёдоров 1978: 186–187]. Прослеживаются также связи этого региона с Южным Предкавказьем и Передней Азией.

Антропологические исследования салтово-маяцких могильников показали, что все похороненные относятся к брахикра-

нам-европеоидам. Такие же показатели обнаружены в образцах из Волжской Булгарии и Дунайской Болгарии [Плетнева 1981: 70]. В могильнике Донауровского некрополя г. Джукетау (на западной окраине современного г. Чистополя Республики Татарстан), датируемого XI–XII вв., выявлено около 30 захоронений. Антропологический материал свидетельствует о начальном этапе этнокультурного и этногенетического взаимодействия местного населения, имеющего поволжско-приуральские истоки, с группами населения, переселявшегося на Среднюю Волгу с территории распространения салтово-маяцкой культуры [Газимзянов, Набиуллин 2011: 22].

Население Чкаловского района (ныне входит в Батыревский район) является наиболее европеоидным. В целом оно приближается к валдайскому или балтийскому типу. К чкаловцам больше всего близки яльчикцы. Здесь люди имеют свой набор признаков: у них более темная пигментация, рост выше среднего, большой процент высоких переносьев и сильной профилировки лица. Все это обнаруживает в них черты понтийского типа. Население Первомайского района, хотя и южное, характеризуется теми же признаками, что и жители северных районов. От батыревцев и яльчикцев они отличаются более низким ростом, но, как и они, имеют несколько бóльшую европеоидность по сравнению с верховыми чувашами [Алексеева 1955: 94]. Как подтверждают краниологические исследования, чуваша (особенно южные) относятся к ряду наиболее европеоидных народов [Моисеев 1999: 47, 50, 62]. Современные исследования европеоидных компонентов в митохондриальном (внеядерном) генофонде народов Волго-Уральского региона позволили обнаружить бóльшую пропорцию европеоидности в популяциях коми (83%) и мордвы (76%), меньшую — у марийцев (53%) и чувашей (63%) [Хуснутдинова и др. 2006: 142, 146].

Монголоидный признак по всей Чувашской Республике выражен неравномерно. Проявляется он резче всего в горизонтальной профилировке лица и наличии эпикантуса. В равнинных районах данный признак выражен совсем слабо, население этих районов тяготеет к европеоидам Среднего Поволжья, в частности к мордве [Алексеева 1955: 94, 96, 97].

Согласно М. С. Акимовой и Т. И. Алексеевой, мужские черепа северных и южных чувашей очень сходны между собой. Различия весьма незначительны и позволяют отнести мужские черепа южных и северных чувашей к одному антропологическому типу. Т. А. Трофимова допускала также включение и другого

монголоидного компонента, который, видимо, был принесен гунно-булгарскими племенами. Уральский тип в смягченном варианте — субуральском — наиболее ясно выявляется в женской серии с территории южной Чувашии [Акимова 1955: 82, 84, 86].

Остеологические данные средневекового населения Поволжья позволяют реконструировать физический тип. Тогда люди были брахиморфны, с укороченными нижними конечностями. Чувашаи наряду с мари́йцами и удмуртами имеют наибольшее сходство со средневековым населением Поволжья [Тихонов 2003: 222].

В 1936 г. в Чувашской Республике работала экспедиция НИИ и Музея антропологии МГУ. Результаты исследований свидетельствуют, что чувашаи в целом характеризуются низким ростом, длинной и средней ширины головой, средневысоким переносьем, пониженным ростом бороды. По одним признакам они сходны с левобережными мари, ижевскими удмуртами и коми-пермяками, по другим — с татарами [Алексеева 2004: 50–51]. Исследования низовых и верховых чувашей в середине XX в. свидетельствуют, что суммарно население характеризуется средними показателями по многим параметрам. У них средний рост, в основном темные волосы, слабый рост бороды и очень слабый волосяной покров на теле, средневысокое и среднеширокое лицо со средней профилировкой. Нос также средней высоты и ширины, высота переносья чуть ниже средней, профиль носа и профиль костной части носа прямой. Однако голова брахицефальная, лоб средненаклонный, надбровье среднее [Алексеева 1955: 94].

По данному вопросу наиболее точным выглядит утверждение В. П. Алексеева: «Даже при поверхностном морфологическом описании видно, что краниологически чувашаи похожи на своих финноязычных соседей» [Алексеев 1971: 248]. Краниоскопические и краниометрические показатели свидетельствуют о близости чувашей к мордве, луговым мари́йцам, а также о наличии у них значительного финского субстрата [Козинцев, Моисеев 1995: 85, 86]. Замеры Т. И. Алексеевой говорят о близости чувашей к горным мари́йцам [Алексеева 1955: 94]. С. Г. Ефимова пишет о сходстве морфологических особенностей чувашских черепов с таковыми у финно-угорских групп Поволжско-Приуральского региона [Ефимова 2004: 60]. Исследования современного населения северных районов Чувашской Республики позволяют говорить о том, что наибольшую и практически одинаковую генетическую близость чувашаи обнаруживают с мари́йцами, двумя

субэтническими группами коми и татарской популяцией [Спицын и др. 2009: 1274].

Такой вывод ожидаем с исторической точки зрения. Расширение района исследования включило бы и некоторые другие народы региона, имеющие антропологическое сходство. Например, особенности пальцевых узоров народов Волго-Камского региона демонстрируют сходные тенденции во всех изученных группах. Они указывают на преобладание европеоидного компонента в дерматоглифике башкир, марийцев, татар и удмуртов Башкирии, чувашей Чувашской Республики, а также мордовских и русских мужчин юго-восточной Мордовии [Шпак и др. 2015: 162]. Данные антропологические сходства разноразличных народов Волго-Камья объяснимы не столько их генетическим родством, сколько их географической близостью и многовековым соседством.

Как верно отмечают антропологи, сходство между общностями по культурным характеристикам не всегда может считаться свидетельством общности происхождения. Также сходство физических характеристик представителей отдельных общностей не всегда говорит об их культурном единстве. Как биологические, так и этнические общности в своей истории проходят «переплавку» в новой социально-экологической обстановке. Формы, темпы и конкретика такой «переплавки» и должны быть темой тщательного исследования. Иначе говоря, социально-исторические и биологические факторы племен и народов «являются сторонами единого процесса — освоения человеком земного пространства, приспособления к нему» [Дубова 2002: 72–73].

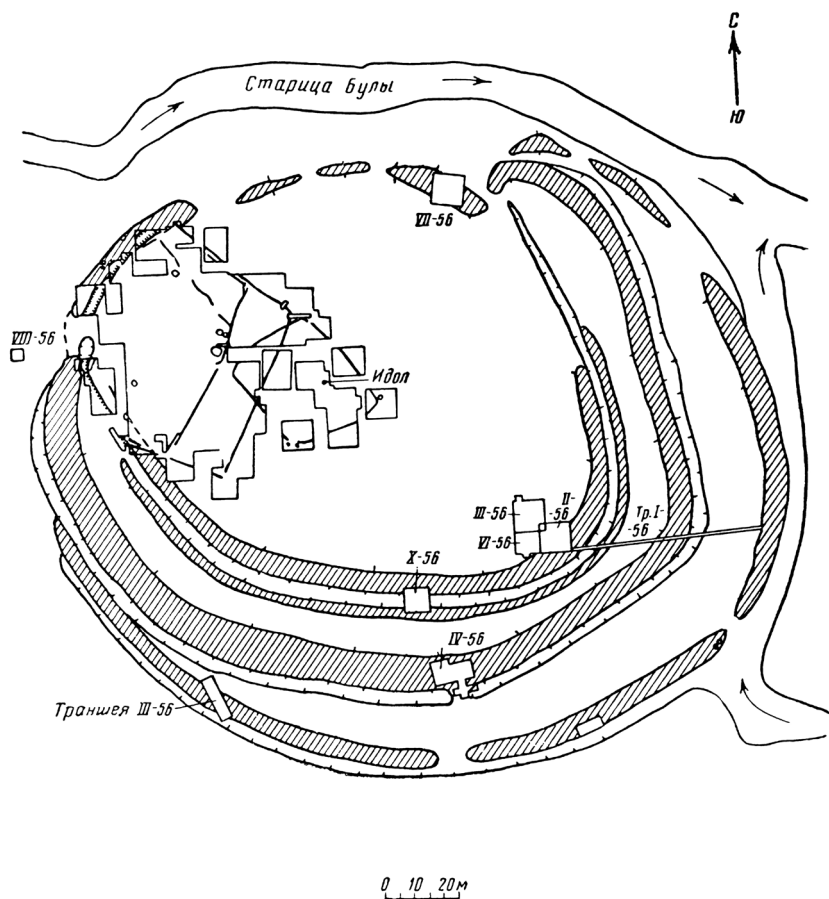

Рис. 8. План городища Тигашево [Фёдоров-Давыдов 1962: 59]

Настоящая глава является продолжением авторских исследований по истории исторических предков чувашского народа — савиров/суваров. Археологические источники и изыскания в этом направлении занимают одно из ключевых мест [Salmin 2022a: 1244–1253]. Попробуем проанализировать материалы и исследования, охватывающие промежуток с V в. до н. э. по X в. н. э. В пространственном отношении нас интересуют Кавказ и Среднее Поволжье. Основной акцент сделан на Закавказье.

ском, Дагестанском и Средневожском периодах истории саспиров/савиров/суваров. Притом все три имеют точную датировку: IX–I вв. до н. э., не позднее II в. — 737 г., 896–922 гг.

Южное Предкавказье

Как показывают археологические исследования, древние общности Южного Предкавказья появились в результате миграции населения с юга. Например, отмечается важность районов Северной Месопотамии, Восточной Анатолии и Сирии в решении проблем, приведших к становлению майкопской культуры в Предкавказье. Радиоуглеродное изучение майкопско-новосвободненской общности показало связь с урукским периодом. Именно носители майкопско-новосвободненской общности сохранили в своей среде традиции изготовления круговой знаковой керамики, столь напоминающей посуду восточноанатолийского памятника Арслантепе VII, и расселились по долинам рек Кубань, Терек и их притоков. Одной из причин появления носителей будущей майкопской культуры в Предкавказье стало складывание в долинах Терека и Кубани благоприятных климатических условий для поверхностной обработки почвы и придомного разведения скота. Поселение Галаюгаевское 3 на Тереке дает дату 3950–3650 гг. до н. э. Поэтому можно поставить вопрос об очень раннем появлении носителей традиций изготовления урукской керамики на территории современной Южной Осетии и в Центральном Предкавказье, включая Верхнее Прикубанье. Археологи затрудняются сказать, сколько было южных импульсов в Предкавказье и, главное, как они были организованы. Но имеющиеся материалы позволяют говорить о сходстве деталей вещей и орнаментов. Весьма показательны в этом отношении, например, миски с убранным внутрь бортиком. Они локализованы только в Прикубанье. Такие же миски зафиксированы в Восточной Анатолии и Северной Сирии времени среднего Урука [Кореневский 2004: 90–92; 2014: 68–69].

Однако историки призывают отказаться от одностороннего похода в оценке переднеазиатско-кавказских связей. Они напоминают, что в период мезолита движение шло не только с юга на север, одновременно формировались две ветви протохаттского населения (надо полагать — и археологические культуры) — анатолийская и кавказская. На их основе строились этнические истории «кавказских народов, известных сейчас под названиями черкесов, абхазов, абазин» [Бгажноков 2018: 7].

Кавказ

В 2014 г. в низовьях р. Рубас (Дербентский район Дагестана) были проведены раскопки. Хронология обнаруженного здесь архитектурного объекта (середина V в.) практически совпадает с заключительным этапом бытования Паласа-Сыртского поселения (VI в.). В середине V в. происходит резкая смена облика населения. Верхняя дата могильника (середина V в.) указывает на внедрение и закрепление в регионе Сасанидского Ирана. Сасаниды вытеснили обитавшие здесь племена за пределы своего влияния, к северу от Дербентского прохода [Гмыря и др. 2015: 166]. Данное открытие дагестанских археологов трудно переоценить, и вот почему. Исторические источники показывают, что в V в. в регионе происходили важные события. В 445 г. Атила насильственно устранил родного брата Бледу, командовавшего восточными гунно-савирами, и захватил власть в свои руки. В 453 г. умер сам Атила, и таким образом для савиров открылась перспектива. Примерно в 463 г. савиры, обитавшие на западном побережье Каспийского моря, якобы из-за атаки аваров вторглись на земли соседних племен (сарагуров, урогов и оногуров). Сарагуры, как утверждается в литературе, в свою очередь, напали на акациров. Вскоре савиры и вовсе вынудили оногуров (булгар) покинуть их земли и передвинуться на запад Предкавказья. Но все дело в том (как показывают археологические открытия), что в середине V в. савиры покинули Дербентский регион не из-за псевдоаваров, а из-за наступления Сасанидского Ирана.

В 2017 и 2019 гг. были проведены раскопки на месте Дербентского поселения, предшествовавшего Дербентскому оборонительному комплексу (конец 560-х гг.). Оно идентифицируется городом-крепостью *Чор/Чол*. Здесь вскрыты культурные слои V–VI вв. Обнаруженные кувшины представляют образцы сасанидской керамики. Их расположение *in situ* свидетельствует о внезапном оставлении крепости в связи с неожиданно возникшей опасностью. «В отдельных местах помещения на уровне пола фиксировались зольные пятна, обожженные участки, скопления древесных угольков, следы сгоревших деревянных тонких балок и жердей» [Гаджиев и др. 2020: 465]. Авторы раскопок полагают, что «этот комплекс прекратил свое существование в период бурных военно-политических событий середины V в. или начала VI в., а именно во время антисасанидского восстания 450–451 гг. или ирано-савирской войны 503–508 гг.» [Гаджиев и др. 2022:

519]. Так археологические открытия XXI в. окончательно объясняют глобальные передвижения племен в середине V — начале VI в. на Кавказе.

Впускное погребение на кургане Уч-тепе (Азербайджан) связано с походами северных племен в Южное Предкавказье. Здесь найдена золотая византийская монета Юстина I (518–527 гг.). Инвентарь из погребения (меч с односторонним лезвием, золотой поясной набор, золотой перстень с пехлевийской надписью) позволяет датировать погребение концом VI — началом VII в. [Фёдоров, Фёдоров 1978: 61, 64]. Это время расцвета великолепного Варачана и Царства гуннов (т. е. савиров).

На Кавказе нас больше всего интересуют могильники — например, в Верхнем Чирюрте (Кизилюртовский район Дагестана). Неустойчивая ориентировка здешних погребений свидетельствует об этнической неоднородности населения Присулакской низменности эпохи раннего Средневековья. Это отражается и на краниологическом материале. Принимая во внимание свидетельства источников, можно допустить, что в составе населения, оставившего этот могильник, определенное место занимали савиры. Например, грунтовыми могилам здесь выделен особый участок.

Археологический материал позволяет судить об ассимиляции савиров с аборигенами Кавказа. «Интересен факт наличия на поселениях Северного Дагестана серой и черной глиняной посуды, аналогичной той, которая в значительном числе известна в болгарских городах Среднего Поволжья как по левобережью Волги, так и правому берегу, включая территорию Чувашии» [Смирнов 1973: 133]. Такая посуда встречается на Средней Волге только с X в., т. е. с возникновением государства Волжская Булгария. Посуда из красной глины гончарного изготовления в виде кувшинов с узким и высоким горлом раннехазарского периода находит аналогии в посуде из Самосделкино и Суvara [Васильев, Зиливинская 2011: 163]. А это, естественно, говорит о преемственности между культурами савиров и хазар.

Левобережье Среднего Поволжья

В Биляре и Суваре — первых городах Волжско-Камской Булгарии — реки, водные протоки и сезонные озера были включены в пространственно-планировочные структуры и являлись составной частью оборонительных систем. Аналогичный прием наблюдается в пространственно-планировочной структуре болгарской

столицы Плиски. Столицу Биляр, помимо валов, защищали крепости. От них остались городища Горинское I и Святой Ключ. Возле Булгара сохранилась крепость с северной стороны (Кривельское городище), у Джукетау — крепости с юга и запада (Белогорское и Кубасское городища), рядом с Суваром — крепость с востока (Якимово-Стрелкинское городище) [Надырова 2012: 40–41, 46].

Сувар был одним из крупнейших городов Волжско-Камской Булгарии. Традиционно считается, что его основали сувары, входившие наряду с булгарами и другими племенами в протекторат Хазарского каганата. В начале X в., в период образования государства в Волго-Камье, сувары состояли в булгарской конфедерации племен.

Одноименное городище Сувар имеет в плане округлую форму с длиной окружности около 4,5 км. Если сравнивать с Биляром, то Сувар приближался по размерам к его внутреннему городу с длиной окружности около 4,86 км. Диаметр городища в среднем составляет 1,43 км. Площадь древнего города внутри укреплений составляла 64 га, а вместе с укреплениями — более 90 га. С северо-западной, юго-западной и южной сторон город был окружен двумя линиями укреплений из валов и рвов. В юго-восточной и восточной части оборона была усилена третьей линией, проходившей на расстоянии 40–50 м от двух первых. Наружный ров имел первоначальную глубину 5 м. В систему укреплений включались овраги. С северной стороны, вдоль левого берега р. Утки, оборонительные сооружения практически не сохранились. В южной части городища были укрепления со срубами в насыпи первоначального внутреннего вала высотой до 2 м. Срубы-клетки (4 × 5 м) поставлены впритык один к другому, изнутри засыпаны утрамбованной глиной и кирпичным щебнем. На всем своем протяжении крепостные стены имели башни. Перед проездыми башнями были перекинuty мосты через ров, склоны которого укреплялись горизонтальными слегами, а дно — вертикальными кольями с заостренными концами. За внешними стенами к городу примыкали посадки [Надырова 2012: 56].

Окна монументальных сооружений в городах Волжско-Камской Булгарии были застеклены. Помимо Биляра, оконные стекла найдены также в Суварском городище и Краснослюдюковском I. Они аналогичны стеклам в постройках Ближнего Востока, Средней Азии, Закавказья. Их производили в городах Булгарии, о чем свидетельствуют находки на Билярском городище мастер-

ских с печами и остатками ремесленного производства стекла [Надырова 2012: 86–87]. В Суваре, как и в Биляре, пользовались стеклянными кубками и флакончиками разных размеров и декора. Относятся они в основном к X–XIII вв. Их аналоги найдены на Самосдельском городище [Валиулина, Зиливинская 2011: 102, 106], что позволяет говорить или о единой технологии, или о торговых связях.

Как видим, с топонимом *Сувар* связаны археологические артефакты клана суваз/сувар [Руденко 2015: 185].

Правобережье Среднего Поволжья

Археологами подтверждается заселение суvarами правобережья Волги в начале X в. На территории современной Чувашской Республики суварские поселения появились на черноземных полях вдоль рек Булы, Улемы и Кубни. Здесь, близ селений Большие Яльчики, Байдеряково, Арабузи, Новое Ахпердино, Старые Тойси, Русские Норваши, Янашево, обнаружены селища. Найдены обломки гончарной посуды, пряслица, кости домашних животных и другие культурные остатки [Каховский, Смирнов 1972а: 116].

Особый интерес представляет Тигашевское городище, расположенное на правом берегу Булы. Всего за три года здесь было вскрыто почти 6000 кв. м площади. Установлено, что хронология памятника расчленяется на четыре периода: 1) срубная стоянка; 2) сооружение первого святилища, окруженного рвом, без валов (Г. А. Фёдоров-Давыдов по традиции назвал его болгарским, но оно явно суварское, потому что он под историческими предками чувашей имел в виду болгар); 3) сооружение городища с мощной системой укреплений, внутри строилось второе святилище с деревянной фигурой божества; 4) внутренняя площадка городища застраивалась жилыми и ремесленными сооружениями. Второе святилище разрушено: жилая территория городища расширена за счет уничтожения внутреннего кольца обороны [Фёдоров-Давыдов 1962: 49–89].

Оборонительная система была построена по определенному плану. Между валами было оставлено пространство свободной земли... Если бы атакующие прорвались через первые ворота, то они попали бы в замкнутое пространство между стенами. Если бы они развернулись и пошли направо, они бы попали в тупик и погибли под градом стрел, которые сыпались бы на них с обеих сторон. Только

повернув налево, противник мог дойти до вторых ворот во второй стене, но при этом воинам, атакующим замок, нужно было повернуться правым боком к защитникам, стоящим на второй стене замка. А щит висел на левой руке и защищал левый бок, так как правую руку нужно было освободить для меча. Но даже если ослабленный и понесший потери противник все же доходил до вторых ворот, то за ними его ждала та же западня. Повернув направо, воины попадали в тупик между второй и третьей стеной замка, повернув налево, они получали возможность дойти до третьих ворот, но опять поворачивались правым боком к защитникам, то есть оказывались в самом невыгодном положении [Фёдоров-Давыдов 1968: 15].

Автор раскопок считал, что крепость представляла собой в это время феодальный замок. С внешней стороны забора, около восточного угла, в яме найдены кости лошади. Там же обнаружен расчлененный скелет собаки. Еще два найдены на северном валу городища. Со временем второе святилище было расширено и застроена его внутренняя территория. Здесь имелась печь. Положение печи в углу дома и наличие деревянных брусьев под ней свидетельствуют о сходстве с устройством чувашского крестьянского дома. Площадь самого жилища с печью составляет 45 кв. м. Рядом был обнаружен подпол другого дома. Найденные здесь обломки бронзовых и медных шлаков, а также бронзовых гвоздей говорят о том, что здесь жил и работал кузнец и бронзолитейщик.

Керамика Тигашевского городища представлена большим количеством обломков посуды. Всего отрядом Г. А. Фёдорова-Давыдова поднято более 19 000 фрагментов. Процент лепной керамики соответствует обычной для X–XI вв. доле лепной посуды в общем количестве черепков. Типично для этого периода большое количество коричневой керамики. Найденная ручка кувшина из трех витых стволов имеет очень близкие аналоги в памятниках первой половины I тысячелетия из Нижнего Подонья, в том числе из поздних слоев Танаиса (Дона; *Танаис* ← чуваш. *тан* ‘вода, выбивающаяся из-под льда’). На городище найдены также стрелы, пряжки, топор, бусы, обожженный кирпич и шиферные пряслица. Весь памятник в целом датируется X–XI вв.

Тигашевское городище богато остатками ремесленной и сельскохозяйственной деятельности, оружием, бытовыми и культовыми предметами. Ремесленник покупал металл в обрубленных слитках, они найдены при раскопках мастерской. В переплав-

ку шел бронзовый и медный лом. Сохранилась бронзовая ложка, которой лили расплавленный металл. В мастерской имелась стрелка от весов, что свидетельствует о связи мастера с рынком. Присутствуют предметы (обрезки костей, костяные пластины с витым узором), говорящие о косторезном ремесле. На ткацкое производство указывают шиферные пряслица. О сельском хозяйстве дает представление плужный нож. Найдены также обломки косы, жернова с плоской рабочей поверхностью, рыболовный крючок и грузила. Большая редкость среди археологического материала — пила XI в., что свидетельствует о высоком уровне обработки дерева. Из оружия представлены железные стрелы и обломки боевого топора.

В целом Тигашевское городище представляет собой памятник доисламской религии и зарождающегося феодализма в Волжской Булгарии. Г. А. Фёдоров-Давыдов пришел к выводу о том, что «Тигашевское святилище было религиозным центром племени или группы племен, переселившихся на территорию юга современной Чувашской АССР в X в.» [Фёдоров-Давыдов 1962: 85]. Переселение на р. Булу не было медленным и постепенным. Миграция больших масс произошла в короткий срок, и связано это было с перенесением племенного святилища.

В XVIII–XIX вв. городище близ д. Тигашево почиталось как *киреметище*. При раскопках было найдено более десятка монет этого времени — приношения божеству местности. Земля, занятая святилищем, не вспахивалась. «В южной части внешнего вала виден проем, сделанный, как сообщили жители дер. Тигашево, сравнительно недавно; через этот проем прогоняли скот... После этой церемонии считалось, что скот защищен от болезней и падежа» [Фёдоров-Давыдов 1962: 89].

В 1995 г. городище включено в федеральный список охраняемых государством памятников. Однако следует отметить, что археологические раскопки на юге Чувашской Республики по большому счету не ведутся. Здесь ждут своего часа памятники начала X в. В том числе есть настоятельная необходимость в дальнейших работах на Тигашевском городище.

Тем не менее некоторым казанским исследователям не дает покоя датировка и само существование Тигашевского городища. Так, археологу И. Л. Измайлову достаточно нескольких строк для категорических заявлений: «Нет оснований полагать, что до болгарского городища здесь функционировало какое-то поселение и раннюю дату его основания следует относить к рубежу

X–XI вв... Реально никакого святилища на месте этого городища не существовало. За остатки святилища и идола молодой исследователь [Г. А. Фёдоров-Давыдов. — *Прим. авт.*] принял хозяйственные постройки и столбовые ямки». Более того, он называет суваров мифическим народом, не оставившим археологических памятников в бассейне р. Свияги. А «само переселение в поисках спасения от исламизации, как и прочие досужие вымыслы, основаны на весьма гипотетической интерпретации» [Измайлов 2022: 106]. Таким образом, И. Л. Измайлов не берет в счет ни записи Ибн Фадлана, ни раскопки Г. А. Фёдорова-Давыдова, ни другие исследования об обитании суваров в бассейне р. Свияги. Это типичная стилистика этого археолога, желающего перетащить одеяло на всеобщую булгаро-татарскую этничность и исламизацию Поволжья. И. Л. Измайлов продолжает квазинаучные споры казанских и чебоксарских историков и филологов XX в., не замечая, что по этому направлению в XXI в. сложились взаимопонимание и фундаментальный подход. Его бескультурие и заносчивость проявляются везде, небрежное мышление проявляется и в стилистике. Публикации изобилуют такими фразами, как «нелепая попытка скомпилировать», «бездумное жонглирование», а публикации пестрят опечатками и грамматическими огрехами («Бариев — Бареев», «Мако, 2911, pp. 1999–223», «Другой пример резкого работы Д. Ф. Мадурова...») [Измайлов 2022: 104, 109, 465, 580]. Чтобы призвать его к логике, сначала надо скатиться на уровень его стилистики. Но это будет уже не наука.

Городище Хулаш, датируемое X–XII вв., расположено в 3 км от с. Кошки-Новотимбаево Тетюшского района Республики Татарстан. Его общая площадь составляет 40 га вместе с пригородом. Возникло оно в 923 г. одновременно с Тигашевским городищем как суварская крепость. Это была резиденция князей с укрепленной цитаделью и посадом. Сама крепость имела вид неправильного четырехугольника, северная сторона которого составляла 230 м, восточная — 150 м, южная — около 300 м и западная — 100 м. Ровная поверхность земли и чернозем благоприятствовали сельскохозяйственным занятиям [Каховский, Смирнов 1972].

Что касается Большетаябинского городища, то раскопки 2018 г. показали, что здесь содержатся компоненты разных этнокультурных групп. Выделяются угорская, финская и салтово-маяцкая керамика (сосуды с шамотными и растительными примесями). Современные археологи пересмотрели датировку объекта в пользу домонгольского времени — точнее, с X по начало XIII в.

Здесь найдены и более поздние монеты XVIII–XIX вв., связанные с чувашским святилищем [Березин и др. 2022: 45, 61, 83].

На основе синтеза аборигенных культур и принесенных сюда из южнорусских степей болгарских и суварских культур в X–XIII вв. на Средней Волге складывается болгарская археологическая культура. В ней значительную долю занимает суварское наследие. Грунтовые могильники небольшой глубины ориентированы по линии запад — восток. В захоронениях найдены украшения, оружие, конская упряжь, сосуды. На могильниках в изголовьях погребений зафиксированы деревянные столбы *юпа*, известные на чувашских кладбищах и в наши дни.

В XIII в. появляются каменные надгробия с арабографичными эпитафиями. На общем фоне Волжской Булгарии также выделяются могильники в бассейне р. Черемшан. Если могильники на других территориях характеризуются однообразием погребального обряда, то черемшанские выпадают из этой серии. Несомненно, это рудименты домусульманских суварских традиций.

В 2010 г. у с. Большие Ключищи Ульяновской области обследованы два поселения. Анализ керамического материала позволил отнести его к срубной культуре и датировать XVI–XIII вв. до н. э. А во второй половине XIII–XIV вв. н. э. на этом месте существовала уже другая археологическая культура, о чем свидетельствуют два фрагмента гончарной керамики. Участники раскопок относят их к группе болгарской керамики [Воробьёва, Федулов 2016: 235, 238, 245]. Однако из истории известно, что южные районы современной Чувашии и северные районы Ульяновской области занимали сувары. Данную керамику характеризуют такие признаки, как запесоченность, шершавость, звонкий черепок. Вообще выделение так называемого древнечувашского керамического комплекса является насущной задачей, так как время складывания чувашской народности относится как раз к позднему Средневековью [Михайлов и др. 2015: 36].

Естественно, со временем материальных свидетельств остается все меньше и меньше. Однако дополнительные археологические находки позволяют заполнить этот пробел. Так, старые кладбища Свияжского округа местные татары относят к чувашским. Например, близ д. Татарские Нартли в конце XIX в. почву начало размывать водой. На месте было найдено много железных предметов (кочедык, ножик и т. д.) [Ахмеров 1998: 216]. Однако известно, что татары не кладут в гроб вещи. Поэтому следует признать, что такие кладбища принадлежат чувашам.

РЕЛИГИЯ

Рис. 9. Автор в экспедиции. Фрагмент общесельского полевого моления Учук, д. Старое Афонькино Шенталинского района Самарской области. 1990 г. Это южная часть бывшей Волжской Булгарии, где обитали сувары в самом конце IX — начале X в. Фото автора

Изучение традиционных народных верований тесно связано с историей этноса. Иначе говоря, всегда присутствует необходимость учета хронологии, особенностей региона и динамики изучаемого материала. Поэтому исследователь не может обойтись без сравнительных пассажей, включающих источники по историческим соседям. Притом анализ должен вестись в единой связке «время — пространство». Именно сохранение древних и средневековых основ традиционных обрядов и верований способствовало современному живому бытованию «дедовских» ценностей и этнической идентичности в целом.

В нашем случае речь идет о периоде с V в. до н. э. по XXI в. в пространстве «Южное Предкавказье — Кавказ — Среднее Поволжье». Хотя и имеются исследования в этом направлении [Salmin 1996: 68–89; 2014; 2021: 123–136], их явно недостаточно, чтобы выдвигаемые доводы обрели убедительность. Поэтому обсуждаемая тема изучается с учетом новых источников и наиболее заметных публикаций, осуществленных в XVIII–XXI вв.

Южное Предкавказье

Религиозные воззрения, выражаемые в традиционных обрядах и верованиях, в своей основе содержат (чаще всего фрагментарно в виде отдельных звеньев) треки древних предков. Взгляд через десятки веков может показаться, по крайней мере, наивным занятием, поскольку сильно измененное мировоззрение по причине сдвига времени-пространства сформировало в нас совсем иную картину, чем это было семь и более тысяч лет назад.

Одним из таких парадоксов является чувашское божество *Сехмет*, имеющее аналогию лишь в египетской мифологии, знакомой по книгам. Древнеегипетское божество *Сехмет* (или *Сохмет*) представлялось в виде женщины с львиной головой. Она почиталась как богиня войны. Привезенные из Египта фаянсовые статуэтки этого божества были в Армении еще до VI в. до н. э. Оттиски фигурки *Сохмет* тогда можно было видеть также на украшениях [Пиотровский 1952: 11]. Анализируя древнеегипетские тексты о божестве *Сохмет*, Д. Ф. Мадуров констатирует, что «этот древнеегипетский миф практически одинаков с мифом о Сехмет чувашей» [Мадуров 2004: 124]. Своему божеству *Сехмет* чувашки приносили в жертву уток, просили здоровья заболевшему члену семьи. С этой целью проводили соответствующие моления [ЧГИ 218: 138; III-229: 331]. Тем не менее вопрос о времени и месте заимствования остается открытым.

В ингушском пантеоне есть божество «подземного царства *Эштар*, которое, как считалось, доставляет души умерших праведников в рай на священной кобылице *Сса-цена-гила*» [Албогачиева 2011: 125]. Конечно, есть прямая связь этого персонажа с божеством аккадской мифологии *Ištar/Eštar/Aštar*. А это свидетельствует о прямых древних связях Передней Азии с Кавказом. Наличие в венгерском языке таких слов, как *istar* и *aštar* в значениях «звезда» и «кнут» [Tóth 2007: 407, 532], свидетельствует о пребывании мадьяр на Северном Кавказе, в южнорусских степях и в составе населения салтово-маяцкой археологической культуры.

Д. Е. Еремеев в слове *тур/тор/тар* склонен видеть индоевропейский субстрат. В подтверждение он приводит имя армянского бога войны *Торг/Торк/Турк*, имя древнеанатолийского бога грозы *Тархун*, связанное с хеттским глаголом *тарх* ‘побеждать’ [Еремеев 1990: 132–133]. Как верно замечают исследователи, армяне заимствовали это название у хетто-хурритского божества плодородия

и растительности *Тарху* [Тер-Саркисянц 2008: 100]. Именно эти функции исконно были присущи и чувашскому божеству *Тур/Тор*. Добавим сюда абхазское божество *Ай-Тар*. Но следует учесть, что имя божества *Тур/Тор* имеет более широкое распространение, а его этимология имеет явно индоевропейское начало. Как чувашское *Тур/Тор* (*ту* + *р* как суффикс множественного числа), а также множество других этнических вариантов наименования верховного божества изначально означают понятия «делать, творить, сотворить, рожать». Иначе говоря, божество *Тор/Тур* — творец человека, Вселенной и всего сущего.

Имена и действия многих кавказских божеств перекликаются с аналогичными теонимами и функциями хуррито-урартских и в целом анатолийских божеств. Так, ингушский топоним *Саниба/Шаниба* и теоним *Шаниба-ерда* соответствуют хуррито-урартскому *Shannipa/Shaniba*, означающему ‘Святое место’. В хурритском и ингушском языках формы *па/ба* означали ‘место, где живут божества и люди’. Например, древний храм Северного Кавказа *Тхаба-ерда* переводится как ‘Дом божества Тха’. Древние анатолийцы также называли свои храмы «домами божеств». Ингушский теоним *Саниба-ерда* переводится, следовательно, как ‘божество Святого места’ [Цароева 2015: 23]. Святилищ и храмов с названиями, в которых присутствует *Ерда*, по Ингушетии множество. «Так, близ селения Пхомат находилось святилище *Пхомат-Ерда*... в селении Тумгой — святилище *Тумга-Ерды*... недалеко от аула Ага-Кале, напротив селения Таргим, находится храм *Алби-Ерды*» [Албогачиева 2011: 124].

Прототипом известного злого духа *Алмасты/Албасты*, насылающего болезни роженице и новорожденному, исследователи называют эламско-ассирийское *Ламассу/Ламасту*. Этот образ в женском облике распространился на весь Древний Восток и за его пределы. Полагают, что первоначальное значение восходит к семитскому слову с основой *āl* ‘мираж’. Затем произошла контаминация с той же основой в иранском ареале: например, перс. *āl* ‘ведьма’. Поздние трансформации имеют место в тюркских языках [Климов, Эдельман 1979: 62]. В верованиях большинства дагестанских народов данный дух выступает как богиня-мать и богиня плодородия. Вариантами его имени являются *Алтаб*, *Албасты*, *Албасты*. Первая часть имени восходит к слову *ал* (дал), передающему у многих кавказских народов понятия ‘божество’, ‘всемогущий’, ‘всевышний’. В шумерской и хеттской мифологии было божество *Алалу*, принадлежащее к старшему поколению. *Алале* —

распространенное имя в грузинской песенной традиции. Вторая часть слова *Албасди* отражает понятия ‘мать’, ‘женщина’. Согласно фольклорной традиции, данное божество представляет собой безобразную волосатую женщину с громадными грудями и вывернутыми пятками. Она убивает рожениц. Исследователи правомерно считают, что в этом образе выражена идея единства жизни и смерти.

Согласно мировоззрению карачаево-балкарцев, рассматриваемые духи делятся на водных (*Суу-алмасты*), лесных (*Чегет-алмасты*) и живущих среди людей (*Юй-алмасты*). Облик их антропоморфный: узкое, удлинненное лицо с узкой переносицей, нос горбинкой, сросшиеся пальцы (кроме большого), большие глаза, седые волосы до пят. Если их прогневать, то у человека могут отняться язык, руки, а изо рта пойдет пена. *Алмасты* с мужским обликом сожительствуют с женщинами, а те, что имеют женский облик, — с мужчинами, но детей от такого общения не бывает [Каркетов 2014: 396].

Аналогичный персонаж есть в верованиях чувашей, это божество *Алматй* (*Алмас*). Оно относится к злым духам из класса *уса-лов*. Обычно предстает в облике женщины с распущенными волосами. К девушкам приходит в облике парня, к парням — в виде девушки. Когда уходит, наказывает, чтобы ему в спину не смотрели, так как со спины он отвратительный. При непослушании сильно избивает [Салмин 2016: 325]. От контакта с *Алмас* возникают разные болезни — сглаз, лихорадка, горячка. Человек не может двигаться, говорить, мучится кошмарами.

Еще одно божество, обязательное для рассмотрения в контексте обсуждаемой темы, — это *Кавар*. Встречается слово также в форме *вёри кавар* ‘горячий уголь’, *каварлй камрэк* ‘уголь с жаром’, *вут-кавар* ‘огонь-уголь’. Иначе говоря, имеется в виду горячий уголь или жар в очаге или костре [Поле 88; СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 5. Д. 6: 115об.; ЧГИ 24: 262]. Является антиподом потухшему и остывшему углю *камрэк*.

Слово *кавар* относится к самому древнему пласту чувашской лексики и имеет этимологические параллели в иранских, европейских, тюркских, кавказских, финно-угорских, балтийских и других языках. В грузинской религии божество *Квириа* управляет огнем. «У мгрелов *k+var-i* ‘колобок’, ‘хлебец’, ‘лепешка’, в частности ‘культовая’, св. *kvar* (тавр. говор) ‘хлебец’... св. *kver-öl* (халд. говор) ‘маленький хлебец’, обыкновенно выпекаемый для детей... раньше, несомненно, имевший значение ‘жертвенного хлеба’» [Марр 1935: 265].

Укажем также на афганское *гвар* ‘яркий’ (о пламени). С. Г. Амаякян *Куера* называет божеством индоевропейского происхождения. На самом деле, география слова значительно шире.

Для изучения урартской религии большое значение имеет надпись на скале около озера Ван. На памятнике конца IX в. до н. э. перечисляются урартские божества с указанием приносимых им жертв. В их числе божество *Куера*, которому следует приносить одного быка и двух овец [Пиотровский 1959: 222, 226].

Языковеды, опираясь на фонетические закономерности, расширяют формы произношения и указывают на превращение *kʷ* → *xʷ* → *f* [Turner 1975: 191], что позволяет вставлять вместо *кв*- как *хв*-, так и *ф*-. На этом основании, видимо, можем англ. *fever* ‘жар’, ‘лихорадка’ объединять с чувашским *ка́вар* ‘жар’ (ср. *ка́вар нек вы-татъ* — букв. «лежит как горячий уголь», т. е. у больного очень высокая температура). Объяснимо этимологическое единство чувашских слов *ка́вар* ‘жар’ и *хёвел* ‘солнце’, хотя, на первый взгляд, в языковом плане ничего общего между ними нет. Здесь следует учесть фонетический закон чередования *kʷ* → *xʷ* и общеизвестное тюркологами чередование *p* → *л*. Очевидность равенства *ка́вар* и *хёвел* подтверждается множеством примеров из других языков. Так, С. Г. Амаякян прямо указывает на то, что культ араратского божества *Куера* связывался с солнцем, о чем свидетельствует солярный знак, вырезанный на двух фаллах — символах культа плодородия, имеющих отношение к *Куера* [Амаякян 1986: 14].

В качестве раннего источника этого слова исследователи указывают на язык «Авесты». П. И. Лерх в рецензии на книгу «История агван», в частности, писал о том, что *Куар* напоминает иранское слово, и ссылаясь на авестийское *hware*, означающее ‘солнце’ [Лерх 1861: 490]. В. И. Абаев находил это слово у осетин в форме *xur/xor* и у персов в форме *xwar* [Абаев 1949: 18, 168]. Георг Моргенштерне указал на авестийское слово *hvar* [Morgenstierne 1974: 98]. И. М. Стеблин-Каменский, кроме древнеиранского *hvar* и согдийского *xwər*, указывал на варианты из современного ваханского языка и из языков шугнано-рушанской группы: *hvar* ‘солнце’, *хæwər* ‘солнцек’ и *hvar̥tāpana* ‘время около полудня’ [Стеблин-Каменский 1999: 415, 426]. Таким образом, подтверждается гипотеза В. Г. Егорова о родстве чувашского *ка́вар* с древнеиранским понятием ‘солнце’. В. Г. Егоров объяснил это как заимствование. В связи с этим он напомнил древнее название Хорезма: персы называли его *Хуваразмиш*, арабы — *Хваризм*, т. е. ‘солнечная страна’ [Егоров 1964: 57].

Горящий уголь имеет очищающее и ограждающее свойство, поэтому его широко использовали в общесельских ритуалах. К примеру, в 1910 г. в д. Изамбаево Козьмодемьянского уезда Казанской губернии, по данным, представленным Василием Митрофановым, одна из девушек-участниц общесельского обряда «Девичья пахота» несла в маленьком котелке горящий уголь [ЧГИ 177: 476].

В знахарской практике чувашей горящий уголь также занимал прочное место, особенно в заговорах от сглаза и для избавления от других болезней (от ожога, от злого духа *Хаяр*). Было несколько способов его использования [Автор; Поле 88]. Первый — это окуривание. Для этого больного сажали на стык половиц под матицу, на лоток брали горящие угли и шептали: «Голубые глаза, карие глаза, отлогие глаза — все уходите от этого ребенка (имя). Тьфу, тьфу, тьфу!». Этот способ можно назвать выкуриванием. Второй способ — фильтрование: для этого в кружку воды пускали горящий уголь, шептали и давали пить больному. В третьем способе на горящий уголь в очаге бросали несколько щепоток соли: соль начинала трещать, подпрыгивать и отскакивать. Этот способ можно назвать выпрыгиванием болезни. В четвертом способе кусок хлеба держали над горящим углем и этим хлебом тыкали в больные места. Его можно назвать изгнанием болезни.

Горячего угля боятся злые духи, особенно *Вёре şёлен* и *Вунăр*. Например, для того чтобы *Вунăр* не смог проникнуть в дом, к порогу кладут уголь [Автор; ЧГИ 24: 262]. Конечно, очищающим и ограждающим свойством горящего угля обладает и божество *Кăвар*.

Огонь в очаге у чувашей передавался из поколения в поколение. При закладке фундамента нового дома в подполе разводили огонь, используя угольки из очага старого дома. В домашних ритуалах горящий уголь имеет большое значение. Так, во время жертвоприношения в честь божества прясла *Карта*, кроме котла каши, во двор выносят и горящий уголь в кружке. Отдавать горящий уголь из своего очага в чужой дом — значит отдать счастье своей семьи. Поэтому у чувашей не принято давать из очага горячие угли. Если считали, что в деревне очажные огни слишком устарели, из-за чего пошли массовые болезни и бедствия, все гасили в домах очаги и проводили общесельский обряд добывания нового огня. И все от него несли домой горящие угли в горшочках.

Вообще, *Кăвар* наделен признаками живого существа, ибо горящие угли в золе очага называют *вут куç* — букв. 'глазами огня' [ЧГИ 207: 433; 208: 143; 215: 303]. Как видим, *Кăвар* олицетворяет

домашнее/семейное благополучие и счастье. Запрет отдавать «кому-либо из соседей хотя бы один уголек» бытовал и у ингушей [Албогачиева 2011: 124]. Например, в день, посвященный божееству огня *Села/Сели*.

Сравнительный материал о горящем угле укладывается в русло наших наблюдений. Например, ваханцы, как и чуваши, при возведении нового дома «из старого дома в мисочке приносят горящие угли» [Стеблин-Каменский 1975: 207]. У грузин божество *Квириа* также имеет «генетическую связь... с культом огня, при этом огня земного, очажного, если посчитаться с эпитетами *Квириа*, по которым он „правитель суши“ ... и „владелец шатра“» [Бардавелидзе 1957: 14].

Как видим, персонажи народных верований чувашей сохранили явные следы, ведущие нас в Южное Предкавказье и Переднюю Азию.

Кавказские сюжеты

Главное божество ингушей носит имя *Ерд*. В то же время второй составной частью имен большинства божеств также является *ерд*: например, *Тхоба-ерды*, *Геаль-ерды* [Акиева 2016: 171]. Аналогично у чувашей: почти к каждому имени божества прибавляется нарицательный термин *турă*. Например, *Уйăх турă* ‘божество Луна’, *Карта турри* ‘божество Прясла’, *Ўёр турри* ‘божество Земли’. Как у чеченцев и ингушей, так и у чувашей понятие «божество» связано с высотными местами. Это кровля, крыша, печная труба, столб у печи.

Чуваши полагали, что у божества огня *Вут* имеются глаза. Например, в пословице говорится: «В глаза *Вут* — воду» [Салмин 2016: 304–305]. У осетин слово «очаг» также состоит из двух частей: *арт* ‘огонь’ и *дзæст* ‘глаз’ [Абаев 1958: 70].

Небесные светила представлялись живыми существами. Грузины, болгары и гагаузы во время затмения поднимали шум, били в печные заслонки, бросали вверх горящие головешки, желая таким образом отпугнуть злого духа, стремящегося проглотить луну. Дагестанцы большие надежды на исполнение желаний возлагали на новолуние и полнолуние. Например, лезгины солнце и луну считали священными: «Любой лезгин, увидев новую луну, останавливался и обращался к ней с какой-либо просьбой» [Сефербеков 2009: 88]. Автор этих строк в детстве, по подсказке мамы, всегда старался увидеть «серп» (т. е. молодую луну), посмотрев через

правое плечо. Согласно верованию, именно такой ракурс приносит добрые поступки в будущем. На сходные черты в верованиях чувашей и ряда народов Кавказа на примерах культа радуги, звезд, солнца, луны и железа указывал и В. Ф. Каховский. Он отмечал ряд сходств у чувашей и народов Кавказа в области космологии и мифологии [Каховский 1965: 260–262].

Через Киммерийский Босфор Византия сформировала тесные контакты с народами степей. Это был безопасный и удобный способ добраться до этого региона. Православные и монофизитские миссионеры с византийских территорий также вели длительную деятельность как в крымских, так и в кавказских степях. По этому каналу они постепенно получали тщательно проверенную информацию о своих пастырских соседях. В качестве одного из важнейших событий следует упомянуть пребывание епископа Кардушата (*Qarduṣat*) в Кавказской Албании, где он вместе с шестью другими своими священнослужителями помогал не только византийским и сирийским пленным, но и занимался миссионерской деятельностью среди местных «гуннов», т. е. «савиров, называемых гуннами». Они даже подготовили некоторые сочинения на языке гунно-савиров. Пребывание, должно быть, продолжалось до 537 г., когда их заменил армянский епископ Макар. Находясь среди гуннов, Кардушат встретил Проба (*Probus*), племянника императора Анастасия (491–518), посланного примерно в 525–527 гг. императором Юстином I (518–527) для вербовки гуннских наемников. Поскольку его усилия не увенчались успехом, он уехал к гуннским племенам, жившим к северу от Кавказа. Плоды миссионерства появились в 528 г., когда Боа(рекс), овдовевшая принцесса сабиров, заключила союз с византийцами, чьи позиции вскоре снова ослабли в результате крещения Гордаса (*Gordas*), царя другого гуннского племени, который позже был свергнут и убит своим братом Муаферисом.

Верховное божество у некоторых народов Дагестана является одновременно и громовержцем, у других функции верховного божества и громовержца разделены. Так, божеством грома и молнии у лакцев был Асс. Он живет на небесах и ездит на колеснице. Подковы коней при езде по ухабам издают грохот, отсюда гром, а искры из-под колес — это молнии. «Гром Асс говорит», — объясняли лакцы [Сефербеков 2009: 167]. Чуваша в таких случаях полагали, что божество *Турă* шумно ездит на телеге по ухабистым облакам, оттого раздается грохот. В народе его чаще называют *Аслати* (от *аслă* ‘старший’ и *ати* ‘отец’, т. е. дедушка) [Салмин 2016: 259].

Определенное место в мифологических представлениях народов горного Дагестана (аварцев, даргинцев и лакцев) занимал образ персонифицированного ветра. Данная стихия природы представлялась то Матерью ветров, то Дочерьми ветра в виде прелестных девушек с длинными распущенными волосами, охотящихся за красивыми мальчиками [Сефербеков 2009: 117–118]. В верованиях чувашей им соответствует божество *Џил амӓшӗ* ‘Мать божества Џил’. Ее характер иногда определяется словом *усал*, т. е. ‘вредная’, ‘злая’, поскольку, как и у дагестанцев, время от времени она уносит вещи, срывает крыши. В иерархии стоит в ряду таких персонажей высокого класса, как *Турӓ*, *Пӓлӓх*, *Тур амӓшӗ*. Она слепая. Согласно легендам, держит ветер в закрытой бочке. Когда вытаскивает пробку из бочки, начинается ветер. Затем из-за слепоты долго не может заткнуть дыру, в этом случае ветер начинает шалить. Как видим, ветрами управляет не божество *Џил*, а его мать, поэтому, советуют мельники, чтобы остановить разгулявшийся ветер, надо обращаться к Матери божества *Џил* [Салмин 2016: 315].

В религиозных представлениях народов Дагестана довольно хорошо и полно сохранился архаический образ божества *Сув анасы* ‘Матери воды’. В представлении кумыков это женщина огромного роста, полуголая и большой физической силы. Обитает в реках, ибо охраняет воду. Люди могут столкнуться с ней вечером или ночью. В темноте она может ударить или утащить в воду. Чтобы набрать воды из реки, надо обратиться к ней со словами: «Мать воды, Мать воды, ты — золотой столб Вселенной, разреши нам набрать воды» [Сефербеков 2009: 131–132]. Аналогичные моления проводили чуваше в адрес своего божества *Шыв* ‘Вода’. Из них видно, что у этого божества есть свое семейство. Во-первых, оно наделено 41 ипостасью, т. е. этих божеств много. Во-вторых, у них есть дед, бабушка, отец, мать и т. д. [Салмин 2016: 315–316].

Демон *Елмауз* у кавказцев бывает мужского и женского пола. Имеет огромный нос и рот. Прожорлив, ест людей [Сефербеков 2009: 124]. У чувашей ему соответствует дух *Йӓлмевӓс* [Салмин 1994: 246, 249, 268].

Очаг как центр жилища и все входящие в его пространство вещи пользовались исключительным почитанием. Особенно это относится к надочажной цепи и крючку, предназначенным для подвешивания котла. Такие котлы могли быть на летней кухне или во дворе. Согласно верованию, во время окончательных проводов души умершего (*юна*) можно заметить, как слег-

ка качнется крючок для подвешивания котла: это душа умершего родственника хватается за него, не желая покинуть свой дом навсегда. Такие поступки особенно свойственны душам умерших женщин. Следят за «поведением» крючка и во время проводов в солдаты: если при выходе рекрута из дома крючок качнется, то сын не вернется или возвратится раненым [Поле 90]. О наличии в чувашской лачуге железного крючка над очагом писал автор середины XIX в. [Михайлов 2004: 92]. Для удобства висевший на крюке котел регулировали, поднимая или опуская его над огнем [ЧГИ 209: 444]. Конечно, у чувашей могли быть и другие верования, связанные с надочажным крючком, но они своевременно не зафиксированы, поэтому исследователи в целях реконструкции обращаются к сравнительным материалам.

У осетин очаг располагается посреди комнаты, а в крыше дома имеется четырехугольное отверстие. К очагу от этого отверстия с деревянной перекладки спускается железная цепь, к которой подвешивали медный котел для варки пищи. Невеста, впервые посетив дом мужа, прикасается рукой этой цепи. Через три дня после родов к ней подносят ребенка и проводят моление охранителю цепи — божеству *Сафе* — с просьбой стать патроном новой души дома. Хозяин дома в трудной ситуации может продать все (корову, быка, лошадь, движимое имущество), но только не котел и надочажную цепь [Ковалевский 1886: 78, 88, 146]. У ингушей убийца, которому удавалось дойти до очага жертвы, схватить надочажную цепь и попросить прощения, оказывался под защитой и покровительством хозяина дома. С этого момента преступник становился родственником дома. «Отказать какой бы то ни было просьбе человека, державшегося за цепь, у ингушей считалось равносильным святотатству, преступлением перед предками, а потому между этими враждующими фамилиями состоялся мир, и установилось родство» [Далгат 2004: 104]. У осетин, чеченцев, абхазов, балкарцев и карачаевцев надочажная цепь также играла важную роль. Например, перед ней давали клятву, невесту обводили вокруг цепи в знак прощания с родительским домом. У шапсугов никто, кроме хозяйки дома, не имел права вешать котел на очажную цепь и варить пищу. Когда старуха-хозяйка была не в состоянии больше справляться с домашней работой, она передавала очаговую цепь жене старшего сына [Кунина 1940: 19].

Левобережье Среднего Поволжья

Религия — идеология всеохватывающая. Она имеет сильное влияние и на хозяйственно-культурный тип. Средневековые булгары, все еще придерживавшиеся традиций кочевников, стояли у власти, и им нужна была религиозная монополия идеология для большей власти. А земледельцы-сувары не захотели бросить свой уклад и следовать за болгарским князем Алмушем. Вспомним пассаж из книги арабского писателя Ибн Фадлана. «Потом он (Алмыш) [вновь] захотел переехать и послал [посланника] к народу, называемому сувар, приказав им выступить вместе с ним. Они отказались [подчиниться] и разделились на две группы. Одну из [этих групп] возглавил его зять, которого звали Вайрыг, он был их правителем» [Путешествие 2016: 4]. Как видим, разногласия были основательные: противоречие новых и старых верований в государстве, несоответствие хозяйственно-культурных типов, сохранение традиций одними и смена государственных интересов у других. И это несмотря на родственные отношения между болгарским князем Алмушем и суварским предводителем *Вырăх* (дочь Алмуша была выдана за суварского князя). С этого времени булгары официально стали исповедовать ислам, а сувары остались при дедовских традициях. Этот тезис в литературе повторяется многократно, и он, в принципе, соответствует действительности.

Однако желание суваров остаться при своих древних верованиях, как считают некоторые исследователи, это пример неправильного поведения. Беренджеры и барсилы добровольно согласились на объединительный шаг Алмуша, а эсегелы, хотя и сомневались, в итоге все же не посмели ослушаться царя. А вот сувары почему-то отважились, и это якобы плохо. Но ведь «наказание столь категорического ослушника являлось острой необходимостью», замечает Алмаз Мухамедеев. «Фактически сувары посмели открыто противостоять всему болгарскому сообществу. На сувар не действовали ни уговоры, ни угрозы Алмуша, и, похоже, им все это сошло с рук. На что или на кого могли надеяться сувары в такой обстановке? — вопрошает тот же автор и сам же дает ответ: — На хазар». Далее он как бы раскрывает «суварскую карту» в руках хазар. Алмаз Мухамедеев пишет, что сувары переправились за Волгу и «формировали предков чувашей» [Мухамедеев 2014: 4–10]. Аналогичный вопрос поднимает другой татарский исследователь и сам же дает ответ: «Почему же все-таки они

выступали против царя Алмуша, принявшего ислам? Причина, по-видимому, кроется в том, что сувазами была принята уже другая „мировая“ религия — иудаизм» [Ахметьянов 1978: 148]. Он же напоминает, что в языках Северного Кавказа (особенно у народов Дагестана), а также у караимов отмечены следы иудаизма. Естественно, савиры и хазары имели много общего в истории, религии и языке. Но едва ли этот фактор был решающим для суваров в 922 г., ведь основная масса по-прежнему придерживалась своих дедовских традиций. По большому счету, все верно: и то, что суварам хазары были ближе, чем булгары, и то, что сувары — предки чувашей. Для того чтобы убедиться в этом, надо просто детально изучить историю чувашского народа. Тогда пройдет удивление, и все станет на свои места. А упрекать народ, что он не поступил в угоду булгарам, не стоит. Они сами виноваты в том, что развалили такое могущественное государство, как Волжская Булгария. Можно было жить в согласии со всеми племенами, мирно обитающими в одном регионе, укреплять экономику, а не демонстрировать диктаторские замашки. Тем более для этого были все предпосылки: выгодное географическое расположение, плодородные земли с развитым зерноделием, отличное состояние ремесленничества, продвинутое военное дело, широкие торговые связи. Все это было утеряно в одночасье. Как результат — в дальнейшем Волжская Булгария стала объектом нападков и в конце концов исчезла с исторической арены. Причина — булгары потеряли надежного союзника. Более того, они сошли на нет как народ: переняли чужие нравы и отказались от своего замечательного прошлого.

Правобережье Среднего Поволжья

С 922 г. в жизни суваров правобережья Волги важное место занимало Тигашевское культовое место. Фактически мы имеем общеизвестное *киреметище*, в доисламское время носившее другое название (должно быть, *Учук*). Исследователи сопоставляют его с болгарским капищем в Плиске. Тигашевское святилище представляло собой два прямоугольника, вписанных один в другой. Сувары, освоив места по Буле, вытеснили отсюда коренное население и воздвигли родовое святилище [Смирнов 1964: 25]. Место для совершения общественных жертвоприношений и других религиозных обрядов имелось и в городище Хулаш.

Эпитафии конца XIII — начала XIV в. сохранили образцы лексики и морфологии суваров — по сути, чувашей позднего

Средневековья. В них мы встречаем такие словосочетания, как *Savar ivli* — чуваш. *Săvar ывăлĕ* ‘сын Сăвара’; *giäti gür ğirimi ikiniş ğal* — чуваш. *çich çĕr çirĕm ikkĕmĕş çul* ‘722 год = 1332 г.’; *ayĕçi van küän* — чуваш. *уйăх(ăн) вун(ăмĕш) кун(ĕ)* ‘десятый день месяца’ [Бенцинг 1986: 20]. Современные чувашаи во многих случаях являются единственными живыми носителями языка эпитафий Волжской Булгарии. Поэтому следует учитывать, что верования и обряды суваров в основных чертах совпадают с чувашскими традициями, известными по описаниям XVII–XIX вв. [Димитриев 2014: 97, 107] и более ранних времен.

Образование Золотой Орды, а затем и Казанского ханства возродило города, а вместе с ними и магометанство. Оно объединило татар — бывших булгар — жителей городов Волжской Булгарии. Дисперсное проживание на территории Казанского ханства вместе с татарами-мусульманами привело марийцев, удмуртов и чувашей к принятию ислама и татаризации. По данным на вторую половину XVIII в., многие чувашаи по обыкновению татар брили головы, были охотниками до лошадиного мяса, а некоторые и свиней не держали [Миллер 1791: 11, 22]. Сельской массе, придерживавшейся родовых традиций, приходилось выживать. Были поглощены целые поколения местного коренного населения. В период Казанского ханства среди чувашей были также распространены новые административные порядки. Церемонии ханского двора они переносили на своих божеств, которых стали представлять в виде важного хана и разных чиновников, окружающих его, сопровождающих и прислуживающих. Например: *Тăвам ырă* ‘Божество, заседающее в диване’, *Хум кĕрекеçĕ* ‘Кравчий хана’, *Тăвам çуретекен* ‘Божество, ведающее делами дивана’. Эти явления явно отражают торжественную обстановку ханского двора. Празднование пятницы, перенятое из ислама, долго сохранялось у чувашей.

Об исламизации чувашей и ее роли в трансформации их этничности имеется целый ряд публикаций. В частности, авторы статей и монографий считают, что татары, под чьим влиянием находились и находятся чувашаи, понуждали их идентифицировать себя с татарами. К тому же в письменных источниках исламизированных чувашей определяли как татар. В некоторых чувашских поселениях исламизация завершилась полной ассимиляцией.

Ислам оставил отпечаток и на бытовой жизни чувашей. Например, на кладбищах встречаются памятники из камня. Их уникальность состоит в редкости в наши дни. Но относятся они к мусульманской религии: изначально чувашаи ставили их в местах,

где находили вечный покой татары, затем — в подражание им — и на могилах принявших ислам. В древности и в раннем Средневековье предки чувашей отдыхали в среду (среда — *юн кун* ‘день крови’, т. е. жертвоприношений), а позднее стали отдыхать в пятницу. И сейчас в экспедициях встречаем чувашей по документам, но по религиозной принадлежности и внешним атрибутам они оказываются татарами.

В чувашских деревнях Республики Татарстан влияние культуры соседей, естественно, велико. Например, возьмем с. Старое Суркино Альметьевского района. Здесь проживают чувашаи, придерживающиеся традиционных обрядов и верований. Однако с каждым годом процесс утраты своих обычаев и усвоения соседских усиливается. Длительное соседство с татарами отразилось в речи суркинцев. Она татаризирована до такой степени, что может считаться смешанным чувашско-татарским языком. Суркинцы с трудом понимают речь своих соплеменников из Чувашской Республики, зато превосходно изъясняются на татарском, особенно люди старшего поколения [Галлямова, Столярова 2010: 111]. В итоге слова типа казанско-татарского *кызыклы* ‘интересно’, ‘интересный’ стали сугубо чувашскими — *ка́ска́лă*. Они бытуют не только в смешанных деревнях, но и дошли через литературный язык до чувашей в целом.

Исламизацией и отатариванием чувашей завершились этноконфессиональные процессы и в селах Татарское Сунчелеево и Карасы Аксубаевского района, Салдакаево и Якушкино Нурлатского района, Кульшарипово Альметьевского района Республики Татарстан, д. Чепкас-Ильметьево Шемуршинского района Чувашской Республики. Во всех селениях проживают потомки исламизированных чувашей, но сегодня они уже татары-мусульмане [Ягафова 2009: 90].

Смею полагать, — пишет В. П. Иванов, — что дискуссия в вопросе этногенеза казанских татар и чувашей в немалой степени искусственно отягощается и усложняется также и их религиозным различием: ну не может иноверец быть равным правоверному мусульманину и иметь с ним что-либо общее по происхождению!... Татары в Казанском ханстве чувствовали себя (как, собственно, и русские в Московском государстве) имперским этносом [Иванов 2019: 25, 28].

Еще во второй четверти XV в. в юго-восточные и южные районы Чувашии из г. Сарая и других районов Золотой Орды были

переведены мишари. Смешавшись с местным населением, они образовали контингент татароязычных мишарей. Многие из них затем оказались в Сергачском районе Курмышского уезда и Алатырском уезде, а оттуда, как служилые, были переведены на засечные черты юга и юго-востока Чувашии. Так образовались поселения татароязычных мишарей на юго-востоке современной Чувашской Республики. Это селения Токаево и Урмаево в Комсомольском районе, Большие Шихирданы (Чкаловское), Малые Шихирданы, Татарские Сугуты, Татарские Тимяши в Батыревском районе, Ишмурзино-Суринск в Яльчикском районе [Димитриев 1993: 199]. Затем их население стало оказывать влияние на соседние чувашские деревни в плане прививания мишаро-татарской религии и культуры.

С падением Казанского ханства в Среднем Поволжье начала осуществляться политика Московского государства, следствием чего стало распространение православия в этом стратегическом регионе России. Из-за того, что христианизация пошла по пути насильственного крещения, местное население, жившее по своим древним верованиям, подалось в ислам. Так многие населенные пункты растворились в татарской среде. Коренные жители бывшего Казанского ханства (марийцы, удмурты и чуваш), в силу соседства с татарами и частого с ними общения, подвергались воздействию исламской религии. Например, они проводили традиционные совместные праздники, ходили на одни те же базары, совершали куплю-продажу.

Из числа служилых чувашей назначали князей (*пӗӳ*), сотных (*сӗр пӗӳ*), десятных (*вун пӗӳ*), а также тарханов (*турхан*). Однако служилых людей из чувашей было слишком мало. Все они были выходцами из новокрещеных Свияжского и Чебоксарского уездов, расположенных ближе к Казани. Новоназначенным выделяли земли на местах проживания чувашей [Димитриев 2005: 53]. Служилый чуваш начинал называть себя татарин (до середины XVI в.) или русским (после взятия Казани), чтобы быть ближе к властям и иметь привилегии.

Чувашские деревни, расположенные в Казанском уезде, составляли внушительный список. Согласно писцовым книгам за 1566–1568 гг., у озера Кабан было сосредоточено 150 татарских и чувашских дворов. А у р. Казань насчитывалось 33 чувашских двора [Димитриев 2014]. Выходит, что Казань и Приказанье были заселены не только татарами, но и чувашами. Основываясь на данных писцовой книги 1602–1603 гг., А. С. Смирнов утверждает, что к началу XVII в. ясачными людьми в Казанском уезде преимуще-

ственно были чуваша [Смирнов 2014: 189]. В целях ограничения влияния ислама Соборным уложением 1649 г. запрещалась любая пропаганда мусульманства.

О татаризации свидетельствует достаточное количество источников. Так, в документе от 1673 г. говорится, что в д. Ачей Зюрейской дороги ясачные татары похоронили «мертвых чувашу 3 человека» [Исхаков 1998: 90]. Конечно, уже из контекста видно, что и сами участники похоронной процессии были вчерашними чувашами, недавно принявшими ислам и превратившимися в татар.

Как видим, процесс татаризации в XV–XVII вв. преимущественно шел через исламизацию. В итоге неопит становился татаринем не только по религии, но и по всем другим параметрам (языку, одежде, нраву). Особенно интенсивно происходил этот процесс на левобережье Волги, от Казани до Симбирска. В XVIII в. процесс татаризации в Урало-Поволжье углубляется, хотя правительство принимает ряд мер для борьбы с этим неприемлемым явлением. Например, в 1729 г. законом запрещалось под страхом смертной казни вовлекать в ислам население, придерживающееся народных обрядов и верований.

Только в Свияжском уезде в 1742–1746 гг. обрезаны по магометанскому закону 33 новокрещенных и 260 некрещенных чувашей, а 26 чувашек были женами татар-магометан. Учитывая такие факты, Сенат решил новокрещенных закрепить в христианстве, некрещенных, если не захотят принять православие, оставить в чувашской вере, но не в магометанской, у татар отнять жен-чувашек, оставив детей у их отцов — татар [Кеппен 1861: 507].

В первой половине XVIII в. В. Н. Татищев отмечал, что чуваша наполнили Казанский и Симбирский уезды. Однако «сии наиболее язык татарским испортили», писал он [Татищев 1962: 130]. Иначе говоря, к этому времени чувашский язык уже был массово подвержен татаризации.

Указом 1773 г. в России была водворена веротерпимость. Эта мера с особенной силой отразилась на утверждении и распространении по всей России магометанства. Число мечетей с муллами и школами начало значительно увеличиваться [Багин 1910: 231]. Веротерпимостью хотели смягчить нравы подвластных кочующих народов и внести успокоение в их среду, не осведомившись предварительно об их потребностях.

Как объясняли неопиты д. Старое Шаймурзино Буинского уезда, они жили в татарской среде, постоянно общаясь с ними, а в чувашской вере не нашли ничего основательного [Кобзев 2007: 121].

В 1849 г. Н. И. Ильминский, совершив поездку по татарским селениям, составил отчет для архиепископа Григория. В частности, в нем он дал краткий обзор заселения Закамского края. Опустевшие после ногаев земли наводнили татары, чувашаи, мордва и мокша, а также русские. Татары заняли наиболее плодородные территории в Спасском и Чистопольском уездах. Промежутки между татарскими деревнями, а также земли ближе к Самарской губернии осваивали чувашаи (в основном некрещеные). В отчете Н. И. Ильминский отмечал, что почти все чувашаи (особенно мужчины) прекрасно владели татарским языком, а татары не все знали чувашский. В Шешме были чувашаи, перешедшие в ислам. Все они практически отатарились [Исхаков, Багаутдинова 2015: 58–59, 67].

Представляет несомненный интерес молькеевский куст кряшен в Кайбицком районе, граничащем с Яльчикским, Янтиковским и Канашским районами Чувашской Республики. Сюда входят деревни Полевая Бува, Баймурзино, Молькеево, Большое Тябердино, Старое Тябердино, Хозесаново, Суринское. В XIX в. их население называло себя чувашами и соблюдало традиционные верования и обряды. Сейчас эти люди именуют себя татарами. Нынче их старые обряды сохранились в похоронно-поминальных действиях. Сегодня уже никто из молькеевцев не идентифицирует себя с чувашами, впрочем, и с русскими тоже. И это несмотря на то, что некоторые помнят своих родителей-чувашей. Тем не менее (что очень важно) 39% населения молькеевской группы назвало своими предками чувашей, а 5% — татар-мусульман. Притом исследователь замечает, что костюм молькеевцев-кряшен идентичен чувашскому. Процесс татаризации в этом кусте продолжается — в основном за счет смешанных браков. «Как правило, в данном случае уроженцы кряшенских сел берут в жены чувашек» [Севастьянов 2018: 191].

В целом в середине XIX в. М. А. Кастрен имел полное право утверждать, что чувашаи татаризованы [Castrén 1862: 320]. Под татаризацией здесь следует понимать не только «перерождение» в пользу ислама, но и переход на татарский язык, ношение татарской повседневной одежды. Тем не менее в заявлениях чувашей о принятии ислама было и откровенное лукавство. На деле, многие хотели увернуться от христианизации и таким образом сохранить шансы впоследствии легализовать дедовские порядки.

По данным X ревизии (1859 г.), в Симбирской губернии «проживали 83 чуваша-мусульманина в соседстве с татарами-мусульманами (1576 чел.), православными чувашами (275 чел.),

„язычниками“ (49 чел.) и старокрещеными, но „отпавшими“ от православия татарами (24 чел.)» [Ягафова 2007: 106]. Здесь в 60-х гг. XIX в. в д. Старое Афонькино пропаганду ислама вели самые авторитетные местные чуваши. Среди них отличился Василий Ишмакаев [Ягафова 2009: 39]. Муллы и простые татары в деле татаризации чувашей использовали все средства: молодым подбирали пару, оказывали материальную помощь бедным, вели пропаганду среди сомневающихся. Муллы также обучали чувашских детей. В целом татары умело находили подход к людям. Аналогичные процессы происходили в Оренбургской губернии. Кроме того, здешние татары сулили взамен принятия ислама земельные наделы, которых чуваши так и не дождались.

Несмотря на активность отатаривания, официальная статистика не отражала эту действительность. А переход чувашей в ислам принимал массовый характер.

Так, в 1866 г. о желании исповедовать мусульманство заявили чуваше селений Средние Алгаши, Дувановка, Три Избы Шемурши, Трех-Болтаево, Чепкас-Ильметьево, Старое Шаймурзино, Новое Дуваново, Буинка, Саушево, Чекильдым Буинского уезда Симбирской губернии. Случаи перехода в ислам отмечаются также среди чувашей дд. Кукушмы, Белой Волошки и Утеево Тетюшского уезда Казанской губернии, Татарское Сунчелево, Салдакаево Чистопольского уезда, Тенеево, Полевое Байбахино, Водоял (Уты) Цивильского уезда Казанской губернии, Нижние Нурлаты Самарского уезда Самарской губернии. В начале XX в. фиксируется сильная исламизация жителей чувашских селений Сугуты Тетюшского уезда, Казябаш, Новое Сережино, Алексеевка, Абдикеево, Рысайкино, Старое Ганькино, Николькино, Булантамак, Сумели Степанкова, Вороний Куст, Иглайкино, Сабакеево, Калмаюр Самарской губернии. Принимают ислам чуваше дд. Теневой, Полевое Байбахино Цивильского уезда Казанской губернии, Старое Афонькино, Артемьевка (Булантамак) Самарской губернии [Исхаков 2011: 197].

Шел процесс языковой и конфессиональной унификации чувашей с татарами, а заодно происходила и потеря идентичности.

Новые волны активной татаризации происходили в 40–50-х и особенно 60-х гг. XIX в. Например, в Тетюшском уезде Казанской губернии перешли в магометанство крещеные чуваше в деревнях Кукушумка (43 домохозяина), Белая Волошка (50 домохозяев) и Утеево (24 домохозяина). Аналогичный процесс шел

в Чистопольском и Спасском уездах. В Казанской епархии только по официальным подсчетам в 1866 г. среди отступников было 9000 природных чувашей. Притом они утверждали вопреки реалиям, что их отцы и деды были магометанами [Чичерина 1905: 131–132]. В течение 1865–1866 гг. в д. Средние Алгаши все чуваша, за исключением четырех домов, отошли от православия, при этом заявляли, что никогда не крестились. Они поменяли имена на мусульманские, остриглись и начали одеваться по-татарски. Кроме того, они перестали пускать в дом православных священников. Тем не менее многие женщины продолжали придерживаться прежних чувашских обрядов и верований. В соседнем селе Новые Алгаши чуваша, носившие христианские имена, также сохраняли старинные [Журнал 1902: 476].

Как верно считал миссионер-проповедник С. А. Багин, отпадению в магометанство способствовали либеральные настроения в стране, стремление к преобразованию государственного строя и реформы императора Александра II. По состоянию на 1870 г. многие чувашские деревни стали считаться татарскими. Например: Старое и Новое Никитино (985 душ), Солдакаево-Обрыскино (181 душа), Новое Узеево (502 души), Средние Челны (487 душ) в Чистопольском уезде, Тугаево (1088 душ), Сунчелеево (850 душ) в Цивильском уезде, Белая Волошка (864 души) и Утеево (437 душ) в Тетюшском уезде. Эти чуваша не отличались от татар и внешне: у них были такие же костюмы, та же речь. Практиковались смешанные браки: татарин женился на чувашке, некрещеная чувашка выходила за татарина [Багин 1910: 124–125, 225].

Кроме того, в Казанском крае к 1870-м гг. стало много смешанных (русско-татарско-магометанско-некрещено-чувашских) селений. Например: Слобода Егорьевская (Шама тож) — русских 396, крещеных татар 35, татар-магометан 108, некрещеных чувашей 272; Якушкино — татар-магометан 25, крещеных чувашей 625; Татарская Волчья — татар-магометан 205, некрещеных чувашей 10 [Списки 1870: 60–61].

Однако влияние чувашей на татар также имело место. Такая картина свойственна всему Среднему Поволжью. Естественно, это происходило только в тех местностях, где немногочисленные татары жили среди массы чувашей. Например, татары, жившие около с. Подгорные Тимяши Цивильского уезда, освоили чувашский язык. А татары, проживавшие вблизи с. Ковали, не только говорили с чувашами на их наречии, но и охотно переняли от них возделывание хмеля [Николаев 2012: 10]. Следует отметить и то,

что нередко были случаи обратного перехода из ислама в прежнюю веру. Так, в 1871 г. Емельий Темиргалеев из д. Старое Шаймурзино на допросе заявил, что хотел бы остаться в своей чувашской вере [Кобзев 2007: 121].

А. В. Рекеев в 1879 г., будучи диаконом Казанской инородческой учительской семинарии, совершил специальную поездку по маршруту, определенному директором этого учебного заведения Н. И. Ильминским. Он посетил чувашские селения Уфимской и Симбирской губерний. В частности, побывал в д. Караназиково Мензелинского уезда Уфимской губернии. Вокруг татарские деревни. Чувашаи этого поселения свободно говорят по-татарски, костюмы — чисто татарские. Чувашские украшения не носят, голову повязывают платком, как татарки. Внутреннее устройство жилища такое же, как у татар. Приветствуют, подав обе руки. Аналогичный сильный татаризм увидел А. В. Рекеев и в д. Базгиево Белебеевского уезда. Например, здесь вместо чувашских слов в разговоре употребляли татарские (*ул* вместо *вӑл*, *хаҫёр* вместо *халӗ*), также у них были чисто татарские обороты речи. Тем не менее чувашаи этой деревни проводили полевые моления *Учук* и умерших поминали по-своему. Здешние татары угощали чувашей кониной, а с теми, кто ел свинину, за один стол не садились. А чувашаи д. Алексеевка (*Усӑллӑ*) женились на татарках, соблюдали *уразу* и ходили в мечеть, некоторые носили тюбетейки. Были среди омусульманившихся чувашей и такие, которые сами заманивали соплеменников в ислам [Исхаков, Багаутдинова 2015: 488–489, 493].

На то, что в Уфимской губернии магометанство «задавило численностью и влиянием», указывал Н. И. Ильминский в переписке с обер-прокурором Св. Синода К. П. Победоносцевым. Как он отмечал, в Белебеевском уезде чувашских селений было много, но все они располагались между башкирскими и татарскими деревнями и попали под магометанское влияние. О минорной ситуации Н. И. Ильминскому сообщал инспектор инородческих школ Оренбургского учебного округа В. В. Катаринский в 1887 г. Из-за того, что вокруг чувашей и черемисов сплошные башкирские и татарские деревни, многие омагометанились. Чувашаи и черемисы между собой уже говорят по-татарски.

Не лучшая картина вырисовывалась и в Саратовской губернии. Здесь в 1889 г. ушли в ислам 19 семей из деревень Абдуловка и Белая Гора. Выяснилось, что не только неофиты, но и их родители тайно исповедовали ислам. Здешние чувашаи сыновьям делали обрезание, а свадьбы проводили по магометанскому обряду. Как

считает Е. А. Ягафова, к 90-м годам XIX в. исламизация охватила основные районы Урало-Поволжья, при этом использовались как легитимные, так и неофициальные каналы [Ягафова 2009: 43, 107]. Во второй половине 90-х гг. прокатывается еще одна волна исламизации. В 1896 г. 492 человека из с. Старое Ганькино Бугурусланского уезда подали прошение о причислении их к мусульманству. Затем аналогичное прошение последовало от рысайкинских чувашей, живших по дедовским традициям.

В целом если с 1795 по 1897 гг. в Казанской губернии прирост чувашей составил более 224%, то татар — почти 315%. Конечно, здесь комментарии излишни. Согласно переписи 1897 г., общая численность татар в Казанской и Симбирской губерниях составляла 770 021 человек, а чувашей — 659 707. Любопытно, что во время переписи число последних резко возросло. А это говорит о том, что чуваша, ушедшие в ислам, не совсем слились с татарами, хотя в прошлых ревизиях относили себя к ним.

17 апреля 1905 г. император Николай II издал именной высочайший указ за № 26125, данный Сенату [ПСЗ. 1908: 237–238]. «Мы всегда имели сердечное стремление обеспечить и каждому из Наших подданных свободу верования и молитв по велению его совести», — сказано в этом документе. Указом также устанавливалось, что отпадение от православной веры к другому вероисповеданию, которое избрал человек, не подлежит преследованию. Отдельным пунктом признавался пересмотр законов относительно лиц магометанского исповедания.

Указ послужил сигналом и для чувашского населения. В деревнях начался повальный уход в ислам. Чуваша во многих местностях забыли дедовские обряды и верования, начали одеваться, а затем и говорить по-татарски. В деревнях строили мечети и обучали чувашских детей на татарском языке.

Как подчеркивает Г. А. Николаев,

чувашско-татарский этнокультурный взаимообмен на Средней Волге имел место как асимметричный процесс: доминирующим было культурное влияние татар. Особенно рельефны были следы этнокультурного превалирования последних в контактных зонах расселения чувашей и татар. В некоторых чувашских деревнях, расположенных островками в среде татарских поселений, а также в части смешанных татарско-чувашских населенных мест, где чуваша составляли меньшинство, отличить их от татар мог лишь тонкий наблюдатель [Николаев 2012: 10].

Например, чувашаи д. Малое Русаково Свияжского уезда в праздники ходили в бешметах, носили рубашки навыпуск, без пояса. Здесь чувашей можно было отличить только по их длинным волосам.

По состоянию на 1904 г. в селениях Абдикеево, Алексеевка, Булантамак, Ерилкино, Кульшарыпово, Новое Суркино, Старое Афонькино и Старое Суркино Самарской епархии, расположенных между татарскими, стали учащаться переходы чувашей в магометанство. Там начали говорить по-татарски, женились на татарках, дочерей выдавали за татар, а детей отдавали в мектебы. В домах появлялись кумганы для омовения. К примеру, в с. Старое Ганькино Бугурусланского уезда проживали 57 семей чувашей-мусульман, в д. Сарайгир несколько семей ушли в ислам, в Алексеевке и Старом Афонькине отпало по две семьи. В Абдикеево 50 семей дома говорили по-татарски и читали татарские молитвы [Ягафова 2009: 38, 39].

Чуваши из д. Кукшумы Тетюшского уезда за 1899–1904 гг. сумели сменить несколько статусов: православные чувашаи → старокрещенные татары → магометане-татары [Пчелов 1913: 15]. Вследствие таких переходов снизилось число чувашей и резко увеличилось количество татар. Статистические данные говорят о том, что за 70 лет численность последних возросла на 150%. Если в 1834 г. татар было больше, чем чувашей, на 8483 человека, то в 1904 г. — на 222 094 [Багин 1910: 122]. Понятно, что такое колоссальное увеличение численности населения невозможно за счет естественного прироста. Основной показатель здесь — смена веры инородцами — прежде всего, чувашами. И это только по официальным данным, на самом деле, процент был еще выше.

Притом от принявших ислам татары требовали, чтобы те отказались от всех видов идентичности: в первую очередь от своих обычаев, языка и национальности. Затем такие чувашаи сами начали строить мечети. Например, в 1905 г. чувашаи-мусульмане д. Рысайкино Бугурусланского уезда обратились в Оренбургское магометанское духовное собрание с письменным прошением о постройке мечети. Их просьба была удовлетворена. В 1908–1910 гг. еще 22 жителя этой деревни захотели «уйти в татары» [Ягафова 2009: 51]. Однако формализма при переходе в исламскую религию было много. Исследователи справедливо указывают на бытование среди неофитов двоеверия (смешения старой веры с мусульманством). Посещая мечети, они продолжали ходить к своим знахарям *юмăç*, некоторые носили традиционную одежду, принимали участие

в общесельских полевых молениях. Поэтому самое большее в такой ситуации следует говорить не об исламизации в собственном смысле, а о частичном бытовом исламе.

Эмоциональную сторону идентичности превращенцев красноречиво описывала С. В. Чичерина:

Я зашла, между прочим, в дом отпавшего... чувашское село Чепкасы-Ильметevo Симбирской губернии и уезда. Спрашиваю хозяина: «Вы чуваша?» «Мы татары», — говорит он убежденно. «Да ведь здесь татар нет, здесь чуваша, татары живут отдельным обществом», — возражаю я ему. «Мы тата-ары», — говорит он протяжно, и в его голосе звучит затаенная злоба. «Да ведь твой дед был чувашин?» — настаиваю я. «Если я татарин, то и дед мой был татарин», — повторяет чувашин упорно [Чичерина 1906: 21].

Одну из уловок в своей пропаганде в пользу ислама татары-мусульмане строили на распространении слухов о том, будто государь император желает, чтобы его подданные приняли или православную, или магометанскую религию, поэтому, мол, чувашей могут насильно крестить. Их ухищрения удавались — особенно в тех местах, где причт состоял полностью из русских, не владеющих чувашским языком.

Считается, что по состоянию на 1910 г. в Казанской губернии татар-магометан и татар-отступников числилось 730 037 человек, в том числе сюда входили бывшие чуваша, черемисы и вотяки, которые отатарились. Таких неопитов можно было определить и внешне: чуваша со смугловатым лицом, белобрысые черемисы с редкой бородой, рыжие и веснушчатые вотяки [Багин 1910: 118].

О причинах стремительного наступления ислама в Поволжье писал и Н. В. Никольский. Например, у мусульман на каждые 100 душ мужского пола в 1912 г. приходилась одна мечеть, у православных же на каждые 3000 душ — одна церковь. Кроме того, строить мечеть можно было намного быстрее, чем храм. Если Православное миссионерское общество в год могло напечатать не более 10 брошюр, то мусульмане печатали такое количество за неделю [Никольский 1912: 4–5].

Богатые люди вкладывали в дело ислама крупные суммы. Свои действия татары координировали на специальных съездах. Такой съезд, например, был проведен в 1906 г. в Нижнем Новгороде. Важно отметить, что для мусульманина его религия представляет общемировую ценность [Андрей, Никольский 1912: 313].

В итоге исламизации чувашей, ранее придерживавшихся своих традиционных обрядов и верований, произошло смещение религиозных понятий и этнических ценностей.

Обрисовывая такую ситуацию, Н. А. Бобровников писал:

В Приволжском крае есть значительные районы, где живут «новые» татары и башкиры из чуваш, черемис, вотяков; есть районы, где живут башкиры, мещеряки, тептяри, еще не вполне утратившие под влиянием татар свои языковые особенности... К какому племени причислить и какому комиссариату отдать, например, просвещение деревни, в которой мужчины обрили головы и говорят по-татарски, женщины вычернили себе зубы, но говорят, особенно старые, по-чувашски, дети говорят на обоих языках? [СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1917). Д. 30: 178–178 об.].

Пеструю картину представляли исповедующие православие, официально причисленные к татарам, а в метрических книгах записанные чувашами. Такие «православные татаро-чуваш» встречались, например, в селениях Цивильской окружности. Самое интересное то, что говорили они на каком-то среднем наречии между чувашским и татарским языками, но ни тем, ни другим народом не признавались за своих. «Одеваются, как чуваш. Женщины носят те же украшения, но с прибавкою к чувашскому наряду пестрых и разноцветных юбок... Они живут среди чуваш, которых большая часть в этом месте исповедует православие. Сами себя мещеряки называют чувашами, чуждаясь названия татарами именно потому, что они крещены» [Риттих 1870: 39–40]. Как татаризованные и граничащие с Татарстаном, все эти селения в 1921 г. по административно-территориальному переделу были исключены из Чувашской Республики и причислены к Республике Татарстан. Произошло административное (властное) присоединение чувашских земель вместе с населением к Татарстану.

Конечно, в деле исламизации чувашей первую и решающую роль сыграло обучение на языке местных татар. Кроме того, мусульманство утверждалось и в похоронно-поминальных обрядах. Исламизированные чуваш умерших хоронили в саване в яме с подбоем. Плюс — каменные надгробные плиты с татарскими именами.

Что касается молькеевской музыкальной традиции, то ее М. Г. Кондратьев оценивает как обособленный «фрагмент, ответвление чувашской традиции, развивавшееся в иноязычной,

но типологически и генетически родственной среде» [Кондратьев 1997: 66]. Экспедиционные исследования 1970–1990-х гг. позволили увидеть типологическое сходство молькеевской музыки с фольклорными жанрами чувашей-анатри: это полное совпадение структуры и мелодического контура при различной ладовой окраске. Наблюдаются ассоциации с мишарской и мордовской свадебной традицией причитания невесты. А в чувашской деревне Аксу во время совместных хороводов кряшены и чуваша по очереди пели напевы на своих языках [Альмеева 1993: 106, 108].

Проведя краткий анализ источников по татаризации чувашей, этнограф М. П. Петров справедливо заключил, что «значительную массу татарского населения Среднего Поволжья в настоящее время составляют отатарившиеся чуваша» [Петров 1925: 51].

Таким образом, за время многовекового пребывания в составе Золотой Орды и Казанского ханства и соседства с татарами выработался «чувашский комплекс». Как полагал историк В. Д. Дмитриев, чуваша считали, что управлять ими должны татары и русские. Кроме того, «отдельные представители чувашей, получившие образование, стремились не тянуть за собой других, а препятствовать им выбиться в люди» [Дмитриев 2000: 357].

Современное состояние

Православная церковь строила храмы на местах народных святилищ, чтобы население могло продолжить свои обряды на этих локусах, постепенно идентифицируя свои традиции с христианством. Например, на месте Введенского кафедрального собора в Чебоксарах до 1555 г. находилось *киреметище*. Такие святилища, в принципе, служили для проведения всечувашских молений. До этого здесь вдоль р. Чебоксарки, вплоть до Владимирской горки, располагалось средневековое поселение, в котором жили принявшие крещение чуваша. Затем всех жителей, имеющих дома около Введенского собора, переселили в отстоящую недалеко деревню Сабаксар. Кстати, именно так (Sabaczar, Sabackschar) назывался и г. Чебоксары в 1719 г., когда сюда прибыли посланники Петра I, немецкие исследователи Даниил Мессершмидт и Георг Унферцagt [СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 2. Д. 1: 1; Unverzagt 1725: 20–21].

Традиционные обряды актуальны для современной празднично-ритуальной культуры — прежде всего, среди чувашских этнорелигиозных групп, сохраняющих древние обряды и веро-

вания. Сегодня у некрещеных чувашей имеется — с разной степенью сохранности — набор представлений о духах природы и божествах-покровителях разных сфер жизни и праздничной культуре. В центре ритуальной практики находится культ верховного божества *Турă* и предков. В течение календарного года в их честь проводятся церемонии. Традиционные ритуалы играют существенную роль в погребальных и поминальных обрядах и обычаях чувашей. Причем традиционные элементы характерны не только для некрещеных чувашей, но и для некоторых местных групп христиан и мусульман. Это, например, траур по усопшим, еженедельное поминовение в четверг вечером, ритуальное пение. Такие традиционные элементы в культуре православных чувашей и чувашей-мусульман, проживающих в смешанных селах вместе с русскими, мордвой и татарами, составляют основу этнокультурной идентичности и способствуют сохранению их этнической принадлежности. Чувашские обряды и верования, несмотря на многовековое влияние русской православной и татарской традиций, оказывают сдерживающее влияние на современную модернизацию и являются элементами религиозных практик чувашских конфессиональных общин [Igafova, Bondareva 2020: 111].

В статье Е. А. Ягафовой рассматриваются формирование и

трансформация религиозных практик православных чувашей на основе изучения конфессиональной ситуации в отдельно взятом селении — селе Девлезеркино Челно-Вершинского района Самарской области, одном из старейших чувашских сел Самарского Заволжья, основанном в начале XVIII в. Несмотря на доминирование христианских традиций, религиозная жизнь девлезеркинцев определяется в значительной степени практиками (обрядами, поведенческими моделями), восходящими к чувашской религии; наиболее ярко эта сторона религиозности проявляется в похоронно-поминальной и календарной обрядности [Ягафова 2021: 72].

Чувашские верования как историко-культурный феномен на рубеже XXI в. демонстрируют неизбежную трансформацию традиционной веры под влиянием русских православных и татарских мусульманских канонов, изменения социально-экономической основы общества, смягчающий эффект процессов модернизации. Ориентированная на сельский земледельческий и скотоводческий образ жизни, чувашская вера не выдержала

давления урбанизации, индустриализации, коллективизации и идеологической пропаганды (сначала атеизма, затем православия). В то же время традиционные обряды и верования остаются значимым элементом религиозной практики чувашских конфессиональных общин и важным ресурсом для формирования и развития этнокультурной идентичности [Iagafova, Bondareva 2020: 118].

ЭТНОГРАФИЯ

Рис. 10. Причеремшанский этап экспедиции П. С. Палласа с указанием пунктов основных остановок [Абайдулова, Салмин 2018]

В этот раз обратим внимание только на некоторые основные положения, характеризующие традиционную этнографию чувашского народа. При этом попытаемся проследить историческую динамику тех или иных тенденций. Все это должно содействовать анализу этнической истории одного из многочисленных народов Российской Федерации.

Закавказский период

Наблюдается тесная связь народов Западного и Восточного Кавказа с народами Малой Азии (абхазо-адыгов с хаттами, нахско-дагестанских с хурритско-урартским) [Дьяконов 1967: 176; Старостин 1988: 112]. А хурритский этнос ассоциируют с куро-аракской археологической культурой [Касьян 2011: 252]. Еще в конце IX — начале VIII в. до н. э. в состав урартских племен входили саспиры [Дьяконов 2008: 240]. В литературе имеется утверждение, согласно которому в VII в. до н. э. они возглавили значительное этническое объединение племен [Кудрявцев 1956: 156]. Такие древние даты соответствуют исторической правде.

В V в. до н. э. саспиры фиксируются Геродотом. Геродот, конечно, не только историк, но и этнограф и этнолог. Отталкиваясь от его записей, можно приоткрыть завесу тайны, скрывающую этническую доисторию многих народов Закавказья. Как уже

отмечалось, саспиры жили между Колхидой и Мидией. Кроме того, Геродот добавлял: «не дальше», «одна народность — саспиры». И в другом месте у Геродота читаем: «...выше мидян — саспиры, выше саспиров — колхи» [Геродот 1993: 45, 196]. Все эти факты свидетельствуют в пользу довода об автономности и компактности этноса.

Анализ «Истории» Геродота дает серьезный повод говорить о саспирах как об индоевропейцах. В VII в. до н. э. в сторону Мидии выдвинулись скифы. Но им, чтобы попасть в желаемый регион, нужно было сломить такие могущественные государства, как Ассирия и Урарту — и это не считая народов, живших на восточном побережье Понтийского моря. В их числе были, прежде всего, племенные союзы колхов и саспиров. «И трудно ожидать, что все эти большие и малые политические и этнические образования оседло-земледельческих народов и племен оказали бы кочевому войску скифов восторженный прием. Любое, даже мирное, перемещение большой массы конных войск пагубно отражается на жизни оседло-земледельческих районов» [Дударев 2008: 14]. Выходит, саспиры никак не соотносятся со скифами в этническом плане. Но у Аполлония говорится, что бехиры — скифское племя, а за ними следуют сапиры — еще одно скифское племя. Полагаю, Аполлоний, как чужеземец, вполне мог обобщить и не отличал бехиров и сапиров от скифов, т. е. считал их обитателями описываемых им регионов. Видимо, на такую «утку» поддался и армянский коллега, который пишет, что саспиры находились в Иберии и «по своему происхождению были, *вероятно* [выделено мной. — *Прим. авт.*], скифскими племенами» [Хорикян 2015: 200].

Согласно «отцу истории», в Азии вплоть до Красного моря обитали персы. Дальше проживали, соответственно, мидяне, саспиры и колхи [Геродот 1993: 196]. Они занимали земли от Понтийского моря до Красного. Следовательно, персы и саспиры никак не могут быть включены в одну языковую семью.

Есть сторонники включения саспиров в число древнегрузинских племен [Бердзенишвили 1962: 20]. Другие считают, что сперы, жившие к северо-западу от саспиров, за р. Спер, и сами саспиры — один и тот же народ [Свенцицкая 1989: 389]. В стадии дискуссии находился вопрос об идентификации саспиров с иберами [Кудрявцев 1956: 155]. Конечно, следует признать, что саспиры наряду с другими народами внесли значительный вклад в образование Иберийского государства. Но это не повод идентифицировать их на этническом уровне.

Поскольку на закате правления Ахеменидов (330-е гг. до н. э.) саспиры и алародии входили в одну из двух сатрапий, занимающих Армянское нагорье [Пьянков 1979: 74], то есть соблазн назвать саспиров армянами. Отдельные группы савиров, пребывавших в Армении в VI–VII вв., местные жители на свой лад называли *севордик* ‘севардийцы’, т. е. ‘черные сыновья’. В конце VIII — начале IX в. часть из них переселилась в область Утик. В середине IX в. они образовали княжество Севордик с центром в крепости Тус (Тавуш). В 943–944 гг. ал-Масуди называл их храбрым и могущественным племенем. Со временем севардийцы были арменизированы [Шагинян 2011: 309; 2018: 223, 282–283]. Они жили вдоль дороги, ведущей из Гянджи в сторону Тифлиса, на реках Шамкур, Тавуш (ныне *Тавус*) и Акстафа. Любопытный факт о севордиях заключается в том, что, согласно Масуди, они изготавливали знаменитые боевые топоры (*табарзин*: от перс. *табар*, кавалеристы прикрепляли его к седлу). Это говорит о том, что они добывали медь на рудниках Гетабак (ныне *Кедабек*), к западу от р. Шамкур [Minorsky 1953: 26].

Из Геродота узнаем, что саспиры занимались животноводством. Например, пасли «коров на горных пастбищах» [Геродот 1993: 47]. У них практиковалось рабство. На войны саспиры вооружались как колхи: «Носили маленькие щиты из сырой кожи, короткие копья и, кроме того, еще кинжалы» [Геродот 1993: 335].

Саспиры представляли собой дифференцированное общество. Современные исследователи, анализируя первоисточники, справедливо констатируют, что саспиры были единственным населением между Мидией и Колхидой [Мутафян, Лев 2012: 18], крупной этнической группой, которая являлась целостным, независимым объединением [Хорикян 2015: 194, 195]. Иными словами, по состоянию на V в. до н. э. саспиры имели свою обособленную территорию и представляли оригинальную автономную народность. Они не были ни колхами, ни мидийцами, а представляли собой самостоятельное племя.

Наш абхазский коллега Г. Д. Гумба присоединяется к образному мнению о нагорной плоскости северо-восточной Малой Азии как об «этническом Везувии». Он советует учесть, что в VII–VI вв. до н. э. происходит массовое переселение хуррито-урартского населения в пределы центральных районов Южного Кавказа, если говорить точнее — в верховье р. Чорох. Поэтому Г. Д. Гумба полагает, что более предпочтительной следует считать хуррито-урартскую этническую принадлежность большей части населения Сасперии [Гумба 2018: 104]. К этому ценному наблюдению

мы еще вернемся в связи с анализом языковой принадлежности саспиров/савиров.

Аполлоний Родосский применил по отношению к сапирам эпитет *παρεξένοντο Σάπειρα* [Apollonius 1986: 110]. На русский язык данное словосочетание обычно переводят как «надменные сабиры» [Аполлоний 2001: 63]. Эту же фразу на английский предпочитают переводить как *lawless Sapeiræ* — «непокорные сапиры» [Apollonius 1889: 94]. На самом деле, судя по контексту, здесь речь идет о «пропускающих мимо ушей непокорных сапирах», хотя все варианты являются лишь нюансами одной и той же характеристики.

Проживавшие на территории современной Грузии исторические предки чувашей практиковали древние обряды. Взглянем на такие треки на примере одного действия — обрядовых скачек в память умершего. В Сванетии еще в 30-х гг. XX в. сохранялся пережиток — хоронили вместе с покойником его любимого коня. При выносе покойника наездник вскакивал на лошадь и начинал гонять ее что есть мочи по ближайшим окрестностям. Обреченную лошадь старались загнать так, чтобы, доскакав до могилы, она свалилась замертво. В других вариантах лошадь старались не губить, друзья покойного уговаривали родственников сбересть взмыленное животное, чтобы оно могло еще послужить наследнику умершего [Шаншиев 1931: 115]. Основной смысл данного обряда — санкционированный переход коня умершего к наиболее достойному родственнику.

Г. Ф. Миллер зафиксировал интересный эпизод, согласно которому чуваш и марийцы во время обряда окончательных проводов умершего родственника (*юна*) на дворе вколачивают

в землю две палки, и между ними протягивают толстую нить, и вздевают на оную кольцо. Потом все молодые люди из сродников, или из гостей, не доходя до помянутого места шагов на десять, в кольцо стрелами стреляют, и кто первой во оное кольцо попадет, тот берет лошадь, на которой покойник ездил; ежели же будет женщина, то берет иную какую-нибудь лошадь со всем убором, и ездит на ней вскачь до трех раз на могилу и оттуда назад. Потом оную лошадь у черемис на дому, а у чуваш на кладбище, в память умершего заколовши, варят и едят [Миллер 1791: 79].

Рудименты таких скачек запечатлены и в записях XIX — начала XX в. Например, при возвращении с кладбища всадника,

прискакавшего к дому первым, встречают пивом. Позже заклание лошади после скачек заменили актом дара этой скотины, принадлежавшей умершему, тому, кто скакал на кладбище и обратно. Еще позже стали ограничиваться обычными скачками. Сокращенный, «испорченный» вариант мотива скачек на лошади умершего прослеживается и в эпизоде отправления одного всадника на могилу умершего родственника в конце поминок [ЧГИ 151: 22; 160: 157; 167: 101].

Кавказский период

На сегодня многие проблемные вопросы, касающиеся кавказского периода предков чувашей, сняты с повестки дня [Salmin 2011: 124–128; 2020: 1–12; 2020a: 523–532]. Например, то, что сувары Волжской Булгарии, упоминаемые хазарским ханом Иосифом в соседстве с булгарами, и есть савиры/сувары, проживавшие на Северном Кавказе, не подлежит сомнению [Петрухин, Раевский 2004: 230]. Об этнической преемственности суваров Волжской Булгарии и савиров пишет и Питер Голден. Он прямо заявляет, что северокавказские сувары, конечно, имеют отношение («should certainly be connected») к суварам/сувазам, которых застал Ибн Фадлан на Волге [Golden 2011: 146–147]. В литературе признается тезис о том, что «сувары (сувазы)... явились основным компонентом в сложении чувашского народа и передали ему свое имя» [Краснов 1974: 113]. Устанавливается также этническая преемственность по схеме «савиры → сувары → чуваш». Есть мнение, согласно которому хазары тоже являются потомками сабиров/савиров [Буданова 2000: 395]. И такое видение не лишено оснований. Согласно другой точке зрения, «хазары стояли во главе реорганизованного союза савиров» [Исхаков, Измаилов 2001: 53]. Разница во взглядах объясняется тем, что в первом случае речь идет о начальном этапе взаимодействия двух народов, а во втором — о позднем.

Еще один немаловажный вопрос — это идентификация савиров с абхазскими племенами. Например, в литературе имеется такой пассаж: «В сведениях восточных авторов обозначены основные противники, против которых был возведен и противостоял Дербентский оборонительный комплекс... В позднесасанидский период (VI — сер. VII в.) они представлены, главным образом, объединениями кочевников — это тюрки, хазары, аланы, абхазы (савиры), банджары (булгары), баланджары» [Шихсаидов 2008:

19]. Или: «Между 567–571 гг. Истеми–Синджибу подчинил себе кочевников северо-западного Прикаспия и приморского Дагестана — племена абхаз (савиры), банджар (болгары) и баланджар, которые „изъявили покорность“» [Гаджиев 2006: 89]. Должно быть, речь идет о переселении савиров «в Абхазию по приглашению абхазов для их поддержки в борьбе с иноземными захватчиками» [Лайпанов 2000: 53]. Затем, в VI–VIII вв., эта часть савиров постепенно была ассимилирована абхазами. Они стали одним из компонентов формирования абхазской народности в Средние века.

Первоисточники смешивают савиров и с гуннами, и с хазарами. Так, у Мовсеса Каланкатуаци в 43-й главе «Истории страны Алуанк» говорится, что великий и благочестивый князь гуннов Илитуер снарядил двоих вельмож своей страны Итгина и Чата-хазра за епископом Исраэлем с просьбой назначить его духовным предводителем страны гуннов. Из 45-й главы под названием «Ответ на письмо гуннов» узнаем, что католикос страны Алуанк Елиазр и князь Вараз-Трдат отказали послам и не захотели дать Исраэля в духовные предводители хазарам. На самом деле, в тексте речь идет о савирах, князем у которых в это время (684 г.) был Алп-Илитуер, а веровали они в могущество своего божества молнии *Куара*. Савиров называли гуннами, потому что в это время этноним «гунны» в основном относился к савирам. А перепутали гуннов и савиров с хазарами из-за вхождения в это время савиров в состав Хазарского каганата. В том, что у Каланкатуаци речь идет не о гуннах, а о савирах, нет никаких сомнений [см.: Stepanov 2013: 7].

В 724 г. арабский источник заметил, что 300-тысячное войско хакана состояло «из хазар и других племен безбожников» [ал-Куфи 1981: 22]. Конечно, под «другими племенами безбожников» в основном имелись в виду савиры. Тюрки не зря называли хазаров сабирами. Сегодня исследователи согласны с мнением о том, что встречающиеся в источниках рядом этнонимы «савиры/сабиры» и «хазары/хазаран» служат «весомым аргументом в пользу близости этих народов» [Калинина 2015: 40]. Помимо всего, савиры и хазары укрепляли связи через династические браки. Так, эльтебер савиров Алп-Илитуер взял в жены дочь хазарского кагана. Следует особо указать на тезис о том, что Хазарский каганат был этнически неоднородным государством, в котором правящие хазары составляли меньшинство [Мако 2011: 202; 2011а: 9, 22–23].

Взаимоотношения гунно-савиров и тюркютов на Кавказе не были простыми. Исследователи считают, что с приходом тюркских племен часть гунно-савиров вынуждена была уйти

в горы, где совместно с местным горским населением образовала конгломерат Сарир. Сами гунно-савиры называли эту горную страну *Тавйак* («Горная сторона»). Название *Даг-и стан* (Дагестан) — это калька топонима *Тавйак* [Аликберов 2010: 45, 61]. А название *Тавйак* является калькой савиро-чувашского *тăв айк(ки)* ‘склон’, ‘подножие горы’ (букв. ‘гора’ + ‘склон’). Из района Дагестана шла массовая миграция части гуннов (т. е. «гуннов, называемых савирами») в горы. На это указывает и археологический материал. Раскопки на территории Нагорной Балкарии выявили множество погребений с материальными следами гуннского типа.

Высказано замечание о том, что под гунно-савирами скрывается местное (автохтонное) население Северо-Восточного Дагестана — предки современных жителей Каякентского, Карабудахкентского, Кумторкалинского, Буйнакского и частично Кайтакского районов. А после изгнания арабами хазар с территории Дагестана в составе государственного образования Сувар-Жидан оказалась также территория Терско-Сулакского междуречья с г. Семендером. Заодно следует согласиться с мнением о гунно-савирах как о собирательном этнониме [Фёдоров-Гусейнов 2000: 155–156]. Такое суждение весьма важно и верно. Поэтому этническими наследниками савиров следует считать не только суваро-чувашей, но и часть жителей упомянутых районов Дагестана, включая район Шах-Сенкерского городища (ныне Каякентский район Дагестана). Сейчас там проживают в основном кумыки, а также авары и даргинцы.

Конечно, гунно-савиры не булгары. И нельзя согласиться с утверждением, что савиры наряду с утригурами и кутригурами составляли протобулгарское население [Боталов 2007: 268].

По состоянию на 555 г. непосредственными соседями савиров были племена аугар, бургар, куртаргар, авар, хазар, дирмар и др. Живут они все «в палатках, существуют мясом скота и рыб, дикими зверями и оружием», сообщал о них современник [Захария 2011: 595]. Охота и рыбалка с целью добывания пищи, война с целью защиты и завладения новыми угодьями были повседневными занятиями всех кочевников. Савиры и их предки не составляли исключения в этом плане. Впрочем, как и их соседи.

Стабильность оседлой традиции коренного населения Дагестана также не подлежат оспариванию. В укрепленных и неукрепленных поселениях люди занимались земледелием, скотоводством и различными видами ремесла [Гмыря 1980а: 165]. Целые амфитеатры террас, спускающиеся гигантскими ступенями по склонам

гор, можно увидеть в Горном Дагестане и сегодня. Земли между Баб-ул-Абвабом и Семендером занимали многочисленные виноградные сады, принадлежащие Семендеру [Ал-Истахри 1901: 49]. Выходит, савиры возделывали виноград. Несомненно, слово *исѣм* ‘виноград’, ‘изюм’ у предков чувашей исконное и бытовало еще на Кавказе. Затем оно распространилось и среди тюрков-колонистов. Марек Стаховски называет этимологию чувашского слова *izēm/üzüm* в некоторых тюркских языках (туркменском, чагатайском, казахском, уйгурском) в значении «виноград» неясной (Etymologie unklar) [Stachowski 2019: 274].

В литературе по археологическим культурам и традиционной этнографии столб у печи называется «центральный» и «серединным». «В старинном жилище ряда национальностей Дагестана посередине жилого помещения установлен столб, подпирающий крышу. Конструктивно-технической необходимости в этом столбе нет: расстояния между стенами невелики, а балки достаточно мощны, так что, если центральный столб убрать, крыша не рухнет» [Голан 1993: 158]. У чувашей такой столб (чаще — толстая доска) называется *уша юпи*. Ориентиром для указания его места служит печка, в традиционных домах он помещается вертикально — от пола до потолка — в переднем, т. е. в юго-восточном углу печи. В традиционных домах именно на такой столб/доску вешали полотенце, украшенное вышивкой и не используемое в утилитарных целях. Исконно не имел никакого практического смысла и сам столб, хотя был плотно приставлен к стенке печи. Аналогичный столб имелся и в банях [РГВИА. Ф. ВУА. 19026: 283; Поле 90: 222; Автор: 188]. *Уша юпи* был и в святилищах. Так, о чувашских *киремечицах* П. С. Паллас оставил такое наблюдение: «В середине оной хижины воткнут в землю длинный сквозь кровлю проходящий шест, на котором вверху утверждено снизу плоское, а кверху острое железное кольцо» [Паллас 1773: 140]. У чувашских моленных строений не было ни потолка, ни пола, а в центре стоял столб *уша юпи*. В столбе на определенной высоте буравили дыру, куда вбивали деревянный гвоздь, а на него, как и в доме у печи, вешали белое холщовое полотенце. Его меняли раз в год во время общесельского полевого моления *Учук*.

Сравнительное изучение дунайско-болгарского и чувашского народного костюмов приводит к выводу об общности вышивок. Например, прослеживается параллель между вышивкой на женских рубахах у капанцев и нагрудной вышивкой *кёскё* на женских рубахах у чувашей. Считают, что чувашский женский

головной убор *хушту* и болгарский *луб* имеют общие корни [Кажовский 1965а: 204–205; Денисов 1969].

У черкесов семья не могла распоряжаться убранным хлебом до тех пор, пока не совершит специальное моление *хама умухо*. На этот обряд приглашали ближайших родственников. После пира новый хлеб можно было использовать: есть, продавать, давать в долг [Чурсин 1913: 57]. Сходные церемонии имели место у абхазов и других народов Кавказа. Аналогичный родовой праздник по случаю начала употребления нового урожая бытовал у чувашей. Назывался он *чўклеме* [Салмин 2016: 79–87].

Кавказско-чувашские аналогии имеются и в свадебной обрядности. Например, обычай возвращения молодой после свадьбы в родительский дом для рождения первого ребенка: «У хевсур молодая после нескольких дней, проведенных в доме мужа, на год переселялась к родителям. Аналогично поступала осетинка по прошествии года и к мужу возвращалась часто уже с ребенком на руках... В свою очередь лачки и аварки некоторых селений на время первых родов покидали дом мужа, переселяясь к родителям» [Карпов 2001: 119]. Конечно, и в чувашском варианте этого обряда сохранились рудименты исторических форм брака (отработка у тестя, матриликальный брак и т. д.). Рожать первого ребенка у матери, должно быть, было обыкновением у чувашей. В 1927 г. этнограф и фольклорист Н. Р. Романов зафиксировал этот обычай в Чебоксарском уезде. Мы имеем дело с явлением, известным в этнографии как матрилинейное родство (не путать с понятием «матриликальный брак»). Сюда же можно включить и случаи рождения первенца у посаженной матери. Примеры родов в доме женщины, известной благополучными родами и имеющей много детей, укладывается в русло продуцирующей магии.

Савиры, как и многие народы, не засиживались на одном месте. Отдельные их группы совершали по разным причинам походы по всему Кавказу. Кстати, имя *Севар* есть в списке болгарских правящих династий, княживших в X в. С точки зрения одного из исследователей, он был из рода Дуло и правил 15 лет [Granberg 2008: 50].

Волго-Донское междуречье

Как показывают исследования (прежде всего, археологические), в салтово-маяцкое время сувары непосредственно земледелием, видимо, не занимались. Скорее всего, они покупали зерно (например, мололи зерно дома). На примере Чугуевского

городища показано, что здесь не найдены орудия труда, связанные с производственными земледельческими процессами (пахотные средства, мотыги, серпы, косы). Ситуация распространяется и на памятники Северско-Донецкого региона. Должно быть, плодородная почва позволяла практиковать разделение труда, а это способствовало развитию ремесленничества и обмена товарами. Так образовывались «гнезда» поселений. Иначе говоря, города сливались с сельскими поселениями так, что найти границы между ними было невозможно. Поэтому городища типа Чугуевского в литературе называют или «гнездами», или протогородами [Сви-стун, Горбаненко 2011: 39–40].

На Среднем Поволжье

Для начала отметим, что на территории Волжской Булгарии обитало много народов, таких как сувары и многочисленные финно-угорские и славянские племена, которые в целом наверняка численностью превосходили правящих булгар. На этот этнографический факт обращают многие исследователи. Например: [Мако 2011: 214].

У жителей г. Сувары в Волжской Булгарии было много посевной площади, а хлеба — в изобилии [Ал-Мукаддаси 1994: 289]. Переход к плужной обработке земли потребовал большого количества железных изделий (сошников, плужных ножей, топоров), а это содействовало еще большему развитию металлургии. Деревянный плуг примитивной конструкции с металлическими режущими частями, сабан, использовавшийся чувашами до середины XX в., восходит к культуре обработки земли X в. Его металлические части (лемех — *тёрпен*, резец — *шёрт*) нынче можно увидеть в музеях. Должно быть, такой тип орудия сложился на Средней Волге, т. к. он приспособлен для тяжелых почв. Сабан бытовал в регионе еще до прихода булгар и суваров. Хлеб, мясо и просо были основными продуктами для повседневного употребления у населения Волжской Булгарии. Именно ими встречали четыре царя посольство, прибывшее из Багдада [Ибн Фадлан 2016: 32]. В XI–XII вв. у предков чувашей в Причеремшанье основными сельскохозяйственными культурами были просо и овес [Газимзянов, Набиуллин 2011: 22]. В XVIII в. здесь больше всего сеяли рожь, овес и полбу. Лен и коноплю возделывали ровно столько, сколько необходимо было иметь. Гречка не пользовалась успехом, а пшеницу сеяли мало [Лепехин 1771: 144].

В Волжской Булгарии водились белки и бобры. Жители торговали шкурами животных [Ибн Са'ид 2009: 32]. В начале XVI в. Московия лисьи меха и беличьи шкуры получала из Сибири. «А те, что благороднее всех прочих, — из Чувашии (*Schuwaji*), недалеко от Казани» [Герберштейн 1988: 129].

Этнография устройства жилища позволяет проследить динамику, определить исторических соседей и проанализировать трансформацию. Например, согласно фиксации Приска, относящейся к концу первой половины V в., в доме у Аттилы «скамьи стояли у стен комнаты» [Приск 1860: 67]. Аналогичное расположение длинных скамеек из половых досок вдоль всей стены характерно для чувашей — особенно в южных районах республики. Такие массивные скамейки, служившие одновременно и кроватями, стали вытесняться покупной мебелью лишь в конце XX в. [Салмин 2016: 599; Медведев 2020: 207].

Агафий Миринейский писал о временных лагерях, устраиваемых савирами: «Около пятисот савиров (*Σαβείρων*) помещались на каком-то возвышенном пункте». Изгороди таких временных укреплений были не очень высоки, так что можно было видеть лицо стоящего за оградой всадника. Лагерь представлял собой ограждения из кольев, внутри которых находились «хижины, построенные из кольев и шкур» [Agathi 1828: 180]. Подобные городища возводились очень быстро и состояли из шалашей на каркасах. Эпизод относится к событиям 554 г. в Лазике (Западная Грузия). Жилища гунно-савиров имели турлучный (плетеный) каркас. Они покрывались шкурами животных или войлоком, а у долговременных строений оплетались камышом или обмазывались глиной. Обычно в литературе их называют по-разному: палаткой, шатром или тюркским домом [Гмыря 1980: 9]. На западе Кавказа археологи находят жилища, на стенах которых, обмазанных глиной, имеются отпечатки прутьев. Выходит, жители возводили легкие плетеные постройки и обмазывали их глиной. Такому типу строительства способствовали местные материалы и климатические условия. Такие же постройки можно было видеть в XIX в. в Западной Грузии, Абхазии и Адыгее [Фёдоров 1983: 66]. В гунно-савирском городе Варачане (городище Шах-Сенкер) укрепления представляли собой деревянный тын. Здесь располагались дома «с турлучными или сырцовыми стенами» [Гаджиев 1995: 33]. Подобные жилища затем были широко распространены в салтово-маяцкий период.

Жилища, открытые археологами в Суваре, в основном принадлежали к двум типам: это глинобитные дома или деревянные срубы. Реконструкция позволяет представить и типовую схему постройки: это были сооружения общей площадью $7,1 \times 7,2$ м с деревянным полом и подполом около 70 см глубиной, где хранили зерно. Таких зернохранилищ в Суваре обнаружено множество. В некоторых ямах найдены следы дубового тлена. Выходит, дно ям и, возможно, стены были обложены дубовыми досками. Обнаружены и органические остатки злаковых культур. Близ стены ставили печь.

Аналогичные конструкции имели широкое распространение в Волжской Булгарии с X в. У строений в городе Хулаш стены тоже «были сделаны в виде каркасной опоры из плетня, обмазанного глиной» [Каховский, Смирнов 1972: 21].

В начале X в. сувары на территории современных южных районов Чувашской Республики имели городища в виде круговой крепости. Традиции строения таких городищ у суваров существовали еще на Кавказе. Они весьма напоминают аварские хринги с круговыми укреплениями. Дома и хозяйственные постройки в Хулаше располагались скученно. Этим городище больше напоминает южные поселения, в частности Саркел. Допускается, что в Хулаше селились вокруг дома старейшины [Каховский, Смирнов 1972: 10–11].

По описанию путешественника XIX в.,

чувашское жилище — это деревянная избушка с двускатной крышей и маленьким крыльцом. Она делится надвое коридором, слева от которого находится амбар для зерна, а справа — жилая комната с огромной русской печью. По периметру прямоугольного двора с забором стоят сараи, коровники и склады, а за избами тянутся огороды... В нашем случае скамьи и стол в большой комнате были тщательно выскоблены, стены начищены добела [Рабо 2021: 84].

Такое наблюдение можно распространить и на большую часть чувашских поселений, хотя описание касалось верховых чувашей.

Несомненную ценность представляют зарисовки официальной трапезы по случаю визита византийского посольства к предводителю гуннов Атилe (448 г.) и арабской миссии к царю Волжской Булгарии Алмушу (922 г.). Особенно интересно сравнительное изучение церемонии застолий. Первый вариант изло-

жен Приском Панийским, второй — Ибн Фадланом. Оба писали о том, что наблюдали сами. Не верить очевидцам нет оснований. Притом описание Приска полнее, чем рассказ Ибн Фадлана. Вспомним некоторые детали.

Приск отмечал:

Когда все расселись по порядку, виночерпец подошел к Аттиле, поднес ему чашу с вином. Аттила взял ее и приветствовал того, кто был первый в ряду... Подле стола Аттилы поставлены были столы на трех, четырех или более гостей, так, чтоб каждый мог брать из наложенного на блюде кушанья, не выходя из ряда седалищ. Первый вошел служивающий другим гостям ставили на столы кушанье и хлеб [Приск 1860: 67–68].

Ибн Фадлан писал:

Цари [сидели] с правой его стороны, а нас он пригласил сесть слева от него, в то время как сыновья его сидели перед ним, а он один [сидел] на троне, покрытом византийской парчой. Он велел принести стол [с яствами], и он был подан ему. На нем было одно только жареное мясо. Итак, он начал — взял нож, отрезал кусочек и съел его, и второй, и третий. Потом он отрезал кусок и дал его Сусану послу. Когда же он его получил, ему был принесен маленький стол и поставлен перед ним. И таково правило, что никто не протягивает своей руки к еде, пока царь не вручит ему кусочек. И тотчас, как только он его получит, то уже принесен ему стол. Потом он вручил [мясо] мне, и принесен был мне стол. Потом он отрезал кусок и вручил его царю, который был справа от него, и ему был принесен стол, потом вручил второму царю, и ему был принесен стол... потом вручил четвертому царю, и ему принесли стол, потом вручил своим сыновьям, и им принесли столы, и таким образом [это продолжалось], пока каждому из тех, кто был перед ним, не был принесен стол, и мы ели каждый со своего стола, не будучи сотоварищем по столу с кем-либо другим, и, кроме него, никто не брал с его стола ничего [Ибн-Фадлан 1956: 132].

За исключением нюансов (простота у Аттилы и пышность у Алмуша и т. д.), обе трапезы проходили по одному и тому же сценарию. Иначе говоря, во дворце Алмуша повторили то, что происходило у гуннов на пять веков раньше.

Следы увиденных Приском и Ибн Фадланом церемоний застолья явно просматриваются в чувашских родовых обрядовых трапезах *чӱкӼеме* и *ал валли*. Почетных людей усаживают за стол в передний угол. Здесь проводят предварительную часть. Женщины в *чӱкӼеме* занимают определенное место. Жена хозяина, например, повторяет те же действия и слова, что и муж. Во время обряда ее сажают за стол вслед за супругом. Тут же приносят и ставят на стол в большой деревянной посуде пиво, подают ковши в количестве до девяти штук. У каждого из участников обязательно должны быть ритуальная еда и питье, поднесенные хозяином дома. Именно они служат официальным допуском к обряду вообще и к совместной еде в частности. Такая доля, полученная в руки, называется *ал валли* (букв. «для руки», «на руки»). Как сидящие за столом, так и другие участники обращены лицом в сторону двери [Салмин 2016: 79–87].

На свадьбе моление начинается с подачи пива из непочатой бочки и целого хлеба. Глава дома или его жена раздают каждому присутствующему по кусочку хлеба с намазанным маслом. И сам процесс (обрядовое действие), и полученный кусок хлеба называются *ал валли*. Все встают, смотрят в сторону чуть приоткрытой двери и держат бутерброд в правой руке. Зажигается свеча. Вначале обращаются к *Турӑ* и *Пӱлӑх*, затем к другим божествам. Просят здоровья новой паре, выражают желание иметь целый пол ягнят и целую скамейку детей. Также просят у божества *Турӑ* возможность ходить друг к другу в гости. После совместного моления и поедания кусков хлеба с маслом брачный договор считается *de facto* заключенным.

Исследователи истории социального устройства общества у чувашей обращали внимание на термин *турхан*. П. К. Коковцев, А. П. Новосельцев, В. И. Абаев и А. В. Дыбо считают его иранским заимствованием (точнее, согдийским *trχ'n*). Обозначал он понятия «судья», «переводчик», «титул» [Дыбо 2006: 772]. Затем слово перешло в хазарский, тюркский и русский языки. Видимо, оно присоединялось к имени собственному (например, как в Турции титул *паша*). В Хазарии термин обозначал привилегированный класс. Присутствует он как антропоним, название селений, околотков и улиц, обозначает привилегированный класс, имена божеств и духов, топонимы, святылища. В Казанской губернии населенных пунктов с таким названием было 15. Из них одно селение татарское, одно — черемисское, остальные — чувашские. Поэтому считается, что сословие тарханов преимуще-

ственно состояло из чувашей [Артемьев 1866: LXXIV]. Кроме того, ставленники-турханы имелись и в Симбирской губернии. В современной Чувашской Республике населенные пункты *Турхан* есть в Батыревском, Красночетайском, Шумерлинском, Цивильском, Моргаушском и других районах. Р. Г. Кузеев заметил, что топонимы с элементом *тархан* распространены почти на всей территории к западу от Алтая и Центральной Азии: «Контакты между этими образованиями могли иметь место на Северном Кавказе и Приазовье, где образовались этнонимические параллели, перенесенные затем на Дунай и Волгу» [Кузеев 2010: 323]. Действительно, из работы Мовсеса Каланкатуаци «История страны Алуанк» узнаем, что у гунно-савилов в VII в. был титул *тархан* [Каланкатуаци 1984: 132]. И в середине XVI в. у чувашей имелись свои князья-тарханы. Согласно татарским шежере, в Арском округе по состоянию на 1552 г. правил князь Чуваш бек [Әхмәтҗанов 1995: 12, 26].

Много общего в традиционной обрядности народов Кавказа и чувашей. Например, одинаковые действия видим у народов Кавказа и чувашей в обрядах «От затмения солнца и луны», «Прхождение под радугой».

Обряды вызывания дождя чуваша, как правило, проводили у воды. С просьбой ниспослать влагу на землю участники церемонии обращались к духам предков: представители шли на кладбище и обливали некоторые могилы, полагая, что умершие не дают дождя. Затем потусторонние родственники являлись своим детям во сне и жаловались: «Пока сам находился на севере, дом мой залили водой». Как правило, лили воду на могилы умерших недоброй смертью (пропойцы, утопленников, висельников). Объектом поливания оказывались и холмики колдунов. Считалось, на них имелись дырки, через которые они выходили наружу. Должно быть, истоки такого обряда ведут на Кавказ. Так, в VII в. зафиксирован обычай кочевников Прикаспийского Дагестана обливать могилу знаменитого человека. В сухую погоду они выносили гроб с костями и испрашивали над ним дождь. Но сам обряд с использованием останков выдающихся людей, по всей видимости, имел у населения Прикаспия еще более глубокие традиции. Исследователи полагают, что он был местный. В более раннем варианте труп «странного» человека следовало закопать в землю [Гмыря 2009: 58–62]. Согласно источникам, баладжары в бездожде выкапывали кости арабского полководца Сальмана ибн Раби'а и выставляли под открытое небо. «Погружение костей покойника в воду

практиковалось до недавнего времени с магической целью у сванов, карачаевцев, абхазов, черкесов и русских Северного Кавказа» [Генко 1941: 101].

Большинство источников говорит о проведении свадеб в *симёк* 'семик'. «В *симёк* кто желал, тот женился»; «А в *симёк* шумели свадьбы», — читаем в записях XIX–XX вв. «Все» или «в основном» — такие утверждения относительно проведения свадеб в *симёк* встречаются в громадном количестве материалов, которыми располагает автор. Некоторые информанты подчеркивают, что у чувашей, придерживающихся дедовских традиций, свадьбы бывают на *симёк*. Имеются только некоторые уточнения: после завершения сева; в то время бывают молодежные хороводы *Вайй*; в день *симёк*; за день-два до *симёк*. Или на следующий день после *симёк*, или более обобщенно — летом.

Свадьбы можно было проводить до начала полевых работ, точнее — до сенокоса. Подтверждением могут служить частушки, исполняемые на свадьбах: «Глупость нашего отца (видна из того), Что он выдает дочь перед полевыми работами». Или: «Девки, не умеющих работать, Выдают замуж перед полевыми работами» [Ашмарин 1929: 141].

Прямой отклик времени проведения свадеб находим у дунайских болгар — исторических соседей предков чувашей по Кавказу [Арnaudов 1931: 9]. Строгие даты проведения свадеб устойчиво держались в районах Македонии и северо-восточной части Болгарии. Называют даже конкретное число — 29 июня. У македонских болгар регламентированным временем считался период с 20 июля по 15 августа. За соблюдением традиции следила община. Должно быть, в старину учитывали удобство: лето — прекрасное время для проведения свадеб с участием большого количества людей во дворе или на природе, это с одной стороны. С другой — явно просматриваются южные традиции.

Имеются сведения о проведении свадеб в начале зимы. Конечно, здесь на первое место выходят соображения, связанные с экономической выгодой: урожай собран, скот набрал вес, а накрывание стола обходится дешевле. Тем не менее конец осени, начало и середина зимы для проведения чувашских свадеб нехарактерны. «В старину зимой свадеб у чувашей было очень мало. Если и были, то их проводили исключительно нищие. И те, кто играл свадьбу без сватовства», — сообщал в 1928 г. А. С. Семёнов из д. Новое Аксубаево Чистопольского кантона Татарской Республики [ЧГИ 623: 1–2]. Можно допустить, что случаи проведения чуваш-

шами свадеб осенью и зимой — это влияние русских. Например, в 1886 г. воспитанник симбирской чувашской школы Яков Егоров из д. Новые Атаи Курмышского уезда Симбирской губернии писал: «Если чуваша устраивают свадьбы, то они не проводят, как русские, зимой, свадьбы всегда приурочивают к *зимёк* до полевых работ» [ЧГИ III-152: 111 об.]. Фактически чувашские свадьбы продолжались ровно неделю, но к ним тщательно готовились. Этот период чуваша буквально называют «праздником свадеб» [ЧГИ III-536: 54]. Свадьбы у них, согласно имеющимся источникам, начинались неизменно в пятницу.

Обряд хождения молодой после брачной ночи за водой в сопровождении новых родственников имеет сходство — как в целом, так и в деталях — у народов Кавказа и чувашей [Сефербеков 2009: 145–146; Салмин 2016: 166]. Цель этого обряда — умиловление божества воды. В обрядах вайнахов, абхазо-адыгских народов и даргинцев молодая высыпала горсть зерна в родник как дань божеству, затем подносила всем присутствующим ковш воды. Кайтагцы у родника обливали ноги молодой. Табасаранцы в этот обряд вкладывали пожелание родить семь сыновей. Аналогичные ритуалы были у дагестанских азербайджанцев. У чувашей молодая утром после свадьбы должна была идти за водой. Ходила она не к колодцу, а к реке или ближайшему ключу, т. к. учитывалось, что колодец «окультурен». Молодую сопровождали женщина, маленькая девочка, молодежь, девушки. Обыкновенно она несла ведра на коромысле. У воды девочка или сопровождающая женщина два-три раза черпала воду, но каждый раз молодая нарочно ее выливала, толкнув ногой. Затем дарила колечко девочке и со словами: «Я и сама могу», черпала воду. Разумеется, она откупалась колечком за воду. При этом молодая должна была сказать: «Воду беру для божества Турă, не для самих, эта вода не для нас». Если она скажет: «Для Турă», то божество *Шыв турри*, находящееся в воде, не будет препятствовать. Если она не скажет этого, то божество воды наслет порчу.

У гунно-савиров был обычай хоронить умерших обычной смертью людей в гробу, а погибших в бою — сжигать. Например, Аттилу, умершего дома, хоронили в гробу. У чувашей способ кремации не зафиксирован, однако поддается реконструкции. О родственниках, погибших на войне, чуваша говорят: «*Таврайман*», т. е.: «Не вернулся». Иначе говоря, от его тела не осталось физических следов. Аналогично у гунно-савиров: «Улетел».

Традиции погребений в ямах с подбоем характерны для равнинных районов Дагестана гуннских времен. В длинной стенке вырывался подбой, куда помещали труп, а также инвентарь, украшения, оружие и посуду [Гмыря 1980а: 167–169]. Должно быть, встречающиеся среди чувашей могилы с подбоем [Салмин 2016: 191–192] имеют непосредственную связь с кавказскими традициями, а не с исламом, как часто пишут исследователи. Носители салтово-маяцкой археологической культуры (VIII–IX вв.) хоронили умерших в ямах с малым количеством вещей. Притом их погребальный обряд тесно перекликается с формами погребений как в Волжской Булгарии, так и в Дунайской Болгарии [Плетнёва 1981: 70].

Л. Б. Гмыря анализирует своеобразие погребальной практики кочевников Западного Прикаспия. Эти особенности проявлялись в намеренной порче женского костюма. Такие образцы зафиксированы в материалах Паласа-Сыртского курганного могильника IV–V вв. Л. Б. Гмыря рассматривает специфические манипуляции с костюмом умерших женщин, определяет характер искажений размещения убора и их целенаправленность в погребальном обряде. Отмеченный ритуал отражает представления населения, основанные на противопоставлении мира живых (средний мир) миру умерших соплеменников (нижний мир). Исследователи Паласа-Сыртского могильника отмечают перемещение уборов со своих мест. Притом такое нарушение порядка не связано с ограблениями. «Манипуляции с предметами убора умершего производились в погребальной камере непосредственно перед его захоронением, т. е. в процессе проведения погребального обряда, что позволяет квалифицировать эти действия как ритуал» [Гмыря 2015: 224]. Как видим, археологи (С. А. Яценко, А. В. Мاستыкова, Л. Б. Гмыря) отмечают намеренные поломки и деформацию вещей, сопровождающих умершего у кавказских народов.

Разбивание посуды, сопровождающей родственника, в похоронно-поминальной обрядности чувашей также имеет системный характер [Салмин 2016: 96, 229, 576]. Например, в день окончательного провода души на могиле разбивают утварь (деревянные ковши и ложки), необходимую на том свете.

Неделя протяженностью в семь дней была характерна не для всех народов. Так, пять дней в неделе у африканских йоруба, а у народа дед калабар — восемь. У татар в древности неделя состояла из пяти дней, а среда считалась серединой недели. Аналогично у русских (*среда* < *середина*) и немцев (*Mittwoch*). Та же картина

у чувашей. Так, известно, что родовой праздник *мункун*, отмечаемый в весеннее равноденствие, длится пять дней, а по другому источнику — неделю. В пятый — заключительный — день проводят *сёрен* с целью очищения. *Юн кун* (среда) — букв. «день крови», т. е. день жертвоприношений и отдыха. Такое название сохранилось у татар-кряшен, башкир, карaimов, крымских татар (*кан кўн*), а также марийцев, мордвы, удмуртов (*вўр, вяр, вир*). Естественно, речь идет о жертвоприношениях в среду у данных народов. Здесь у этнографов разногласий нет [Салмин 2016: 414–419].

В сравнительном плане интересны представления ингушей о времени, в частности о неделе и о ее днях. Как утверждают исследователи, у ингушей исконно отсчет дней недели велся по пятидневкам — соответственно числу пальцев на руке. Названия большинства дней недели соответствовали ингушскому счету с добавлением аффикса родительного падежа *-ра*: *ши* → *шинара* ‘второй’; *кхоъ* → *кхаъра* ‘третий’. В числе исконных дней недели называют вторник, среду и четверг, а также пятницу и понедельник. С каждым днем были связаны определенные верования. Например, среда (*кер-сели*) — это третьи сутки недели, названные в честь божества *Сели*. В этот день, т. е. в день божества грома и молнии *Сели*, не давали огня [Акиева 2016: 36, 40–41].

Сувары входили в тесные взаимоотношения с окружающим миром. Вырабатываются общие традиции в культуре, особенно в одежде. Например, появляются «удлиненные пуговицы-стерженьки с кубиками на концах и петлей посередине для пришивания к одежде» [Фёдоров 1972: 37]. Эта традиция прослеживается и по археологическим памятникам Волжской Булгарии. Материалы Паласа-Сыртского курганного могильника IV–V вв., относящиеся к кочевникам Западного Прикаспия, содержат богатые коллекции височных привесок и нагрудных комплектов женщин, занимавших достаточно высокую ступень в иерархии населения [Гмыря 2014: 37–38]. Все они находят прямой отклик в праздничной одежде чувашек в виде *сурпан сакки*, *хълха сакки*, *шўлкеме*.

В Поволжье одежда и украшения чувашей являются продолжением кавказских традиций. Так, *сурпан сакки* на нагрудном украшении *шўлкеме* чувашской женщины сходно с ингушским антропоморфным изображением [Акиев 2022: 449]. Однако имеет место также влияние восточнофинского и тюркского миров. Так, нагрудные украшения из куска кожи с застежкой и нашитыми или подвешенными монетами (прототипы современных чувашских украшений *сурпан сакки* и *шўлкеме*) очень близки к нагрудным

украшениям эрзи и марийцев. Близки к марийским наконечникам и украшения из шерстяных жгутов с кистями, вставленных в медные трубочки. Что касается украшенных монетами кожаных шапочек *хушпу*, *масмак*, головного полотенца *сурпан* и перевязей *тевет*, то они не имеют аналогов у марийцев и мордвы и являются специфически чувашскими, восходящими к волжско-булгарскому времени [Краснов 2011: 272–273]. В могильниках XVII–XVIII вв. при больших селах северных районов Чувашии были найдены «довольно хорошо сохранившиеся остатки костюмов, одежды и украшений». Археологи сначала, судя по наконечникам с кистями и металлическими подвесками, предположили, что могильники принадлежат марийцам, поскольку точно такие же носили у них женщины. Однако местные старики в первой половине XX в. дружно объясняли археологам, что все это — «старые наши костюмы, что мы их помним, что наши матери и бабки носили именно такие уборы» [Михайлов 2022: 35].

После монгольского похода на Волжскую Булгарию в юго-восточной части Чувашии осталось пепелище от около 200 городищ и селищ. Вся эта территория превратилась в Дикое поле, используемое ногайскими ордами для кочевий. Оставшееся в живых население ушло в Заказанье, Приказанье и северные районы Чувашии. В результате монголо-татарского геноцида XIII — начала XV в. осталась лишь одна пятая часть предков чувашей [Димитриев 1994: 27].

События 922 г. подтолкнули к подъему самосознания единого племени, хотя позже и стали сильны различия между северными и южными группами. Эти особенности в виде двух основных культурных диалектов лесных (верховых) и степных (низовых) чувашей в рудиментарной форме сохранились до сегодняшнего времени. Однако они нисколько не помешали образованию единого этноса. 922 г. следует считать началом формирования предков чувашей как народа и обретением родины. Первой родиной следует назвать закавказскую территорию в пространстве р. Чорох — оз. Севан — оз. Ван. Это IX–I вв. до н. э. Вторая родина располагалась на прикаспийском побережье, столица Варачан (до 737 г.). Третья родина — Причеремшанье и северные территории Ульяновской области, центром следует считать городище Сувар (895–922 г.). Четвертая — городище Тигашево на правом берегу Волги, на р. Буле (после 922 г.). Пятая столица (с 1236 г.) — *Веда Суар (Шуташикар, Чебоксары)*. 922–1469 гг. — период формирования чувашского народа и утверждения его самосознания.

При этом еще раз следует согласиться с мнением, что саспиры/сапиры/савары/савиры/сувары составили субстратную базу для образования современных чувашей. Говоря о событиях, происходивших в лесостепном Поволжье в XIII–XV вв., археолог Ю.А. Зеленева считает, что именно в эти века произошло формирование чувашского этноса [Зеленева 2013: 42]. Какие мотивы двигали народом в его многовековой и непростой истории — вопрос тоже непростой. Ведь «дрейф этничности напоминает скорее цепь ситуативных реакций, чем линейную эволюцию, и его направление не копирует зигзаги политической истории: взлет этничности часто зарождается в политической смуте, а спад приходится на фазу социального благоденствия» [Головнёв 2009: 120]. Парадоксально, но это так. Ясно одно: племена и народы сохраняют идентичность до тех пор, пока не теряют свое этническое лицо.

Рис. 11. Платок жениха, изготовленный из холста с вышивкой.
Первая половина XVIII в. [СПбФ АРАН. Р. IX. Оп. 4. Д. 459]

Есть удивительно мощная песня у чувашей. Называется она «Вёҫ-вёҫ, кукук» («Лети-лети, кукушка») и является самой любимой у автора этих строк. Запала она в душу, когда мама зазывала родню. Так как наш дом был *тёп кил* (домом, откуда выделялись сыновья нашего далекого предка), в весенний родовой праздник *мункун* у нас сходились самые близкие родственники. Попировав, гости прощались. Для этого мужчины вставали в плотный ряд, обнявшись за плечи, и пели эту песню. У меня до сих пор дрожь в груди от сильного волнения и гордости за род-

ню. В основном гости благодарили хозяев за праздник. Особенно нравится простая, но мощная мелодия. Песня эта народная и знакома всем чувашам. Она звучит как гимн земледельца и исполняется часто. Но, к великому сожалению, я ни разу не слышал то точное и задевающее нутро исполнение — ту мелодию, которая зафиксировалась у меня глубоко в мозгу. Но совсем недавно в интернете я нашел эту песню на чувашском языке в исполнении грузинского ансамбля. И вспомнил те события, которые происходили в нашем деревенском доме. Грузины, как ни удивительно, сумели (видимо, надо сказать, что спели как есть) исполнить точь-в-точь со всеми плюсами-минусами [Грузины спели чувашскую песню «Вёс-вёс куккук» — Достояние Республики (d-r.su)]. Склонен думать, что грузинский ансамбль воспроизвел древнейшую мелодию того времени, когда наших предков объединял один родственный культурный код.

Армянская народная скульптура VI–III вв. до н. э. отличалась не только архаичностью, но и примитивностью. В основном для них характерны плоские лицо и спина. «На плоскости лица рельефно выступают нос, брови и лоб, рельефно обозначены уши. Глаза переданы либо в виде еле заметных щелей под бровями, либо в виде кружка или круглых, довольно глубоких отверстий» [Аракелян 1976: 14]. Все эти признаки присущи малой форме народной скульптуры чувашей. Например, антропоморфным фигуркам божеств *Йёрёх*. Кроме того, у таких скульптур плоская тыльная часть [Салмин 2016: 279–286].

На Хаританинском святилище (Дагестан) фигура основного божества значительно превосходит все остальные, что однозначно подчеркивает ее особое положение. Поднятые в позе Оранты руки, широкая конусовидная юбка, украшенная ромбическими клетками, придают божеству особое смысловое значение. Как известно, ромб интерпретируется как символ женского начала. Он символизировал также возделанное и засеянное поле. А символика поля одновременно означает и женщину, и поле, и растение, что в конечном счете олицетворяет идею плодородия. Интересно отметить, что ромбы особенно украшают грудь богини. Такие же фигурки имеются в древней Передней Азии, что говорит о связях населения Дагестана с этим регионом [Котович 1983: 5]. Основным узором лезгинских ковров также является крупный восьмиугольный ромб. По их числу определяли размеры ковров. На больших коврах размещается до пяти ромбов, на маленьких — один. Называется этот ромб *гюзги* ‘зеркало’. Внутренние стороны *гюзги*

украшаются крючкообразным узором. Каймы ковров заполняются геометрическими рисунками [Салько 1951: 204–213]. Вышитые нагрудные розетки *кёскё* в виде ромбов характерны для рубах чувашских женщин и отражают идею плодородия [Салмин 2016: 158]. Кстати, и само чувашское слово «зеркало» сохранило кавказские следы во второй части: *куҫ кёски* ‘глаза + зеркало’.

У хантов есть термин *xanda-xanç* ‘хантыйская вышивка’. Словом *xanç* обозначается прием, используемый в вышивке. *Xand (xanda)* — значит «хантыйский», «относящийся к хантам», ибо *xant* (а также *xанти*, *хандэ*) — это эндоним. Геометрические рисунки в вышивке *xanda-xanç* очень близки к чувашским узорам: две симметричные птицы или лошади (возможно, олени или лоси) у центрального дерева, крупные линии с изгибами, завершающиеся мелкими отростками. Особый стиль вышивки, поразительно схожий с *xanda-xanç*, широко применялся чувашскими женщинами. Вышивками техникой шва *хантӓсла* особенно богаты покрывало невесты *пёркенчӓк* и платок жениха *сулак*. Чувашки наносили такую плотную вышивку также на рубахи в области груди, на головные уборы *масмак* и *сурпан*, на рукава и подола. Главное, такая вышивка у чувашей называется *хантӓсла*. Что касается корня *xant*, то автор этих строк воспринимает его как этноним *xant*, а термин *хантӓсла* в целом переводит как «вышивать по-хантыйски». На всякий случай, скажем, что непосредственные контакты с хантами исторические предки чувашей имели не в Сибири, а на Кавказе — с прибывшими в составе гуннов хантами-косоплетами [Салмин 2017: 352–387].

Многие типы украшений из городища Хулаш (и других средневековых городов) имеют аналогии в материалах памятников салтово-маяцкой культуры. А это свидетельствует о сохранении жителями культурных традиций своих степных предков [Каховский, Смирнов 1972: 59].

У чувашей оригинальная музыка и много народных инструментов. Среди них волынка *шӓпӓр*, колокольчик *шӓнкӓрав*, скрипка *сёрме купӓс* и др. [Салмин 2010: 77–83]. Как отмечали путешественники, их гусли *кёсле* очень похожи на черемисские. А «танцы представляют собой прыжки, сопровождаемые хлопаньем в ладоши» [Рабо 2021: 92].

Рис. 12. Урок чувашского языка // БУ ЧР ДПО «Чувашский республиканский институт образования»

Сумма публикаций показывает, что ссылки на историю чувашского языка в основном даются на источники не раньше X в., чаще — с XVI в., а в основном — с XVIII в. Иначе говоря, исследователи изучают язык значительно ассимилированных (иранизированных, угризированных, тюркизированных и т. д.) чувашей. Задача же — попытаться проникнуть в более древнее состояние языка, выявлять его исконные слои. Многие исторические соседи, входившие в близкие языковые семьи, или перешли на другие языки (булгары), или влились в другие племена (хазары, эскелы). Еще труднее восстановить общий лексический фонд с бывшими историческими соседями в Южном Предкавказье. Отдаленность исторических соседей чувашей во временном и географическом отношении (хеттов, армян, грузин) весьма затрудняет доказательную базу даже на минимальном уровне. Однако такая связь (прямая или опосредованная) имела место однозначно. Скорее всего, родственников савилов по языку следует искать в Южном Предкавказье. Во всяком случае, имеются основания отнести саспиров/сапиров/саваров/савилов к семье переднеазиатского

языкового родства. Пока мы все еще находимся на таком этапе познания, что наличие общих языковых совпадений «в современном чувашском языке представляет явление весьма странное и загадочное, вызывающее большое недоумение и затруднение у исследователей» [Егоров 1953: 81].

Со времен, когда Клавдий Птолемей зафиксировал исторических предков чувашей на территории современного Дагестана [Ptolemy 1843: 171], прошло 19 столетий, а если взять сочинение Геродота как источник по исследуемой теме, то намного больше. Сегодня мы имеем солидные публикации о чувашском языке таких известных всему миру исследователей, как епископ Дамаскин, В. В. Радлов, А. А. Куник, В. В. Бартольд, Густав Рамстедт, Н. Н. Поппе, Н. И. Ашмарин, В. Ф. Минорский, Мартти Рясанен, Андраш Рона-Таш, Питер Голден и А. В. Дыбо. По обсуждаемой теме автор этих строк уже имел возможность высказаться [Salmin 2014: 64–69]. Тем не менее проблемных сюжетов остается много.

Доисторические аргументы

Полагают, что в древности все племена Южного Предкавказья общались на одном из широко распространенных языков. Исчерпывающего ответа на этот вопрос пока нет. В то же время следует говорить об этнокультурной неоднородности и полиэтничности населения или наличии диалектов какого-то одного или нескольких древних языков. Видимо, была велика роль языковой ассимиляции, а генофонд сохранялся прежний. На сегодня доказан факт общности происхождения древнекавказских языков с ныне мертвыми языками Передней Азии. В интересующий нас регион входили Армянское Нагорье и Иранский Азербайджан. Следует при этом учесть, что «первоначальные этнические территории предков грузин и армян находились в тесном соседстве» [Арутюнов 2019: 177]. По сути, на этих землях локализовалась прародина индоевропейцев. Анатолийцы были первыми, кто отделился от индоевропейского ствола. Выходит, сапиры также входили в этот лингвогеографический ареал.

«Реконструируемые на основе археологических данных миграции в целом соответствуют направлениям распространения генов с Ближнего Востока в Европу, в евразийскую степь и на восток, в Иран и Индию... Судя по этим данным, прародина индоевропейцев находилась на Армянском нагорье» [Григорьев 2020: 73]. Археологические и лингвистические данные свиде-

тельствуют в пользу происхождения индоевропейских языков в понтийско-каспийских степях около 4000 лет до н. э. Доказательства настолько сильны, что аргументы в поддержку других гипотез должны быть пересмотрены [Anthony, Ringe 2015: 199].

Если попытаться вникнуть в доисторический лексикон народов Северной Африки, то открываешь неожиданные факты. В этот раз приведу примеры лишь из одной публикации [Militarev 2022: 1–47]. Так, в берберском языке и его диалектах собаку обозначают словами *yid*, *īdi*, *id*, *ydi*, *ydi*, *īid*, *idā*. Тут не удастся замаскировать прямое совпадение слова и его значения с чувашским *йым(ă)* ‘собака’. А по отношению к козе, барану, ягненку, антилопе, газели и овце берберцы применяют слова *bakir*, *beker*, *bākār*, *bVkvVr*, *bugur*. Все варианты перекликаются с чувашским словом *вăкăр* ‘бык’. Можно полагать, что произошла конверсия значения на близкий объект. Те же наблюдения относятся к таким примерам, как *ḡaski*, *qaske*, *kaski* ‘волк, собака’ = чуваш. *кашкăр* ‘волк’; *kurkū*, *kurki*, *kurkəy* (в арамейском, сирийском); *kurkiyy* (в арабском), *kurki* (в южноберберском) ‘гусь’, ‘куропатка’, ‘перепел’, ‘журавль’ = чуваш. *кăркка* ‘индюк’; на омотском языке ворона *ḡuraak*, а на языке ари (оба народа в Эфиопии) — *ḡuraak* = чуваш. *курăк* ‘грач, ворона’. Чтобы разъяснить все эти сходства, нужны дополнительные исследования. В данном случае речь не идет о родстве или контактах, а об опосредованных заимствованиях.

Хурритские имена собственные царьков и вельмож, зафиксированные в ассирийских надписях VIII–VII вв. до н. э., свидетельствуют о существовании в это время на окраинах Армянского нагорья хурритоязычного населения. Затем оно влилось в состав армянского народа. Конечно, в этом же регионе жили и другие местные племена, говорившие на своих языках. Современное языкознание пришло к мнению о том, что хурритско-урартские и северокавказские языки представляют собой две родственные, но независимые семьи. В свою очередь, они образовывали отдельную ветвь предполагаемой макросемьи [Хачикян 2010: 119, 120, 127; Касьян, Сидельцев 2013: 39].

В этом разрезе бросаются в глаза совпадения типа урарт. *šīwe*, урарт. армян. *šo(w)a*, хуррит. *šīy* — чуваш. *шыв* ‘вода’; хетт. *atāj*, хуррит. *at’ay*, *ate*, буд., дарг. *ada* — чуваш. *атте* ‘отец’, а также *Am-tai* (мужское имя); хетт. *anna* — чуваш. *анне* ‘мать’; хетт. *man* — чуваш. *ман* ‘мой’ (например, хетт. *tuikkam man*, чуваш. *ман йтнӹ* ‘мое тело’, хетт. *atta man*, чуваш. *ман атте* ‘мой отец’); хетт. *ḡawar* ‘железо’ — чуваш. *кăвар* ‘горячий уголь, каленое железо’;

хуррит. *šer*, а также нахс. *seri*, *sayr(o)* ‘вечер’ — чуваш. *çĕр* ‘ночь’; хурр. *taγə* — чуваш. *така* ‘самец, баран, мужчина’; хурритско-урартское **bawr/pawr* ‘коричневый, серый, рыжий, темный’ — чуваш. *пăвăр* ‘седой, чалый (масть лошади)’. Сюда же следует отнести соответствие внутренних форм (структуры) лексики. Например, слово ‘родник, источник’: чан. *çkar-toli* (< вода + глаз); хетт. *šakuni* (← *šakuiwa* ‘глаза’) — чуваш. *çăл куç* (родник + глаза). В хурритско-урартских языках отсутствуют корни с начальным звуком **r-*. Аналогично в таких восточнокавказских языках, как даргинский, лакский, и нахских языках [Дьяконов, Старостин 2007: 364, 373; Хачикян 2010: 119, 120; Kassian 2011: 386]. В чувашском языке тоже отсутствуют исконные слова с начальным звуком *r-*, а в заимствованных словах в самом начале прибавляются гласные звуки. Например, араб. *рəхəт* → чуваш. *ĕрехет* ‘приятность’. Эти и другие совпадения — не спонтанные. Видимо, хурритские слова в чувашском языке составляют общий южнокавказский лексический фонд. Во всяком случае, они до сих пор остаются не вполне прозрачными и не получили внятного толкования.

Кстати, соответствие *r — l* и *z — š* свойственно не только тюркам, но монголам и тунгусам. И вообще, термины «ротацизм» и «ламбдаизм» выведены из греческих букв <ρ> *rho* и <λ> *lambda* и были использованы изначально в описании латинского языка. В языковом отношении чуваша считаются единственными живыми потомками огуров, т. е. носителями *r*-языка. Ранние огурские группировки (*шараогур* ‘белые/желтые огуры’, *оногур* ‘десять огуров’, *кутургур* — метатетизированная форма **токурогур* ‘девять огуров’) говорили на языке, артефакты которого сегодня сохранились только у чувашей [Golden 2013: 49]. В то же время чувашский и якутский языки, как известно, отступают от общетюркской системы согласных. Эта черта была характерна для чувашского языка еще в древности, что доказываются некоторыми словами, дошедшими до нас в качестве заимствований в венгерском (мадьярском) языке, а также немногочисленными рудиментами из языков дунайских болгар и гуннов. Чередование *r/l* имеет место и в закавказских языках. Например: хетт. *hawarkina/hawalkina* ‘железо’ (ср. чуваш. *кавар* ‘горячий уголь’); хетт. *pur*, грузин. *pir*, сван. *pil* ‘рот’ [Иванов 1979: 112, 120].

В долине между озером Ван и г. Муцациром жили урартцы, в том числе саспиры. После падения Урартского царства в начале VI в. наряду с другими этническими группами, населявшими территорию Армянского нагорья, часть саспиров постепенно

утратила свой язык и влилась в состав армянского народа [Хачикян 2010: 149].

Сохранился ряд армяно-чуваших лексических соответствий: например, армян. *ձոր/ւոր* — чуваш. *сыр* ‘берег, обрыв’. Вызывает интерес совпадение значений чувашского и армянского слова *кин*: у чувашей — ‘невестка, сноха’, у армян — ‘жена, женщина, дама, супруга’. Следует обратить внимание на отрицательную приставку *ан-* в армянском и чувашском языках. Например: армян. *անмарդարնակ* ‘безлюдный’, *անհասալի* ‘безнадежный’, *անպայման* ‘безусловно’; чуваш. *ан хăвар* ‘не оставляй’, *ан тун* ‘не ври’, *ан ман* ‘не забудь’. Аналогичная ситуация сложилась и в иранских языках (*Анахита* = не + грязь, порок), не говоря уже о сходных персидских заимствованиях в чувашском и армянском языках (типа *аждаһа* — чуваш. *ақтаха* ‘дракон’; перс. *ширдан*, армян. *чортан* — чуваш. *шăрттан* ‘сушеная пахтыня, рубец’).

Как известно, в Персидской державе (VI–IV вв. до н. э.) языком деловой переписки и международных сношений был арамейский. В тот период он получил широкое распространение по всему Переднему Востоку. Пользовались финикийским по происхождению письмом. Для этого пользовались кожей, папирусом или глиняными черепками от посуды [Дьяконов 1961: 121]. Здесь же функционировали древнеперсидский, эламский и аккадский языки. Кроме того, коренные народы общались на своих наречиях. Этот момент исследователям истории чувашского языка также следует учитывать, поскольку саспиры в течение трех веков жили в составе Персидской державы. Также важно иметь в виду, что их язык считается реликтовым для Передней Азии.

Грузино-чувашие лексические соответствия, естественно, объяснимы периодом соседства на Кавказе или, возможно, древним родством. Исследователи приводят целый список таких слов. Например: чуваш. *сивё* — грузин. *циви* ‘холодный’; *чир* — *чири* ‘болезнь’; *сан* — *шэн* ‘твой’; *ман* ‘мой’ — *ме* ‘я’; *кёне* — *каба* ‘платье, рубашка’; *каччă* ‘парень, повзрослевший’ — *катси* ‘мужчина’; *сар* — *джари* ‘армия’; *сунăнь* — *сапони* ‘мыло’; *туна* — *тапа* ‘сковорода’; *тăри* — *тороло* ‘жаворонок’; *така* — *тха* ‘коза, козел, баран’; *халăх* — *халхи* ‘народ’; *чул* — *тъал* ‘камень, кремьнь’. А также чуваш. *карт(а)* — грузин. *карт* ‘ограда’ (ср. *карт* → *картвели*, видимо, от персид. *кар*), а также чуваш. *сёр* — грузино-сван. **ser* ‘ночь’ [Климов, Халилов 2003: 33–34].

Соседство и контакты грузинских племен с протохеттами и другими представителями индоевропейской семьи принесли

много лексических заимствований. Некоторые слова из этого списка сохранились в чувашском языке. Например, хат. *тете* — грузин. *диди* ‘большой’ [Мухелишвили 2015: 12–13] — чуваш. *тете* (произносится — *деде*) ‘старший брат, дядя’.

Грузинское (а также мегрельское) слово *baṭana* ‘младенец’, возможно, находит отклик в чувашском *пукане/поканя/пуханя* ‘кукла’. Во всяком случае, В. Г. Егоров признавал, что этому слову в тюркских языках он не нашел этимологического родственника [Егоров 1964: 163]. Также имеются прямые структурно-смысловые совпадения типа грузин. *ces-rigi* — чуваш. *ййла-йёрке* ‘обряд’¹. Все это свидетельствует как минимум о близких контактах сапи-ров и грузинских племен [Дьяконов 1968: 192].

Что касается чувашско-тюркских исторических связей и отражения этого процесса в языковых особенностях, то тут имеются довольно сомнительные доводы. Как отмечают антропологи, генетики и лингвисты, менее спорными, но далекими от общепринятых являются заимствования из тохарского в тюркский (тохары обитали на Таримской/Кашгарской равнине в период с I тыс. до н. э. по I тыс. н. э.). Часто цитируется прототюркское слово **höküř* ‘бык’ (общетюрк. *öküz*, чуваш. *вйкър*, заимствованное как венгер. *ökör*, монгол. *üker, hūker*), которое, вероятно, происходит от формы, связанной с тохарским *okso* ‘бык’. Также прототюркское **yār* ‘бронза’ (общетюрк. *yāz*, чуваш. *йёс*, заимствованное как монгол. *jer*) может происходить от прототохарского **wasa* (тохарское *yasa* ‘золото’). Альтернативные сценарии включают следующие версии: 1) контакты имели место до того, как тохары вошли в Таримскую впадину; 2) слова были заимствованы из другой ветви тохарского языка, которая не продвинулась на юг в Таримскую впадину и вымерла позже. Последнюю технически можно назвать «паратохарской» [Damgaard et al. // [http](http://)].

Так обнаруживаются древние тохаро-североафрикано-хуррито-урарто-армяно-грузино-савиро-дагестанские общие языковые субстраты и проникновения.

Язык и история

Среди разных версий происхождения чувашского народа в XVIII–XIX вв. активно бытовала финская теория. Например, директор Петербургской академии наук С. Г. Домашнев фин-

¹ За эту подсказку я обязан моему Учителю С. А. Арутюнову.

нами считал финноязычные народы современной Ленинградской области, а также удмуртов, мари, коми, чувашей, тебтярей, мордву, хантов и манси. В 1890 г. французский географ и путешественник Шарль Рабо посетил Чувашию. Он уверенно писал, что «основная часть этих финнов проживает на правом берегу Волги, в Цивильском и Чебоксарском уездах» [Рабо 2021: 80]. О тесном соприкосновении чувашей с народами угро-финского языкового родства (с венграми, марийцами, удмуртами, коми) писали многие авторы. Но исследователи справедливо подчеркивали, что чувашские заимствования в этих языках «восходят к гораздо более новым временам, чем эпоха болгарского царства» [Поппе 1927: 25].

Конечно, соседняя мордва также входит в круг языковых общений. При этом историки обязательно упоминают, что мордва — это наследники бургасов. Лингвисты приводят длинный ряд чувашско-мокшанско-эрзянских лексических параллелей. Например: *арлан* ‘крот’ < чуваш. *арлан*; *бакон* ‘пупок’ < чуваш. *покан* ‘обрубок дерева, чурбак’; *ила* ‘обычай, обряд’ < чуваш. *ййала* и т. д. [Ахвандерова 2020: 16].

Но все прошедшие три века главные дискуссии разворачивались о болгарском наследии (в том числе в языке) у чувашей. Например, А. А. Куник, как славист, занимался поиском идентичности дунайских болгар. И находил эту историческую идентичность, в частности, в родстве дунайско-болгарских ханов с историческими предками чувашей.

Оттолкнувшись от обзора хронографов о болгарских ханах, он написал две статьи. При этом привлек материал из других языков, уделив основное внимание сравнению имен правителей и числительных, зафиксированных в славяно-болгарском источнике XVII в. А. А. Куник полагал, что дунайские болгары являются преемниками тюркских племен, появившихся в Европе из Сибири. Следует признать, что такой взгляд не вина Ариста Аристовича, а отражает уровень науки того времени. Тем не менее его убеждение о родстве хагано-болгар с историческими предками чувашей является значительным шагом вперед для науки XIX в. Не без основания академик утверждал, что с помощью чувашского языка исследователи прольют луч света на древнетюркские элементы, а также на историю дунайских хагано-болгар, кубанских черных болгар и хазар. При этом он возлагал надежду на открытый в 1866 г. Именик [Куник 1870: 152–154; 1878: 118–161].

В Венгрии в селении Надь-Сент-Миклош найден клад из золотых сосудов, изготовленных в промежутке между V и X вв. Для нас интерес представляет круглая чаша с надписями на греческом.

Текст читается практически современным чувашским языком:

**Púle eppin (~ šav abən) teze *šijət-xa!*

**puta vəl eppin (~ šav abən) tavər-ya, əs-xe teze.*

«Князь, следовательно, так сказать, ве́ди себя достойно! (~ прославься!)

А вот — чаша, следовательно, опрокинь и выпей, так сказать» [Мудрак. Аварская].

О. А. Мудрак считает, что коллекция золотой утвари принадлежит аварам, прибывшим в Паннонию. А большинство слов на чаше чувашские (т. е. савирские): *šav* — *šav* ‘этот’; *apa-n* — *əp-nin* ‘итак’, ‘следовательно’; *tesī* — *tese* ‘говоря’; *ul* — *ul (vāl)* ‘он’ и т. д. Выходит, авары принесли в Западную Европу заимствованную у савиров лексику. Как видим, средневековая руническая традиция начертания на предметах распространялась и на буквенную письменность.

Лингвисты действительно уделяют большое внимание болгарской группе языков в изучении истории чувашей [Дыбо 2009: 71]. Относительно истории Поволжья IX–XI вв. В. В. Бартольд заметил: «Среднее и нижнее течение Волги были заняты болгарами и хазарами, говорившими на одном и том же языке, непонятном ни для турок, ни для финнов; по всей вероятности, имеется в виду язык, сохранившийся теперь только у чувашей» [Бартольд 1928: 10]. В. Ф. Минорский полагал, что язык основной группы хазар представлен старобулгарскими надписями и современным чувашским наречием [Минорский 1963: 142]. Другими словами, суварский, болгарский и хазарский языки имели одну и ту же основу. В то же время в IX–XI вв. по всей Средней и Нижней Волге можно было сносно объясняться на языке предков чувашей. Венгерский исследователь Геза Барчи не без основания считал, что оногуры, понтийские болгары, хазары и волжские болгары говорили на чувашеподобном языке (Chuvashlike language) [Bárczi 1951: 42]. Например, название р. *Karasy* в Крыму в документе VIII или IX в. на греческом языке зафиксировано как *Χαρασίον*. Марсель Эрдаль справедливо предлагает читать его как *xara sīw* ‘черная вода’ [Erdal 2007: 91]. Слово адекватно читается по-чувашски (*хура шыв* ‘черная вода, река’). Конечно, при

этом следует учесть, что *ǰ* не может быть написано греческим алфавитом и не произносится как таковое самими греками. Также следует отметить начальный *х* в греческом и в чувашском языках. Иначе говоря, в то время савиро-суварский звук *х* еще не перешел в тюркский *к*.

Ряд исследователей (например, Н.Н. Поппе) полагал, что чувашский язык не принадлежит ни к тюркской, ни финской группе языков, его следует отнести к третьему звену и признать дотюркским. На сегодня открыты и расшифрованы немногочисленные арабографичные тексты, зафиксированные на эпитафиях XIII–XV вв. на Среднем Поволжье. Бóльшая их часть читается с помощью чувашского языка, а другие — тюркоязычные. Но самое важное то, что до середины XIV в. тюркских слов в этих надписях не было. По монетам, отчеканенным в Булгаре, также видно, что население к началу XIV в. сохранило свой язык. Следы его отразились в чувашском. Но впоследствии население Волжской Булгарии подверглось сильному влиянию кыпчакского языка. В итоге тюркизированный болгарский язык стал государственным, также как в Средней Азии кыпчакский.

Реальная кыпчакизация Волго-Камского региона началась после монгольского нашествия, когда носители центральнокыпчакского диалекта достигли территорий обитания предков чувашей [Agyagási 2003: 12–13]. Ужасный урон суваро-чувавам, как и всему населению Поволжья, нанесла черная чума 1340–1350 гг. Это привело к депопуляции, коллапсу власти, анархии, упадку общей культуры. Утверждение Юлая Шамильоглу о конце волжско-булгарского языка в годы черной чумы [Шамильоглу 2001: 18–19] верно и для суваро-чувашей. Кроме того, опустошение демографической ниши способствовало тюркизации региона [Schamiloglu 2018: 19].

В дискуссиях по истории и языку чувашей обычно ссылаются на их тюркоязычность. Однако языковеды (Вильгельм Крёнбех, В.В. Радлов, Густав Рамстедт, Н.Н. Поппе, А.Н. Кононов и Луи Базен) справедливо считали, что исконно чуваша не тюрки, а тюркизированный народ. Поппе даже ввел в науку термин «чувашско-тюркские языки» (Chuvash-Turkic Languages) [Poppe 1965: 33–35].

Самой крупной фигурой в этой дискуссии можно считать академика РАН В.В. Радлова. Он признавал обоснованные мнения о чувашизме надписей на надгробных памятниках на территории бывшей Волжской Булгарии. Но не соглашался с высказываниями (Н.И. Ильминского и других) о близости

(родстве) древнечувашского языка с татарским. Как раз все наоборот, считал он, т. к. чувашский язык в результате многовекового соседского и дисперсного проживания впитывал «тюркский облик». Более того, после арабской миссии население Булгарии все больше и больше исламизировалось [Труды 1884: XLII–XLIII]. В 1871–1884 гг., будучи в Казани, В. В. Радлов усердно изучал чувашский и черемисский языки. Для этого у него были все условия. И литература, и знатоки языков, и живая среда. Весьма примечательно, что крупнейший тюрколог Радлов не причислял чувашей к ряду исконных тюркских народов. Об этих взглядах Радлова-тюрколога почему-то пишут очень редко. В то же время в его работе «*Alttürkische Studien*» четко оговорено, что первооснова чувашского языка, несомненно, не тюркская [СПбФ АРАН. Ф. 177. Оп. 1. Д. 30: 6–9]. Также характерно, что в «Классификации тюркских диалектов (языков)», предложенной Радловым, «не упоминаются ни чувашский, ни якутский языки, так как носители этих языков, по его мнению, не тюрки, а тюркизированные племена» [Кононов 1982: 211]. «Свои впечатления, которые сложились у меня в ходе изучения отношения чувашского языка к тюркским языкам, я вкратце изложил в *Phonetik*, — писал академик В. В. Радлов. — И я теперь считаю, что мое предыдущее мнение подтверждается шаг за шагом. Чувашский язык, как и якутский, первоначально был не тюркский, он стал тюркским со временем» [СПбФ АРАН. Ф. 177. Оп. 1. Д. 33: 1–2].

Хотя Радлов и не указывает дату тюркизации чувашей, понятно, что эти явления берут начало с образования Тюркского каганата, но не ранее конца VII в. В это время исторические предки чувашей савиры обитали на Кавказе, а передовые отряды тюркоязычных воинов лишь в 670-х гг. достигли пределов Северного Кавказа. Основные сдвиги в сторону тюркизации происходили в эпоху Казанского ханства и позже.

Такова картина истории чувашского языка в кратком анализе. Основной вывод: исторические предки чувашей исходно не были тюркоязычными, они были тюркизированы. Этот процесс получил развитие на Среднем Поволжье начиная с середины XIII в., практически — с образования Казанского ханства, когда вся административная и социально-политическая власть в регионе была в руках казанских татар. Несмотря на такие реалии в истории чувашского языка, многие гуманитарии (прежде всего, языковеды) остаются на позициях XVIII–XX вв., т. е. продолжают считать, что чуваша — это болгары и язык их болгарский. Да, чуваша со-

хранили рудименты савиро-суварского и болгарского языков, поскольку с переходом болгар (впоследствии казанских татар) в ислам и кыпчакизацией болгарский язык перестал существовать. А савиро-суваро-чуваши, вечные соседи болгар, а затем и казанских татар, сохранили в своем языке рудименты древних и средневековых болгар. Есть болгарские слова и словоформы в небольшом количестве и в марийском и мордовском языках.

Тем не менее часть языковедов не желает осознать очевидное. Они остаются на своих старых позициях (видимо, поздно пересматривать все написанное и опубликованное). Возьмем на этот раз только один пример, т. к. он характерный. Это статья венгерского исследователя Иштвана Зимони «*A volgai bulgárok öröksége*» («Наследие волжских болгар») [Zimonyi 2019: 235–251]. В частности, он пишет: «Со времен работ Ашмарина чуваши однозначно считали себя наследниками волжских болгар, поскольку языковедение до сих пор считает волжско-болгарский язык предшественником чувашского». Выходит, Н. И. Ашмарин считал, что язык волжских болгар и есть тот, которым пользовались чуваши. Но болгары — как уже говорилось — это исторические предки казанских татар. А чуваши никак не татары. Нестыковка получается. Тут же Иштван Зимони добавляет: «Однако это не относится к территории и религии». Что имеется под «это», до конца не совсем понятно, но он делает признание, что в территориальном и религиозном отношении чуваши и болгары не одно и то же. Поскольку логическая цепочка у Зимони разрывается, он спешит добавить, что «для преодоления этих проблем и родилась теория *сабир ~ сувар/суваз ~ чуваш*, которая исходит из того, что предками чувашей были сабиры, которые в дальнейшем предстают как племя, а затем как город волжских болгар в мусульманских источниках». Все так. Но, по Зимони, эта теория выдуманная, а не опирается на исторические факты. Хотя сам приводит факты из «Книги» Ибн Фадлана и исследования А. П. Ковалевского об этнониме *Suwān/Suwāz* и признает, что это название народа в языковом отношении является формой этнонима *чуваш*. Затем, не приводя никаких доводов, спешит заявить: «С лингвистической и исторической точки зрения отождествление *может быть* [выделено нами. — Прим. авт.] опровергнуто». И дает ссылку на работу языковеда Клары Адяраши «*Die historische Wandlung der ethnischen Struktur des Wolgagebiets*». Приводимая статья действительно написана добротнo, но имеет несколько иные задачи, чем те, что мы конкретно сейчас обсуждаем. Впрочем, Иштван Зимони мог бы

привести свои публикации. Но он в своих исследованиях не желает заглянуть глубже Волжской Булгарии. Соглашаясь с некоторыми предшественниками, он пишет как бы между прочим о сабирах, пришедших в начале VI в. из Сибири на Северный Кавказ [Zimonyi 2014: 258]. Поэтому венгерскому коллеге не остается ничего, как спешно хлопнуть дверью и сказать: «Вся конструкция *должна быть* [выделено мной. — Прим. авт.] отвергнута».

Впрочем, многие языковеды сегодня придерживаются или прежних точек зрения, или просто отмалчиваются. Но вернемся к заявлению Иштвана Зимони о взглядах члена-корреспондента АН СССР Н. И. Ашмарина на чувашский язык. На самом деле, наш уважаемый лингвист и энциклопедист смотрел на проблематику намного шире. Не надо априорно утверждать одно и то же из книги в книгу, из статьи в статью, что Н. И. Ашмарин придерживался болгарской теории происхождения чувашей. Для того чтобы понять его, просто надо тщательно перечитать его работы. Он писал в своих трудах и о савирском, и о болгарском, и о гуннском, и о финском субстратах чувашского народа. Указывал на ассимиляцию с хазарами. Толковать односторонне об Ашмарине не приходится. Об этом мне уже доводилось писать [Салмин 2022: 220–249]. В частности, Н. И. Ашмарин в 1925 г. констатировал, что этноним *чйваш*, к сожалению, не получил должного научного толкования, а имеющиеся варианты невозможно считать серьезными. Опираясь на историческую фонетику и бытование в марийском языке этнонима *сйвас* в значении «чуваш», он приходит к выводу: «Слово *чйваш* в старину произносилось чувашами несколько иначе, чем теперь, и именно в одной из следующих форм: *сйуа́с*, *сйуаз*, *сйва́с* или *сйвас* (*сйуа́с*, *сйуас*, *сйва́с*, *сйвас*)». Кстати, утверждая, что теория о савирах/суварах придумана, чтобы уйти от мысли о болгарском происхождении чувашей, Иштван Зимони дает ссылку на мои две публикации. Мол, вот кто это сочинил. Но, выходит, меня опередили еще до моего появления на свет. Если сказать обобщенно, то ашмаринская стадияльная схема трансформации этнонима *чуваш* в виде *йуа́с*, *сйуа́с*, *цйуа́с*, *цйуаш*, *цйваш* в целом соответствует историческому пути развития народа: *санир* → *савир* → *сувар* → *суваш* → *чйваш*.

В разные исторические периоды были тюркизированы не только чуваш. В их числе Н. И. Ашмарин называет орхонских тюрков, половцев, хазар и печенегов. Теперь действительно многие лингвисты о них пишут как о тюрках, Впрочем, как и о казанских татарах. Одни даже забывают, что те были когда-то болгара-

ми. Другие продолжают писать, что прямые исторические предки казанских татар — это монголо-татары.

Роль рунической письменности

Естественно, при изучении фактора языка на этническую историю народа наряду с современной графикой следует анализировать и другие формы письменности в виде знаков (руническую письменность, тамги и зарубки). Но беда в том, что путаница не только в начертаниях и их расшифровках, но и в терминах. Тем более возникают трудности в возможности их использования в наши дни. Как отмечают исследователи, руническая письменность чувашей была достоянием широких народных масс. Такие знаки наносились на надгробные памятники, а также орудия труда. Их можно увидеть на пастушьих палках *карт патакки*. Сам термин *карт* ‘зарубка’ восходит к персидскому *денкарт*, т. е. это письменность (точнее, цифры) в виде зарубок.

Как пишет И. Л. Кызласов, направление рунических знаков в письме справа налево указывает на семитские корни и на нетюрскую основу проторунической письменности. «Вероятно, она зародилась в семитоязычной среде и на каком-то этапе развития была заимствована и приспособлена тюркскими народами к своей речи» [Кызласов 2020: 9]. Из-за множества образцов письмена на узких планках нанизывались на шнур. Поэтому получалось, что более ранние таблицы-планки оказывались внизу. Такая форма хранения известна в странах Западной Азии и в Китае. В частности, пишет И. Л. Кызласов, кубанский вариант рунической письменности бытовал в Волжской Булгарии и через два-три века после официальной исламизации, т. е. ислам встал на путь дальнейшего применения рун.

Доктор искусствоведения А. А. Трофимов указывал, что у чувашских знаков много характерных черт, сходных с памятниками Кавказа и Причерноморья. На начальном этапе своей научной деятельности Алексей Александрович, как и многие искусствоведы, языковеды и этнографы, «пытался использовать алфавит „сибирских“ письменностей. Однако каких-либо положительных результатов получить не смог. Многие знаки чувашских памятников... не находят себе подобия на камнях ни Орхона, ни Енисея» [Трофимов 1977: 260]. Кстати, «ошибку молодости» А. А. Трофимова еще не усвоили многие исследователи, обращающиеся к этнической истории чувашей.

Н. Н. Поппе, знаток как народов тюрко-монгольского мира, так и чувашского языка и истории, справедливо констатировал, что прямая связь между чувашским языком и языком древнетюркских надписей не может быть установлена [Рорре 1971: 227]. Логично распространить его замечание и на руническую письменность. Как утверждает Питер Голден, многие народы Евразии были знакомы с ней, например кимаки, болгары, хазары, печенеги, уйгуры [Голден 2008: 311]. В Болгарии на руинах Плиски VII–IX вв. найдены рунические письмена. Они выдолблены на камнях [Митяев 1943: 73–135]. В статье Кр. Митяева рисунок содержит знаки рунической письменности, которыми пользовались при хане Круме (802–814 гг.). Аналогичные рунические знаки известны на юге древней и раннесредневековой Восточной Европы. Такие же можно было увидеть на орудиях труда в чувашских деревнях до 60-х гг. XX в. В частности, автор этих строк на символике под № 47 из рисунка № 146 из статьи Кр. Митяева узнал свой родовой знак. Его вырезали на деревянных частях орудий труда (лопатах, топорах, вилах, сохах, хомутах).

Знаки-тамги служили символами собственности рода или клана. Наносились на монеты, горшки, орудия труда, межевые столбы и оружие. Археологи, исследующие историю Волжской Булгарии X — первой трети XIII в., выделяют тамги, похожие на перевернутую букву «А» [Измайлов 2022а: 148].

В свое время археолог, доктор исторических наук В. Ф. Каховский (с которым мне удалось поработать в одном кабинете), тоже опубликовал свои соображения по поводу древней чувашской письменности [Каховский 1962: 201–225]. В отличие от современных чувашских исследователей он сличал руны и тамги с орхоно-енисейскими, венгерскими и болгарскими. Тщательно рассматривал общие детали и уделял внимание особенностям. Со знанием дела подходил к анализу сент-миклошских рун, рун на баклажке из Новочеркасского музея, рун на камнях Маяцкого городища, рунических знаков из Плиски, рун на сосудах волжских болгар. Изучая народные верования, и автор этих строк высказывал свои соображения по поводу о возможности использования геометрических элементов в качестве отображения пространственных представлений [Салмин 2016: 334–336].

Палеографическая систематика делит степные рунические письмена на два самобытных класса, никак не связанных друг с другом корнями. Это евразийский и азиатский типы. А на территории Восточной Европы имели место два самостоятельных ру-

нических алфавита: кубанский и донской [Кызласов 2016: 253]. Речь идет о памятниках последней трети I тыс. — первых веков II тыс. Поэтому вполне обоснованно следует говорить об использовании савирами/суварами рунической письменности. При этом образцы с Маяцкого городища и надписи из Мурфатлара (Румыния) имеют ряд совпадений и сходств с чувашскими тамгами.

В то же время фигурки на орнаментах — это не рунические знаки, хотя по начертанию они чем-то их напоминают.

В чувашских народных песнях упоминается письменность в вышивках:

*Ура тупан(ё)нчен кёнийё,
Арки санны сыруллă.
Аркине вуласай пăхрăм тай,
Пирён киле каймалла,
Саннине вуласай пăхрăм тай,
Ыран каллех килмелле.*

У этой рубахи до пят
подол и рукав писанные.
Я прочитал на подоле —
нам пора уезжать домой.
Прочитал я на рукаве —
нам завтра приезжать опять [Фёдоров 1934: 52].

Однако в данном случае мы имеем фольклорную поэтизацию: гости в такой манере благодарят своих родственников — хозяев дома. Это реверанс, форма общения, выраженная в образном обрамлении. На самом деле, в песне не имеется в виду чтение узоров, тем более речь не о собственно письменности в виде вышивок.

Из-за распространения в Волжской Булгарии ислама и арабской графики руническая письменность была вытеснена из употребления. Татаро-монгольское нашествие также сыграло пагубную роль. Но рудименты старой письменности чувашей сохранились в виде родовых тамг и упоминаний в фольклорных произведениях. Но, строго говоря, мы должны различать три разные вещи: тамга как письменность в собственном смысле, орнаменты (на вышивках и в виде резьбы) и метки (определенные надрезы типа карельских *карсикко* на растущих деревьях и т. д.). Их графическое выражение, семантика и назначение совсем разные. В большинстве случаях эти понятия никак не пересекаются.

Из-за плохой изученности и дискуссионности вопрос о восточноевропейской рунической письменности (в частности, чувашской) создает «благодатную почву для многочисленных спекуляций», допускает оговорки типа «возможно», «вероятно» [Семёнов 2018: 191].

Лексическое лицо истории

Заметим, что на территории Арана имелись топонимы *Сабир*, *Сабироба-Хачмас*, *Гала Сувар*. Топонимы с компонентом *Сувар* в основном зафиксированы в Южном Азербайджане.

Археологические раскопки на месте столицы античного государства в Албании показали, что это был «крупный город античной эпохи» [Гасанов 2015: 77]. Название местности, где находилась столица Кавказской Албании *Топрах-Кала*, точно соответствует чувашскому *Тăпра-Хула* (букв. ‘земля, грунт’ + ‘город’).

В период между 408 и 414 гг. был создан кавказско-албанский алфавит. Авторами стали Месроп Маштоц (армянин, не говоривший на албанском, но уже имевший опыт составления алфавита) и священник Вениамин (опытный переводчик, знавший албанский и армянский). Новая письменность включала 52 графемы и 2 лигатуры, при помощи которых можно было учесть нюансы разговорного языка. На самом деле эту письменность называли не только албанской, но и гаргарской. М. С. Гаджиев полагает, «что в основе этого этнонима лежит корень *garz-*, дополненный суффиксом множественного числа *-ar*, характерным для ряда языков лезгинской группы» [Гаджиев 2005: 51]. Отсюда возможность связи с этнонимом *сувар*, а также использования этой письменности кавказскими предками чувашей, жившими в то время в этом регионе. Сохранившиеся «древнеалбанские рукописи открывают новую страницу в исследовании не только албанского и удинского языков, но и в целом дагестано-нахских» [Гаджиев 2005: 53]. Исходя из сказанного, можно констатировать, что в этнониме *сувары* корнем является *суv-*, а *-ar* — суффикс множественного числа.

В пределах Даду (Дагестана) живет 13 племен, писал Захария Ритор, говоря о событиях V–VI вв. И он перечислил эти этнонимы. Переводчик и комментатор Захарии Н. В. Пигулевская заметила: «Девять имен из тринадцати имеют общий тип окончания на *ar*, *ur*, *ir* и представляют, несомненно, видоизменения одного общего корня с различными приставками. Имена эти: *ауан-*

гур, аугар, сабир, бургар, кутаргар, авар, хазар, дирмар, сирургар» [Пигулевская 1939: 111]. Аварская лексика сохранилась в современном чувашском языке. Например, «сметана» на аварском *mlo-рахъ*, а в чувашском это слово встречается в виде *турăх* в значении «варенец», «простокваша».

Согласно «Сказанию» Приска Панийского, жену вождя гуннов звали *Крёка* [Prisc 1979: 52]. Многие исследователи идентифицируют это имя с чувашским дохристианским *Хёркке*. Отсюда есть возможность указать на ее савирское происхождение. Атилл имел от нее троих детей, старший из которых был владетелем акациров и других народов, занимающих припонтийскую Скифию. Прокопий, Приск и Феофан зафиксировали имена савирских царей-воевод: *Βαλαχ, Βασιάχ/Βαρμάχ, Ὑλγερ, Κοῦτιλζις, Βωα*. Прокопий считал, что антропоним *Βόα* (*Βωα, Βοα, Βοа*) происходит от названия р. *Боа* (*Boa*), являющейся верхним течением р. Чорох и берущей начало в горах Тавра (Цанские горы) [Адонц 1971: 25, 61, 62]. Вспомним, что, согласно Геродоту, саспиры обитали в пространстве «Чорох — Ван — Севан». Притом «р. Боа, часто упоминаемая в сведениях Прокопия Кесарийского в связи с лазами, есть нынешняя река Квирила (*Ḳvirila*), поскольку греч. *βοάω* значит ‘кричу’, что у греческого автора мы имеем прямой перевод грузинского названия реки *Ḳvirila* на греческий язык — *βοάς*» [Мегрелидзе 1938: 51–52]. Прокопий также добавил, что по течению этой реки живут гунны, называемые сабирами/савирами (*Σάβειροι*) [Procop 1905: 291–292]. Предложенная Денисом Синором этимология *ρηζ* в *Βωαρήζ* как германское *reiks* некоторыми исследователями отклоняется [Маенхен-Гельфен 2010: 485]. Агафий также писал о савирских предводителях Балмахе, Кутилзисе и Илигере, которые показали храбрость в войне 554–555 гг. [Agathi 1828: 177].

Совершенно неожиданным может показаться объяснение истории еще одного слова. Речь идет о *ζάκαν*, дважды встречающемся у Константина Багрянородного в связи с печенегами и церемонией возведения Арпада на престол. В обоих случаях совершается обряд *κατὰ τὰ ζάκανα αὐτῶν*, «согласно их законам» [Багрянородный 1991: 161, 290]. Следует особо заметить, что при избрании Арпада правителем его возвели на престол по обычаю (*ζάκανος*) хазар. В письме к автору этих строк от 2014 г. американский исследователь Питер Голден по поводу разбираемого термина особо отмечает, что для Константина Багрянородного иностранное слово, употребленное северными «варварами», означает

«обычай». Многие полагают *ζάκανος* заимствованным от славянского «закон». Питер Голден в переписке с автором этих строк называл такое объяснение не вполне удовлетворительным: «Во всяком случае, греческая буква ζ у византийских историков передает з и иногда чуждые греческому звуки ж, дж и ч». Также следует напомнить, что указанным звукам в савирском языке предшествовал звук *ς*, используемый в современном чувашском алфавите. Тогда динамику слова *ζάκαν* можно предполагать по следующей схеме: **ςάκᾱн* → *ςᾱкан* → *ςакан* → *джакан* → *жакан* → *чакан* → *закан* → *ζάκαν*. Н. И. Ашмарин в своем словаре слово *ςάκᾱн* объяснил как восклицание неизвестного значения [Ашмарин 1937: 10]. Но *ςάκᾱн* у чувашей сохранилось в речи старшего дружки со значениями «опускаться», «падать на колени», «приседать», «делать реверанс», «преклонять колена». После произнесения такого восклицания старшего дружки участники свадьбы совершают всеобщее коленопреклонение [Салмин 2016: 149]. Выходит, слово *ςάκᾱн*, а заодно и *ζάκαν*, означает не что иное, как позу клятвы, заверения, торжественное принятие присяги.

Современные лексические и слоговые формы чувашского языка были активными и во второй половине VII в. Так, у Мовсеса Каланкатуаци есть строчки: «Все вместе одобрили этот совет, и он [князь гунно-савилов Алп-Илитуер] отправил к епископу Израэлю некоего знатного князя по имени Авчи, имевшего титул тархана, и постельника своего Чаткасара» [Каланкатуаци 1984: 132]. Во-первых, *Авчи* не что иное, как чувашское *евчĕ* ‘сват’, ‘посредник’, ‘посланник’ и общетюркское *авчи* ‘охотник’. Оно уже успело принять тюркскую окраску: корень *ев-* ‘дом’, т. е. ‘жениться’, ‘займать дом’ + тюркизированный словообразовательный аффикс *-чĕ*. Здесь *авчи*, конечно, не антропоним, а ‘посол’ (от племени-народа). Автор «Истории страны Алуанк», писавший в X в. о событиях VII в., мог и не знать, как звали этого князя. Поэтому он воспринял термин *авчи* как персонифицированное имя. Истинное савирское звучание (до VII в.) вполне могло быть *евсĕ* (к X в. произошел тюркизированный переход *ς* → *ч*). Во-вторых, в этом предложении имеется активное слово *тархан* (или *турхан*) ‘знатное лицо у степняков-номадов’. В-третьих, присутствует чувашский словообразовательный суффикс *-сар* в слове *Чаткасар* (ср. *юмансар* ‘дубрава’, ‘дубовая роща’: *юман* + *сар*).

Йозеф Маркварт писал о савирах и мадьярах как об одном народе *Sevordik*’ (Magyaren) [Marquart 1903: 428]. Полагая, что в данном варианте этнонима присутствует армянский

(шире — индоевропейский) ласкательный (уменьшительный) аффикс *-ик*.

Ряд языковедов (Мартти Рясänen, Бернард Мункачи, Б. Н. Заходер, С. Е. Малов, В. И. Абаев, И. Г. Добродомов) указывает на некоторые осетинско-чуваши́ские лексические параллели. Например, *bah* — *пах(ха)* в детской речи ‘лошадь’; *cäväg* — *чава* ‘коса’; *arän* — *йăран* ‘межа’; *rakiš* (ср. рус. *накость*) — чуваш. *năx* ‘кал, навоз, дерьмо’; *чыхт* — *чăкăт* ‘сырок’ [Добродомов 1988: 78–84; 1990: 69].

Не меньше влияние средневековых предков чувашей на ма́дьяров в области земледелия. Например: венг. *eke* ‘плуг’ = чуваш. *ака*; *sarló* ‘серп’ = *сурла*; *széü* ‘ток’ (первоначально ‘круг’) = *çĕрĕ* ‘кольцо’; *szór* ‘веять зерно’ = *сăвăр*; *tiló* ‘мялка’ = *тылă*; *szőlő* ‘виноград’ = *сырла* ‘ягода’. Заимствования имеют место и в названиях домашних животных: венг. *ökör* ‘бык’ = чуваш. *вăкăр*; *borjú* ‘теленоч’ = *нăру*; *disznó* ‘свинья’ = *сысна*; *agár* ‘гончая собака’ = *акар*. Целый ряд названий из области одежды и украшений: венг. *süveg* ‘шляпа’ = чуваш. *çĕлĕк*; *gyűrű* ‘кольцо’ = *çĕрĕ*; *tükör* ‘зеркало’ = *тĕкĕр* [Поппе 1927: 8–10].

В то же время существует группа слов, которая присутствует в чувашском, марийском и в некоторых других поволжских языках, но не имеет этимологического объяснения ни через тюркские, ни через иранские, ни через финно-угорские языки. Так, слово «жук» переводится на чувашский язык как *нăрă*. Встречается также в марийском языке как *нор/нăр* в том же значении, оно есть в башкирском языке в той же форме. Однако его невозможно отнести ни к одной из известных групп языков [Róna-Tas 2007]. Со всем труднообъяснимы англ. *woud* — чуваш. *вут* ‘дрова’, ‘огонь’; нем. *Eichel* — чуваш. *йĕкел* ‘желудь’, ‘яичко мужское’. Изучение такого рода слов открыло бы новые стороны истории чувашей.

Фонетические трансформации

Мартти Рясänen делил тюркские языки на шесть основных групп [Räsänen 1949: 26–31]. На самом деле, классификаций несколько. Как считал Н. Н. Поппе, правильнее делить тюркские языки не на шесть групп, а сначала на две основные: *p*-языки (волжско-булгарский и сегодняшний чувашский) и *z*-языки (все остальные языки). Затем мы дробим вторую группу на шесть подгрупп, как у Рясänen [Porre 1960a: 7]. Простой и логичный подход Н. Н. Поппе наиболее достоверен с точки зрения исторической фонетики.

Н. Н. Поппе, излагая в своих публикациях вопросы по этнической истории чувашей, однозначно идентифицировал чувашей с булгарами. Так, в работе «Tatar Manual» он писал, что чувашский очень тесно связан с болгарским, т. к. оба являются *r*- и *l*- языками. В качестве примеров приводил известные в литературе образцы: чуваш. *çĕр* — болгар. *jŭr*, тюрк. *yŭz* ‘сто’; чуваш. *xĕр* — болгар. *hŭr*, тюрк. *qiz* ‘девушка’; чуваш. *пиллĕкмĕш* — болгар. *biyālim*, тюрк. *bešinç* ‘пятый’ и т. д. [Рорре 1963]. Заодно иллюстрируется тюркскость чувашского языка. Близость его к болгарскому настолько велика, что мы можем считать нынешний чувашский язык потомком болгарского, а чувашей — потомками деревенского населения Булгарского царства, утверждал лингвист [Поппе 1925: 9]. В качестве примера он приводил несколько образцов болгарских и чувашских слов. Из них видно, что в болгарском языке тюркским звукам *z* и *ž* тоже соответствовали звуки *r* и *l*, как и в чувашском. А поразительное сходство болгарских слов с чувашской лексикой, писал он, заставляет признать, что чувашский язык является родственным болгарскому. Основываясь на этих примерах, Н. Н. Поппе полагал, что можно историю волжских болгар до некоторой степени считать историей чувашского народа [Поппе 1925: 10].

Весьма противоречивые нюансы имеются в объяснении чувашского слова *ка́вар* ‘горячий уголь’ польским тюркологом Марекком Стаховски [Stachowski 2019: 228, 234]. Во-первых, он обе формы (*kor* и *kōz*) называет общетюркскими, не различая фонетические законы *r* — *z* в огурских и огузских языках. В то же время замечает, что чувашское *ка́вар* нельзя идентифицировать с турецким *kōz*. Одновременно исследователь признает, что связь между **kōz* и **kōr* остается неясной. Те же наблюдения он распространяет на слово *öküz* — *okuŕ* > чуваш. *vākār* ‘бык’, дополнительно оговарив, что «этимология неопределенна» [Stachowski 2019: 273]. Всю эту неувязку Марек Стаховски прекрасно осознает, но избегает комментариев.

Поэтому свой труд по этимологии тюркских языков он предваряет следующим замечанием:

В принципе, я постарался в настоящей работе избежать всего алтайского и дотюркского, а также вопроса о том, является ли протоболгарский (и, следовательно, чувашский) тюркским языком, как и любой другой, или образует особую группу и занимает ли положение между тюркским и монгольским в алтайской языковой

семье (по Н. Поппе). Поэтому материал на чувашском языке, а также оригинальный тюркский (= общетюрк. + др. болгар.), упоминаются очень редко. Мои реконструкции [в таких случаях] являются скорее исключением [Stachowski 2019: 7].

Как видим, с фонетическими закономерностями не все так просто. Еще Золтан Гомбоц и Густав Рамстедт противоречили друг другу: первый считал тюркские *z* и *ž* оригинальными [Gombocz 1912], а второй, наоборот, утверждал, что они развились из **r* и **l* соответственно [Ramstedt 1922]. Согласно Рамстедту, чувашское *vākār* перешло в тюркское *öküz* ‘бык’, а Гомбоц считал, что чувашское *vākār* развилось из тюркского **öküz*. В свою очередь, Поппе склонялся к мнению, что работы Рамстедта и Гомбоца дополняют друг друга. Он, основываясь на теории *r/l*-языков, твердо относил чувашский к болгарской группе и даже считал его лишь диалектом болгарского, т. к. оба являются *r/l*-языками [Рорре 1965: 36–37, 133]. Конечно, такой подход явно не учитывает многие известные факты. Например, монгольский и хазарский также *r/l*-языки, но никак не являются диалектами болгарского. Поэтому мнение Н. Н. Поппе о чувашском языке как диалекте болгарского безосновательно.

«Какие особенности делают древнетюркские заимствования в венгерском языке чем-то похожими на волжско-болгарские формы?» — вопрошал Поппе и сам же давал ответ. Он назвал две особенности языка волжских болгар. Это согласный звук *r*, т. е. чувашский *r* против *z*. Например: венг. *borjú* ‘теленос’ = чуваш. *năry* = древнетюрк. *buzayı* (ср. монгольский *birayı*) [Рорре 1960: 139–140]. В другой работе Поппе перечислил венгерско-чувашско-тюркские лексические соответствия: венг. *ír* ‘писать’ — чуваш. *çыр*, тюрк. *yaz*; венг. *gyúr* ‘замешивать’ — чуваш. *šăr*, тюрк. *yoyur*; венг. *szél* ‘ветер’ — чуваш. *šil*, тюрк. *yel* [Рорре 1965: 36, 58].

Что касается языков народов Волжской Булгарии, то здесь бытовали два основных, одновременно близких, но разных языка. Имеются в виду, конечно, болгарский и суварский. Так, в качестве примера А. П. Ковалевский приводил названия рек *Джаушыр* и *Джаушыз*. Еще один пример из бывшей Булгарии — *Кундурча* и *Кундузча*: чувашское название *Хăнтăрча* (*хăнтăр* ‘бобер’) + тюркский словообразовательный аффикс *-ча*, указывающий на местность, т. е. ‘река, изобилующая бобрами’. Казалось бы, все очевидно: закон *p/l* — *z/ш*-языков. Тем не менее исследователи умудряются находить нюансы и разночтения, а также алогичные объяснения этому явлению.

Конечно, в болгарском и суварском языках есть и другие различия. Еще Н. И. Ашмарин, С. Е. Малов и Э. Р. Тенишев указывали на отсутствие в чувашской речи звонких согласных и оценивали это свойство как признак древности. На этот счет писал и А. П. Ковалевский: «Древний чувашский диалект все же отличался от болгарского своими глухими согласными, и нет основания полагать, что это была древнетюркская особенность» [Ковалевский 1956: 17]. Поэтому считается, что алт., шор. *пар* и чуваш. *пыр* 'идти, подойти' исторически являются более древними, чем тюркские фонетические варианты *бар*. Озвучивание началось к VI–VIII вв. и отразилось на тюркских рунических надписях.

Исследователи правомерно обращают внимание на параллели диалектных особенностей в кавказских и чувашском языках. Например, в кумыкском языке имеет место чередование *у/о*: *чупур/чопор* (чуваш. *чӑпар*) 'рябой'. Н. Я. Марр указывал на *у/о*-диалекты в грузинском и армянском языках. А чувашский язык разделяется по этому же принципу на два основных диалекта. Впрочем, такая же картина наблюдается в южнорусских говорах по принципу аканья и уканья. На всякий случай вспомним общие арабские заимствования в чувашском и кавказских языках.

В XVIII в. в Кунсткамеру поступил золотой ковш. В надписи на сосуде прочитывается *алти йӳр ун ити* 'шестьсот семнадцать', т. е. слово «сто» передано в *р*-форме. А по-татарски было бы *йӱз* [Мухамадиев 2011: 46]. Естественно, мы не можем утверждать, что язык современных казанских татар есть прямое продолжение волжско-болгарского. В их наречии произошли большие трансформации. В любом случае говорить, что язык казанских татар и язык кавказско-волжских болгар одно и то же, не можем.

Поскольку исторические предки чувашей савиры/сувары были соседями и даже входили в единый военно-политический союз с хазарами, у них сохранились общая лексика и фонетические особенности. Прежде всего, имеем в виду «цоканье». Например, в тюнзырском кусте цивильского говора чуваша до сих пор говорят *кайцӳр* 'пусть идут', *килицӳр* 'пусть придут', *пулицӳр* 'пусть будут' вместо современного литературного «чоканья» (*кайчӳр*, *килчӳр*, *пулчӳр*). Такие примеры сохранились у татар и марийцев, и они зафиксированы в работе в Н. И. Ашмарина «Материалы для исследования чувашского языка»: марийск. *тыхлацы* (г.), *тулачы* (л.), чуваш. *тӑхлач(ӑ)* 'сватья'; марийск. *воцак* (г.), *возак* (л.), чуваш. *вучах*, *воцах* 'очаг'; марийск. *цӧрӧ* (г.), *чара* (л.),

чуваш. *çара* ‘голый’; марийск. *цыгӓк* (г.), чуваш. *чӗкеш* ‘ласточка’; татар. *кӧнҗӓлӓ*, чуваш. *кӑнчала* ‘сверток избитой шерсти, навязанный на прялку’; татар. *цасмык*, чуваш. *ясмак* ‘чечевица’ [Ашмарин 1905: 8–13].

Учитывая такие важные различия и нюансы, следует констатировать, что савирский/суварский/чувашский язык формировался независимо от языка соседних болгар.

Рис. 13. Обложка книги «Чувашские исторические предания».
Автор д. и. н. В. Д. Димитриев

При выяснении тех или иных этапов и пассажей этнической истории любого народа ценным материалом являются фольклорные жанры, равные «по возрасту» своему этносу. Важны они и при изучении истории и этнографии чувашского народа. На некоторые из них и укажем.

В чувашских легендах имеются упоминания о древней родине предков чувашей в местности *Арапат тухури* (букв. «горы Арапата нога»). Данный топоним прямо перекликается с армянским *Арагацотн* ‘нога, подножие Арагаца’. Арагац, в свою очередь, является центром исторической Великой Армении. Есть тексты, в которых упоминается гора Арамази как родина *Ул’ана* — мифического исполина из чувашских легенд. Сюжеты таких сказаний непременно содержат объяснения о происхождении гор. Согласно им, горы и холмы появились от стряхивания земли исполином *Ул’аном* из своих лаптей [Салмин 2014: 142–143, 155].

Как повествуют предания, чувашаи на Волгу пришли из-за Черного моря, из-за далеких гор. Своим предком, родоначальником они считали человека по имени *Чуваш* [Михайлов 2004: 53; Риттих 1870: 46]. Тексты также повествуют о проживании древних чувашей на северном побережье Каспийского моря [ЧГИ III-195: 240]. Предание гласит, что чувашаи в древности жили в теплой стране на морском побережье [Димитриев 1993: 25]. В целом фольклорные данные дают положительный ответ на вопрос об исторических связях чувашей с Кавказом.

Чувашские легенды имеют множество сходных сюжетов с фольклорными текстами народов, обитавших и живущих на Кавказе. Например, народы Кавказа, болгары и чувашаи почитают радугу. Если женщине удастся пройти под радугой, то она превратится в мужчину, и наоборот. Или бытует легенда о низком небе. Говорят, небо и облака в старину находились очень близко к земле, на уровне домов. Их можно было достать, встав на ограду. Рассказывают, что однажды женщина, не имея под рукой тряпки, вытерла экскременты своего ребенка куском хлеба. Подумав, что хлеб на землю бросить нельзя, она сунула испачканный хлеб в облако. А облако, как чистое существо, не выдержало оскорбления, ушло высоко. С тех пор облака плывут на большой высоте [Тимофеев 1972: 67]. Естественно, легенда о низком небе могла сложиться лишь в высокогорной стране, память о которой сохранилась в сказаниях чувашей.

Источники свидетельствуют о тесной связи собаки с верховным божеством *Тур’а*. В первую очередь это легенда о том, почему

хлеб одноколосный. Согласно текстам, изначально хлеб (рожь, пшеница) имел колосья по всей длине стебля. Но одна женщина стала роптать, что изобилие колосьев мешает жать, из-за чего случаются частые порезы на руках. Тут явился *Турй* и начал срывать со стебля колосья и спрашивать: «Достаточно ли оставить на верхушке столько колосьев?» Женщина молчала, а *Турй* продолжал срывать колосья. Наконец на соломинке остался всего один колос. Но женщина продолжала молчать. Тогда находившаяся рядом собака завывала жалобным голосом, и *Турй* оставил последний колос. Поэтому говорят, что одноколосные хлебные растения оставлены ради собаки. Чуваши дома по вечерам часто спрашивают друг у друга: «Дали ли сегодня собаке поест?» В противном случае собака может пожаловаться божееству *Турй* [Рекеев 1898: 8]. Имеются и другие варианты этой легенды, однако все они сводятся к одному инварианту.

Согласно сказанию дунайских болгар, предки которых также обитали на Кавказе, хлебные колосья изначально были от корня до вершины. Но однажды женщина, убиравшая хлеб, осквернила его, обтерев колосьями обмаравшегося ребенка. За такой поступок божеество решило наказать человека и оставить хлеб без колосьев. Но тут собака завывала и попросила оставить на стебле один колос ради нее. С тех пор, гласит болгарская легенда, люди едят хлеб, предназначенный собаке [Денисов 1969: 90].

В предании о суварх X в. повествуется, что они жили между Волгой и Свиягой в землянках среди лесов и степей. Поэтому их селения не были заметны. Даже их главный город состоял из землянок. При проведении неоднократных раскопок по р. Утке археолог Р. Г. Фахрутдинов записал у местных старожилов фольклорные произведения, проникнутые любовью к своему древнему городу. Они называли Сувар *Шам-Суар*. Этот татарский эпитет применяется при передаче величия и славы [Фахрутдинов 1986: 96–97]. *Шам* является символом красоты и света. Само слово *шамс* в переводе с арабского означает «солнце».

У чувашей имеется сюжет, объединяющий два гуннских нарратива: о следовании за оленем и о направлении по следам крови. Информант предваряет этот рассказ преамбулой, что предание бытовало еще во времена Волжской Булгарии. У хана было три сына. Старшего звали *Сёмпёр* ‘Сембер’. Однажды с друзьями на охоте он заблудился и не знал, как пробраться к Волге. Вдруг они увидели волка, напавшего на олененка. Выстрелили охотники из луков и повалили волка. Олененок, облизывая раны и огля-

дываясь, ушел вперед. Сембер и его друзья пошли за ним. Олененок вывел их к Волге. Дома Сембер рассказал о случившемся отцу. А отец сказал, что олененок вывел их к месту, указанному небесным божеством *Пӱлӧхсӧ*. Место это было чистое, и хан построил там город и разместил в нем войска. А все земли вокруг подарил сыну. Так возник город *Чӓмпӓр* 'Симбирск'. Действительно, в документах XVI–XVIII вв. упоминается Симбирское городище, расположенное на противоположном (левом) современному Симбирску берегу. Этот прежний Симбирск был разрушен Тамерланом.

Однако следует учесть и то, что многие исторические нарративы навеяны книжными сюжетами.

Широко распространены легенды о происхождении деревень. Так, сохранившаяся архивная запись от 1905 г. была выполнена крестьянином д. Большие Крышки Чебоксарского уезда Казанской губернии Федором Алексеевым. В ней рассказывается об образовании некоторых населенных пунктов Чебоксарского и Цивильского районов. В центре событий три брата: *Пичурин*, *Айтарин* и *Чинкей*. В основе сюжета — следование за быком в поисках лучших земель, обильных родников, лесов, лугов и пригодных для земледелия полей [ЧГИ 154: 172–177].

А жители Чебоксар о происхождении своего города еще в XVIII в. говорили, что на его месте в старину находилась деревня. В ней «был один крестьянин именем Чебошкар, человек честного жития и изрядного рассуждения, а поселяне его имели к нему почтение и любовь, и в прославление его имени назвали свою деревню и протекающую сквозь оную речку Чебошками, или по-нынешнему — Чебоксарами» [Миллер 2012: 592].

Некоторые эпизоды чувашской богатырской сказки находят переключку с эпическими сюжетами народов Кавказа. Например, сцена единоборства героя с антиподом. Одним из таких мотивов является «спортивное» состязание между ними. Так, в сказке «Огненный змей и Васылли паттыр» [Raasonen 1949: 279–290] 7-, 12-, 50-главые змеи именно соревнуются с юношей. Сначала происходит бег на 300 аршин, потом на 12 верст, затем — на 5, а после каждой пробежки — сражение, в котором неизменно выигрывает юноша. Иначе говоря, невеста достается тому, кто побеждает в соревновании. Узнав, что перед ним настоящий *паттыр* 'богатырь', змей изъявляет желание помериться силами в рукопашной борьбе, в корчевке леса и т. д. — к примеру, в богатырской сказке «Утренний Иван» [ЧГИ 151: 166–174]. Соревнования иногда

принимают изощренные формы. В сказке «Шестьдесят сыновей» [ЧГИ 183: 239–246] происходит состязание в беге, при этом заключается парадоксальный договор: убит будет тот, кто прибежит первым. Поединки принимают по-настоящему эпический размах. Змей разъярен, говорится в сказке о *Пурап паттӑре*: он отходит на 12 километров, приближается с шумом-грохотом, со злым криком. В балкаро-карачаевском эпосе Эмеген и Сосрук сначала мечут стрелы, т. е. соревнуются, как и в чувашской богатырской сказке, а затем следует сражение. В обоих сказаниях итог состязания предопределяет исход сражения.

В чувашском фольклоре, особенно в богатырских сказках и речи старшего дружки *саламалик*, часто повествуется об орле *ӓмӑрт кайӑк*. Орел (самая крупная из известных чувашам птиц) занимает особое место в мифологических сюжетах. Этимология слова восходит к персидскому и означает ‘собака’ + ‘птица’. В сасанидском искусстве это фантастическое существо изображалось именно так: верхняя часть — орел, нижняя — собака [Тревер 1937: 39].

Орел — представитель сакрального мира. Согласно имеющимся текстам, дерево или столп, на котором он сидит, находится в мифической стране посреди океана, моря или степи. В заговорах разного толка описывается именно аналогичная картина. В конце ставится условие: пусть свершится несчастье с этим человеком только тогда, когда этот орел свалится с этого столба. Иначе говоря, он находится в центре мироздания. Как несбыточно его падение (т. е. разрушение гармонии в мировом масштабе), так и невозможна беда с человеком. Например, в заговоре от порчи говорится: «На острове семидесяти семи морей на дереве осокорь орел. Когда человек сумеет нанести ему порчу, пусть только тогда человек N сумеет навести порчу (дует и плюет)» [ЧГИ 284: 42]. В заговорах, в посиделочной песне, а также в плаче невесты орлица сравнивается с родной матерью.

Примечательно, что дерево, где орлица свила себе гнездо, священное. На обрядовый характер деревьев указывают эпитеты, употребляющиеся при описании *киреметей* и других священных мест. Это сломанный вяз или очень высокий дуб на большой горе. Дерево, по которому забирается *паттӑр* ‘богатырь’ в гнездо к орлятам, одновременно служит лестницей в верхний мир и одновременно — мировым деревом, соединяющим три уровня мироздания.

Может показаться, что в эпизоде, где змей хотел съесть орлята, но его убил юноша, создается конфликтная ситуация. Однако действия разворачиваются несколько иначе. В сказке «Рожде-

ние патт́ара» юноша после поединка идет к большому дереву, где находилось гнездо орлицы. В гнезде оказались одни орлята. Сюда вот-вот должен явиться змей, чтобы пожрать птенцов. *Яшќа-патт́ар* вырезал дерн, заложил им сверху гнездо орлят и сам спрятался туда же. Явился змей, посмотрел и сказал: «Обманули меня, здесь давно травой проросло». И ушел. Случая, где змей пожрал бы птенцов, нет ни в одном тексте. Его, конечно, убивают (чисто сказочная развязка), но легенды не говорят о нем как о пожирателе. В сказках о богатырях и в героическом эпосе убийство оправдывается ссылкой на то, что он будто бы не давал покоя орлятам. На самом деле, змей приходит, чтобы вызвать какую-то (ставшую непонятной теперь) легкую суматоху у орлиного гнезда. Змей-враг, с которым возникает эпическая коллизия, и змей, явившийся к орлиному гнезду, — совершенно разные персонажи. Их функции не пересекаются. Цель змея, вызывающего беспокойство орлицы, — проложить связь между *патт́аром* и орлиным гнездом. Орел даже не собирается обороняться от змея. Аналогичный сюжет имеет место в маргианском материале. На каменном амулете с фигурами дракона и орла последний изображен не в оборонительной, а, напротив, в спокойной позе. У него гордо повернута голова, широко распростерты крылья и распущен хвост [Сарианиди 1986: 69].

Дав согласие вынести на себе богатыря на белый свет, орлица велит приготовить много мяса и воды, которые охотно и с удовольствием преподносятся избавившимся из плена чудовища народом. В таком массовом способе сбора еды нельзя не усмотреть элементы всечужашского обряда *Учук* — моления божествам с просьбой послать на землю дождь, избавить от поголовного падежа скота, от массовых болезней. Ведь в обоих вариантах, типологически восходящих к одному и тому же инвариантному тексту в широком понимании, продукты (мясо, хлеб, питье в бочках и ведрах) собираются у сельчан. Иначе говоря, готовится мероприятие, касающееся не только *патт́ара*, а всех его сородичей (как эндогамных, так и экзогамных), поскольку юноша, пришедший в мир суженой, собирается вернуться в свой постоянный дом.

В богатырской сказке орел выступает в качестве спасителя, выносящего героя из иного мира [Салмин 1994: 28–284]. Наиболее распространенный тип мотивов выхода с того света — это полет на благодарной орлице. При этом режется бык (варианты: готовятся бочка, две бочки, сорок бочек мяса, мясо сорока коров, три, двенадцать, шестьдесят пудов мяса, еда в сорокаведерной бочке),

запасается сорок бочек воды (варианты: вода, вода в бочке, вода в сорокаведерной бочке, двенадцать бочек воды), 60 пудов сухарей, которыми подкармливается орлица во время полета. Однако мясо кончается, и герой-паттър отрезает кусок от своего бедра (варианты: часть икры своей ноги или правого бедра, кусок из-под мышек, кусок ягодицы). Аналогичную чувашской ситуацию находим в нартском эпосе. Здесь, помимо перечисленных продуктов, присутствует кровь («два бурдюка с мясом и кровью буйволов») [Дебет 1973: 74]), что явно указывает на свежесть и специальное назначение жертвенной еды.

Как отмечают фольклористы, эпические сюжеты кавказских народов о чудесном рождении из камня имеют совпадения с нарративами об иранском божестве Митра и хетто-хурритском Улликумми. Как замечено, «в сказаниях о рождении Сосруко, Митры, Улликумми можно допустить общую основу» [Мелетинский 1963: 176]. Параллели эти указывают на общие истоки [Джапуа 2020: 83], которые «могут быть объяснены предполагаемым генетическим родством хуррито-урартского и хаттского с восточнокавказскими и западнокавказскими языками» [Ардзинба 2015: 76]. Например, в ингушской версии нартского эпоса обнаруживаются «мотивы, перекликающиеся с эпосами древних народов Анатолии и Месопотамии» [Цароева 2016а: 299].

В кавказском эпосе одним из существенных характеристик змея (в сказании «Нарт Сосрук» — дракона) является «разоритель гнезд» [Дебет 1973: 73]. Естественно, птица-орел символизирует верх и противопоставлена низу в образе змея. В речи свадебного дружки также упоминается орел, но дерево, на котором он мог бы отдохнуть, перемещается в центр двора свата [ЧГИ 74: 34; 208: 559, 560]. В этом свете весьма ценным представляется диалог между старшим дружкой и публикой на чувашской свадьбе.

Предводитель свадьбы описывает некое гнездо на дереве:

После, как пересекли лес 60-километровый,
Встретили одно дерево.
Издали кажется черным,
Вблизи — белым.
Посмотрели вверх —
Увидели одно гнездо, залезли и посмотрели —
Не узнали, чье это гнездо.
Чье же это гнездо?

На вопрос следует дружный ответ публики: «Гнездо девушки и парня» [Золотов 1928: 76]. Именно этот свадебный пассаж следует считать ключом к фольклорному мотиву. Защита орлиного гнезда в сказке символизирует не что иное, как защиту новой семьи.

Чувашский материал об орле не исчерпывается на этом. Например, в заговорах для приворота встречается сюжет, известный нам по богатырским сказкам: в далеком царстве растет вяз с 66 ветвями, на одной из веток — орел, у него 66 птенцов, греющихся под крыльями орлицы. Далее в заговоре высказывается пожелание, чтобы два юных сердца грелись друг другом так же, как птенцы орлицы. В данном описании вяз выступает локусом, где можно свить гнездо и спокойно вывести птенцов [Салмин 2016: 510].

То, что орел, выносящий *паттӑр*'а из нижнего мира, в полете поворачивает голову то вправо, то влево, дает повод говорить о его двуглавости. А это вызывает ассоциацию с двуглавым орлом на гербе России и открывает дискуссию о происхождении символика. Данный знак, в частности, уводит исследователей к анализу истоков фигуры двуглавого орла на монетах.

Например, имеются рассуждения о происхождении золотоордынского двуглавого орла.

Однако

анализ нумизматического материала Джучидов, Сельджуков Рума, Ильханов и некоторых турецких бейликов демонстрирует ошибочность выводов о золотоордынских субстратах. Эмблема двуглавого орла возникла изначально на монетах в восточной части Малой Азии, отсюда распространилась по всему полуострову и только потом проникла в денежное дело Золотой Орды. Монетный материал не дает никаких данных для выведения российского герба из изображений на джучидских медных деньгах [Гончаров 2015: 5].

Анализируя варианты устных рассказов и древние письменные памятники о змее и орле, И. Х. Левин пришел к выводу, что «история изучаемого сюжета не случайно, а вполне закономерно уводит исследователя современного фольклора, хотя бы русского, в древнюю Месопотамию» [Левин 1967: 8]. Архаическое ядро сюжета о шумеро-аккадском герое Этане бытовало в Двуречье еще в I тыс. до н. э. Изображения орлов, связанные с религиозной символикой, часто присутствуют в прикладном искусстве

колхов [Кошеленко 1985: 23]. Раскопки французских археологов под руководством Ж.-Ф. Жаррижа в Пакистане выявили печати мургабского стиля. Руководитель раскопок вполне справедливо заявляет, что пакистанский археологический комплекс отражает влияние не бактрийско-маргианской глиптики, а месопотамского и эламского мира на Восточный Иран, Белуджистан и долину Инда. Его замечание верно и в отношении Маргианы и Бактрии [Сарианиди 1986: 66–71].

Исследования показывают, что образ орла ведет нас в средиземноморской регион ранневизантийского периода.

В «княжеской» воинской культуре восточно- и центрально-европейского Барбарикума и Северного Причерноморья эпохи Великого переселения народов инкрустированный декор в виде орла или птичьих голов хорошо известен на оружии, в том числе на мечях... на элементах одежды, таких как большая птицевидная фибула... с Северного Кавказа... удила из Былым-Кудинетово в Кабардино-Балкарии... Орлиные головы известны не только у германцев, но и у других находившихся в контакте с Империей варваров, например, у северокавказских алан или у гуннов [Казанский 2021: 141].

В целом образ орла на вершине мирового дерева лучше всего проявляется в переднеазиатском, кавказском и чувашском нарративах. Так, у ингушей горное селение носит название *Эрзи-орел*, его символ — бронзовый орел — хранится в Эрмитаже.

БУЛГАРЫ

Рис. 14. Булгар, современный вид // Булгар Казань.

Фото — Mixyfotos.ru

С. А. Токарев в статье о связях между чувашами и булгарами в плане этнической истории, в частности, писал: «Трудно было бы что-либо возразить против достаточно убедительно доказанной исторической связи между древними булгарами и современными чувашами» [Токарев 1949: 13]. Но, рассуждал далее он, даже самая прямая историческая связь еще не есть тождество, об этом не всегда помнят. Необходимо отдавать себе отчет в том, что даже убедительное сближение современного народа с древними предками мало помогает понять его происхождение. Это, скорее, объяснение известного искомого через неизвестное. Поэтому даже доказанная связь (например, нынешних чувашей с древними булгарами) не дает ответа на вопрос об их происхождении. Можно ли считать «булгарскую теорию» решением проблемы этногенеза чувашского народа? Скорее, наоборот, она может служить ответом на вопрос о том, кем были булгары. Нельзя безоговорочно сближать современный народ с древним племенем. В таком контексте

заявления типа «чуваши — прямые потомки болгар» [Димитриев 2014: 105] звучат, по крайней мере, априорно. Поэтому верно признание самими чувашеоведами уязвимости теории болгарского происхождения чувашей [От издателя 2004: 3].

Определение болгар как предков казанских татар было сделано далеко не вчера. Например, А. П. Смирнов на конференции 1946 г., отвечая на вопросы, сказал об этом достаточно ясно: «Основной упрек заключался в том, что я ставлю знак равенства между булгарами и татарами. Ни в своих тезисах, ни в докладе я этого не делал. Я говорил о булгарах как о предшественниках татар, как об одном из основных компонентов, который вошел в состав татарского народа» [Смирнов 1948: 148]. Булгарский компонент в этногенезе казанских татар сегодня признается, хотя и неоднозначно. Начиная с XIII в. татары подверглись сильной кыпчакизации. Поэтому исследователи разделились на так называемых булгаристов и татаристов. На самом деле, речь идет о разных этапах истории казанских татар.

Самым ранним свидетельством о столице Волжской Булгарии Булгаре является рукопись Ибн Фадлана (922 г.). Упоминают его и средневековые путешественники. Имеются такие факты в документах XVII в. Это писцовые книги, акты генерального межевания, а также сочинение А. И. Лызлова «Скифская история», содержащая фрагменты о казанцах. В конце XVII в. царь Федор Алексеевич (1661–682) дал указание описать здания и другие развалины, оставшиеся от столицы Волжского государства. Затем, в 1722 г., Петр I продолжил дело своего единокровного брата.

Сравнительно небольшой труд А. А. Куника о родстве дунайских болгар с историческими предками чувашей [Куник 1878: 118–161] поднимает сразу множество вопросов. Его взгляды в XIX в. имели прогрессивное значение и были шагом вперед в разборе первоисточников о болгаро-чувашских исторических связях — прежде всего, этноглотохронологического плана. В работе, как и в других публикациях, под булгарами будем иметь в виду дунайских болгар, а под булгарами — поволжских. Трудов по этой теме мало. В первую очередь следует назвать монографию П. В. Денисова об этнокультурных параллелях у дунайских болгар и чувашей [Денисов 1969]. В ней анализируются некоторые сходства в традиционной культуре, народном творчестве, языке и топонимии. В то же время в свете новейших исследований никак невозможно согласиться с утверждением Куника о том, что камские булгары вымерли.

Следовало бы говорить о трансформации, перерождении и ассимиляции. К тому же он тут же заявляет, что наследниками серебряных (т. е. камских) болгар являются чуваши. И такое заявление в принципе неуместно.

Как болгары, так и татары Восточной Европы неоднородны в этническом и генетическом планах. Например, из трех основных этнических и политических образований в Центральной и Восточной Европе в раннем Средневековье — аваров, болгар и хазар — болгары оказались под наиболее сильным влиянием иранской традиции. Это влияние наиболее заметно по именам их правителей, а также некоторых князей в период до конца IX в. Сюда добавим шесть храмов огня на территории Болгарского ханства (в Плиске, Мадаре, Преславе и Силистре) в раннее Средневековье, которые имеют неоспоримое иранское происхождение. Априорные суждения по истории болгар приводят к неадекватным выводам. «Прокрустово ложе» тюркологии диктует направление научных исследований и таким образом препятствует непредвзятому анализу [Stepanov 2014: 165].

«Булгарская теория, понятая узко и односторонне, в начале 20-х годов подхвачена была татарскими и чувашскими буржуазными националистами в своих узконационалистических интересах... Некоторые чувашские националисты, например, добивались даже переименования Чувашской республики в болгарскую» [Егоров 1953: 69]. Уместно ознакомиться с мнением Н. И. Ашмарина по этому вопросу. Своему близкому другу этнографу М. П. Петрову он, в частности, писал: «Знаю, что чуваши получили республику и что среди них теперь идут толки даже о замене имени чуваш другим — болгар. Вот с последним я никогда не мог бы примириться» [см.: Петров 1925]. Впрочем, эта тенденция называться булгарами жива и сегодня. Например, открытое письмо профессора Г. И. Тафаева правительству и Госсовету Чувашской Республики с аналогичным содержанием всерьез обсуждалось в СМИ и в кулуарах.

По большому счету пока проблема истории и наследия болгар мало сдвинулась с места. И это несмотря на большое количество публикаций. В этом плане приходится повторить то, что было сказано еще в середине XX в.: «Утверждения сторонников болгарской теории, что чуваши — прямые потомки болгар, не выдерживают критики» [Егоров 1953: 75]. Кроме того, нет никаких доказательств того, чтобы чуваши когда-либо называли себя булгарами [Golden 1992: 397].

Сокращая вступительный дискурс о булгарах, следует подчеркнуть, что кардинальный поворот случился в 1950 г., когда прошла сессия по этногенезу чувашей. В частности, именно тогда археолог П. Н. Третьяков заявил буквально следующее: «Вопрос о происхождении чувашского народа болгарской теорией отнюдь не решен. Нельзя сказать, что чувашаи — это болгары, и построить такое уравнение, где из двух неизвестных нет ни одной определенной величины» [см.: Михайлов 2022: 33].

Рис. 15. Татарин из Ульяновска в кепке с надписью «Bulgaria». Он считает себя не татаринoм, а болгаром // Житель Ульяновска доказал, что он не «татарин», а «българ» | ПЕРСОНА: Подробности | ПЕРСОНА | АиФ Ульяновск (aif.ru)

Исследователи само слово *българ* как экзоэтноним выводят из тюркского *bulğa* ‘смешивать’; ‘мутить’; ‘вредить’; ‘сеять смуту’ (ср. чуваш. *пӑлхат* ‘мутить’; *пӑлхав* ‘бунт’). Игнорирование чувашского прочтения этнонима до сих пор вызывает вопросы типа: «Являются ли болгары „смешанными“ или „восставшими“?» [Маенхен-Гельфен 2010: 451], т. е. нам следует учесть оба значения в одном слове. В казанском наречии *болғот* имеет значение ‘мутить’, ‘взбалтывать’, ‘делать болтушку’, ‘месить’, а также ‘смущать’, ‘волновать’ [Радлов 1905: 1713]. Согласно Дьюле Немету, болгары были сформированы из огуров и гуннов, а их наименование — *българ* ‘смесь’ — отразило этот процесс [Németh 1991: 129–130]. Но к концу своей жизни Дьюла Немет предпочитал значение «восставшие». Питер Голден считает, что *bulğa* ‘микс’ подразумевает «смешанные». В то же время он подчеркивает, что такая этимология не является общепринятой, но она отражает суть конфедерации, состоявшей из многих племенных союзов

[Golden 2011: 143]. К значениям «микс», «смесь», «смешанные» склонялся Луи Базен [Bazin 1974: 651]. Латинскими вариантами этнонима являются *Bulgari*, *Bulgares* и *Vulgares*. Кожу и кожаные изделия, произведенные в Волжской Булгарии, называли *булгар*, *булгары* [Радлов 1905: 1850], т. е. изготовленные в Булгарии. Оригинальное самоназвание в западноевропейских источниках реконструируется как *bulgar* [Zimonyi 2014: 57].

Сам этноним *булгар* зафиксирован в самом конце II в. в Южном Предкавказье [Салмин 2015: 116] (подробнее см. в начале главы о ранней истории булгар). В Римском хронографе 354 г. этноним упомянут в форме *vulgares* [Mommsen 1892: 105].

В 70-х годах XI в. *булгар* как этническое название и как название города зафиксировано Махмудом Кашгарским.

Патриаршая летопись в описании событий 1229 г. булгар называет «казанцами», «болгаре, глаголемии казанци», а в 1236 г. повествует о «земле болгарской, глаголемой казанской» [ПСРЛ 9: 98, 104]. После XIII в. по известной причине среди булгар зарождается тенденция именовать себя казанскими тюрками, казанскими мусульманами или просто мусульманами.

В 1370 г. князь суздальский и нижегородский Дмитрий Константинович послал «рать на Болгарского князя Асана, еже ныне глаголются казанцы» [ПСРЛ 11: 12]. А в 1431 г. великий князь Василий II отправил на булгар войска во главе с князем Федором Пестрым. «Он же, шед, взя их, и всю землю их плени», — кратко сообщает об этом летописец [ПСРЛ 27: 102]. В этот раз Булгар был полностью разрушен. Столица Волжской Булгарии практически прекратила свое существование, южные территории перешли под контроль московского княжества. Центром северных земель стала Казань. С этого времени начинается формирование Казанского ханства, а заодно и нового этноса — казанских татар.

При описании событий 1524 г. население Казани и близлежащих территорий летописи называют уже то «казанцами», то «татарами» [ПСРЛ 23: 203]. В 1552 г. царь и великий князь всея Руси Иван Васильевич, видя, как проливается кровь православных христиан, собрал многие силы и град великий Казань взял, говорится в житии царя Федора Ивановича. Притом население города и окрестной области летопись называет «нечестивыми болгарами» и «страной Болгарской» [ПСРЛ 14: 3–4]. В русском хронографе используется фраза «болгары, иже наричются казанцы» [ПСРЛ 22, 2: 175]. Все эти факты, естественно, говорят об идентификации со второй половины XIII в. по XVI в. бул-

гар с казанскими татарами. В литературе также сохраняется тенденция использовать сложный этноним — «булгары (татары)», «булгары (татары Поволжья и Приуралья)» [Мухамадиев 2011: 80, 81, 85].

По инициативе местной интеллигенции к концу XIX в. появляется ностальгия по утраченной Волжской Булгарии — родине казанцев. Так, в начале XX в. Гаяз Исхаки в произведении «Исчезновение через 200 лет» называл своих соплеменников не татарами, а булгарами [Ахунов 2010: 10]. Он сожалел, что народ может исчезнуть, если не будут приняты меры по его сохранению и развитию.

В то же время поиск древних корней булгар в Центральной Азии (как это делается во многих публикациях) следует считать бесперспективной задачей. Даже предлагавшиеся тюркские этимологии этнонима *булгар* не обязательно приводят в Центральную Азию. Там этот термин не был известен ни в раннесредневековый период, ни в предшествующие ему. Притом форма *болгары* используется только в некоторых русскоязычных публикациях. Во всей западной литературе (на латинице) всегда писали и пишут *bulgar*. Затем в целях различения в русскоязычной литературе за дунайскими переселенцами закрепился вариант этнонима в форме *болгар*.

Последовательное изучение истории булгар в итоге способствует правильному пониманию этнонима «казанские татары», устранил путаницу и убережет от соблазна национализма.

ИСТОРИЯ

Рис. 16. Карта с датами и ареалами ранних упоминаний булгар

Настоящая глава, согласно хронологии и историческим событиям, состоит из трех параграфов: «Булгары в Южном Предкавказье», «Булгары на Кавказе» и «Булгары на Среднем Поволжье».

Булгары в Южном Предкавказье

Из «Истории» Мовсеса Хоренаци известно, что во времена царствования Валаршака в Армении появляется колония булгарских племен. А при Аршаке I «возникли большие смуты в цепи великой Кавказской горы, в Стране булгаров; многие из них, отделившись, пришли в нашу страну и поселились на долгое время ниже Кола, на плодородной земле, в обильных хлебом местах» [Хоренаци 1990: 69]. При этом Мовсес Хоренаци ссылается на рассказ старца Мар Абаса Катины.

Однако тут возникают серьезные трудности с идентификацией как царей Армении из династии Аршакидов, самих историков, а также с датированием событий. Нет полного согласия среди исследователей и о том, в каком веке жил «армянский Геродот» — Мовсес Хоренаци. Исследователями были высказаны самые разные предположения: от V до VII в. и даже до IX в. Но все признают, что свою «Историю» Хоренаци написал на основе армянских, греческих и сирийских источников. Также никто не отрицает, что его труд в начальной части восходит к несохранившейся «Истории» Мар Абаса Катины.

На сегодня накопилось приличное количество исследований, посвященных такому дискуссионному вопросу, как взаимосвязь «Мар Абас Катина — Хоренаци — Себеос» [Langlois 1861: 531–583; Sarkissian 1940: 73–81]. Высказался по теме и Левон Мириджанян. Он справедливо предложил рассматривать историю упомянутого Мовсесом Хоренаци царя Вагаршака и Мар Абаса Катины как связанную между собой единую комплексную проблему [Мириджанян 1980: 166–182]. Исследование их в отрыве друг от друга может привести к заблуждениям, писал он. Обращаясь к истории династии Аршакидов, он указывал, что персидский царь Аршак II Великий занял престол приблизительно в 217 г. до н. э. В конце царствования он назначил своего брата Вагаршака царем Армении. Тут завершается рассказ Мар Абаса Катины, поскольку он умирает в старости. Вагаршак правил в 217–195 гг. до н. э. Выходит, Мар Абас Катина, по версии Левона Мириджаняна, умер в годы правления Вагаршака, т. е. во второй половине II в. до н. э. Но тут же исследователь добавляет: «Марабасовская книга была написана на основе энциклопедии, которая с ассирийского на греческий была переведена по воле Македонского и, значит, была завершена при его жизни». Таким образом, не все даты сходятся, т. к. Македонский жил в IV в. до н. э., а Мар Абас умер (по версии Левона Мириджаняна) во II в. до н. э. В целом такая версия относит события к более ранним, чем у Хоренаци, временам.

Данные, приведенные Хоренаци и Себеосом, хотя и похожи, все же явно отличаются друг от друга. Оба историка свидетельствуют, что их материал был взят из книги сирийского автора Мар Абаса Катины (Мараба Мцурна у Себеоса), которая не дошла до нас. То есть народная традиция была подвергнута письменной обработке до Хоренаци и Себеоса. Хоренаци несколько раз упоминает, что эти рассказы подтверждают старые устные легенды,

т. е. он также знал о них, но всегда отдавал приоритет письменному источнику, который считал авторитетным, а не народному творчеству. Также следует учитывать, что Хоренаци при написании своей «Истории» редактировал материал, чтобы согласовать его с другими источниками, а также с собственными идеями. Начало традиции, по-видимому, происходит из Библии. Ср. библейскую генеалогию Айка (потомство Иафета, сын Торгома/Тогармы) и происхождение его семьи в Вавилоне и ее переселение после строительства башни [Petrosyan 2018: 13, 35].

Априорны утверждения комментатора Иованнеса Драсханакертци М. О. Дарбиняна-Меликяна, что сириец из армянского города Мцруна Мар Абас Катина (Мараба Мцурнаци) жил и творил в IV в. [Иованнес 1986: 243]. Мцрун был основан царем Санатруком (ок. 80–110) в долине р. Арацани, а в IV в. был разрушен землетрясением [Тер-Саркисянц 2015: 54].

Согласно Мовсесу Хоренаци и Иоанну Драсханакертци, Мар Абас Катина копировал текст своей «Истории» из архивов персидских царей по поручению царя Армении Валаршака (Вахаршака) II Партева, сына Вологеза III, правившего в 186–196 гг. н. э. Выходит, и Мар Абас Катина жил в эти годы. Притом во время работы над «Историей» он был уже старцем. Исследования последних лет способствуют уточнению биографии Мар Абаса. Как пишет А. А. Саакян, г. Мцрун Таронской области являлся первой столицей аршакидской Армении со второй половины I в. до конца II в. Сведения о столице Мцбин, зафиксированные Хоренаци, следует отнести к Мцруну. Его жителем был Мараб, автор первой «Армянской истории», который создал свой труд по заказу двора при правлении Вагарша II. Мцрун упоминается не только у Павстоса и Себеоса, но и в эпосе «Сасна Црер» [Саакян 2011: 195–206]. Таким образом, выходит, Мар Абас Катина жил во второй половине II в. н. э. К аналогичному мнению пришел и болгарский исследователь Атанас Стаматов [Stamatov 2014: 17, 22]. Он же полагает, что миграция болгар связана не с приходом гуннов, а, скорее всего, аланским господством на Северном Кавказе. Это время парфянской династии Аршакидов на армянском троне. Сумма исторических фактов позволяет утверждать, что болгарская община была интегрирована в армянское общество как отдельная группа. Возможно, она пользовалась статусом самоуправляющейся.

Миграции болгар *Vund* в Армению невозможно датировать 127–114 гг. до н. э., эта дата — результат неправильного толко-

вания текста Хоренаци учеными XIX в., пишет Петър Голийски [Goliyski. In the Slopes]. Действительно, если принять во внимание исторический контекст и фактические периоды правления армянских царей, то время поселения племени *Vund* в районе современного Карса отражает период царствования Валарша II (185–198 гг.). Речь идет об историческом периоде почти за 200 лет до эпохи гуннов и очень близко к 165 г. н. э., зафиксированному в «Списке имен» болгарских ханов. Кроме того, Хоренаци писал о существовании «страны болгар» до беспорядков. Таким образом, создание этой «страны» следует отнести к временам до 185 г. н. э.

Хоренаци также сообщал, что названия деревень, которые были даны по именам братьев и их потомков, остались по сей день. Его заявление подтверждается топонимическими данными из средневековой Армении. Так, Иованнес Драсханакерти зафиксировал название деревни *Atsêk'*. В большинстве копий труда Драсханакерти используется форма *Atsk'*. Но Маргарита Меликян-Дарбинян приводит версию *Altsek*, которую следует считать правильной, поскольку она соответствует имени известного болгарского лидера, который поселился в Бенвенто в Италии с разрешения короля лангобардов в 660 г. Судя по надписи: «Пьем из кувшина *Altseg'a*, пусть он живет сто лет. Написано в 6439 г. (930–931)», в Дунайской Болгарии мужское имя *Altsek* сохранилось, по крайней мере, до 931 г. Деревня была упомянута Мовсесом Хоренаци как *Atsk* в связи с событиями 359 г. н. э. *Altsek/Atsk* был расположен на месте современной деревни Дзорап, у южного подножия горы Арагац, к северу от Эчмиадзина.

Есть исследователи, считающие, что Мар Абас Катина жил в IV в. н. э. Они приводят в качестве аргумента наличие в имени древнеармянского историка *mar*, которое они воспринимают как указание на церковный сан [Манандян 1956: 69–86]. К тому же, говорят они, Армения приняла христианство в 301 г. Однако такая точка зрения не увязывается с неопровержимыми доводами, приводимыми А. А. Саакяном, Атанасом Стаматовым и Петъром Голийским.

Н. Я. Марр и Н. В. Пигулевская писали о сиро-персидском деятеле Марабе (Марибасе, Мар Абе I), умершем в 552 г. [Марр 1902: 078–091; Пигулевская 1948: 73–84]. Однако в данном случае речь идет совсем о другой персоне. К тому же Мовсес Хоренаци, ссылавшийся на Мар Абаса Катину, жил раньше (ок. 410 г. — ок. 490 г.), поэтому никак не мог воспользоваться творениями Мар Абы I, жившего в VI в.

Таким образом, становится ясно, что царь Армении Валаршак (Вахаршак) II Партев, сын Вологеза III, царствовал в 186–196 гг. н. э., а его сын Аршак I правил 13 лет [Хоренац 1990: 68], т. е. в 197–210 гг. н. э. Выходит, в рассказе Мар Абаса Катины, который был вставлен в «Историю» Мовсеса Хоренац, описываются события 186–210 гг. н. э.

Поэтому есть основание считать, что болгары впервые зафиксированы в самом конце II в. н. э. на юго-западе Великой Армении. Ассимиляция болгар, мигрировавших в Армению, представляла собой довольно длительный процесс. К тому же нам пока неизвестно, откуда они туда прибыли.

Чувашский историк В. Д. Дмитриев признавал упоминание болгар в «Истории» Мар Абаса Катины. Он допускал, что с булгарами тогда соседствовали савиры, хотя относил события, описываемые Мар Абасом Катиной, не ко II, а к III в. до н. э. [Дмитриев 1958: 53]. Другие чувашские историки констатируют, что нет никаких оснований для отрицания факта обитания части болгар в Армении во II–III вв. н. э. [Каховский 1965а: 190]. Часть современных исследователей полагает, что отдельные группы болгар зафиксированы на Северном Кавказе в I — середине IV в. (например, [Чеченов 2014: 288–289]). Пока же большинство ученых продолжает считать, что первое упоминание болгар относится к 354 г. — в форме *Vulgares* у латинского Анонима в его «Хронографии» [Mommsen 1892: 105].

Булгары на Кавказе

Во времена Атиллы болгары находились в сфере влияния гуннов, а также сражались в составе их войск [Németh 1991: 147], хотя речь не идет о полном подчинении. В 493, 499 и 502 гг. болгары (*Βούλγαροι*) совершили опустошительные походы в северные пограничные области Византийской империи [Чичуров 1980: 75]. Притом у Феофана Исповедника имеется уточнение: «И возвращаются назад, прежде чем о них узнали» (501/502 г.) [Феофан 1980: 25, 49]. Например, в 499 г. у р. Цурты, на территории современной Южной Осетии, произошло сражение между булгарами и иллирийцами, в бою polegло более 4000 человек. Но источник не уточняет: число относится к обеим сторонам или только к иллирийцам? Должно быть, речь идет о погибших воинах из войска под командованием иллирийца Ариста, поскольку автор источника говорит о византийских

событиях. Из исторических текстов также следует, что до конца V в. болгары дальние походы не совершали и не были известны в византийских землях.

К началу VI в. они уже приобрели военный опыт внезапного появления и исчезновения. Под 499, 502, 515, 530 гг. Комит Марцеллин также повествует об иллирийско-фракийско-булгарских войнах [Комит 2010: 86, 119, 120].

Поиски союзников на северных Балканах византийцы начали задолго до прибытия воинов Аспаруха в последней четверти VII в. После распада конфедерации Аттилы византийцы проявили политическую лояльность по отношению к своим новым соседям. Большинство народов возле их границ были ранее гуннскими подданными, которые в обмен на щедрые дары служили сдерживающим фактором от нападений с севера. В 480-х гг. болгары оказывали военную поддержку империи против других варварских (прежде всего, готтских) групп. Так, в понтийских степях болгары-оногундуры восстали против аваров. Этот мятеж, видимо, был спровоцирован императором Ираклием, а предводителем, естественно, стал Кубрат.

Но затем Кубрат в 630-х гг. приступил к созданию своего собственного независимого государства, известного в источниках как «Старая Великая Булгария». Он извлек выгоду из отношений с империей, получив звание патрикия с соответствующими стипендиями, престижем и, вполне возможно, денежными субсидиями. Археологические находки довольно откровенны в этом отношении. Погребальные собрания, найденные на Нижнем и Среднем Днепре (в том числе в Малой Перещепине), включали большое количество византийских *солидов*, отчеканенных в конце VI — VII в. Эти драгоценности, наряду с другими многочисленными объектами византийского происхождения, служили подарками или взятками, посланными из Константинополя ко двору Кубрата [Степанов 2023].

Кстати, подарки от византийцев получала и вдова предводителя савиров Валаха Боарикс. Об этом источник дает очень краткую информацию: «Василевс Юстиниан, подарив ей много царской одежды, различной серебряной посуды и немало денег» [Прокопий 1998: 470].

Прибытие воинов Аспаруха на Нижний Дунай после распада Кубратской Великой Булгарии стало причиной для изменения стратегии византийцев по отношению к своим восточным соседям [Sophoulis 2011: 399–401].

Под 538–539 гг. Феофан отмечал крупные военные столкновения между булгарами и византийцами. Но, говоря об этих событиях, Малала, чьим компилятором являлся Феофан, повествовал не о булгарах, а о гуннах. Понятно, что в эти времена гуннов в этническом смысле уже не было. Согласно Михаилу Сирийцу, который опирался на «Церковную историю» Иоанна Эфесского (умер в 586 г.), сасанидский царь Бахрам VI Чубин решил восстать против юного ромейского ставленника Хосрова на Кавказе. Поэтому Хосров за помощью обратился к ромейскому царю Маврикиану (582–602). Маврикиан отправил для поддержки армию, в числе которой были армяне и булгары в количестве 2000 человек [Сириец 1960: 36]. Судя по контексту, событие произошло в 590 г. или сразу после этого, но не позднее 602 г. Значит, в эти годы в составе ромейских войск в Предкавказье (скорее всего, на территории Армении) были и булгары.

В 626 г. булгары, находившиеся под давлением аваров, осаждали Константинополь [Чичуров 1980: 98]. Под предводительством Кубрата в 635 г. ими было сокрушено аварское могущество в Причерноморье и западнее Днепра. С угасанием власти тюрков в эти годы в западных степях набирают силу булгары и хазары. В результате возникло новое государство Великая Булгария. Так пишут многие исследователи [Golden 2011: 148]. Однако имеется и другое мнение, согласно которому «связь между образованием Великой Булгарии и распадом Западно-Тюркского каганата в 630-е гг. не прослеживается ни хронологически, ни сущностно» [Галкина 2011: 7].

После смерти властителя булгар и котрагов Кубрата (*Κοβράτης, Куврат*) у него осталось пять сыновей. Дата его смерти указывается по-разному: от 642 [Семёнов 2013а: 61] до 665 г. [Рашев 2006: 46]. Сторонники 665 г. ссылаются на «Именник болгарских ханов», где говорится о Безмере, занявшем престол после смерти Кубрата в *шегор вечем*, т. е. в год вола, что соответствует периоду с 665 по 668 г. Безмер — это старший сын Кубрата Баян (Батбаян).

Находясь при смерти, Кубрат завещал сыновьям ни в коем случае не отдаляться друг от друга и жить вместе, чтобы властвовать над всем и не попасть в рабство к другому народу. Однако те поступили как раз наоборот: они удалились друг от друга каждый с подвластным ему народом. Исследователи по-разному трактуют этот рассказ: одни воспринимают его как легенду, другие считают сведения Феофана достоверными. Первый сын Батбаян/Ваян, храня завет отца, остался на месте. Затем он попал под данниче-

ство хазар. Второй, Котраг, перешел р. Танаис (имеется в виду Северский Донец) и поселился напротив первого брата. Третий, Аспарух, переправился через Днепр и Днестр и, дойдя до местности Онгл (*Onglos*) севернее Дуная, поселился там. Как полагают болгарские археологи (например, Рашо Рашев), район Онгл находился в Северной Добрудже. Речь идет о пространстве к западу и к северу от Дуная, ограниченном на востоке побережьем Черного моря. При этом Аспарух рассудил, что место это укрепленное и неприступное, поскольку вокруг реки и болота. Видимо, он опасался хазар. Позже, вступив в сражение с ромеями, Аспарух прогнал противника до Варны (т. е. до античного города Одессоса). Здесь болгары покорили славянов и сефров. Напуганный василевс был вынужден заключить с ними мир. Четвертый и пятый сыновья переправились через Истр (Дунай). Один остался в подчинении аваров в Паннонии, а другой, достигнув Пентаполя, попал под власть христиан (иначе — византийцев) [Феофан 1980: 60–62; Никифор 1950: 363].

После распада империи гуннов савиры на Кавказе с середины V до середины VIII в. не имели себе конкурентов в военной силе. В VII в. болгары были серьезно потеснены савирами [Гумилев 2007: 261] и хазарами [Golden 2008: 235]. Затем савиры вступили в военно-политический союз, возглавляемый Хазарским каганатом. Они по призыву кагана выступали против внешних врагов Хазарии — в первую очередь арабов. Более того, и накануне прихода на Среднее Поволжье болгары и савиры жили врозь.

В ранний период своей истории хазары входили в военно-политический союз савиров, известный из источников как «страна гуннов» [Гмыря 2012: 3]. Весь VII в. савиры и хазары состояли в едином военно-политическом союзе. В 670 г. хазары, объединившись с венграми, разгромили болгар [Рона-Таш 2005: 117]. О конфликтах между хазарами и булгарами в письме Иосифа говорится довольно прозрачно: «В стране, в которой я живу, жили прежде *В-н-н-тр*'ы [т. е. болгары. — *Прим. авт.*]. Наши предки, хазары, воевали с ними, *В-н-н-тр*'ы были более многочисленны, так многочисленны, как песок у моря, но не могли устоять перед хазарами. Они [булгары. — *Прим. авт.*] оставили свою страну и бежали, а те [хазары. — *Прим. авт.*] преследовали их» [Коковцев 1932: 92]. Выходит, в это время не только хазары, но и их союзники савиры воевали против булгар.

Хотя сразу же после создания Болгарского государства в Нижней Мезии в 680/681 году византийский император

Константин IV начал платить дань воинам Аспаруха, византийцы так и не смирились с присутствием рядом независимого государства. Ранее эти земли были имперской территорией. Поэтому императорские войска предпринимали неоднократные попытки изгнать чужаков с Балкан. После неудачной экспедиции Константина IV Юстиниан II предпринял кампании против болгар в 688, 689 и 708 гг. Эти события ввергли Болгарское государство в длительный период нестабильности. Стратегической целью Константина V во время этих войн было нанесение удара по сердцу ханства в надежде, что это быстро приведет к его распаду. Во многих случаях византийцы совершали одновременные атаки с суши и моря, растягивая болгарские военные ресурсы. В то время как одна часть армии (обычно полки императорской гвардии) двигалась прямо через горы Хаймос, другая, перевозимая императорским флотом, высаживалась на побережье Черного моря, атакуя болгар с тыла. Около 761 г. войска Константина впервые ворвались во внутренние земли болгар [Sophoulis 2011: 402]. Это стало серьезным потрясением для них и, естественно, усугубило политические беспорядки. Все эти затруднения были преодолены уже к концу 790-х гг., и с начала IX в. болгары пошли в наступление и отняли у ромеев много территорий на Балканском полуострове. Этот кризис длился с 750-х до 780-х гг.

Булгары на Среднем Поволжье

Историк В. Д. Димитриев полагал, что изменение этнического состава населения Среднего Поволжья было связано со вторжением сюда в VII в. болгарских, а в VIII в. суварских племен [Димитриев 2003: 7]. Однако археологические материалы показывают, что булгары пришли в Среднее Поволжье во второй половине VIII в. В качестве причины называют арабо-хазарские войны [Казakov 1982: 390]. Временем откочевки болгар на Среднюю Волгу считают VIII в. и другие авторы [Новосельцев 1990: 75]. Питер Голден пишет, что государство Волжская Булгария формировалось в период со второй половины VIII в. до второй половины IX — начала X в. [Golden 2013: 52].

Булгары, считает Андраш Рона-Таш, находились тогда в зависимости от хазар. В 737 г., воспользовавшись нападением арабского полководца Мервана на хазар, они двинулись вверх по Волге [Рона-Таш 2011: 134], хотя часть болгар осталась в Волго-Донском междуречье. О перемещении в конце VIII в. насе-

ления салтово-маяцкой культуры в регион Волго-Камья пишут и другие исследователи [Надырова 2010: 21]. Заодно прерывается прямое подчинение булгар хазарам. Булгары поднялись вдоль побережья Волги, пока около 750 г. не дошли до Самарской Луки. А в конце VIII в., согласно нумизматическому материалу, они оказались в районе Больших Тархан (входит в современный Тетюшский район). Здесь археологи открыли самые ранние булгарские памятники. В самом конце VIII в. они появились на Каме [Róna-Tas 1996].

Как видим, булгары пришли на территорию будущей Волжской Булгарии в конце VIII в., а сувары — в самом конце IX в., более чем через сто лет. Еще раз подчеркнем: булгарские и савирские племена пришли на Волгу отдельно друг от друга. Более того, после распада гуннского союза савиры начали сильно притеснять булгар. Возможно, это также стало причиной (дополнительной или основной — вопрос открытый) ухода булгар с плодородных земель региона Северного Кавказа и Дона. Как утверждают источники, в первой половине IX в. началась вторая волна переселения булгар на Волгу. Подавление восстания сторонников старой религии в Хазарии — каваров (видимо, также булгар и суваров) — в 830 г. породило и другое историческое событие: недовольные булгары (т. е. оставшаяся их часть) двинулись на Дунай и в Волго-Камье [Плетнева 1997: 46]. По мнению Иштвана Зимони, булгары на землях Волжской Булгарии появились за два десятилетия до Ибн Фадлана [Zimonyi 2014: 156–157]. Должно быть, имеется в виду третья (последняя) волна.

Серьезной причиной ухода суваров и оставшихся булгар на Волгу стало движение печенегов. Как показывают археологические, нумизматические и лингвистические данные, в 895 г. идущие в западном направлении печенеги разгромили передовые позиции хазар [Zimonyi 2014: 265]. Вполне возможно, оставшиеся булгары были постепенно уничтожены, а часть влилась в состав печенегов [Zhivkov 2015: 129]. Именно тогда савиры с последней волной булгар уходят на Среднее Поволжье. Восточные писатели фиксируют булгар на Волге с IX в.

Главным врагом Волжской Булгарии во времена царствования Алмуша была Хазария. Он ежегодно платил царю хазар от каждого дома в его государстве по шкурке соболя. Из рассказа Ибн Фадлана видно, что сын булгарского царя находился в заложниках у хазарского царя.

До царя хазар дошла [весть] о красоте дочери царя «славян», так что он послал сватать ее. А он высказался против него и отказал ему. Тогда тот отправил [экспедицию] и взял ее силой... Итак, она умерла, [находясь] у него. Тогда он послал, требуя вторую его дочь. Как только это [известие] дошло до царя «славян», он упредил [это] и выдал ее замуж за царя [князя] [племени] эскэл, который находится под его властью, боясь, что он отнимет ее у него силой, как он это сделал с ее сестрой [Ибн-Фадлан 1956: 141].

Булгарский князь решил построить крепость и защищаться от «иудеев, поработивших его». Видимо, в начале X в., будучи уже на Средней Волге, сувары продолжали считать себя союзниками Хазарии. В такой ситуации между булгарами, находившимися в самых прохладных отношениях с Хазарией, и савирами, союзниками хазар, не могло быть взаимопонимания. Не было добрых отношений у булгар и с другими соседями. Так, согласно Ибн Русте и Гардизи, во второй половине IX — начале X в. булгары совершали грабительские набеги на буртасов и уводили их в плен [Ибн-Даста 1869: 24; Заходер 1967: 24].

К началу X в. в Волжской Булгарии родовой строй был изжит. К этому времени сформировалось классовое общество дофеодалного типа: производителями являлись общинники, однако в хозяйстве использовался и труд рабов. В стране имелись четыре общепризнанных царя (князя) [Ибн-Фадлан 1956: 27, 35, 132]. По идее, они должны были занимать трон в определенной последовательности. Именно эти правители встречали 12 мая 922 г., в воскресенье, багдадское посольство. Как рассуждает К. А. Руденко, булгарская конфедерация в X в. не имела общего руководства. Правящая верхушка каждого клана имела те же права, что и князь булгар [Руденко 2015: 185, 195]. Речь идет о военных предводителях племен, которые в мирное время играли роль политических лидеров.

Центром Волжской Булгарии был г. Булгар. «Из него выходит до 20 000 всадников», — сообщает источник «Худūd ал-‘Алем» [Бартольд 1930: 32]. Согласно этой рукописи, вблизи Булгара находился другой город — *Сувар*. Однако, по Ахмеду Ибн Фадлану, Сувар в то время еще не существовало. Переправившись через р. Утку, арабский писарь никакого города на этом месте не упоминает, т. к. он тогда еще не был построен. Речь может идти не о городе, а о поселении — центре суварского племени. Однако и позже город носил только номинальное наименование, поскольку основная часть суварского племени уже проживала на правобере-

жье. В Суваре жила лишь та небольшая часть суваров, что приняла ислам. Вскоре они обугарились. Во время татаро-монгольского нашествия город, оказавшись форпостом, был и вовсе стерт с лица земли. Остались лишь руины и фундаменты зданий.

В начале X в., согласно источникам, у Алмуша сородичей было то ли 500, то ли 5000 человек [Захoder 1962: 26]. По сообщению Ал-Бекри, болгары к этому времени были малочисленны и насчитывали около 500 отцов семейств [Ал-Бекри 1879: 63]. Иштван Зимони, подойдя к этому подсчету критически, полагает, что общая численность населения волжских болгар могла превосходить 100 000 человек [Zimonyi 2014: 180].

Вторая половина X — начало XIII вв. заполнена вторжениями в болгарские земли. Например, в 358 г. х. (968–969 гг.) русы, промышлявшие в этих местах шкурками диких зверей, разрушили Булгар [Ибн Хаукал 2009: 89–90]. В конце X в. с волжскими болгарями воевали киевские князья. Союзниками киевлян были гуззы (огузы). В 997 г. Владимир Святославович ходил «на болгары волжския и камские, и, одолев, плени их» [ПСРЛ 9: 66].

В 1117 г. к болгарам пришли половцы. Князь болгарский дал им питье с отравой: были умерщвлены хан Аепа и другие половецкие князья [ПСРЛ 2: 285]. В 1164 г. владимирский князь Андрей Боголюбский (сын дочери хана Аепы и князя Юрия Долгорукого) со своим сыном Изяславом, братом Ярославом и муромским князем Гюргем (Юрием) пошел на Булгарию. Был взят славный город Брякимов (Брахимов) и сожжены еще три. Булгар иссекли множество, стяги их отняли, а сам Андрей воротился с победой, гласят летописи [ПСРЛ 1: 352; 20, 1: 122–123; 23: 127]. В 1172 г. ордынский царь Саин на Волге, в устье р. Камы, на месте бывшего болгарского города Бряхова, основал Казань [ПСРЛ 19: 13]. В 1182 г. русская конница подошла к величественному городу серебряных болгар. Они, увидев множество противников, скрылись за стенами [ПСРЛ 2: 625].

В 1202 г. монголо-татарские войска подошли к границам Волжской Булгарии и остановились, тут они и провели зиму [ПСРЛ 20, 1: 155]. В 1220 г. князь Святослав с полками и воеводами осадил болгарский город Ошел и сжег его [ПСРЛ 1: 444; 20, 1: 150; 23: 67–68]. По Симеоновской летописи, это событие произошло в 1221 г. [ПСРЛ 18: 51]. Или один из источников ошибается, или в поход выступали два года подряд, что весьма сомнительно. Скорее всего, следует учесть систему летоисчисления в XIII в. В 1229 г. монголы оттеснили болгарские сторожевые отряды с Яика. Перед лицом реальной угрозы болгары отправили

послов в Русь с предложением мира. Видимо, возникла мысль совместно обороняться от грозного врага. Соглашения не последовало, булгарам пришлось одним отражать наступление, в котором они имели временный успех [Оллсен 2008: 356].

В 1231 г. татаро-монголы близко подошли к городу Булгары, однако остановились и перезимовали там же [ПСРЛ 28: 209]. Согласно другим источникам, это произошло в 1232 г. [ПСРЛ 23: 73; 30: 87]. В 1236 г. основные силы монголов у Булгара встретились с родом Джучи: с Бату, Ордой, Шейбаном и Тангутом. В походе участвовали все четыре ветви ханской фамилии. А зимой против народа булгар был направлен и Субэдай (*Сүбэгэтэйбагатур*, *Субумай*, *Subutai bahadur*) [Рашид-ад-дин 1960: 37–38; Данзан 1973: 228; Bretschneider 1910: 309].

«Они сошлись все вместе в землях булгар. От множества их войск земля стонала и гудела, и даже дикие звери столбенели от шума их полчищ. Прежде всего, они захватили штурмом город Булгар, который на весь мир славился крепостью своих стен и обилием запасов; и как предостережение другим они убили жителей или увели их в плен» [Джувеини 2004: 185].

О том, что булгары были полностью разгромлены татарами в конце 1236 г., свидетельствовал и венгерский монах Юлиан [Аннинский 1940: 83]. «Болгария пала, не будучи в состоянии отразить даже авангарда монгольских войск, шедшего под предводительством Субутая» [Грумм-Гржимайло 1926: 463]. Был сожжен дотла величественный город Биляр. Мощные углистые прослойки, прослеженные археологами в верхних горизонтах, свидетельствуют о гибели города именно от пожара [Казаков и др. 1968: 133]. Все это хорошо согласуется с летописными сведениями.

Вскоре Булгар был восстановлен. Это произошло при Батые. Хан сам в 1242–1246 гг. жил там. Примерно в те же годы были построены еще несколько городов. Например, возник Эстерхан (чуваш. *Астърхан* 'Астрахань'). Потом в Булгаре и Сарае находились ставки хана Берке (1257–1266 гг.) [Поло 1997: 193]. Как видим, в 1236 г. столица Волжской Булгарии была разрушена, но вскоре восстановлена.

Во второй половине XIV — начале XV веков 32 города и около 2000 селений Болгарской земли были уничтожены золотоордынскими ханами и эмирами, кочевыми ордами, Тамерланом, совершившим сюда походы в 1391 и 1395 годах, походами русских князей и новгородских ушкуйников... Территория Болгарской земли превратилась в дикое поле, где стали кочевать мангыты (ногайцы) [Димитриев 2003: 10].

В 1370 г. болгарский престол занял представитель русского княжества, который стал контролировать торговые дела. Много вреда было нанесено столице Болгарии и всему государству ушкуйниками, грабившими города. Например, в 1374 г. они взяли Булгар и хотели сжечь его. Город откупился деньгами [ПСРЛ 28: 239; 34: 121]. В 1376 г. русские войска вновь напали на Булгар. Состоялась жестокая битва. Булгарские князья Осан и Махмат вышли к русским и опять заплатили [ПСРЛ 25: 192]. В 1382 г. хан Тахтмыш послал свои войска в Булгар и повелел им грабить русских и других торговцев, а суда их с товарами отнять и препроводить к себе [ПСРЛ 4, 1: 327; 6,1: 471–472]. Говоря об этом событии, летописец отождествляет Булгар и Казань: «Град нарицаемый Болгары, еже есть Казань на Волзе» [ПСРЛ 11: 71]. Этот летописный факт свидетельствует о том, что центром Булгарского государства в то время становится уже не Булгар, а Казань. В 1395 г. русские воеводы взяли города Булгар (Болгары Великия, Больгары Великы), Жюкотин (Жюкотинь), Казань (Козан) и Керемenchюк (Керемenchюк, Кормenchюк), пробыли там три месяца, повоевали и возвратились «с многою корыстию». Так следует из летописей [ПСРЛ 4, 1: 380; 17: 46–47]. Согласно «Степенной книге», это событие произошло в 1396 г. В одном из вариантов Патриаршей летописи говорится о взятии городов Болгар и Жукотин, согласно другому — Казани и Керемenchюх [ПСРЛ 11: 164]. По другим летописям, взятие Болгар Великих, Жукотина, Казани и Кормenchюка произошло в 1399 г. (6907 г.) [ПСРЛ 6, 2: 5–6; 18: 280; 28: 253]. Как видим, по данному событию зафиксированы не только разные даты, но и города. Все это говорит об интенсивных походах на Среднее Поволжье и об идентификации городов Булгара и Казани как столиц, а также о постепенном сдвиге функций столицы.

В период Казанского ханства торговля играла еще большую роль. Татарские купцы стали известными в Евразии [Валеев 2011]. Сувары же занимались земледелием, скотоводством, обменивали излишки на товары, производимые булгарами, а затем и татарами.

В самом начале XVIII в. голландский путешественник Корнелий Бруин, побывавший в Московии, назвал в числе российских городов и Булгар. Согласно его записи, Казань находилась между Болгарией и черемисами [Бруин 1989: 90, 148]. А это значит, что в то время еще продолжали бытовать топонимы Булгар и Булгария.

ГЕОГРАФИЯ

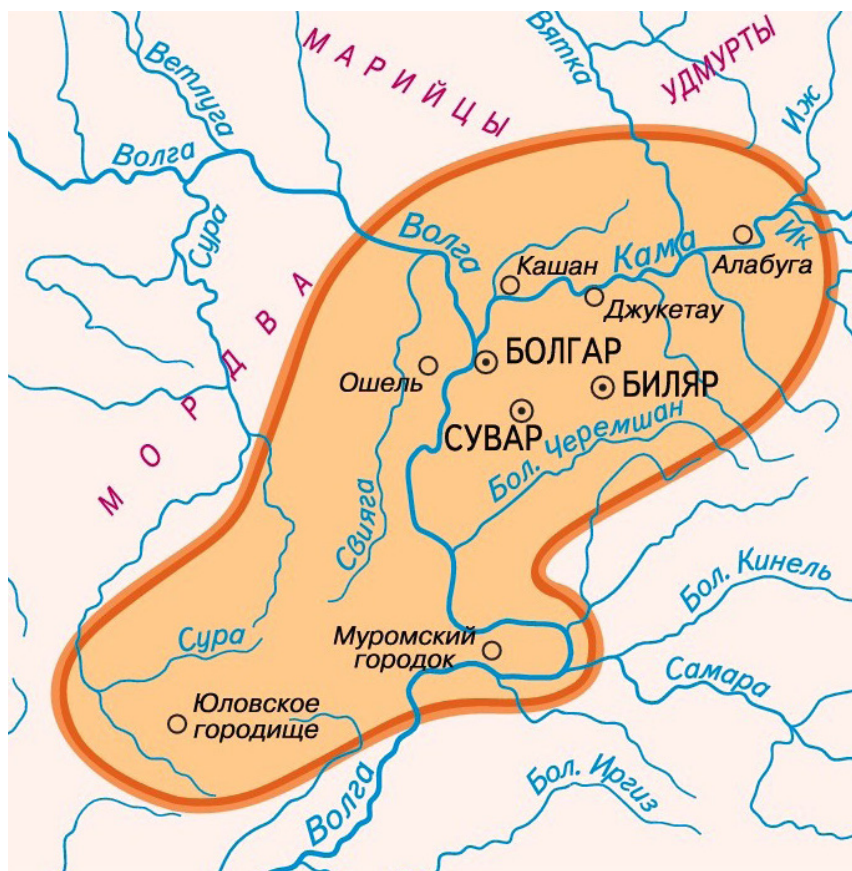

Рис. 17. Карта Волжской Булгарии // Речная прогулка по знойной Астрахани. | Лаборатория Исторических Прозрений | Дзен (dzen.ru)

Желая определить район упоминания булгар (*Vulgares*) латинским хронографом в 354 г. [Mommsen 1892: 105], А. П. Новосельцев остановил свой выбор на Западном Предкавказье [Новосельцев 1990: 73]. Он также сослался на Иордана. А тот, описывая события IV–V вв., заметил: «Над Понтийским морем места расселения булгар» [Иордан 2001: 67]. Е. Ч. Скржинская уточнила, что под булгарами он подразумевал гуннские племена северо-восточного Причерноморья [Скржинская 2001: 217–218]. Однако Иордан, должно быть, все-таки имел в виду

булгар, вместе с антами и склавенами нападавших на пограничные районы Иллирика и Фракии. Поэтому следует под племенами булгар, упоминаемыми им, понимать ту их часть, которая позже ушла на Балканы. Именно так считал и М. В. Ломоносов [Ломоносов 1952: 188].

Тем не менее до сих пор по инерции некоторые коллеги пишут, что

процесс этногенеза булгар происходил в II–IV вв. в Центральной Азии. Выдвижение булгар в район прикаспийских степей датировано концом IV в. В середине V в. под давлением сабиров, которые пришли из Центральной (в русской терминологии Средней) Азии, оногуры были вынуждены переселиться из дагестанских и калмыкских степей в Приазовье [Пилипчук 2019: 63].

Подобные утверждения можно встретить и у вполне именитых исследователей. Так, А. А. Куник выражал уверенность, что болгары есть тюрки, а переселились они в Европу из Алтайского региона [Куник 1878: 147]. Однако такие заявления в географическом и языковом плане априорны и не подтверждаются никакими доводами и историческими фактами. Следует согласиться с высказываниями о том, что о миграции булгар в Европу из Азии «у нас нет источников» [Kerényi 2022: 4].

Несомненно, вопрос о появлении булгар/болгар как на Волге, так и на Дунае очень важен. Очевидными данными об их проникновении в VIII–IX вв. в Поволжье с юга располагает археологическая наука. Это Кайбельский, Большетарханский и Уреньский могильники на юге Волжской Булгарии. В них узнаваемы характерные для Юго-Восточной Европы горшковидная посуда и кованные изделия салтовского типа. Могилы содержат свойственные кочевникам предметы. Не подлежат сомнению и открытия о приходе аспаруховых булгар на Дунай. Исследователи также находят связи между оногурами и булгарами/болгарами, с одной стороны, и кубратовскими и аспаруховыми булгарами/болгарами — с другой [Stepanov 2016: 383–391]. В качестве резюме приведем мнение Н. Н. Поппе. Он считал, что прямая связь между чувашским и болгарским языками и древнетюркскими надписями «не может быть установлена». Также не выявлено географическое соседство этих народов, т. к. древние чувашские племена в Центральной Азии (имеются в виду современная Тува и более обширный Байкальский регион) не зафиксированы [Рорре 1971: 227].

Сирийский историк Захария Ритор в 555 г. в числе первых за Каспийскими (Дербентскими) воротами назвал бургар, т. е. болгар. Их непосредственными соседями являлись сабиры и аланы [Захария 2011: 595]. В 90-х гг. VI в. основная масса болгар жила на Северном Кавказе. Их соседями здесь были оногоры и савиры. О местоположении Оногории в «Космографии» Анонима Равеннского (конец VII в.) написано: «Затем у Понтийского моря расположена страна, которая называется Оногория и которая находится по соседству с верхней точкой Меотийского болота» [Аноним 2002: 192]. Есть мнение, согласно которому название *Оногория* появилось из-за неверного прочтения *Phanagoria* — это греческий город Фанагория в Керченском проливе. Тем не менее верна утвердившаяся точка зрения на происхождение названия страны от племени оногуров (*Onóγouroi*), обитавшего в районе Меотиды и в северо-западных районах Северного Кавказа [Подосинов 2002: 251–252]. Хотя в «Космографии» содержится небольшое противоречие (у Понтийского моря — у Меотиды), данный источник правдоподобен. Савиры же обитали в основном на северо-восточном побережье Кавказа, а болгары — на северо-западе Кавказа (севернее сванов и западнее аланов). Они были географическими соседями, входили в разное время в разные конфедерации. Этот факт лишний раз говорит о том, что на Кавказе савиры и болгары не смешивались.

Еще один исследователь (на этот раз из Венгрии), Андраш Рона-Таш, считает, что границы Великой Булгарии не доходили до р. Кубань и были расположены между Днестром и Доном (древний *Ta.na.is*). Согласно другим ученым из Болгарии и прочих стран, болгары в первой половине VII в. контролировали территории между реками Кубань и Днепр. Власть верховного правителя осуществлялась главным образом через гарнизоны и ставленников, которые наделялись особыми правами, обязаны были собирать дань и пресекать возможные беспорядки. Такая ситуация показывает, что Кубрат был правителем основной группы болгар, а именно оногундуrow, обитавших рядом (вероятно, к востоку от реки Кубань), а также котрагов [Stepanov 2016: 384]. Под 631 г. в историческом источнике упоминается о болгарях в Паннонии [Фредегар 2015: 227]. Однако их, болгар в Западной Европе, уже следует отличать от болгар, обитавших на юге Восточной Европы.

Рассказывая о событиях 673 г., константинопольский патриарх Никифор заметил, что около Майотидского озера, по р. Кофин, была расположена издревле известная Великая Болгария

(μεγάλη Βουλγαρία) [Никифор 1950: 363]. Имеющиеся исторические источники и литература позволяют сделать достоверные выводы лишь о юго-восточной границе Великой Булгарии. Ориентир — р. Куфис (Кубань). А данные по археологии и нумизматике свидетельствуют о расположении политического центра по Днепру [Феофан 1980: 60–61; Чичуров 1980: 161–162; Галкина 2011: 6–7, 14]. В целом выясняется, что Великая Булгария под руководством Кубрата контролировала территории между реками Кубань и Днепр. Полагают, что состоятельные жители Великой Булгарии имели зимнюю и летнюю ставки. Зимняя была у моря, а летняя — на северной границе степи [Рашев 2006: 44].

В 737 г. арабские войска во главе с полководцем Мерваном достигли города *ал-Байда*, в котором пребывал хазарский царь. Хакану пришлось покинуть столицу. Мусульмане добрались и до земель, расположенных за Хазарией. Они совершили набег на земли сакалибов и дошли до р. *нахр ас-Сакалиба* [ал-Куфи 1981: 50]. Одни исследователи под ней имеют в виду Волгу, другие — Дон. В любом случае речь идет о низовьях Волго-Донского междуречья.

Что касается черных булгар, то имеется в виду часть болгарских племен, выделившихся после распада во второй половине VII в. Великой Булгарии. Это потомки орды старшего сына Кубрата — Батбая. Часть из них, используя арабское нападение на хазар и избегая разгрома, отправилась вверх вдоль Волги [Рона-Таш 2011: 134]. Такая точка зрения поддерживается и казанскими археологами. Согласно их данным, на территории Татарстана булгары впервые появились именно в конце VIII — начале IX в. [Фахрутдинов 2011: 66]. Савиры же тогда остались в Волго-Донском междуречье — формально в составе Хазарского каганата.

По состоянию на конец IX — начало X в. Булгария граничила с землями буртасов. От них до владений булгар насчитывалось три дня пути. Река, на которой жили булгары, называлась *Итиль*, протекала она между землями хазар и славян и впадала в Хазарское море. Территория Булгарии состояла из болотистых местностей и дремучих лесов [Ибн-Фадлан 1956: 136; Ибн-Даста 1869: 22–23]. Согласно Аль-Балхи, Булгар был небольшим поселением, служащим гаванью [Аль-Балхи 1960: 274, 276]. *Bulghār* — город, которому принадлежала небольшая провинция на берегу р. *Ātil* [Minorsky 1970: 163]. В целом, согласно источникам, «Болгар — это большой (в сравнении с другими волжскими) или небольшой

(по сравнению с Итилем и городами арабского Востока) город» [Измайлов 2021: 15]. Ал-Бекри помещал земли *блкъров* рядом со страной *фрдâсов* и славян. Жилища булгар находились на берегу Итиля [Ал-Бекри 1879: 62–63].

Ахмед Ибн Фадлан последовательно перечислял реки, которые пересекало посольство. Это *Джарамсан* (Большой Черемшан), *Уран* (Урень), *Урам* (Урым), *Байнах* (Майна), *Ватыг* (Утка), *Нийасна* (Неясловка), *Джаушыр* (Гаушерма) [Ибн Фадлан 2016: 32]. Хорошими ориентирами для определения местоположения булгар в X в. являются речки Джаушыр (Яуширма) и Утка. В середине лета из района Трех Озер в бассейн р. Джаушыр перекочевывали сам Алмуш и знать со всеми стадами. Таким образом, эти места служили пастбищем на время, пока около Трех Озер у Волги обновится трава. Как подсчитал А. П. Ковалевский, царь оставался у р. Джаушыр целых два месяца. Говоря о ее местонахождении, А. П. Ковалевский писал: «Я полагаю, что это современная речка Гаушерма выше по Каме, недалеко от бывшего булгарского города *Ѕакату* — „Жукотина“ и нынешнего Чистополя» [Ковалевский 1954: 33]. Должно быть, речь идет о р. Шентале, впадающей в Каму между нынешними районными центрами Алексеевским и Чистополем. Согласно Ибн Фадлану, здесь располагалась обширная степь, встречались и деревья. Естественно, для летнего содержания скота это были идеальные места.

Согласно источнику, «от [города] Исил до [города] Булгар по дороге степью около месяца, а по воде — два месяца, это вверх по воде, а вниз по реке — около двадцати дней пути» [Ал-Идрили 2006: 120]. Этот же автор поблизости Булгара указывает Сувар. Расстояние между этими городами составляло два дня пути. Все это значит, что Сувар находился в 70 км от Булгара. Когда речь идет о государстве, то очевидно, что оно должно иметь границы, в рамках которых действует власть его правителей. Однако если мы попытаемся как-то определиться с ними по известным нам данным, то можно лишь констатировать, что клан Алмуша на момент прибытия багдадского посольства в 922 г. кочевал недалеко от Волги, по левому берегу, в пределах дневного перехода от реки.

Исследователи обращают внимание на факты, указывающие на детальную осведомленность Ибн Фадлана о хазарах. Поэтому они считают, что обратный путь арабского миссионера лежал по Волге к Каспию. «Это возвращение, очевидно, произошло не ранее весны 923 г.» [Заходер 1967: 184].

Источник, говоря о событиях 985 г., отметил, что Булгар расположен по двум сторонам реки [Ал-Мукаддаси 1994: 289]. Однако не уточняется, речь идет о городе или стране. Конечно, говорится о государстве в целом, поскольку действительно к этому времени границы Булгарии расширились. Например, болгары оставались на левобережье, а сувары почти в полном составе обитали на правобережье. Далее отмечено, что Булгар (город) расположен на Итиле, Сувар — на этой же реке. Согласно Ибн Хаукалу, непосредственными соседями болгар значатся славяне, русы, башджарты, буртасы, хазары, печенегы [Ибн Хаукал 2009: 88]. Как видим, данный источник суваров близкими соседями болгар не называет. В это время (середина — конец X в.) сувары действительно были на другой (правой) от болгар стороне *Атӓл*'а.

В литературе определены пределы расселения болгар в XI–XII вв. Считается, что северная граница Волжской Булгарии проходила по р. Казанке, западная — по Свияге, частично затрагивая на ее левый берег, восточная — по р. Шешме, а южная достигала Жигулевских гор. Конечно, политический статус внешних колоний и соседей мог быть различным и менялся в зависимости от общей ситуации в регионе, но они в единое территориально-экономическое пространство Булгарского государства не входили [Руденко 2013: 20]. Не входили *de facto* в Волжскую Булгарию и сувары, бывшие южными (до 922 г.) и правобережными (после 922 г.) соседями болгар.

В 1236–1242 гг. происходило массовое бегство болгар в северном и западном направлениях. Ушли они и из разгромленного Суvara. Так на месте нынешних Чебоксар возник г. Веда-Суар (по-чувашски *Вӓта Сӓвар* ‘Средний Сувар’) [Димитриев 2014: 115]. Ибн Са’ид в «Книге распространения земли в длину и ширину» назвал географические координаты г. *Б.р.гӓр* («который называется у них *ал-Булгӓр*») — 45° 30' долготы и 57° широты [Ибн Са’ид 2009: 29], что на современной карте значительно отклоняется от общепризнанного местоположения столицы Волжской Булгарии и почти совпадает с координатами Чебоксар (47° 15' в. д., 56° 08' с. ш.). Тут много неясностей, и требуются дальнейшие исследования географической направленности. Например, следует сравнить вычисления XIII в. и сегодняшнего времени, установить огрехи (отклонения) в измерениях. Скорее всего, под Булгаром Ибн Са’ид имел в виду *Веда-Суар*. После трагических событий XIII в. территории Волжской Булгарии оказались в неравном положении: «Города и поселения южной части так и не смогли

оправиться. В северной же части улуса, не задетой войнами, активизировалась экономическая жизнь» [Зеленеев 2013: 41].

Согласно Абу-л-Фиде (1273–1331 гг.), Булгар расположен близ р. *Атил*, с северо-восточной стороны. По рассказам жителей, здесь в начале лета не исчезала вечерняя заря, а ночи были очень короткими. Такое наблюдение источник принимает за правдивое, т. к. к северу от широты 48° 30' вечерняя заря в летнее время не исчезает [Абу-л-Фиде' 2009: 125].

Довольно пространной была география распространения булгарских монет: «В составе богатых кладов они обнаружены в разное время в Верхнем Поволжье, новгородской и псковской землях, в Прибалтике, скандинавских странах и Дании (монета, найденная в Дании, чеканена в Суваре)» [Фахрутдинов 1986: 100].

П. С. Паллас, побывавший на Булгарском городище в XVIII в., обнаружил надгробные памятники. Надписи на некоторых из них свидетельствовали, что усопшие родом из Южного Кавказа: из провинции Шемаха, а один — из Ширвана [Паллас 1773: 193]. Естественно, эти люди прибыли в Волжскую Булгарию по торговым делам.

Как видим, нет оснований идентифицировать всех жителей Волжской Булгарии X–XIII вв. с предками татар или чувашей. Пока отметим: булгары Поволжья и казанские татары (а также татары-мишари) занимали одни и те же территории (левобережье Среднего Поволжья и Нижнее Прикамье), что еще раз подтверждает их этническую преемственность.

ГЕНОГЕОГРАФИЯ

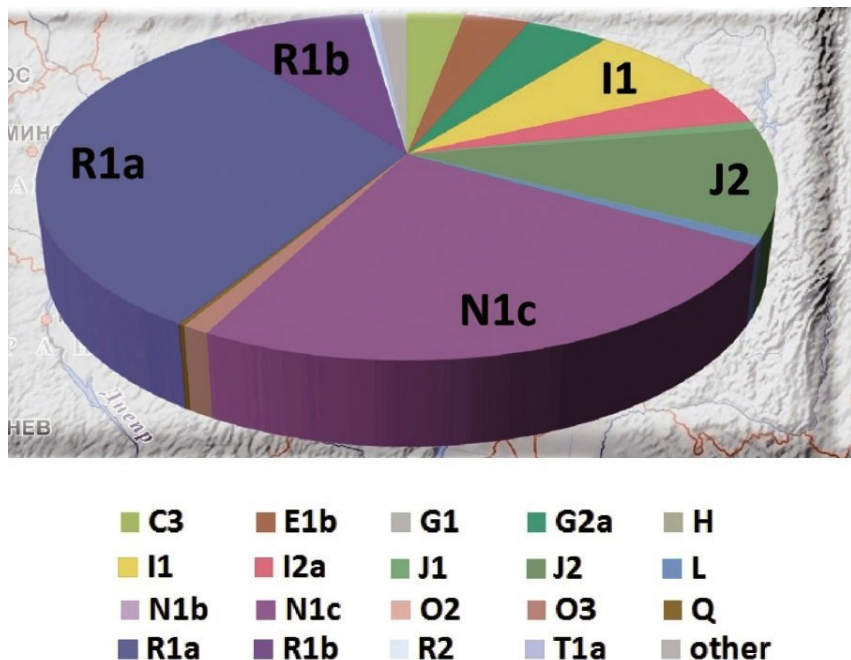

Рис. 18. Генетическая картина казанских татар // Азербайджан днк проект (stylishbag.ru)

По свидетельству исторических источников, самые ранние упоминания о булгарах относятся к Кавказскому региону. Здесь они имели прямые связи с народами Передней Азии и Восточной Европы. Р. А. Схаляхо справедливо назвала Кавказ Евразией в миниатюре [Схаляхо 2013: 3]. В данном случае нас больше будет интересовать проблематика степени принадлежности булгар к Кавказу с точки зрения новых достижений геногеографических исследований.

Для определения степени отношения булгар к кавказскому миру важно получение результатов о типах гаплогрупп Y-хромосомы современных тюркоязычных народов Кавказа. Выявлено, что четыре гаплогруппы включают «две трети генофонда: гаплогруппа R1a1a-M198 в среднем встречается с частотой 24%, G2a-P15–16%, R1b-M343–14%, J2a-M172–13%» [Схаляхо 2013: 10–11]. Притом гаплогруппа J1*-M267 у кумыков составляет

35%. А это свидетельствует о ближневосточных истоках субстрата. Если взять кавказцев, не относящихся к тюркоязычной семье, то эта гаплогруппа встречается у 72%. Такого расклада гаплогрупп нет в мире.

Что касается балкарцев, ближайших этнических братьев болгар, то они сохранили исконный кавкасионский тип европеоидной расы. Субстратной основой этногенеза балкарцев были древнейшие горские кавказские племена, являющиеся носителями кобанской культуры. На втором этапе формирования балкарцы подверглись аланскому влиянию. На протяжении семи столетий аланы проживали с местными племенами от Эльбруса до Казбека. С 70-х гг. VII в. сюда проникли тюркские племена, начался процесс тюркизации. Тем не менее балкарцы (как и карачаевцы) обнаруживают наибольшее генетическое сходство с народами нахско-дагестанской группы (с чеченцами, народами Дагестана), а не с тюркоязычными народами степей Причерноморья. Так, у караногайцев частота восточно-евразийских линий Y-хромосомы достигает 36,8%, у кубанских ногайцев — 17,2%, а у балкарцев — 3,7%. Как видим, анализ распределения частот гаплогрупп мтДНК показывает, что лингвистическая принадлежность балкарцев, скорее, результат замены языка без значительного включения тюркского компонента в генофонд.

«Вторая мажорная гаплогруппа у западных тюрков Кавказа — G2a-P15 — встречается с частотами 31% у карачаевцев и 33% у балкарцев... Среди других народов Кавказа наибольшая частота G2a1a-P18 (66%) отмечена у осетин» [Схалыхо 2013: 12].

Древние болгары долгое время рассматривались как тюркская популяция. Однако выявленные за последние три десятилетия материалы показывают, что это не так. До сих пор эти свидетельства не включались в анализ древних митохондриальных ДНК. С целью заполнения пустот генетики Болгарии собрали коллекцию останков людей VIII–X вв. из трех некрополей: с. Ножарево (Силистренская область), монастырь в с. Мостич (Шуменская область) — оба расположены в Северо-Восточной Болгарии — и Туховишта (район Сатовча) в Юго-Западной Болгарии. Филогенетический анализ 13 древних образцов ДНК, извлеченных из зубов, идентифицируют 12 независимых гаплотипов, которые подразделяются на гаплогруппы митохондриальной ДНК, имеющиеся среди населения современной Европы и Западной Евразии. Результаты свидетельствуют, что по матрилинейным показателям протоболгары имеют западно-евразийское происхождение, а так-

же прослеживается генетическое сходство между прото- и современными болгарами [Nesheva et al. 2015: 20–23].

Работа с древними болгарскими образцами добавляет к генетической картине прошлого новые сведения, представляя первые данные о древних митохондриальных ДНК от лиц, которые населяли современную территорию Болгарии в VIII–X вв. Результаты показывают, что гаплогруппы, найденные в древних образцах, преимущественно шли из Западной Евразии. Этот вывод подтверждает концепцию западно-евразийского матрилинейного происхождения болгар и входит в противоречие с монголо-алтайской и хунно-татарской теориями. Сравнение древних болгар и современного евразийского населения (в том числе Волго-Уральского региона) показывает, что, несмотря на разрыв во времени более чем в 11 веков, имеется генетическое сходство между древними болгарами и современными болгарами.

Чтобы определить матрилинейные отношения между болгарами и другими европейскими народами, генетики оценивали вариации митохондриальной ДНК в 855 образцах субъектов. Наблюдение вариаций мтДНК показывает, что болгарский митохондриальный пул в географическом отношении является однородным по всей стране и характеризуется общей крайне высокой частотой западно-евразийских линий. Как показывает анализ принципиальных компонентов, болгары занимают промежуточное положение между восточноевропейским и средиземноморским населением, что согласуется с историческими событиями. В то время как население Средиземноморья можно возвести к фракийцам, коренным народам, изначально жившим на Балканах, то восточное влияние, скорее всего, связано с протоболгарами и славянами, мигрировавшими из Северо-Восточной Европы. Как и ожидалось, болгарский генофонд почти полностью состоит из гаплогрупп, типичных для западно-евразийских популяций [Karachanak et al. 2012: 497, 499, 502].

Также было установлено, что современные болгарские мтДНК и Y-хромосомы генофонда в подавляющем большинстве представлены западно-евразийскими гаплогруппами. С другой стороны, восточно-евразийские линии среди болгар представлены очень низкими частотами митохондриальных гаплогрупп C (0,2%), D (0,4%) и Z (0,1%), а также низкими Y-хромосомами гаплогрупп C, N и Q (каждый по 0,5%). А древние мтДНК в анализе человеческих останков протоболгар показали присутствие только западно-евразийских гаплогрупп [Karachanak-Yankova et al. 2015: 211].

Болгарские генетики сравнили гаплогруппы древних образцов с ранее проанализированными пробами. Основные гаплогруппы Н распространены в европейской популяции и имеют частоту 41,9% у современных болгар, 7 из 13 образцов были отмечены в протоболгарских образцах. Генетики не нашли никаких доказательств о наличии восточноазиатских (F, B, P, A, S, O, Y или производной M) и африканских (L) гаплогрупп. Таким образом, результаты не поддерживают теории монголо-алтайского, хунно-татарского и африканского происхождения как болгар, так и булгар.

Некоторые исследователи 80–90-х гг. прошлого века (в том числе Петър Коледаров, Петър Добрев, Цветелин Степанов, Рашо Рашев, Атанас Стаматов) отвергают идею изначального хунно-татарского (тюркского) происхождения болгар. Их отказ от восточноазиатского происхождения основан на архео-антропологических, исторических, лингвистических и этнографических доказательствах. За последние три десятилетия число приверженцев такого взгляда растет (Петър Голийски, Живко Войников, Георги Бакалов, Тодор Чобанов). В целом население Дунайской Болгарии главным образом состояло из болгарских и славянских народов, которые оккупировали районы проживания древних фракийских племен. Булгары практиковали типичные погребальные традиции, тогда как славяне предпочитали кремацию. Основываясь на этих, а также на исторических и антропологических данных, проанализированные останки признают древнебулгарскими.

На сегодняшний день изучены генофонды популяций татар трех регионов — крымских, поволжских и сибирских. Эти группы с генетической точки зрения оказались разнообразными, для них общий предковый генетический компонент не найден. Так, у крымских татар преобладает вклад переднеазиатского и средиземноморского населения. В генах поволжских татар превалируют варианты, характерные для Приуралья и Северной Европы, встречаются также переднеазиатские и центральноазиатские линии. Популяции сибирских татар еще разнообразнее: в одних значителен сибирский компонент, в других — генетические линии из Юго-Западной Евразии. Как видим, общность происхождения татар из трех регионов отсутствует. И это несмотря на то, что их объединяет язык (тюркский) и вера (ислам, за исключением крышен).

В генофонде татар Альметьевского и Елабужского районов Татарстана преобладают западноевразийские гаплогруппы мтДНК (H, U, T, J, W, I, R, N1). У казанских татар и мишарей митохон-

мтДНК включает западно-евразийский компонент (84%), а восточно-евразийский компонент составляет 16%. Казанских татар, мишарей и кряшен объединяет высокая (более 60%) доля наиболее частых гаплогрупп Y-хромосомы — I1-M253, N1c-LLY22g, R1f-M198. Сочетание названных гаплогрупп характерно для населения Урало-Поволжья и севера Восточной Европы. Преобладание этого компонента может указывать на сохранение в генофонде татар Поволжья дотюркского автохтонного (или, во всяком случае, дозолотоордынского) населения региона [Балановский 2015; Балановская и др. 2016].

Анализ полиморфизма митохондриальной ДНК и Y-хромосомы у казанских и туймазинских татар показал, что большинство обнаруженных гаплогрупп мтДНК характерно для народов Западной Евразии. Доля восточно-евразийского компонента у них мала — 11,4% и 23% соответственно. Мажорными гаплогруппами Y-хромосомы в обеих субпопуляциях являются R1a-Page07, N-M231 и I-M170. Притом у туймазинских татар, в отличие от казанских, относительно высока частота гаплогруппы R1b-M269. А это указывает, по всей видимости, на эффект основателя в этой субпопуляции. Западно-евразийский компонент в изученных популяциях представлен гаплогруппами H, HV1, I1a, J1, K1, N, R2, T1a, T2, U1, U2, U4, U5, U5a, U5b, U8, V, V7, V13, W1, W3, W6, X2, Y1. Из них с максимальной частотой встречается гаплогруппа H. Она относится к числу самых распространенных гаплогрупп мтДНК в Евразии. Ее частота составляет 40–50% всех гаплогрупп в большинстве стран Европы и около 20–30% гаплогрупп Ближнего Востока и Кавказа. У казанских татар ее частота составляет 20,8%, а у туймазинских — 25,2% [Трофимова и др. 2013: 1466–1468]. Генетические исследования татар Среднего Поволжья и Приуралья, проведенные Институтом истории им. Шигабутдина Марджани в 2017–2020 гг., подтверждают сказанное. Согласно им, 30% субкладов у татар составляют восточноевропейские линии. В то же время центральноазиатские субклады занимают 9%. Такие незначительные линии объясняются монгольской и кыпчакской экспансией [Акчурин и др. 2021: 7–8].

При рассмотрении гаплогруппы C-M130 обнаружилось, что она имеет азиатское происхождение. Так, самые высокие частоты этой гаплогруппы оказались среди бурят (83,6%), а также эвенков, нанайцев, ительменов и монголов. Среди народов Кавказа гаплогруппа C-M130 встречается с наибольшей частотой у карногайцев (10,5%) и у кубанских ногайцев (8,1%), у кабардинцев

и адыгейцев. Что касается волго-уральских татар, то у них эта гаплогруппа встречается с крайне низкой частотой (порядка 2%), а у башкир — довольно редко или не наблюдается вовсе. Таким образом, восточноевразийское и центральноазиатское влияние на народы Кавказа и Поволжья незначительное [Кутуев и др. 2010: 18, 21, 23].

Результаты филогенетического анализа популяций татар с представителями монголоидного типа указывают на наличие общего кластера между этими двумя этнографическими группами татар, образованного казахами и каракалпаками с одной стороны и ногайцами с другой. Такая ситуация может говорить не только об их общей языковой принадлежности (тюркоязычной), но и общих этногенетических связях, особенно в составе Золотой Орды [Кравцова и др. 2011: 235].

Уровень генетических различий между субпопуляциями татар Республики Татарстан выше, чем у чувашей, и приближается к таковому у башкир [Васильева и др. 2013: 3]. Анализ популяционной структуры поволжских татар по данным о разнообразии мтДНК, в частности, показал, что татары Азнакаевского района не отличаются от башкир, а татары Буинского района — от чувашей. Авторы исследований объясняют это близостью азнакаевцев к Башкортостану, а буинцев — к Чувашии [Денисова и др. 2011: 389]. Однако нельзя сбрасывать со счета и тот факт, что буинские татары (в том числе мишари) — это, по сути, ассимилированные чуваше.

АНТРОПОЛОГИЯ

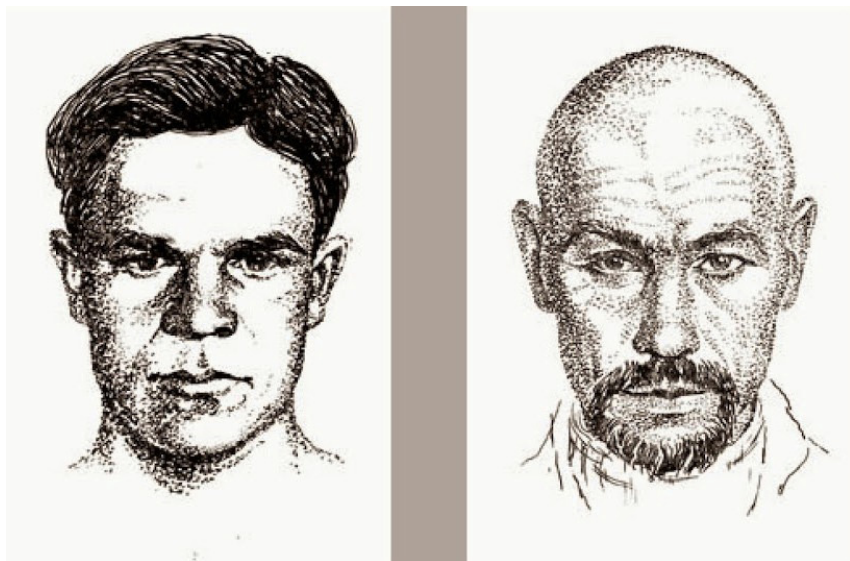

Рис. 19. Антропологические типы казанских татар // Какой цвет кожи у татаров — фото презентация (korenovsk-rc.ru)

В составе поволжско-приуральских татар выделяют четыре антропологических типа.

1. Понтийский тип — это мезокефалии, темная или смешанная пигментация волос и глаз, высокая переносица, выпуклая спинка носа, значительный рост бороды. Рост средний.
2. Светлый европеоидный тип — овальная форма головы, светлая пигментация волос и глаз, среднее или высокое переносье, среднеразвитая борода и средний рост. Ряд морфологических особенностей (строение носа, размеры лица, пигментация) сближает этот тип с понтийским.
3. Сублапоидный (волго-камский) тип — овальная форма головы, смешанная пигментация волос и глаз, широкое и низкое переносье, слабый рост бороды, среднеширокое лицо.
4. Монголоидный (южно-сибирский) тип — брахикефалия, темный оттенок волос и глаз, широкое и уплощенное лицо,

слабое развитие бороды. Рост средний [Кравцова, Газимзянов 2011: 15–18, 154].

Антропологи видят связь понтийского типа с салтово-маяцкой культурой. Этническая основа поволжских татар сформировалась в Волжской Булгарии. Татары этого региона проявляют несомненную близость к чувашам и узбекам, что говорит о тесном переплетении двух рас — европеоидной и монголоидной.

Понтийский тип, по данным Т. А. Трофимовой, у исследованных татар преобладает — 33,5% [Трофимова 1948: 34]. Он чаще встречается у татар и мишарей Чистопольского и Наровчатовского районов. Особенностью этих мест является населенность чувашами и мишарями, а также высокая взаимная ассимиляция (и даже унификация) за последние века.

Современные антропологи, анализируя краниологические серии волжских булгар домонгольского периода, выделяют морфологические комплексы, которые впоследствии прослеживаются в антропологическом облике поволжских татар. Антропологические материалы по эпохе Казанского ханства и последующим периодам свидетельствуют об их генетической близости к болгарскому населению. Выходит, антропологическая структура татар Среднего Поволжья и Приуралья складывалась в общих чертах еще в домонгольское время [Газимзянов 2001: 37]. Отсюда следует, что волжские татары являются наследниками булгар, формировавших антропологический тип в кавказский период своей истории. Краниологические данные также показывают положительную связь волжских булгар и балканских болгар.

На Кавказе и в южнорусских степях кочевники-булгары, перейдя к оседлости и живя бок о бок с аланами, держались обособленно и сохраняли свой этнический тип. Верхнечирюртовская серия черепов имеет небольшую монголоидную примесь, что характерно и для болгарской краниологической серии Большетарханского могильника, а также для болгарских черепов могильника Нови-Пазар в Болгарии [Фёдоров, Фёдоров 1978: 59, 62].

Выяснилось, что краниологическая серия из Дмитриевского комплекса в целом характеризуется чертами аланского (верхнесалтовского) антропологического типа: долихокранный тип черепа со средним продольным и малым поперечным диаметрами, средней высотой, резко выраженной горизонтальной и вертикальной профилировкой лица. «Анализ показателей полового диморфизма и степень изменчивости краниологических признаков

позволяют говорить о незначительной примеси людей болгарского (зливкинского) типа» [Бужилова 2010: 856].

Неоднородная антропологическая примесь татар отражает картину их исторического пути. Здесь есть европеоидный пласт (западносибирские татары), уральский длинноголовый монголоидный компонент, темный брахицефальный европеоидный и понтийский (в Чистопольском районе) типы. Среди всех исследованных татар преобладает темный европеоидный (понтийский) тип (33,5%) [Трофимова 1949: 231]. Однако следует помнить, что в Чистопольском и Нурлатском районах большой процент мишарей и чувашей. Как известно, понтийский тип характеризуется относительной длинноголовостью, темной или смешанной пигментацией волос и глаз, выпуклой спинкой носа, значительным ростом бороды. Этот тип представлен более чем у трети татар — от 28% у крышен Чистопольского района, до 61% у мишарей Нарочатовского и Чистопольского районов. Этот тип у сибирских татар неизвестен. В палеоантропологическом материале он хорошо выражен у домонгольских булгар, среди современных народов — у карачаевцев, западных черкесов восточной Болгарии, у местного болгарского населения, а также у части венгров [Халиков 1989: 34–35]. Сопоставление черепов тюркских племен, входивших в состав Золотой Орды, с черепами чувашского типа приводит к отрицательным результатам. Черепа кочевников, во-первых, шире и брахицефальнее, во-вторых, у них значительно более покатые лбы. Лица шире, и, если даже принять во внимание европеоидную примесь, носы у них все-таки более выступающие. Что же касается булгар, то характерный для них комплекс признаков не улавливается в составе чувашей. Во всяком случае, по краниологическим данным [Алексеев 1971: 249].

Что касается крышен Поволжья и Урала, то они представляют сложные в расовом отношении группы. Как правило, живут не компактно, а удаленно, небольшими сообществами, что говорит о запутанности их этнической истории. У крышен превалирует европеоидный компонент, в меньшей степени выражен монголоидный [Макеева 2015: 62].

Судя по данным краниологии, южноевропеоидный компонент в формировании татароязычного населения Волго-Уральского региона прослеживается на территории Среднего Поволжья не ранее второй половины I тыс. н. э. и может быть обусловлен появлением раннебулгарских племен [Макеева 2015а: 120].

Антропологические отличия чувашей от татар видны невооруженным глазом. Поэтому Карл Фукс справедливо писал: «Чуваши весьма различествуют от татар и лицом и станом и даже отличаются от всех финских поколений» [Фукс 1840: 119]. По данным палеоантропологов, жители Булгара не были предками чувашей, т. к. отличались по многим характеристическим признакам. «Булгарские черепа более низкоорбитны, широконосы, лицо шире и абсолютно и главным образом относительно, т. к. оно вместе с тем ниже, чем у чуваш» [Дебец 1932: 56]. С антропологической точки зрения генетическая связь чувашей с булгарами на том материале, который был в распоряжении М. С. Акимовой, также не подтверждается [Алексеева 2004: 51].

Рис. 20. Выставка сокровищ хана Кубрата, первая экспозиция Государственного Эрмитажа в Казани // Тайны Великой Болгарии и сокровища Кубрат хана | Миллиард Татар | Дзен (dzen.ru)

Археологические находки связывают Волжскую Булгарию с Северным Кавказом (в первую очередь с Дагестаном). В верхнечирюртовских могильниках костяки лежат в вытянутом положении на спине, руки расположены вдоль туловища, ноги скрещены в голених. Все эти признаки характерны для погребального обряда ранних булгар: в таком же положении находились костяки в погребениях Большетарханского могильника (Волжская Булгария) и могильника Нови-Пазар (Дунайская Булгария). Ориентировка во всех этих памятниках западная, с некоторыми отклонениями к северу и югу [Фёдоров, Фёдоров 1978: 56, 60, 82].

Мнение Я. А. Фёдорова, Г. С. Фёдорова, В. Ф. Генинга, А. Х. Халикова и Е. А. Халиковой о сходстве некоторых видов керамики Агач-калы (Буйнакский район Дагестана) с изделиями Танкеевского могильника (Спасский район Республики Татарстан), относящегося к раннебулгарским памятникам, вполне обоснованно. Наиболее ранние погребения Танкеевского могильника были сосредоточены у реки, а периферию занимали мусульманские захоронения. Между ними располагались промежуточные по времени могилы.

Танкеевский могильник дает возможность в известной мере проследить тот сложный этногенетический процесс, который происходил на Средней Волге в период сложения Волжской Булгарии, когда на протяжении веков, начиная с VIII–IX вв., в период крушения древних родоплеменных традиций из конгломерата разных племен постепенно складывался народ, вошедший в историю под названием волжских булгар [Халикова 1971: 93].

Предметы, найденные в центре Волжской Булгарии (например, в могильнике на Бабьем бугре городища Булгары), указывают на прямое продолжение северокавказской археологической культуры конца I — начала II тысячелетия н. э. А. М. Ефимова в числе них назвала бронзовое зеркало, серебряные серьги, ножницы. Затем форма серег, мотивы и технические приемы их отделки получают отражение в ювелирном искусстве казанских татар [Ефимова 1960: 191].

Деревни Пальцино Ульяновской области и Тарновка Самарской области относятся к южной периферии Волжской Булгарии. При раскопках наряду с материалами городецкой культуры здесь обнаружены вещи, характеризующие новую этническую волну приазовских булгар. Найденная грубая лепная керамика позднего городецкого типа V–IX вв. встречается наряду с раннебулгарской желтого и коричневого цветов [Смирнов, Мерперт 1955: 52].

Строительство в середине 2-й половины X в. каменной части соборной мечети в Биляре и кирпичных и кирпично-каменных зданий в городах Булгарии совпадает с новой волной переселенцев из Хазарии, которые, по мнению Х. Г. Надыровой, и принесли в регион опыт массового производства сырцового и обожженного кирпича. Диапазон габаритов сырцовых и обожженных кирпичей Булгарии практически аналогичен размерному ряду кирпичей в постройках крепостей Хазарского каганата (Семикаракорской, Саркельской и др.) [Надырова 2010: 29]. Вместе с тем известно, что здания из обожженного кирпича в Хазарии возводили только для каганов. Поэтому практически все каменные здания в булгарских городах, первоначально принимавшиеся за дворцы и жилища знати, теперь считают банями-хаммамами. Кроме того, поволжские кирпичи по размерам отличаются от среднеазиатских.

Археологи пишут о салтово-маяцких истоках культуры волжских булгар. Самые ранние булгарские памятники в Среднем Поволжье они связывают со второй половиной VIII — IX в. С них, по сути, начинается история волжских булгар. В круг ранних па-

мятников включаются I Больше-Тарханский могильник у села Большие Тарханы, II Больше-Тарханский могильник, Маклашевское II городище и Девичье городище. Все они находятся на территории Республики Татарстан. Аналогичные материалы найдены в погребениях у с. Малая Кондрать Ульяновской области. Как на перечисленных объектах, так и в Верхне-Салтовском могильнике и цимлянских поселениях по среднему течению Дона найдены кувшинообразная посуда с характерным низким приплюснутым туловом и грубые плоскодонные лепные горшки. Эти же предметы широко представлены в Дмитриевском могильнике VIII–IX вв. и в Саркеле. «Принесшее из салтово-маяцкой культуры керамику население было разноплеменным по происхождению, но тесно связанным с болгарским союзом племен, непосредственно предшествующим возникновению салтово-маяцкой культуры... Почти все ее содержание по керамическому материалу в рассматриваемое время отразилось и в Волго-Камье» [Хлебникова 1984: 128].

Что касается самой салтово-маяцкой археологической культуры, то она прекратила свое существование к началу X в. Нижней границей существования Дмитриевского комплекса считается середина VIII в., а Маяцкого — конец VIII в. Все эти даты хронологически увязываются со временем ухода булгар на Волгу. На курганном могильнике у Новочеркасска найдена золотая монета середины VIII в., что также указывает на кипучую жизнь в это время.

Очень важен вопрос и о первом проникновении булгар в Среднее Поволжье. Появление их на Волге документируется археологическими материалами, найденными как на городищах, так и в могильниках. Они очень характерные — как в плане обряда, так и инвентаря. Речь идет о тех типичных признаках, которые известны по памятникам на территории Дунайской Болгарии, где были открыты могильники аспаруховых болгар. Пришедшие на Волгу булгары стали доминирующими в политическом, культурном и языковом отношениях [Смирнов, Мерперт 1955: 52–53]. Наиболее ранними могильниками булгар на Среднем Поволжье являются Кайбельский, Большетарханский и II Уреньский некрополи, расположенные в юго-западной части будущей Волжской Болгарии. Для них характерна лепная плоскодонная горшковидная керамика степей Юго-Восточной Европы и круговая посуда салтовского облика, заимствованная у алан. Погребения имеют западную ориентировку, сопровождаются характерными для

кочевников предметами конского снаряжения, саблями, колчанами, стрелами, огнивом. Детские и женские захоронения бедные. Основная масса захоронений ни по обряду, ни по инвентарю не отличается от соответствующих комплексов салтовской культуры [Казаков 2002: 187]. К настоящему времени есть твердая уверенность в том, что население салтово-маяцкой археологической культуры в основном составляли аланы, болгары и савиры/сувары [Багаутдинов, Хузин 2006: 120]. Должно быть, мадьяры также были в орбите данной культурной общности.

Металлографические исследования коллекции кузнечных изделий, происходящих из Больше-Тарханского могильника, показывают, что этот памятник принадлежал раннебулгарским кочевникам, осваивавшим в VIII–IX вв. правобережные районы Среднего Поволжья. Ученые прослеживают истоки большетарханской группировки на территории салтово-маяцкой культуры. Видимо, часть изделий привезена кузнецами салтово-маяцкого очага железообработки, а другая могла быть произведена на месте. Большетарханские кузнецы в основном применяли традиционные для салтовской железообработки технологические приемы. Среди наиболее часто встречающихся изделий — ножи, наконецники стрел и кресала [Семыкин 2009: 213, 224, 225].

В VIII в. в Западном Поволжье появляются серьги с бусинками и подвески салтовского типа. В женском погребении найдена форма для отливки салтовской серьги в виде разомкнутого овального кольца с привеской в виде бус. Подобные серьги распространились по рекам Цна, Мокша и Сура. Они сохраняются и в IX в. В X в. на р. Оке встречаются монеты болгарской чеканки и множество болгарской круговой посуды [Белорыбкин 2003: 79–80].

За все время работ археологов не выявлено каких-либо крупных селищ болгар IX — первой четверти X в. с мощным культурным слоем. Имелись только временные и сезонные стоянки [Казаков 2017: 158]. А это говорит о том, что все города, особенно с каменными строениями, относятся к более позднему периоду.

В поселениях Самаро-Симбирского Поволжья, определяемых концом VIII — IX в., выявлены предметы салтовского типа. На Самарском левобережье найдены фрагменты причерноморских амфор. Видимо, переселенцы обитали здесь с оставшимися представителями именьковского населения [Сташенков 2010: 118–120]. Как верно констатируют археологи, болгары, придя в Среднее Поволжье в конце VIII в., смешались с носителями именьковской и городецкой культур [Фахрутдинов 1986: 80].

Памятниками, явно свидетельствующими о взаимодействии именьковского населения с булгарами, являются городище Пролетарское (Самарское Поволжье) и поселение у с. Балымеры (Татарстан). В верхних слоях первого памятника, датированного VIII в., наряду с именьковской керамикой содержится глиняная посуда салтово-маяцкой и кушнаренковской культур. Поселение у с. Балымеры изначально принадлежало именьковскому населению, а в X–XI вв. — булгарам. Население этого города было смешанным, о чем говорит не только сосуществование булгарской и именьковской керамики, но и ритуальные сооружения аборигенов.

Археологи говорят о перенимании булгарами у именьковцев полужемляночных жилищ и зерновых ям колоколовидной формы. А керамика была привнесена в Поволжье извне. Булгарская керамика более многообразна, качественнее в технологическом отношении, богато орнаментирована. Исходные формы кувшинов, корчаг, кувшинообразных и стаканообразных сосудов, как и элементы орнаментации, идут из салтово-маяцкой культуры. А до булгар на этом месте доминировали горшковидные сосуды.

Исследователи пахотных орудий Восточной Европы подчеркивают, что булгарские наральники полностью идентичны именьковским, их можно рассматривать как продолжение традиции именьковского земледелия. С этого времени почти не изменился состав культивируемых злаков. А сопоставление технологий сельскохозяйственного производства волжских булгар и Древней Руси выявляет их заметное различие. Например, на Руси широко распространены были посевы озимой ржи, а в Волжской Булгарии в X–XIII вв. она неизвестна вовсе. Здесь культивировалась исключительно яровая рожь. Одной из основных культур в Булгарии была полба, а на Руси на ее долю приходился незначительный процент. Серпы, косы-горбуши, каменные жернова булгар эволюционировали из именьковских. В то же время наплыв населения из салтово-маяцкого ареала в большей степени способствовал быстрому подъему ремесленного дела. В целом сельское хозяйство волжских булгар имело преимущество перед другими народами в силу многовековых традиций.

Вполне справедливо было отмечено: как индивидуальные находки, так и керамический материал средневековых селищ северной и центральной Чувашии указывают на XIII–XIV вв. Притом отдельные оппоненты отмечали, что эти памятники неправомерно считать булгарскими, в них лишь чувствуется влияние культуры

Булгарского государства. В. Ф. Каховский и А. П. Смирнов признавали, что в памятниках бассейнов рек Большой Цивиль и Малый Цивиль удельный вес материальных остатков булгарской культуры не является преобладающим, а основным является позднегородецкий элемент. Принципиальным, по их мнению, являлся факт интеграции двух компонентов, а не просто влияние булгарского на позднегородецкий [Михайлов и др. 2015: 33].

На городище Сувар местными крестьянами в XIX в. найдено много вещей, представляющих археологический интерес. Это серебряная тарелка, кувшин с монетами, куски серебра, серебряный браслет, медный молоточек (конец которого служил печатью с надписью), женское украшение и медный кистень с надписью и т. д. Здесь крестьяне при разрытии погребов наталкивались на могилы. В погребениях скелеты находились в сидячем положении [Ахмаров 1893: 480–481].

В XI — начале XIII в. в Волжской Булгарии преобладал мелкий рогатый скот. Из-за запрета мусульманской религией употребления в пищу свинины численность этих животных резко уменьшилась. Однако кости свиньи зафиксированы при раскопках целого ряда булгарских поселений: в Болгаре, Биляре, Хулаше, Березовском, Муранском, Мало-Сундырском и других поселениях. А в золотоордынских слоях Булгара они уже полностью отсутствуют. Представляется вероятным, что жителями поселений, употреблявшими в пищу свинину, были потомки местных земледельцев, для которых разведение этих животных было традиционным. Но в процессе мусульманизации они тоже отказались от свиней. Таким образом, Булгарское городище было основано не на пустом месте, а в зоне концентрации именьковского населения. Дань, поборы и грабежи, осуществляемые булгарами, привели к значительному понижению уровня жизни, к обеднению оседлого аборигенного населения.

Анализ керамики домонгольского периода Волжской Булгарии позволил Т. А. Хлебниковой утверждать, что горшки с цилиндрическим горлом, с горлом в виде раструба наружу, а также высокие тулова горшков восходят к формам горшков местного населения. Биконические и цилиндрические пряслица булгар также издавна бытовали у носителей культуры именьковского городища. Более того, лепная посуда, игравшая большую роль в сельской местности Булгарии, продолжала традиции керамического производства племен, обитавших в Среднем Поволжье к моменту появления здесь булгар [Хлебникова 1962: 139–142]. Выходит, по-

томки местного населения к началу XII в. окончательно влились в болгарский этнос.

В этногенезе волжских болгар участвовало довольно многочисленное местное земледельческое население, представленное именновской культурой, т. е. славяне. Последние, очевидно, и придали болгарской культуре земледельческий облик с самого начала ее развития. Это население импульсировало постепенную смену кочевого образа жизни пришлых болгар на оседлый, участвовало в становлении городской жизни [Седов 2001: 10].

При этом были обнаружены находки, свидетельствующие о том, что уже в конце XII — начале XIII в. на месте Чебоксар появилось болгарское поселение [Михайлов и др. 2015: 33]. Сумма находок позволила В. Ф. Каховскому считать, что вся территория Чувашской Республики входила в состав Волжской Болгарии уже в IX–X вв.

Раскопки на городище Сувар позволяют приурочить время уничтожения нижнего укрепления с восьмигранной башней к нашествию Субутая в 1236 г. [Смирнов 1941: 140]. Раскопки, производившиеся на территории городища Булгар, дали в основном материал золотоордынского времени. Это архитектурные обломки и бытовые вещи. Первые относятся к XIV в., вторые включают керамику золотоордынского времени и обломки китайского фарфора, датируемого XII–XIV вв. Таким образом, расцвет Булгара относится к XIII–XIV вв. Во второй половине XVIII в. академическая экспедиция под руководством П. С. Палласа выполнила первые зарисовки остатков Булгарского городища.

Учитывая вышесказанное, приходим к выводу, что домонгольские болгары и казанские татары демонстрируют непосредственную преемственность культур.

РЕЛИГИЯ

Рис. 21. Молитва // Картинки религии татар (stylishbag.ru)

Захария Ритор определил бургар по состоянию на середину VI в. как варваров, придерживающихся старых форм обрядности и верований [Захария 2011: 595]. Прав был и Бернат Мункачи, говоря о распространении ислама. Он предполагал, что булгары столкнулись с элементами ислама на Кавказе, а приняли эту веру на Волге [Munkácsi 1926: 42–64]. Но до появления на Волге некоторые булгары были знакомы и с христианством. Так, в 619 г. в Константинополе были крещены правитель онногундуров Кубрат и его дядя Органа. Кубрат был даже удостоен чина патрикия в начале 630-х гг. [Никифор 1950: 359; Jean 1883: 580]. Однако преемники Кубрата и народ остались в прежней вере.

Археологические следы ислама прослеживаются во второй половине IX в. в погребениях Танкеевского могильника (Спасский район Республики Татарстан). Здесь обнаружены перстни с арабскими надписями. Археологи даже полагают, что «ислам получил распространение в этом регионе уже с VIII–IX вв.» [Измайлов 2009: 49].

В доказательство решимости Алмуша принять ислам можно привести следующий эпизод из Мешхедской рукописи: «Воистину, Аллах могучий и великий даровал мне ислам и верховную власть повелителя правоверных, и я — раб его (Аллаха), и это — дело, которое он возложил на меня» [Ибн-Фадлан 1956: 139]. После официального принятия имени Джа'фар *хатиб* 'проповедник' провозгласил *хутбу* 'проповедь': «О Аллах! Сохрани [в благополучии] раба твоего Джа'фара ибн-'Абдаллаха, повелителя [эмира] болгар, клиента повелителя правоверных» [Ибн-Фадлан 1956: 133]. Иначе говоря, Алмуш-Джа'фар с этого момента стал называться уже не царем болгар, а их *эмиром* 'повелителем'. Ибн Фадлан как Алмуша, так и других князей племен Волжской Булгарии называет *малик*, т. е. 'вождями племен'. Следует учесть, что исламизация болгар отвечала коммерческим интересам династии Саманидов.

Комментируя данный эпизод, И. В. Дубов справедливо пишет, что речь идет, прежде всего, о политической и религиозной ориентации Булгара на Арабский халифат [Дубов 1989: 150]. Добавим: официально принимая имя повелителя правоверных, Джафар, т. е. Алмуш, естественно, не стремится этим понравиться Востоку и выгадать деньги на крепость. Намерения его более серьезные: установить в стране в качестве государственной религии ислам, соблюдая все формальности. Действительно, религиозная монополия обеспечила бы великому князю подчинение племен с разными верованиями и объединение их вокруг единобожия. Таким образом царь рассчитывал убить двух зайцев: покончить с феодальной раздробленностью и сформировать единую силу против внешних врагов, в первую очередь против мощной в то время Хазарии. Именно религиозные мотивы стали поводом для отказа царя болгар отдать свою дочь хазарскому кагану («он иудей, а она мусульманка»).

В связи с толкованием причины принятия Волжской Булгарией ислама, как мне представляется, звучит сомнительно замечание Б. В. Каховского. Он пишет, что болгарскому царю якобы нужны были от мусульманского правителя реальные средства, а не их «магическая» символика. Будто Алмуш дал знать, что посольство могло бы и не приезжать, раз не доставило денег [Каховский 1983: 27–28]. Выходит, великому князю нужны были деньги для возведения крепости. Да, ему они были необходимы, но как символ-благословение. Ведь единая вера в государстве гораздо дороже денег. Это прекрасно понимал Алмуш.

Впрочем, вот диалог писаря миссии Ибн Фадлана с Алмушем:

«Государство твое обширно, [денежные] средства твои изобильны и доход твой многочислен, так почему же ты просил государя, чтобы он построил крепость на доставленные от него деньги, которым нет числа?» Он же сказал: «Я полагал, что Держава Ислама приносит счастье, и их [денежные] средства берутся из дозволенных [религиозным законом] источников. По этой причине я и обратился с просьбой об этом. Право же, если бы я захотел построить крепость на свои средства, на серебро или золото, то, конечно, для меня в этом не было бы никакой трудности. Право же, я только хотел получить благословение от денег повелителя правоверных и просил его об этом» [Ибн-Фадлан 1956: 141].

Как видим, первоисточник не оставляет места сомнениям.

Масуди описывал событие, связанное со стычкой хазарских мусульман с русами. Оно происходило в 912 г. или же сразу после. Большинство исследователей относит его к 913 г. Но явно до 922 г. русы на судах по Хазарской реке спускались до г. *Атиля*, выходили в Хазарское море и совершали нападения на прибрежные города. Как писал Масуди, русы проливали кровь, делали, что хотели, захватывали имущество. Тысячи мусульман были убиты. Прибрежные народы были в смятении. Когда мусульмане Хазарского царства узнали об этом, они обратились к царю с просьбой позволить им дать отпор русам и отомстить за кровь братьев-мусульман. Битва между ними длилась три дня. Русы были преданы мечу, убиты и утоплены. Спасшиеся из них в количестве 5000 воинов пошли к стране буртасов. «Некоторые из них были убиты буртасами; другие попали к бургарам-мусульманам, которые [также] поубивали их» [Масуди 1963: 201]. Нам в данном описании важно выделить, что бургар/булгар Масуди называет мусульманами. Речь, конечно, идет о поволжских булгарах. Это происходило лет за десять до арабской миссии. Выходит, еще до Ибн Фадлана они имели контакты с мусульманским миром, а некоторые из них приняли ислам. Также сообщается, что в Булгарии еще до прибытия посольства имелись муэдзины, были в употреблении молитвы, предписываемые исламом. На основе источников Д. А. Хвольсон делал допустимое предположение о знакомстве булгар с мусульманством с 912 г. [Хвольсон 1869: 8].

По поводу принятия булгарами ислама имеются отсылки к более ранним периодам. На раскопках Новгорода выявлен дир-

хем 907 г. с именем Джафара ибн Абдаллаха. Нумизмат С. А. Янина и археолог Р. Г. Фахрутдинов обоснованно считали, что это имя Алмаса, правителя Булгарии [Янина 1962: 182–184; Фахрутдинов 1986: 100]. Предполагаемую дату косвенно подтверждает Ибн Русте (умер в 903 г.). Он писал, что царь Булгарии Алмуш исповедовал ислам. Он также заметил, что в стране имелись мечети и начальные училища с муэдзинами и имамами. Даже одежда и кладбища у болгар выглядели как у мусульман. Белые круглые дирхемы пришли к ним из мусульманских стран. Придерживающиеся своих древних традиций люди при встрече с булгарами-мусульманами поклонялись им [Ибн-Даста 1869: 22–25]. Д. А. Хвольсон напоминал о распространении в начале X в. в Булгарии не только ислама, но и наук, известных мусульманам. Несколько лет спустя после Ибн Фадлана Ал-Бекри уже уверенно утверждал, что царя болгар зовут Алмас, а исповедует он ислам [Ал-Бекри 1879: 63]. Несомненно, арабскую миссию Алмуш пригласил для официального закрепления уже предпринятых в сторону ислама шагов. Ведь он еще в 907 г. носил мусульманское имя Джафар и даже чеканил монеты под этим именем. Если учесть, что еще Ибн Русте писал о приверженности Алмуша исламу, то приходится говорить о дате не позднее 903 г.

Особый интерес представляет факт сопротивления царя болгар при сватовстве его дочери царем Хазарии. Арабский писарь об этом пишет так: «Тогда царь хазар завоевал ее силой, хотя он еврей, а она мусульманка» [Ибн Фадлан 2016: 42]. Выходит, еще до Ибн Фадлана дочь царя болгар была мусульманкой. Трудно сказать, в каком году это было. В источнике говорится весьма уклончиво: «Как-то давно...» Нам также неизвестно достоверно, в каком году было сделано приглашение багдадской миссии посетить Булгарию. Понятно, что оно было отправлено после выдачи второй дочери за царя племени эскель, т. е. явно раньше, чем в 921 г.

Как и любая новая религия, ислам насаждался среди населения Булгарского царства насильственно [Денисов 1959: 73]. Известно, например, что болгары вели против соседних буртасов джихад. А непослушным суварам Алмуш пригрозил мечом. Конечно, стратегически войны на земле в основном велись для завоевания новых территорий и захвата военной добычи. В данном случае «идеологическим оправданием войн служило стремление распространить ислам среди других народов Поволжья и Приуралья» [Измайлов 2008: 191].

Ибн Фадлан, как миссионер, называет иноверцев-суваров «отребьем». Впрочем, от ислама отвернулись не только сувары, так поступила и часть эскэлов. Да и сам Ибн Фадлан преувеличивал значение посольства в деле утверждения в стране ислама.

Археологические поиски подтверждают интенсивную исламизацию населения Волжской Булгарии в X–XIII вв. Например, для этого времени характерно практически полное отсутствие костей свиньи. На Билярском городище за время раскопок 1967–1971 гг. всего обнаружено почти 10 000 костей. Среди них не выявлено костей свиньи вообще. Нет их и в других памятниках. Исключения составляют отдельные кости свиньи, найденные близ усадьбы русского ремесленника. А это свидетельствует о повсеместном и строгом следовании булгар предписаниям и запретам ислама.

Еще более выразительно подтверждают распространение ислама могильники волжских булгар. Это неглубокие ямы, встречающиеся в некоторых чувашских деревнях подбои, отсутствие в гробу и в могиле сопровождающих вещей. В свою очередь, все это свидетельствует о растворении различных этнокультурных и племенных групп в мусульманской среде. Естественно, как отдельные люди, так и целые группы, принимая ислам, становились булгарами. Таким образом, в средневековой Булгарии был распространен ислам с некоторыми региональными особенностями. К рубежу X–XI вв. ислам стал государственной религией и охватил все слои общества. Некоторые небольшие поселения православных русских и армян-монофизитов, имевших свои торговые колонии в Булгарии, оставались вне влияния булгарского этноса и ислама. Также на перифериях отдельные группы населения сохраняли свои древние обычаи погребения [Измайлов 2011: 34–51]. В принципе, такое видение в основном отражает реалии.

Конечно, следует обратить внимание еще на одно важное обстоятельство. Все евразийские кочевники, массово обращенные в новые религии (такие как уйгуры, хазары, волжские булгары, огузы, сельджуки, карлуки), к этому времени имели государства, были организованы в племенные союзы или находились в стадии становления государственности. Как верно отмечает Питер Голден, «новая религия могла функционировать в качестве объединяющей силы, средства идеологического дистанцирования, символа независимости, и все это помогало процессу формирования государства» [Голден 2008: 334].

В *Булгāре* все жители — мусульмане, сообщает рукопись «Худд ал-‘Алем», повествуя о событиях X в. [Minorsky 1970: 163]. Согласно Ал-Истахри, болгары, живущие Булгаре, были мусульманами. В столице Волжской Булгарии находилась соборная мечеть. В Суваре она также была. Об этом сообщил тот, кто совершал хутбу в этих городах. О том, что болгары были мусульманами, писал и Марвази. Однако вокруг были неверные, против которых они совершали походы [Заходер 1967: 37]. В таком утверждении содержится мысль о том, что в *Булгāре* жила верхушка общества в лице священников, купцов и ремесленников. Во второй половине X в. соборная мечеть Булгара располагалась в людной местности — на рынке [Ал-Мукаддаси 1994: 289].

Исламские порядки Волжской Булгарии регулировались из мусульманских центров (Хорезма, Бухары, Хорасана и Багдада). Об этом свидетельствуют Ал-Омари, Ибн-Хаукал и другие источники. Например, в Булгарии из-за коротких ночей отменили вечерние молитвы (*азаны*). Разрешение на это было получено от бухарского правоведа [Заходер 1967: 44].

В 949–952 гг. в Суваре чеканились серебряные монеты булгарского царя Талиба б. Ахмеда [Бартольд 1968: 516], что лишний раз говорит об усилении исламских корней в Булгарии. Кроме того, состоятельные люди из Булгарии вносили огромные денежные средства для поддержания и развития дела ислама в Средней Азии. Так, эмир Булгарии в 415 г. х. (1024–1025 гг.) увидел сон, под влиянием которого направил деньги государю Хорасана на постройку двух мечетей [Заходер 1967: 46].

Таким образом, религия сыграла важную роль в Волжской Булгарии — она отныне стала одновременно и этнообъединяющей силой, и этноразделительным барьером. При этом наиболее достоверно предположение о том, что ислам распространился в Волжской Булгарии среди купцов и ремесленников. Позже они составили ядро татарского народа. А сельское земледельческое население продолжало придерживаться своих традиционных праздников, обрядов и верований. Часть историков склонна полагать, что оно составило основу, из которой сформировались современные чуваша. Как констатировал А. Ф. Лихачев, «мусульманская религия главным образом укоренилась только в царствовавшей над Булгарией династией и между жителями г. Булгара; масса же народа осталась при своей прежней религии, сохранившейся до наших дней между немногими уже последователями ее» [Лихачев 1876: 3]. Затем аналогичное мнение высказывали

В. Ф. Каховский, В. Д. Димитриев и другие историки. Однако такая мысль требует серьезной корректировки, поскольку предки чувашей — сувары — жили в основном на правобережье, т. е. фактически отдельно от болгар. Поэтому вид деятельности при определении этничности в данном случае ни при чем.

История не любит сослагательного наклонения. Тем не менее следует признать, что вероотступничество верхушки государства, как ни парадоксально, сильно ослабило великую Волжскую Булгарию. Одно из ключевых племен страны, сувары, желая сохранить свою древнюю веру, ушло на правобережье. Теперь Булгария точно не могла противостоять сильным соседям — Хазарии, Руси и Кыпчакии. Как говорится, за что боролись, на то и напоролись. У палки всегда два конца. С этого времени начинается счет годам в сторону упадка Волжской Булгарии, а заодно — болгар как народа. Если бы болгары в 922 г. не приняли ислам, то название этого племени сохранилось бы теперь как название народа, а повода вести дискуссию на предмет того, кто их потомки и кто такие казанские татары, не было бы. Верно (конечно, на ретроспективно-реконструктивном уровне) и положение о том, что сувары вполне могли бы сохранить свой этноним в той форме, как он звучал на начало X в., а заодно и веру и традиционную культуру.

Во времена правления мадьярского герцога Таксони, примерно около 970 г., в Венгрию пришла группа болгар-мусульман под начальством двух братьев — Биллы и Боксу. Чуть позже прибыла еще группа под предводительством Хесена. В Венгрии их называли билерами. Видимо, эти люди были из Биляра (чуваш. *Пӗлӗр*). Всех их встретили дружелюбно и поселили на левом берегу Дуная, где был основан г. Пешт. Переселение их стало следствием набега русов в 968 г. на страны болгар и хазар. Впоследствии в Венгрии они, несмотря на гонения, сыграли важную роль в качестве откупщиков и управляющих финансами [Хвольсон 1869: 108–109].

Согласно летописи, болгары стремились навязать свою новую веру и русам. Так, в 986 г. они пришли к великому князю Владимиру Святославовичу в Киев и предложили ему принять веру мухаммеданскую — «бохмици». А на вопрос: «Како есть вера ваша?», болгарские посланники ответили: «Обрезати оуды таинныя, а свинины не ясти, а вина не пити». Однако такие нормы не понравились Владимиру. «Руси есть веселие пити, не можемъ бес того быти», — ответил он [ПСРЛ 4, 1: 60; 16: 251; 33: 25].

В 435 г. х. (1043–1044 гг.) 10 000 кибиток из неверных тюрок, совершавших ночные набеги на мусульманские города в краях Баласагуна и Кашгара, приняли ислам. Эти тюрки лето проводили в Булгарии, а зиму — в окрестностях Баласагуна. Затем они рассеялись в тех краях, в которых кочевали [Ибн ал-Асир 2006: 335]. Естественно, это событие также сыграло определенную роль в деле утверждения мусульманской религии в Волжской Булгарии. В целом к середине XI в. ислам стал религией подавляющего большинства населения Волжской Булгарии [Руденко 2013: 19]. Впрочем, эту же мысль применительно к первой половине XI в. констатировал Абу Райхан Беруни, назвав булгар мусульманами [Беруни 1975: 100].

В Булгарии жестко контролировали попытки манипуляции религиозным сознанием населения. Об этом свидетельствует житие св. Авраамия (Авраамия), мученика Булгарского. «Сей бысть иного языка, а не рускаго» [ПСРЛ 30: 87; 33: 65]. Авраамий, как христианин, занялся миссионерством и имел успехи. За все это он в 1229 г. в старческом возрасте поплатился жизнью [ПСРЛ 1: 453; 9: 97; Медведев 1878].

По состоянию на конец XII — начало XIII в. жители *Булгāра* исповедовали ислам ханифистского толка [Абу-л-Фида' 2009: 125]. Однако следует иметь в виду и свидетельство венгерского монаха Юлиана. Он в 1236 г. утверждал, что в Великой Булгарии все являются приверженцами народных обрядов и верований [Горелов 2006: 45]. Конечно, Юлиан говорил о южных перифериях Волжского государства, тем более его впечатления не распространяются на Булгар. Возможно, его высказывание относится к юго-западной (т. е. правобережной) части Булгарии, иначе говоря, в основном к суварам. Ибн Са'ид ал-Магриби констатировал, что большинство булгар являются мусульманами, но есть среди них и христиане [Ибн Са'ид 2009: 31]. Должно быть, речь идет о середине XIII в. Уже в 1253 г. фламандский монах-путешественник имел все основания утверждать: «Эти булгары — злейшие сарацины, крепче держащиеся закона Магометова, чем кто-нибудь другой» [Рубрук 1997: 116]. Об исламизации предмонгольской Волжской Булгарии говорят также переход к каменному культовому зодчеству и погребальные обряды могильников. В конце XIII в. в Волжской Булгарии начинают ставить на могилах богатых каменные памятники [Димитриев 2014: 121]. Поэтому констатация типа: «В предмонгольское время исламизация этого государства

зашла достаточно далеко» [Зеленеев 2013: 20, 23, 45], представляется вполне обоснованной.

Из среды болгар в XI–XIII вв. вышла целая плеяда образованных людей, особенно богословов. Среди них Ходжа Ахмед Болгари, Сулейман ибн Дауд аль-Саксини Сувари, Бурхан-ад-дин Ибрахим аль-Ханафи [Баранов и др. 2021: 120].

Исследователи обращают внимание на градостроительную структуру Биляра. Огромная многоколонная мечеть в центре цитадели позволяет предположить, что в основе архитектурно-пространственной организации лежит модель раннесредневекового мусульманского Багдада как центра местопребывания Аллаха на земле. Допускается, что строители из Багдада, прибывшие вместе с посольством, заложили столицу Волжской Булгарии по образцу и подобию аббасидской столицы. Этим можно объяснить округло-квадратный план и гигантские для того времени размеры Биляра. «Определенная аналогия наблюдается в архитектурно-пространственных структурах Биляра и столицы Дунайской Болгарии г. Плиски» [Надырова 2010: 25].

О закреплении ислама в Булгаре свидетельствовал и известный арабский путешественник XIV в. Ибн-Баттута. Так, прибыв в город, он вместе с местными людьми помолился на закате солнца. Затем последовал призыв к вечерней молитве. Были исполнены молитвы *теравих*, *шаф* и *витр* [Ибн Баттута 1884: 297].

В 1323 г. был замучен за веру еще один христианин в Булгаре. Звали его Феодор [ПСРЛ 28: 67]. В рассказе, датированном 731 г. х. (1330–1331 гг.), Булгар назван одним из известнейших городов Кыпчакии. Здесь дело ислама жило и побеждало. Например, в городе была специальная должность для определения времени молитв. Звали этого человека Масуд. Для исчисления точного астрономического времени он активно пользовался инструментами [Эломари 1884: 237]. Повествуя о событиях 1376 г., жителей Булгара Великого летопись именвала бессерменами, а их князей на исламский лад звали Осан и Маахмат Салтан [ПСРЛ 18: 117].

Изложенные и опущенные исторические факты говорят о том, что ислам поспособствовал не только консолидации болгар (а затем и казанских татар) в этническом плане (ибо раз татарин — значит, мусульманин), но и созданию государственной структуры. Поэтому уместны утверждения типа: «Такая религиозно-идеологическая установка, внедрявшаяся в обыденное сознание татар-мусульман столетиями, в историческом плане всегда имела социально-политическое основание, базирующееся на том фак-

те, что в течение ряда веков татары были господствующей этнической общностью региона» [Иванов 2022: 31]

В 1529 г., ровно через три века после казни православного мученика Авраамия, в Казани произошло аналогичное событие. На этот раз страдальцем за веру оказался Иван, пленный христианин из Нижнего Новгорода. Ему предлагали отречься от Христа, но он предпочел мученическую смерть [ПСРЛ 19: 261–262].

Однако говорить, что христианство в Булгарии было гонимо, тоже неверно. Еще в IX в. в здесь имелась колония армян христианского вероисповедания. Их надгробные памятники с письменами найдены у Греческой палаты в Булгаре. Имеются также надгробия армян XIII–XIV вв. Надписи выбиты арабским шрифтом на *р*-языке (*хир* ‘девушка’, *тохур* ‘девять’) и *з*-языке (*кыз*, *токуз*) [Лепехин 1771: 272–283], т. е. на обоих государственных языках.

На территории Волжской Булгарии действовали общенародные святилища. Одно такое было открыто археологами в 2012 г. в Чебоксарском районе. Определяется оно по названию реки как *Шинер киремет* [Березина и др. 2013: 56–65]. К этому времени объект уже был разворован черными копателями. Находки в виде литой фигурки барса, куфических металлических и серебряных дирхемов X–XII вв., ремennых накладок домонгольского периода, а также расположение объекта в северной части Волжской Булгарии позволяют говорить об изначальной принадлежности святилища исламизированным булгарам. Здесь также были найдены кости жертвенных животных (лошадей), русские медные монеты конца XVIII — начала XIX в., каменные жернова. Структуру Шинерпосинского святилища археологи справедливо сравнивают с планировкой культового сооружения, исследованного Г. А. Фёдоровым-Давыдовым на Тигашевском городище в Батыревском районе. К. А. Руденко определяет Шинерпосинский памятник как булгарское племенное территориальное святилище. Хронологические рамки действовавшего *киреметища*, согласно выводам участникам раскопок, — XII–XIX вв. Однако данное святилище как действующее в XX в. было описано В. К. Магницким и Н. В. Никольским. Изначально, видимо, оно действительно было булгарским святилищем. Но после татаро-монголов здесь проводили свои моления только чуваш. В 13 км к юго-востоку археологами был обнаружен еще один культовый памятник Средневековья — Табанарское святилище.

И в XVIII в. при татарских деревнях имелись кладбища, утопающие в зелени. Как булгарские, так и татарские кладбища

располагались за рекой или оврагом. Таким образом люди стремились оградить поселение от духов умерших, которые могли причинить зло живым [Надырова 2010: 28]. Чуваши места захоронений также выбирали в стороне от деревни и больших дорог, обязательным было наличие оврага (речки) между поселением и кладбищем. Точнее, традиционное их расположение — в треугольнике, образуемом ближайшей рекой и впадающим туда оврагом. Конечно, семантика оврага и водной преграды здесь прозрачна: они обозначают границу между этим и тем мирами. Например, в 1987 г. археолог Е. П. Михайлов выявил старое кладбище «Кюльхиринский могильник» в Красноармейском районе, в 600 м на юго-юго-восток от д. Кюльхири, на краю р. Чукатай, левого притока р. Сормы.

Архивные источники утверждают, что в 20-х гг. XX в. татары (в том числе и крещенные) проводили всеобщие полевые моления в знак благодарности божествам за выращенный урожай и благополучие деревни. В этих целях они общими силами резали быков и баранов, варили кашу. Места для жертвоприношений выбирали в стороне от деревни, у речки. Проводили также моления божествам с просьбой послать на землю теплый дождь, так нужный для всходов. Еще в середине XX в. в татарских деревнях можно было записывать легенды о *киреметных* молельных рощах. В ряду старых традиций в XX в. у татар можно было видеть *симек*, *ўле чыккан кѳн*. Не по исламским, а по вековым обычаям проводились ритуалы проводов в иной мир. Такие случаи записаны, к примеру, в поселениях Верхние Меретьяки, Платоновка, Ахметьево, Владимировка (Татарстан), Старые Курбаши Цивильского уезда [ЧГИ 216: 442–443; 309: 21–22, 25; 319: 187–188 об.]. В этом плане поволжские татары, жившие в сельской местности, вписывались в общую религиозную культуру региона. Затем, в XX в., остатки *киреметей* были уничтожены по настоянию мусульманского духовенства как несовместимые с исламом.

Рис. 22. Зажиточные нижегородские татары в национальной одежде // Этнография казанских татар (ya.ru)

В известном письме хана Хазарии Иосифа, в частности, имеются сведения о *булгарах-в-н-н-тр'ах*. Об области венендеров говорится и в труде «*Ḥudūd al-‘Ālam*» [Бартольд 1930: 32]. Еще исследователи XIX в. отождествляли *в. н.н.т.р* с оногурами/унногундурами. Об идентичности оногундуrow и этнонимов *Olhontor Bulkar*, *Vlentur Bulkar*, *Vunundur*, *Wuludur*, *Vununtur*, а также мадьярского наименования балканских болгар как *Nandur/Nandor* пишет и венгерский академик [Róna-Tas 1999: 215]. Об оногурах упоминал и Константин Багрянородный. Так устанавливается связь между раннесредневековой письменной традицией и булгарами Кубрата и Аспаруха, объединяющая их этнонимом «оногундоуры» [Stepanov 2016: 384]. Таким образом, в лице волжских болгар мы имеем и отпрысков оногуров.

Как видим, основная часть оногундуrow образовала ядро протобулгар в Великой Булгарии. Под 635 г. константинопольский

патриарх Никифор записывает Куврата «государем гунно-гундуров» [Никифор 1950: 359]. В оригинале — Οὐνογουνδοῦρον, т. е. не гунно-гундуров, а овноговндоврон, упрощенно — уногундуры. Это является вариантом наименования «оногуры» [Moravcsik 1983: 167] (*он ог — чуваш. *вун йӓх* ‘десять племен’). В некоторых источниках и исследованиях болгар упоминают рядом с котрагами и полагают, что эти племена одного происхождения [Феофан 1980: 60]. Однако надо отметить, что вошедшие в состав болгарского союза оногуры, кутигуры и другие этнические элементы не смогли в корне изменить этническую идентичность в широком смысле.

После смерти Атиллы (453 г.) входившие в гуннскую конфедерацию болгары начинают появляться в источниках под своим этнонимом чаще. Тем не менее, рассказывая о событиях второй половины V — первой половины VI в., связанных с гуннами, Иордан называл их то булгарами, то антами, то склавенами. В числе событий 539–540 гг. Феофан рассказал о выступлении множества болгар в Иллирикии (Западные Балканы). Однако союзные Византии гепиды истребили почти всех восставших болгар. Предводителя и нескольких воинов отправили в Константинополь, провели по ипподрому на триумфальном шествии, а плененных болгар переправили в Армению и Лазикку. Тут же Феофан вставил: «Во Фракии наступил прочный мир, так как гунны не осмеливались более переправляться через Дунай» [Феофан 1980: 28, 52]. То есть он назвал болгар гуннами. Действительно, болгары (т. е. «смешавшиеся») на то время — это большой конгломерат огуров, гуннов и других элементов [Golden 2008a: 259]. Однако Бернат Мункачи справедливо считал, что военно-политическая связь между булгарами и гуннами не дает оснований отождествлять их на этническом уровне. По его мнению, болгары ни по своему происхождению, ни по языку не были гуннами, а вместе с другими кочевыми племенами Причерноморья оказались в подчинении гуннов и под воздействием их культуры [Munkácsi 1903: 67–68]. В наши дни теория о гуннской политической и этнической преемственности после смерти Атиллы и роли гуннов в споре о происхождении и возникновении болгарских племен стала маргинальной, в основном она цитируется как пример противоречивой [Kerényi 2022: 2].

В X в. в греческих и славянских источниках упоминаются черные болгары. Исследователи (Peter Golden, András Róna-Tas, István Zimonyi) идентифицируют их с оставшимися в припонтийских степях булгарами и с волжскими булгарами. Также имеются сторонники идентификации карачаевцев и балкарцев с булгарами [Zimonyi 2014: 264].

В целом есть полное основание говорить о синкретизме болгар. Этот синкретизм в них самих, а также во влиянии иранских и сасанидских традиций на искусство и архитектуру болгар. Кроме того, следует принимать во внимание этнокультурный симбиоз болгар с понтийскими сармато-аланскими племенами, чьи убеждения определенно хранили некоторые черты зороастризма, следы которого остались даже после миграции болгаро-алан на земли вдоль среднего течения Волги [Zhivkov 2015: 19].

Когда болгары в Северном Причерноморье вошли в состав Тюркского каганата, их стали называть тюрками, хотя они сохранили свой язык и племенное название. В поисках истины обратимся к мнениям болгарских исследователей. Так, Димитар Ангелов активно защищал теорию тюркского происхождения. Но еще в 80-х гг. XX в. востоковед Цветана Тафраджийска открыто выступила против официальной тюркской теории о происхождении протоболгар. Она также отвергла популярное определение чувашей как их потомков. Цветана Тафраджийска отметила, что в языке чувашей, в том числе в ономастике, нет ни одного упоминания о болгарском племенном названии. Она критиковала тюркологов за пренебрежение влиянием аланских/иранских племен. Также она сделала вывод, согласно которому аланы были ключевым компонентом в протоболгарском этногенезе, а в протоболгарской культуре есть различные элементы, которые определенно имеют иранское происхождение, включая ряд аристократических титулов, таких как *хан*, *каган*, *тегин*, *багатур*, *таркан* [Chobanov 2021: 32, 54].

Болгары в Приазовье сложились в союз племен. Но савиры в него не входили и обитали в степях Западного Прикаспия. На Кавказе у них было свое объединение. Также известно, что хазары, освободившись от власти Западно-тюркского каганата, включили в свою конфедерацию и савиров. После смерти Кубрата, во второй половине 60-х годов VII в., хазары развернули наступление против болгар [Коковцев 1932: 92]. «Во времена Булгарского государства волжские болгары и предки чувашей, хотя генетически и были сравнительно близки друг к другу, представляли собой разные народы» [Хаттори 1980: 93].

Ранняя и заключительная история обитателей салтовской культуры отражается во многих захоронениях Волжской Булгарии. Отмечается «массовая миграция в Волжскую Булгарию из гибнущей Хазарии салтово-маяцкого населения, что привело к резкому изменению всей культуры» [Казаков 2017: 156].

Говоря об этническом составе ранней Волжской Булгарии, следует иметь в виду, что небулгарские народы (в том числе аборигены и сувары), населявшие ее, естественно, не считали себя булгарами. Собственно, булгары — это лишь часть населения Волжской Булгарии. Более того, волжские булгары не представляли весь булгарский мир. Родственные им болгары жили на Дунае, но с IX в. их этническая культура менялась.

Вопреки пониманию многими арабскими источниками и исследователями понятия «Булгар» как города, во времена Ибн Фадлана это слово означало страну. В энциклопедии Наджиба Хамадани «Диковинки творений» Булгар описывается как «большая область». Исследователи справедливо переводят его как *Land* [Ковалевский 1956: 153, 161]. Есть сомнение в том, был ли г. Булгар в собственном смысле к приезду Ибн Фадлана. В источнике от 895 г. (в самый канун появления на Средней Волге самых первых суваров) Булгар представлен как состоящий из деревянных и тростниковых построек [Ал-Мукаддаси 1994: 289]. По данным на XII в., в Суваре постройки были деревянные, в них укрывались жители зимой, а летом жили в шатрах [Ал-Идриси 2006: 120]. Иначе говоря, только через более чем два века после приезда Ибн Фадлана в Суваре появились деревянные дома и шатры. О кирпичных строениях не было и речи. «Все постройки и надписи, сохранившиеся в нем [Булгаре. — *Прим. авт.*] теперь, относятся к эпохе монгольского владычества» [Бартольд 1968: 136]. Поэтому исследователям Волжской Булгарии следует помнить этот факт, а не переносить данные XIII–XV вв. на IX–XII вв. Так, в первой половине XII в. ал-Гарнати увидел полностью деревянный город Булгар. Он писал: «А Булгар тоже огромный город, весь построенный из сосны, а городская стена — из дуба... А холода зимой бывают очень сильные, настолько, что раскалывается дерево от жестокости мороза» [Ал-Гарнати 1971: 30]. Аналогичное свидетельство оставил Якут, автор XIII в.: «Булгары строят свои дома только из дерева, одно бревно кладут на другое и соединяют их крепкими, тоже деревянными гвоздями» [Frähn 1832: 565]. Поэтому надо иметь в виду, что нынешние сохранившиеся каменные развалины Булгара — это уже остатки построек, возникших после 1236 г. и в более поздний период. По крайней мере, существующий исторический памятник «Булгарский заповедник» — это не суварское наследие.

Археологические раскопки полностью подтверждают свидетельства средневековых историков. Так, согласно А. П. Смирнову, в X–XIII вв. у булгар были простые деревянные срубы или кар-

касные постройки, оштукатуренные глиной снаружи и изнутри. Крыши у таких домов были плоские. Такой тип строений, видимо, сложился одновременно с появлением здесь болгар, принесших его с собой с юга, где он был широко распространен у хазар и антов. Кроме того, масса жителей еще продолжала жить в землянках [Смирнов 1951: 139].

Чеканенные дирхемы здесь ломали и отдавали русам и славянам, т. к. те продавали товары только за дирхемы [Бартольд 1973: 58]. Господствующий класс скупал у инородческого населения Среднего Поволжья и других стран плоды земледелия и ремесла и затем вывозил их в восточные государства. Например, в Хорезм вывозили меха — в основном соболиные, беличьи, горностаевые, лисьи, куньи, бобровые, заячьи, козьи. Туда также шли воск, стрелы, колпаки, рыбий клей и зубы, мед, лесные орехи, мечи, кольчуги, бараны и коровы [Ал-Мукаддаси 1939: 203]. Кстати, под рыбьими зубами имелись в виду бивни мамонтов и моржей, которые болгары брали у манси. С жителями же Югры волжские болгары имели контакты с целью торговли мехом [Zimonyi 2014: 137]. В Болгарию ввозили восточные изделия, которые перепродавали северным и западным соседям. Посредничество приносило прибыль купцам. Особо тесные торговые отношения были налажены с хазарами и русами [Ал-Бекри 1879: 63]. Торговые традиции были характерны и для татар Поволжья. Сувары, а позже и чуваша, как народ, привязавшийся к земле, также покупали товары у болгар, а затем у татар. Поэтому еще в конце XIX в. Гайнутдин Ахмеров не без оснований констатировал, что народ, ныне называемый казанскими татарами, является прямым потомком прославленных торговцев-болгар [Ахмеров 1998: 27]. Культура болгар золотоордынского времени складывалась на основе местных традиций: «Если провести сравнение культуры болгаро-татарской с культурой Казанского ханства и современных татар, то нетрудно убедиться в том, что болгарская культура явилась основой культуры казанских татар» [Смирнов 1948: 16]. Ту же мысль констатирует и современный исследователь: «Наследниками болгарской культуры являются казанские татары» [Напольских 2018: 235]. Сегодня однозначно следует признать, что волжские болгары — это «народность, легшая в основу этногенеза казанских татар» [Валеева-Сулейманова 2017: 31].

Кыпчакские (кимакские, йемекские) племена, жившие на южных и юго-восточных границах Болгарии, были союзниками и васалами. Наемные отряды кыпчаков неоднократно использовались в войнах и междоусобных конфликтах [Измайлов 2008: 104].

Лаврентьевская летопись под 1229 г. упоминает, что «половцы взбе-гоша из низу к болгаром перед татары» [ПСРЛ 1: 314], т. е. половцы спасались от монголо-татар, убежав к булгарам. Совершенно верно комментируют данный эпизод казанские этнографы. «Вряд ли кыпчаки пришли бы к булгарам, если не надеялись на какую-то поддержку... Уже в домонгольское время началось этническое взаимодействие кыпчакков с волжскими булгарами. Об этом говорят и отдельные топонимические данные» [Исхаков, Измаилов 2000: 50]. В числе таких топонимов называются Тухчин, Собекуль, Кайбыч, Читай, Шырдан, Тарлау. Из-за смешения с монголо-татарами и влияния кыпчакских племен в корне меняется традиционная культура булгар, главным образом за счет интерференций из Средней Азии, в основном из Хорезма [Егоров 2009: 155]. Поскольку монголо-татары господствовали над сильнейшими племенами и странами, то они пользовались совершенным почетом. Ради проявления уважения подчиненные им народы стали называть их татарами.

Булгары, без сомнения, смешались с татарами, т. е. с монголо-татарами. С перенесением центра Булгарского государства в Казань такое положение упрочилось. Однако это была только смена экзоэтнонима, т. к. население продолжало называть себя булгарами. Русские летописи XIV–XVI вв. пользовались эндоэтнонимом «булгар». Так, «Казанский летописец» под 1445 г. упоминает худых болгар. Перечисляя титулы российских царей, официальные документы включают и Булгарию. Например: «Василий III — Государь всея Руси и великий князь Владимирский и Московский, Ноугордский, Псковский, Тверский, Югорский, Пермский, Болгарский, Вяцкий и иных...». А также: «Иван Васильевич — великий князь Владимирский, Московский, Новгородский, Псковский, Тверской, Югорский, Пермский, Болгарский, Смоленский и иных земель многих, царь и государь всея Руси». Во второй половине XVII в. двойственное название (казанцы-болгары) еще сохраняется. Например, митрополит Иоасаф официально назывался митрополитом Казанским и Болгарским. «Булгар» присутствовал и в титулатуре Петра I: «Царь Московский, Киевский... Казанский... Булгарский».

«Местное население, теперь называющее себя татарами, до XIX века включительно, да и не только до XIX века, а вплоть до Октябрьской революции, называло себя булгарами. Именно простой народ претендовал на это наименование» [Раимов 1948: 145]. Эта тенденция сохраняется по сегодняшний день среди определенных слоев населения Татарстана.

И. Г. Семёнов развивает гипотезу о протославянской этнической принадлежности булгар [Семёнов 2015: 12, 22, 25]. Как пишет этот исследователь, начиная с V в. этническая история булгар протекала в тесном политическом взаимодействии с тюркоязычными, точнее, огурязычными племенами, мигрировавшими из Центральной Азии. К концу VI — началу VII в. относится образование в Северном Причерноморье огурязычного унногундурского объединения. После 640 г. к нему присоединились булгары. Союз булгар с унногундурами мог диктоваться как необходимость борьбы с аварами. С этого времени созданное унногундурами государство ввиду численного преобладания в нем булгар приобретает булгарский характер. Тогда же началась славянизация унногундуrows. Поэтому И. Г. Семёнов справедливо предлагает считать древних булгар и огурские племена Восточной Европы изначально разными народами, у которых отсутствуют общие этногенетические корни и прародина. В пользу идентификации булгар с сакалибами свидетельствует Ибн Фадлан. В своей книге он царя булгар называет *малик ас-сакалиба*. А вместо «правитель булгар» в оригинале стоит *сахиб ас-сакалиба* [Ибн Фадлан 2016: 20].

Обитание славян в Среднем Поволжье с IV в. установлено по данным археологии, что снимает все сомнения в достоверности сведений Ибн Фадлана. «Во время его пребывания на Средней Волге славяне действительно составляли массив земледельческого населения, поэтому наименование этого края „страной славян“, а хана Волжской Болгарии „царем славян“ представляется вполне оправданным» [Седов 2001: 12]. Список известных по рукописи Ахмеда Ибн Фадлана племен в Волжской Болгарии невелик. Это булгары, сувары, эскэлы, башгард (башкиры), русийа (русы), вису (весь) и баранджары как домочадцы одного дома (видимо, речь идет о большом патриархальном роде).

Примечательно и то, что Ал-Бируни (начало XI в.) Волгу именовал *Нахр ас-Сакалиба*, т. е. Славянской рекой. Все названные факты свидетельствуют, что в первой половине X в. в Волжской Болгарии было довольно много жителей, называемых сакалибами. Восточные историки и географы раннего Средневековья этим этнонимом называли славян. Арабы познакомились с ними в VII в., когда те были расселены в малоазийских провинциях Византии. Термин *ас-сакалиба* восходит к греческому названию славян. Известно также, что в VIII–X вв. в халифате было много славян-невольников. Для исламского мира сакалибы — это воины славянских подразделений византийской армии, перешедшие

в ходе боев в Малой Азии на сторону мусульман, а также невольники славянского происхождения, привезенные на Восток из славяно-германского региона, Чехии, русских земель и с Балкан [Мишин 2002]. Ибн Фадлан всю эту ситуацию знал хорошо и не мог вложить в термин «саклибы» иное значение. Таким образом, этносоциальные термины «сакалибы» и «славяне» совпадают, что подтверждает и писарь арабской миссии [Ибн-Фадлан 1956: 141].

Булгары, обитавшие у Понтийского моря, активно пользовались дарами рек и других водоемов. Они употребляли много рыбы, ели ее без соли [Аноним 2002: 192]. Об изобилии рыбы в Меотиде и Керченском проливе писали еще Геродот, Страбон и Иордан.

В Волжской Булгарии были широко распространены сошники. Двужубые сохи бытовали в Волго-Камье без конструктивных изменений до начала XX в. Появление пахотных орудий сошного типа ознаменовало становление паровой системы земледелия. По конструктивным особенностям сохи абсолютно не приспособлены для обработки степных целинных почв. Они предназначались для старопахотных земель. Значительную часть болгарского сельскохозяйственного инвентаря составляли косы и серпы. Только в Билярске и окрестностях найдено около трех десятков этих орудий [Халиков 1985: 18]. Это также свидетельствует о занятии горожан сельским хозяйством.

В Булгарии интенсивно возделывали зерновые культуры. «Они встретили нас, неся с собой хлеб, мясо, просо» [Ибн-Фадлан 1956: 131]. Чаще всего источники называют пшеницу, ячмень и просо [Ибн-Даста 1869: 23–24; Рубрук 1997: 97–98]. Гардизи говорил о наличии в Булгарии хлеба, мяса, тыквы, чечевицы и бобов. В 1024 г. в Суждале (Суздале) поднялся великий мятеж и разразился голод. Голодали и многие области Верхнего Поволжья. Тогда «идоше по Волзе вси людье в Болгары и привезоша жито и тако ожиша», — гласит Лаврентьевская летопись [ПСРЛ 1: 148]. То же повторяют Новгородская и Софийская летописи. Только в них говорится более конкретно: «Пшеницу и жито» [ПСРЛ 4,1: 112]. При раскопках Биляра было найдено просо, а в Суваре открыто большое число зерновых ям. Получается, что горожане в известной степени также занимались земледелием [Смирнов 1951: 148]. Как видим, у болгар оно составляло основную отрасль хозяйства.

Однако следует заметить, что южные черноземные районы Чувашии занимали сувары. В данную зону сейчас входят Батыревский, Комсомольский, Шемуршинский и Яльчикский районы Чувашской Республики, а также северный край Ульяновской об-

ласти и юго-западный уголок Республики Татарстан. Именно эти земли до сих пор дают высокий урожай зерновых. Булгары же занимали левобережные территории Волжской Булгарии. Поэтому следует уточнить, что зерновые культуры Волжской Булгарии в основном поставляли сувары.

Тем не менее скотоводство играло не меньшую роль в жизни населения [Греков 1959: 523]. Например, имелись выючные животные. Из мяса булгары ели конину [Заходер 1967: 31, 32], что, несомненно, связывает их с казанскими татарами, а не с суварями. Несмотря на оседлость и обильный урожай зерновых, булгары по-прежнему продолжали жить в традиционных кочевых юртах. Кочевой образ жизни и оседлая жизнь в Волжской Булгарии существовали бок о бок [Golden 1980: 88, 47]. Во второй половине IX — начале X в. булгары ездили верхом, носили кольчуги и имели полное вооружение. Со всякого, кто женился, царь брал подать в виде верховой лошади [Ибн-Даста 1869: 24]. Источник, характеризуя события 1236 г., замечает, что народы здесь «живут как звери: не возделывают земель, едят конину, волчатину и тому подобное, пьют кобылье молоко и кровь» [Горелов 2006: 45].

На конец XIII — начало XIV в. у булгар не было никаких фруктовых деревьев и винограда. Причину источник объясняет сильными холодами в этих местах. Но поспевал черный редис, и вырастал он огромного размера [Абу-л-Фида' 2009: 125].

На р. Атил у булгар находилось «торжище, на котором [расположен] постоянный рынок и где продаются многие важные товары» [Ибн Фадлан 2016: 39]. Булгарское государство было преимущественно торговым. С ним вели торговлю Хазария, Русь, а также все племена, живущие по обоим берегам Атила. В качестве основного товара фигурировал мех: соболиный, горностаевый, белчий. С приезжих купцов взимали пошлину в виде десятой части товаров. Чеканенные привозные монеты они меняли на свое основное богатство — куний мех. Дорогие меха разного рода отправляли в южные страны, в том числе в Крым. Пользовались армянскими коврами. Такой, например, был и в юрте у Алмуша: «Все они (живут) в юртах, с той только разницей, что юрта царя очень большая, вмещающая тысячу душ и более, усталая в большей части армянскими коврами» [Ибн-Фадлан 1956: 137]. Конечно, в Булгарию шелк также поставляли армяне, которые имели здесь свою колонию. Рассказы об армянском шелке *эрмен пурсъанё* можно было услышать от чувашей до 70-х гг. XX в.

Почти с момента образования Волжская Булгария становится центром транзитной торговли. Особенно оживленные сделки шли с хазарами и русами, которые завозили соборей, горностаев и белок [Заходер 1967: 29]. В описаниях событий 40–60-х гг. X в. Булгар значился небольшим, в нем не было многочисленных округов. Он был известен, прежде всего, как порт, куда причаливали купцы соседних государств. После разгрома Хазарии киевским князем Святославом в 965 г. роль Булгарии как торгового центра возросла. Были налажены три направления: с Востоком, Русью и соседями. Строились города, развивалось ремесло. В качестве товара и средства обращения широко использовались меха пушных зверей, зерно, мед. Развитию торговли во многом способствовали водные пути по Волге и Оке. Благодаря этим магистралям Булгария стала центром транзитной торговли. Из Булгара был проложен путь в Киев. В городе возникали фактории, где хранили товары. Здесь купцы, охрана, носильщики, гребцы, слуги, путешественники останавливались на отдых, появилась сфера обслуживания. «Сюда же стремились речные пираты и грабители» [Белорыбкин 2003: 78]. Все эти факторы вкупе способствовали возникновению государства.

Из арабского источника XII столетия, характеризующего события X–XI вв., узнаем следующее. Булгарские купцы к своим северным соседям товары возили на саях, которые тащили собаки по сугробам. А сами «со скоростью ветра» передвигались на лыжах, изготовленных из бычьих голеней, отталкиваясь «двумя копытами» [Заходер 1967: 65].

На раскопках Булгарского городища обнаружены вещи, свидетельствующие о торгово-ремесленной специализации этого района. На площади раскопов найдены предметы, представляющие торговый инвентарь: обломки бронзовых весов, сферическая гиришка, медные чашки к весам, медные и железные гири. А такие вещи, как обломки китайских селадонных чаш, чашки крымского производства, обломки амфор, попали в Булгар в результате международной торговли. Раковины каури, конечно, привезены из Индии. Встречались также осколки ближневосточных стеклянных сосудов. Такое скопление является свидетельством международной торговли Булгар в середине XIV в. [Полубояринова 2013: 252, 255–256].

В деревнях основу социальных отношений составляло общинное земледелие, когда участки пашен и угодий находились в пользовании отдельных семей. Судя по размерам жилищ, семьи

состояли из пяти — девяти человек. С учетом родственников, селившихся поблизости, общее число составлявших родственный коллектив достигало 20 человек [Руденко 2013: 28].

Экспедиции А. П. Смирнова накопили материал, позволяющий представить оборону Суvara, ставшего сугубо болгарским городом после ухода суваров на правобережье Волги. Это земляные валы с дубовыми стенами в два ряда шириной 3,5–4 м, утрамбованные внутри земель, и сторожевые башни. Снаружи имелся ров, наполненный водой и напичканный острыми бревнами. Крепость охраняли воины с копьями, дальнобойными луками и стрелами. «Эти укрепления явились первой серьезной преградой на пути следования монгольского войска в Европу в 1236 г. Сувар, расположенный южнее остальных крупных городов Волжской Булгарии, бесспорно, одним из первых принял на себя удар неприятельской армии» [Фахрутдинов 1986: 102].

В ранней Булгарии наряду с деревянными строениями встречались и единичные каменные постройки. Известно, что в те времена камень в качестве строительного материала использовался в Южном Предкавказье, Крыму и Хорезме. Поэтому касательно бани из камня в Булгаре можно утверждать, что такой способ постройки пришел к булгарам из Закавказья и Крыма. На это указывает и применение некоторых архитектурных форм и строительных приемов, обычных для тех мест. Должно быть, первыми строителями таких бань были армяне, у которых в Булгаре была своя колония [Смирнов 1951: 225].

В монгольский и золотоордынский периоды в Булгаре имелись деревянные наземные дома с подпольями. В это время здесь появляется новый тип жилищ — сырцовые дома с подпольной системой отопления. На раскопках чаще всего встречаются печи с каналами канов, по которым проходил горячий дым. Судя по размерам и составу находок, они принадлежали состоятельным жителям [Полубояринова 2009: 436–437]. Наличие отопительных систем в виде канов, скорее всего, говорит об элементах восточноазиатской строительной традиции [Зеленеев 2013: 24].

В Волжской Булгарии в домонгольское время существовали общественные бани как простой, так и относительно сложной планировки. Оба типа встречались в золотоордынское время. Простой тип представлен баней в Большой Тоябе и баней XIII в. в Булгаре. К сложному относится баня № 3 в Булгаре. В X в. здесь появляются банные сооружения с более развитой планировкой, такие как Красная и Белая палаты [Зиливинская 1989: 232].

Ссылаясь на А. П. Смирнова и А. М. Ефимову, чувашский историк В. Д. Дмитриев также полагал, что каменное строительство в Волжской Булгарии освоили лишь в конце XIII в. [Дмитриев 2014: 101, 121]. На конец XIII — начало XIV в. в *Булгāре* имелись три бани. В первой половине XIV в. город представлял собой дома, выстроенные из соснового дерева, а стены крепости сооружались из дубового [Хвольсон 1869: 87]. По состоянию на 1220 г. Ошель также был полностью деревянным. Летописный свод свидетельствует, что в тот год войска Юрия Всеволодовича окружили г. Ошель. «Около града острог бе, тын дубов»; «посекоше тын»; «посекоша тын и оплоты»; «зажгоша его»; «град зажгоша», заметил летописец. «А Святослав стоя ту, дондеже згоре град, и взяша Ошель» [ПСРЛ 28: 48, 205–206; 33: 61–62]. Для сравнения: в 1437 г. Рязань и Коломна также были укреплены деревянными тынами, поскольку в тех местах камня было мало [Барбаро 1971: 98]. По крайней мере, до XV в. в городах Среднего и Верхнего Поволжья в целом преобладали деревянные строения.

Биляр в XII в. был столицей Волжской Булгарии. Существовал и процветал он и в XIII в. Еще в XVIII в. на поверхности земли были видны развалины городища. В ходе раскопок здесь был собран уникальный вещевой материал. По своему характеру вещи близки к суварским находкам. Развалины кирпичных построек, сохранившиеся в Суваре и Биляре, относятся уже к XIV в. [Смирнов 1951: 138, 229].

В начале X в. болгары носили длинные куртки. В этом они были похожи на хазар и баджанаков (печенегов) и отличались от русов, предпочитающих короткие куртки [Аль-Балхи 1960: 277–278; Ибн Хаукал 2009: 95]. В 985 г. новгородские воеводы Владимир и Добрыня одолели Булгарию. Однако, увидев, что те носят сапоги, воздержались от претензий на дань. Иначе говоря, русские заранее знали, что такой народ не будет жить в угнетении. Между ними был заключен мир. Обе стороны решили: «Толи не боудеть межи нами мира, оли камень начнет в воде плавати, а хмель грязнути» [ПСРЛ 4, 1: 60; 6, 1: 71; 16: 250–251]. Золотоордынский хан Берке, помимо других дорогих одеяний, носил золотой пояс с драгоценными камнями на зеленой болгарской коже [Эль-Муфаддаль 1884: 193]. Упоминаемая болгарская кожа, больше известная как *булгари*, в Средние века славилась не только в Поволжье. «Есть полная уверенность в том, что татарская национальная узорная цветная обувь имеет глубокие болгарские традиции» [Фахрутдинов 1986: 67]. Такая кожа была известна и на территории современной Италии как *bulgaro*.

В Булгарии к месту погребения тело привозили на повозке. Там его снимали с нее и клали на землю. По его контуру очерчивали линию. Затем по этой линии копали яму, сделав в ней боковую нишу для тела [Ибн Фадлан 2016: 41]. Такой же обычай можно было встретить среди поздних сарматов и аланов. Затем эта традиция распространилась среди мусульман Поволжья. Оригинальной чертой погребального обряда на Танкеевском могильнике является захоронение с лицевыми покрытиями. В погребениях ранней (немусульманской) части кладбища на черепах имелись маски из тонкого листового серебра с прорезями для глаз и рта, а также рельефной выпуклостью для носа. В некоторых погребениях под масками сохранились шелковые подкладки [Халикова 1971: 81–82]. Надо полагать, в этом просматривается желание продлить жизнь и в ином мире.

Для нового города Казани было выбрано удобное место не только с географической точки зрения, но и экономической. «Место пренарочито, и красно велми, и скотопажно, и пчелисто, и всяцеми семяны родимо, и овощми преизобилно, и зверисто, и рыбно, и всякого много угодыя», — подчеркивал летописец [ПСРЛ 19: 10].

Как известно, в 1395 г. русские воеводы взяли Булгар, Жюкотин, Казань и Керемenchюк. Притом все названные земли летописи называют «татарскими». Иначе говоря, к этому времени понятие «булгары» уже заменяется на политоним «татары». Как видим, вопрос о булгарской преемственности у татар имеет отчетливо положительный ответ.

На совещании о происхождении казанских татар в 1946 г. А. Ю. Якубовский совершенно четко сформулировал: «Этническую основу казанских татар... составляют древние булгары, включившие в себя еще новые элементы, пока еще плохо обследованные и только впоследствии получившие имя татар» [Якубовский 1948: 133]. Тогда же А. П. Смирнов высказал почти аналогичную мысль. Он считал, что булгарская культура была фундаментом для создания более поздней татарской культуры [Смирнов 1948: 150]. Аналогичное мнение высказывалось и позже. Например, А. Х. Халиков рассматривал общепулгарскую народность, сформировавшуюся в домонгольское время, как этническую основу татар Среднего Поволжья и Приуралья [Халиков 1989: 117]. О булгарском происхождении казанских татар писали и другие исследователи, например Р. Г. Фахрутдинов. Но, несомненно, следует учесть, что к XVI–XIX вв. в общинном самосознании народов Среднего Поволжья исторические связи с Волжской Булгарией почти угасли.

А желание некоторых современных казанских татар вернуть себе имя булгар справедливо называют «изобретением традиций» [Шамильоглу 2011: 280]. Слишком большие перемены произошли в истории народов, когда-то населявших Волжскую Булгарию, время ушло. Желание вернуть казанским татарам этноним «булгары» теперь всего лишь академическое упражнение и бюрократическая процедура [Тишков 2013: XLV].

В литературе имеется мнение и о чувашах как об этнических булгарах. Такой тезис был выдвинут еще в первой половине XVIII в. В. Н. Татищевым: «Ныне же за сущии остатки болгаров чуваша, черемиса, мордва и мокшане почестья могут» [Татищев 1964: 448]. Следование устоявшейся булгарской теории в разработке вопроса о происхождении, в конце концов, привело к тупиковой проблеме деления булгарского наследия между татарами и чувашами, это во-первых. Во-вторых, совершенно неразработанным оставался вопрос о суварском наследии в истории чувашей. А это, как полагает автор, верный путь в освещении истории предков чувашей. До сих пор в чувашеведении однобоко преобладала тенденция увлечения тюркскими корнями народа.

М. Г. Худяков не без основания полагал, что чувашей никак нельзя считать ни создателями, ни носителями булгарской культуры, а сама булгарская теория происхождения чувашей опирается на односторонний и плохо истолкованный лингвистический материал [Худяков 1927: 136]. Впрочем, поставив цель показать автохтонность поволжских татар, некоторые исследователи изучают ананьинскую археологическую культуру. Конечно, субстратных (исконных) связей казанских татар с этой археологической культурой нет. Да и нельзя так ставить вопрос. Невозможно в ту доисторическую эпоху (конец VIII — III вв. до н. э) говорить о каком-либо конкретном этносе, а порой и об антропологическом однообразии. В указанное время предки казанских татар и булгар обитали в Южном Предкавказье. Нет также оснований идентифицировать всех жителей Волжской Булгарии X–XIII в. с предками татар или чувашей.

Детальное ознакомление с этнографическими источниками позволяет утвердить тезис о том, что чувашаи не могли произойти от булгарского племени. Даже ретроспективный, чисто теоретический взгляд не позволяет вывести такую схему. К тому же строки из книги Ибн Фадлана подтверждают недружелюбные отношения между суварями и булгарами. Рукопись «*Hudūd al-‘Ālam*», составленная в конце X в. и повествующая о начале этого столетия,

констатирует враждебные отношения не только между булгарами и суварам, но и нахождение в состоянии войны булгар с барсула и иргиль (эсегель). Об этом же пишет своих трудах Питер Голден [Golden 2008: 236]. Впрочем, говоря об этнических составляющих булгар и государства Булгария, первоисточники (Ибн Русте, Гардизи и «Ḥudūd al-‘Ālam») утверждают: один разряд из них называется *б. р.сулā* (*Barchūla*), другой — *ас.кл* (*Ishkile, Asgil*), третий — *булгары* (*B.lkār*) [Заходер 1967: 28–29]. Как видим, источники суваров в подразделение булгар не включают. Это еще один довод в пользу того, что булгары и савиры (сабиры/сувары) не состояли в единой коалиции. Поэтому писать «булгары-сувары», как делают многие исследователи ([Егоров 1971: 14] и др.), а также утверждать, что древнейшие предки чувашей — савиры и булгары [Каховский 1965: 212], неверно. Это два разных народа на всем протяжении истории.

Бернат Мункачи высказался весьма резонно о том, являются ли булгары предками чувашей. В этническом вопросе чувашей важно, что они не называют себя булгарами, писал венгерский исследователь [Munkácsi 1903]. Действительно, нет данных, чтобы чувашаи когда-либо называли себя булгарами [Golden 1992: 397]. Несомненно, этноним *čuvaš* не свидетельствует об исторической тождественности с булгарами. Однако, учитывая все остальные обстоятельства, следует признать, что *čuvaš* — это название народа, состоявшего с булгарами в исторической связи. Как говорится, ни убавить, ни прибавить. Тем не менее Бернат Мункачи совершил явную историческую ошибку. Он заявил, что предки чувашей находились, по всей вероятности, в подчинении у булгар и поменяли свой язык на болгарский. Получается курьезная неувязка. Конечно, все происходило не так. Хотя Бернат Мункачи и не оговаривает, какой период истории предков чувашей он имеет в виду, в любом хронологическом разрезе его мнение о перерождении племени *čuvaš* → *bulgar* неверно. Да, савиры/сувары на Кавказе и на Волге вместе с булгарами изредка входили в политические и военные конгломераты. Но никогда эти племена не смешивались до неузнаваемости, хотя в процессе формирования булгаро-татарской народности, несомненно, частично были ассимилированы и сувары.

ИСКУССТВО

Рис. 23. Ювелирное искусство // ГМИИ РТ: «Татарское декоративно-прикладное искусство Республики Татарстан» | Art16.ru — Культура и Искусство в Татарстане

Для определения специфики этнической истории немаловажное значение имеют ключевые позиции искусства. Прежде всего, это архитектурные особенности, ювелирные изделия, украшения и изысканные предметы быта. Волжская Булгария в этом отношении особенно показательная страна.

Как считает археолог Э.Д. Зиливинская, планировка мечетей Золотой Орды свидетельствует о заимствовании из Анатолии. Прямоугольные здания, разделенные внутри рядами колонн, были распространены в Малой Азии в XI–XIV вв. Об этом же свидетельствуют манеры резьбы. Архитектурные особенности включают армянские сюжеты. Золотоордынские бани для социальной верхушки также построены в сельджукском стиле [Зиливинская 2012: 30, 31, 33].

Находки в могилах помогают установить схемы миграций. Например, танкеевские женские захоронения содержат височные подвески и ожерелья из бус явно салтовского типа [Халикова 1971: 79].

В X–XIV вв. Булгария импортировала много восточных изделий — например, из Ирана. Особым запросом пользовались тонкостенные полусферические чаши из белой бронзы. Привезенные торговцами предметы иногда трансформировали под местные традиции. «Эти чаши привозились булгарами в Приочье и в Марийское Поволжье для обмена на ценные товары, прежде всего пушнину. Во второй половине XX в. при раскопках могильников марийцев и муромы X–XI вв. было обнаружено более десятка таких артефактов» [Руденко 2018: 475]. Заказчиками были также аристократы из Булгара.

Ювелирное дело в Волжской Булгарии считается оригинальным явлением в мировой культуре. Особенно выделяются работы мастеров по золоту и серебру. Они в основном обслуживали зажиточную часть населения, прежде всего городского. Основным источником технологических заимствований и копирования форм изделий были страны Востока. Золото использовалось булгарскими ювелирами экономно. Например, медное колечко обтягивали золотой фольгой. Украшения, выполненные из чистого золота, единичны. В качестве дополнительных вставок булгарские ювелиры использовали драгоценные и полудрагоценные камни, кораллы, янтарь, а в золотоордынский период массово — жемчуг. Янтарь часто использовался как элемент декора серебряных перстней и некоторых типов браслетов [Руденко 2015: 350].

Особый интерес представляют изделия, найденные на раскопках Старой Казани. Здесь имеются слои с обильным материалом домонгольской Булгарии и золотоордынского Казанского ханства. «Изделия ювелирного и в целом народно-декоративного искусства не только XV–XVI вв., но и позднейших времен (XVIII — начала XX в.) по своим художественно-техническим

средствам изготовления и основным орнаментальным мотивам восходят к болгарским» [Фахрутдинов 1990: 40]. История возникновения, семантика и стилевые особенности устойчивых элементов орнамента домовой резьбы по дереву у татар Среднего Поволжья также говорят о том, что их возникновение в прикладном творчестве предков современных татар уходит вглубь веков, ко временам Казанского ханства, Золотой Орды, Волжской Булгарии [Шкляева 2018: 137]. Образы и символы на изделиях из дерева сохранили историческую память этноса. Например, исследователи видят преемственность между веревочным орнаментом на двери в Малый минарет Булгара и таким же узором на столбе ворот чувашского дома, зафиксированным в середине XX в. [Смирнов 1951: 77].

Изделия из металла, кости и керамики, найденные при археологических раскопках на территории Волжской Булгарии, свидетельствуют об их происхождении в домонгольский период. Прежде всего, это стилизованные фигурки животного и растительного мира с геометрическими узорами. В золотоордынский период их заменяет растительный орнамент [Гафаров 2012: 54].

Рис. 24. Эпиграфический памятник из Булгарии // Почему чувашки не являются потомками волжских болгар Ч 7 Надгробные памятники и эпитафии (livejournal.com)

Н. Я. Мерперт специально подчеркивал, что болгары составляли племенное объединение, независимое ни от аваров, ни от тюрок. «Кубрат успешно продолжал и завершил начатое Органой дело освобождения болгар из-под власти Западно-тюркского каганата» [Мерперт 1957: 17]. О независимости Великой Булгарии (особенно после 30-х гг. VII в.) от аваров и тюрок писали и другие исследователи [Вернадский 1996: 214]. Кстати, имя *Кубрат* следует перевести как «собирать», «скапливать». Именно

в таком значении оно зафиксировано в V–VIII вв. в тюркском переводе ираноязычного сочинения из северо-запада Китая «Покаянная молитва манихейцев» и на памятнике в честь Кюль-Теги-на из Монголии. В этих источниках имеются две формы слова: *qubrat* и *quvrat* [Наделяев и др. 1969: 462, 475]. Обе формы (*v* ↔ *b*) отражены в византийских трудах. В состав болгарского объединения в разное время входили такие нетюркоязычные племена, как аланы, кутригуры, оногуры, хазары, савиры. Все это явно говорит в пользу того, что савиры, как и болгары, не вступали в тюркоязычную конфедерацию. Совершенно справедливо высказывание, что мнение об изначальной тюркоязычности болгар «покоится на крайне зыбкой почве» [Семёнов 2013: 333]. Ибн Фадлан болгар называет сакалибами, относя их к северным нетюркским народам. Кстати, основные огурские племена — огуры, сарагуры и оногуры — в Приазовье и на Западном Кавказе редко действовали совместно.

Весомым аргументом в пользу нетатарскости татар является оценка языка болгар их соседями. Так, в 1232 г. болгары, в замешательстве от пришедших к их южным границам монголо-татар, пошли искать поддержки к русскому князю Юрию. «Пришел народ неведомый, и язык коего прежде не слыхали, вельми сильный», — заявили русские [Татищев 1964: 227].

Исследователи пишут о наличии болгарского элемента в чувашском языке и культуре, как и о чувашских элементах в языке болгар/болгар. Об этом можно судить, сопоставляя некоторые старославянские термины из болгарских изводов с уцелевшими от древнего времени единичными словами у современных дунайских болгар. Они являются совершенно одинаковыми по значению с соответствующими чувашскими словами. Например, чуваш. *палăк* ‘знак’, ‘намогильный памятник’ — старосл. *белегъ*; чуваш. *тёкёр* — болг. *тикъръ* ‘зеркало’; чуваш. *осă* — болгар. *осохъ* ‘польза’; чуваш. *кап* ‘форма’ — староболгар. *капъ* ‘священное место с идолом в центре’; чуваш. *кётес* — болгар. *кътъ/кътъ* ‘угол’; *чавка* в обоих языках означает ‘галка’ и т. д. [Егоров 1953: 83]. О соответствии языка памятников Придунавья конца I тысячелетия чувашскому пишут и современные исследователи. Они указывают на прямые соответствия типа: *žit kon* — *çиç кон* ‘семь дней’; *tul-çi* — *тулчĕ* ‘наполнилось’; *turtun* — *туртăн* ‘подтянуться’ [Мудрак 2005: 83–106].

«Язык болгар схож с языком хазар», — утверждал арабский источник [Ал-Истахри 2009: 85]. Действительно, по состоянию

на X в. население Средней и Нижней Волги (в основном жители Булгарии, во всяком случае — Южной Булгарии и Хазарии) говорило на понятных друг другу языках. Следы их, полагал В. В. Бартольд, по всей вероятности, сохранились теперь только у чувашей [Бартольд 1968: 204]. Конечно, речь идет о суваро-чувашской языковой преемственности. По мнению Андраша Рона-Таша, волжские булгары в начале X в. еще говорили на языке чувашского типа. Их речь отражена в эпитафиях, сохранившихся на территории Волжской Булгарии, датированных 1281–1350 гг. Возможно, полагает Андраш Рона-Таш, этот язык не является предком современного чувашского, однако к нему очень близок [Róna-Tas 1996]. Отсюда следует, что следы прежнего булгарского языка приводят к образцам чувашского.

По утверждению, что «„потомками“ булгар в языковом отношении являются чувашаи» [Напольских 2018: 235], тоже требует существенной оговорки. Нюанс в том, что чувашаи являются наследниками языка не булгар, а савиров/суваров. Из-за того, что язык населения Волжской Булгарии (прежде всего — самих булгар), отраженный в эпитафиях, в основном является языком исторических предков чувашей, лингвисты априорно отождествляют булгарский язык с чувашским. А в самом кыпчакском языке казанских татар «от булгарского осталось в лучшем случае пара десятков заимствований» [Напольских 2018: 235].

Примером бытования чисто чувашских слов у булгар является название местности *Хеллече*. Это наиболее оживленное место в ранней истории Волжской Булгарии. Оно знаменито как торговая площадь, куда прибывали русы, тюркские племена, арабы и, видимо, северные соседи. Здесь же сам Алмуш и его окружение проводили большую часть года — фактически весь год, за исключением двух месяцев, находясь на пастбище. Слово *Хеллече* образовано от суваро-чувашского *хёл (ле)* ‘зима’ + тюркский словообразовательный аффикс *-че*. Вместе означает «зимовье». А местность между реками Волга, Утка и Ниясна с учетом наличия здесь Чистого, Курышевского и Атманского озер называется Три Озера.

Иоганн Бенцинг полагал, что если отнесение языка дунайских болгар к числу тюркских может вызвать сомнение, то язык волжских булгар, вне всякого сомнения, тюркский. При этом он в качестве источников ссылался на лексикографа XI в. Махмуда Кашгарского и на волжско-булгарские надгробные надписи XIII–XIV вв. Иоганн Бенцинг свой тезис подкреплял примерами из хазарского языка, считая, что язык хазар и булгар — одно и то же.

Бируни утверждал, что болгарский язык представляет собой смесь тюркского и хазарского [Biruni 1879: 51]. Однако число хазарско-болгарских параллелей скудно: г. *Саркел*, р. *Атил*, антропоним *Булан* [Бенцинг 1986: 18–19]. В то же время все три примера — чисто чувашские слова: *сар кил* ‘желтый (белый) дом’; *Атӑл* ‘Волга’; *пӑлан* ‘олень’. Несомненно, они входили в активную лексику суваров. Поэтому аргументация тюркоязычности болгар через хазар не вполне корректна. Уместнее говорить о сильном влиянии языка огузского типа на болгар. К тому же Иоганн Бенцинг почему-то разделяет болгар и болгар, считая первых тюрками, а вторых — нет. А ведь они на Северном Кавказе до разделения и ухода на Дунай и Волгу были единым народом. Хотя для более позднего времени его высказывание вполне справедливо.

В 1951 г. Геза Барчи предложил следующее резюме:

Венгры покинули свой первоначальный уральский дом и достигли своего нынешнего дома. Они находились в тесном и постоянном контакте с тюркскими народами. Их соседи говорили как на чувашском, так и на не чувашских языках. Возможно, контакты с первыми были как более тесными, так и более длительными. Ясно также, что они, должно быть, встречали не один, а несколько народов, общавшихся на чувашском языке: оногуров, волжских болгар, понтийских болгар, хазар, или точнее те группы этих народов, которые говорили на чувашеподобном языке (*Chuvashlike language*) [Bárczi 1951: 42].

Все исторические факты говорят о том, что суварский язык на Средней Волге формировался отдельно от наречия соседних болгар. Вывод автора этих строк подтверждают и другие исследователи болгар. Так, по мнению А. Г. Мухамадиева, язык суваров сложился обособленно от других гунно-болгарских племен: «Ни мишари, ни чуваша не имеют прямого отношения к болгарам» [Мухамадиев 2011: 36].

Татарские лингвисты считают брошюру Н. И. Ашмарина «Болгары и чуваша» страдающей односторонностью. Так, Л. З. Залий утверждал, что Н. И. Ашмарин строил свои выводы, исходя лишь из нескольких чувашизмов на надгробиях, при этом совершенно игнорировал те языковые материалы в текстах этих эпитафий, которые имеют непосредственную связь даже с современным языком татар Поволжья: «Проф. Ашмарин хорошо знал, что на этих надписях рядом с чувашской формой „Джиат джур

джал“(700 г.) имеется, даже в бóльшем количестве, форма „Ете юз утуз ете“(737 год) и т. д. — чисто татарская форма. Но, несмотря на это, в своих выводах он пришел к заключению, что прямыми потомками булгар являются чувашаи» [Залаяй 1948: 157]. При этом лингвисты признают, что татарский язык (тем более современный) не является целиком и полностью продолжением булгарского. Как и любой язык, татарский за свою историю пережил очень большие изменения. Потомками булгар считал «настоящих татар» (т. е. казанских) и А. Ф. Риттих [Риттих 1870: 28, 54].

В Волго-Камском регионе на надгробиях XIII–XV столетий выгравировано большое количество надписей с арабскими текстами, включающими тюркские фразы. В литературе их называют волжско-булгарскими надписями. Однако часть их выполнена языком чувашского типа, а остальные отражают диалект тюркского языка. Надписей чувашского типа с тюркскими элементами не стало в середине XIV столетия, тогда как другие надписи продолжали бытовать. Чувашская фонетика и лексика были вытеснены тюркизмами.

Волжско-булгарский письменный язык известен исключительно на основе многочисленной арабской графики на погребальных памятниках на месте слияния Волги и Камы. В Булгаре самые ранние захоронения датируются 1271 г., а последние — 1356 г. Волжские булгары, язык которых является близким родственником современного чувашского, имели погребальные надписи на стандартном тюркском диалекте, поэтому язык эпитафий можно считать родоначальником современного языка казанских татар [Shamiloglu 1991: 157].

Памятников булгарской письменности не так уж много. Они ограничиваются несколькими надписями на арабском языке на надгробиях XIII–XV вв. Кроме того, подавляющее большинство выполнено арабской графикой. Тем не менее большинство языковедов сходятся во мнении, что надписи на надгробных плитах прочитываются по-чувашски.

Огромные потери в генетическом, демографическом и языковом планах понесли булгары из-за черной чумы в 1340–1350 гг. Не удержалась тогда и Золотая Орда. Именно в рамках этого десятилетия обозначается внезапный конец появления надгробных надписей на волжско-булгарском языке. После этих событий булгарский язык не сохранился, т. к. он не был родным разговорным языком, по крайней мере, у той лингвистической общности, которая возводила надгробия. Так не стало священного языка

религиозных и ритуальных обычаев болгар. Его место прочно занял стандартный тюркский язык [Шамильоглу 2007: 169–175].

В 1877 г. в Казани состоялся 4-й съезд археологов России. В своем выступлении В. В. Радлов признал обоснованным мнение Н. И. Ильминского относительно чувашизма надписей на болгарских надгробных памятниках. Но, считал Радлов, чувашский язык и язык надписей на памятниках имеют существенные нюансы. Во-первых, он полагал, что чуваша в языковом отношении действительно являются потомками древних болгар. Во-вторых, он не соглашался с Ильминским в том, что древнечувашский язык был близок татарскому. Наоборот: отатаривание чувашей происходило из века в век, так что чувашский язык все больше и больше приобретал тюркский облик [Труды 1884: XLII–XLIII].

Среди волжских болгар имелись племена, говорившие на языке чувашского типа, которые позже были ассимилированы кыпчаками, проникшими на эту территорию в XIII столетии. Тогда становится очевидной идентификация языка болгар как языка исторических предков поволжских татар, а не чувашей. Аналогичного мнения придерживается Иштван Зимони. Последние лингвистические и исторические исследования, пишет он, подтверждают, что чуваша не происходят непосредственно от волжских болгар. Термин «болгары-тюрки» появился из-за утверждений части историков, что все народы, называемые булгарами, говорили на болгаро-тюркском языке. Но истина заключается в том, что волжские булгары, которые говорили на языке чувашского типа, были ассимилированы кыпчаками, переместившимися на эту территорию после 1236 г. [Zimonyi 2014: 251, 266]. По мнению Луи Базена, булгары превратились в кыпчаков и представляют нынешних казанских татар. Он был убежден, что язык волжских болгар в основном был кыпчакизирован, их прежняя речь сохранилась по большей части среди чувашей [Bazin 1974: 652].

Большая часть кыпчакского населения появилась в Волжско-Камском регионе вместе с монголами и после их прихода. Некоторые незначительные группы монголов могли входить в контакты с булгарами в более ранние времена. Современные татарский и башкирский языки включают определенное число слов, имеющих волжско-болгарское происхождение. Например, татарское и башкирское слово *izge* имеет значение «святой», «святейший». Оно присутствует также в казахском и в некоторых тюркских языках в значениях «хороший», «сакральный». Эта форма восходит к волжско-болгарскому **ezgi* < *ezgü*. Слово явля-

ется волжско-булгарской формой старотюркского *edgü* ‘хороший’. Оно было скопировано также в венгерский язык, где приобрело значение «святой». Многие слова часто получают вторую жизнь. Так, чувашское *шăрпă* ‘рыбья кость’ является копией татарского *şirpi*, которое само было заимствовано из языка волжских булгар (*şirpi*). К черемисам *şarpă* могло прийти или от татар, или от чувашей [Róna-Tas 2007].

Известно, что в Булгаре чеканились и монеты монгольских ханов. Из надписей на них видно, что население Волжской Булгарии сохранило свой домонгольский язык, наследником которого является теперь язык чувашей. Но он подвергался постепенному и мощному влиянию тюрко-кыпчакского. Преобразованный язык шаг за шагом твердо сделался государственным. А в городах, основанных при монголах на Средней Волге (например, в Казани), татарско-кыпчакский язык стал изначальным [Бартольд 1968: 136]. По мнению Широ Хаттори, булгары приняли тюрко-татарский язык на основе своей собственной системы гласных, которая сохранилась как субстратное явление, а позднее преобразовалась в систему гласных современных татарского и башкирского языков [Хаттори 1980: 93]. Аналогично высказался и Габор Берецки [Bereczki 1983: 207–236]. В первое время сильнее сказалось тюркское влияние на татарский язык, позже — татарское на чувашский.

В XIII–XIV вв. оказывается мощное кыпчакское воздействие на племена Волжской Булгарии, проникают многочисленные слова монгольского, арабского и персидского происхождения. Общеизвестно также, что татарский язык образовался на булгаро-тюркском субстрате. К середине XIII в., когда образовалась Золотая Орда, булгары начали испытывать влияние «тюрко-татар» и в итоге восприняли их язык. Преподавание арабского языка в медресе и распространение его в науке и религии открывали широкую почву для проникновения в волжско-булгарский язык. Например, заимствованная лексика хорошо запечатлена в эпитафиях. Таким образом, волжские булгары (в первую очередь мусульмане), в отличие от неисламизированных чувашей, перешли на кыпчакский язык и перевоплотились в казанских татар.

Также следует согласиться с мнением о том, что булгары (главным образом мусульмане), связанные больше с городской культурой, окончательно отатарились к концу XIV в. [Фахрутдинов 2011: 34].

Уже к XI–XII вв. заимствованные волжско-булгарские элементы встречались в русском языке. Так, слово *товар* происходит от волжско-булгарского **tavar*. Оно присутствует в венгерском языке в форме *tár* ‘контейнер’, а также в составе некоторых слов — например, *kincstár* ‘дом сокровищ’. От него произошло слово *товарищ*, первоначальная форма которого присутствует в венгерском языке как *társ* ‘компаньон’, ‘товарищ’. Другим русским словом является *хозяин* — от корня *hozja*, которое бытовало независимо в старорусском языке. Персидское *ḫwaja* пришло через волжских булгар (ср. чуваш. *хуҫа*). Согласно некоторым источникам, известный район Москвы — *Арбат* — первоначально был торговым местом волжских булгар (позже — татар). Название вернулось обратно к волжским булгарам в форме арабского слова *rabaṭ* ‘пригород, квартал’ (ср. наименование столицы Марокко — Рабат) [Róna-Tas 2007].

Говоря о закономерности соответствия звуков *z/r*, *š/l* в тюркских и чувашском языках, исследователи обращают внимание на важный нюанс. В случае тюркского *baš* ‘голова’ и *köz* ‘глаз’, пишут венгерские коллеги, в чувашском языке следует ожидать *r* и *l*, но на самом деле имеем *puś* и *kuś*. Сравним также западно-древнетюрк. *балч* ‘голова’. Объясняется это тем, что такие слова не попали под влияние процессов *z > r*, *š > l*, они хранят более древний фонетический облик до их совпадения. Выходит, замена *z* и *r*, *š* и *l* не являлась фонетическим законом без исключения, она была лишь сильной тенденцией на той территории, где позже формировались булгарские языки [Róna-Tas et al. 2011: 1104–1114]. А это означает, что современный чувашский язык сохранил генуинные следы булгарского и суварского языков дотюркского периода. Конечный звук *p* в этнониме *булгар*, естественно, говорит об исходной принадлежности к *p*-язычным племенам.

Практически все тюркологи при изучении истории и языка того или иного народа обязательно прибегают к источникам, связанным с чувашами, т. к. они в наибольшей степени сохранили древнейшие черты, отсутствующие у других тюркоязычных народов. Объясняется это тем, что многие исторические соседи чувашей (булгары, хазары, эсегелы и т. д.) исчезли с арены истории, а языки ныне здравствующих тюркских народов во многом трансформировались.

ФОЛЬКЛОР

Рис. 25. Иллюстрация к сказке «Алп бытыр» // Татарский эпос
презентация — фото и картинки

Фольклор — такая же история и этнография, только в устной форме. Он ярко отражает мысли и чаяния народа. В нем видны этапы становления нации.

С целью познания своего исторического прошлого исследователи обращаются к самым разным фольклорным жанрам. «Легенды и предания, дастаны, основной функцией которых является освещение исторических событий и отдельных их эпизодов, наиболее близки к действительности и необходимы при изучении этногенеза народа и его этнокультурных связей с другими народами» [Закирова 2000: 3]. Например, «предания повествуют о переселении булгар в Поволжье с Прикавказья» [Софронова 2012: 174].

Еще в XX в. можно было записывать живое бытование баитов. Так, ходоки на развалины Булгара из с. Суык Су пели их, останавливаясь на ночлег. Особенно запомнился баит «*Газии шахри Булгар*» — «Воины шахри Булгара» [Ямалтдинов 2016: 29].

Согласно легенде, местность, где находились раньше Казань и монастырь Джилантау (Змеиная гора), вызывала неудобства, т. к. женщинам, берущим воду, приходилось подниматься по крутому берегу р. Казанки. Дочь хана Алимбека посоветовала отцу

перенести город к устью Казанки, где размещались ее пчельники, поэтому по приказу хана было выбрано более удобное место [Садеков 2001: 11–12].

Исторические песни подтверждают мысль о самостоятельности этноса, прославляют патриотизм, рассказывают о наиболее крупных событиях. К таким справедливо следует относить песни «Вы из Булгара идете?» и «Город Кашан». Примечательно то, что персонажи песен включают практически все слои населения Волжской Булгарии и Золотой Орды — от правителей до рабов. «В песнях периода Золотой Орды историзм усиливается. Выводятся на сцену конкретные исторические лица: Чингисхан, Токтамыш, Тамерлан и др.» [Хакимов 2017: 158].

Исследователи утверждают, что возникновение баитов следует отнести к эпохе Волжской Булгарии, а их окончательное формирование — ко времени Казанского ханства. В основу произведений средневековой татарской литературы (*Кыйсса-и Йосыф* «Сказание о Юсуфе» Кул Гали, *Нәһжәл фәрадис* «Нахдж ал-фарадис» Махмуда ибн Гали аль-Булгари, *Хөсрәү вә Ширин* «Хосров и Ширин» Кутба) были положены образцы волжско-булгарского фольклора [Ямалтдинов 2016: 12, 67].

В целом невозможно из истории и фольклора татарского народа вычеркнуть булгарскую тематику.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

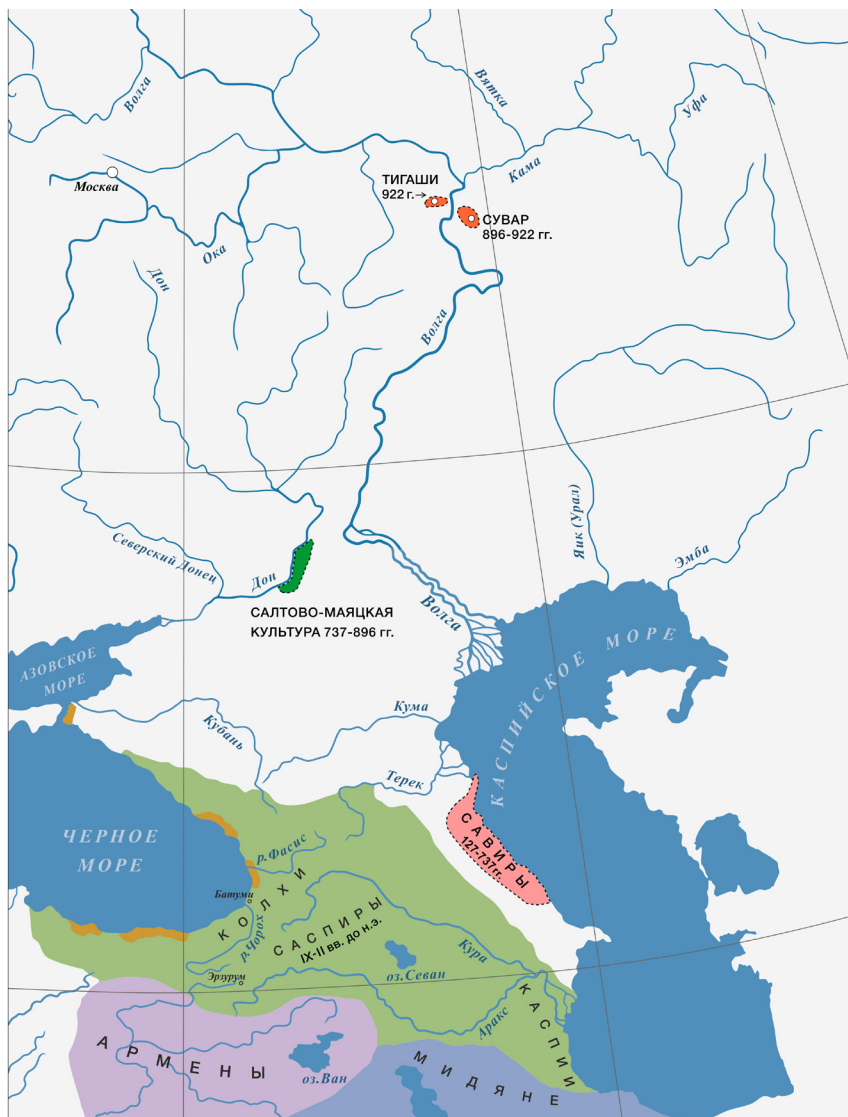

Рис. 26. Миграция саспиров/савиров/суваров (IX в. до н. э. — 922 г. н. э.).

На карте под 737–896 гг. указана локация суваров в составе салтово-маяцкой археологической культурной общности

Ключевые слова: этническая история, саспиры/сапиры/савары/савиры/сувары, болгары, чувашаи, татары, этнонимика, история, география, геногеография, антропология, археология, религия, этнография, искусство, язык, фольклор.

Книга посвящена анализу двух основных версий происхождения чувашского народа — савирской и болгарской. Тут возможны два противоположных взгляда на выход из возникшей ситуации. Это либо исключение/включение болгарской теории, либо одновременное рассмотрение обоих положений. В монографии выбран наименее «травматичный» путь — изучение обеих теорий. Таким образом, ставилась задача сведения к минимуму возможных вопросов.

Автор, опираясь на источники и труды историков, этнографов и исследователей смежных дисциплин, строил систему фактов и демонстрировал ее. Притом анализ первоисточников и литературы проводился в критическом ключе. В книге разбираются гипотезы, версии и факторы, имевшие и имеющие отношение к обсуждаемой тематике. Стояла задача достать из ячеек истории забытые факты и разложить по возможности последовательно и системно так, чтобы читатель сам мог делать (при желании) выводы. Обнаружилось, что большинство работ по обсуждаемой теме написано по имеющимся декалам.

Сегодняшнее состояние обсуждаемой в этом труде проблематики можно образно назвать затянувшейся остановкой на перепутье. Перепутье обычно понимается как локус, где сходятся и/или расходятся две дороги. В нашем случае речь идет об исследованиях, которые сводят свои выводы то к савирской, то к болгарской версии происхождения чувашского народа. При этом, естественно, следует говорить не о нахождении самого народа на перепутье, а о топтании исследователей на месте. Истина всегда одна. И история народа в единственном числе. А вот людей, толкующих эту единственную правду, множество. Отсюда и кривотолки. Никто долго не останавливается на перепутье: выбирается нужная дорога, и шествие продолжается. Так и в науке: из двух версий одна должна быть отвергнута, а другая принята как верная.

Даже Н. И. Ашмарин, которого тюркологи, изучающие чувашский язык, воспринимают своим флагманом, не утверждал однозначно о болгарском происхождении чувашей, как пишут из книги в книги исследователи. В его трудах можно найти сведения и о гуннском, и о савирском, и о болгарском, и о финском элемен-

тах. Он же указывал на ассимиляцию с хазарами. Поэтому говорить об однозначном толковании Н. И. Ашмариным (и не только им) этногенеза чувашей не приходится.

Как показало беспристрастное исследование, этноним *чуваши* прошел длинный исторический путь трансформации в виде *савир* (*састир/сапир, савар, сабир*) → *сувар* (*сувас, суван*) → *суваши* (*сăваши*) → *чăваш* (*t'šăvaš*). Такова его судьба в лабиринтах времени. Как видим, вопреки расхожему мнению, что этнонимы не могут быть надежным источником в исследованиях по этногенезу, они отражают подлинную историю народа и даже указывают на хронологическую последовательность судьбоносных событий.

Сумма геродотовских топографических координат позволяет не сомневаться в исторической достоверности мест обитания саспиров в V в. до н. э. Опираясь на исследования предшественников, можно расширить эту хронологию на IX–I вв. до н. э. В этот период саспиры занимали территорию от Мидии до Колхиды. Притом мидяне находились к югу, а колхи к северу у р. Фасис. Матиенскими горами, возле которых обитали саспиры, считаются горы в районе современного города Эрзурума.

В III в. до н. э. и в III в. н. э. саспиры замечены Аполлоном Родосским и Элием Геродианом соответственно в долине р. Чорох, рядом с племенами бехиров и бизеров.

Начало заселения саспирами Центрального и Северного Кавказа приходится на I–II вв. Мигрантов привлекали условия для разведения скота и земледелия. Для этого они выбрали сухопутный путь. Анализ первоисточников и опубликованных исследований по теме позволил проследить историю и географию миграций исторических предков чувашей — *састиров/саваров/савиров/сапиров/сабиров/суваров* (рис. 26).

Согласно Птолемею, достоверная и признанная фиксация исторических предков чувашей на Северном Кавказе относится к первой половине II в. и локализуется в Северо-Западном Прикаспии.

В IV в., по Аммиану Марцеллину, саспиры базировались на юго-восточном побережье Понтийского моря. А согласно современным археологическим изысканиям, в IV–V вв. они располагались на Паласа-Сыртской возвышенности (в 30 км к югу от Дербента). Во второй половине V в. савиры обосновались в бассейне р. Кумы, вдоль Каспийского моря. После смерти Аттилы в 453 г. они возглавили новое военно-политическое объединение, куда, кроме них, входили булгары и восточное крыло гуннов.

С начала VI в. савиры стали контролировать восточные и центральные районы Северного Кавказа. С этого времени в военно-политическое объединение, возглавляемое савирами, вошли и хазары. В 571 г. отдельные передовые отряды азиатских тюрок достигли пределов Северного Кавказа. Фиксация савиров во II–VI вв. на большом пространстве Кавказа (северо-восток, юг) говорит об их многочисленности и высокой мобильности. Согласно «Армянской географии», приписываемой «отцу армянской историографии» Мовсесу Хоренаци (V в.), областью обитания савиров были территории от нижнего течения Терека до низовий Волги.

После распада в 657–659 гг. Западно-тюркского каганата в северо-восточных предгорьях Дагестана формируется государство Сувар со столицей Варачан.

После разгрома Суvara арабами в 737 г. столицей страны гунно-савиров временно становится Семендер. Во второй половине VIII в. военно-политическая ситуация меняется в пользу хазар. Они возлагают дань и на суваров, и на болгар.

895 г. становится поворотным в судьбе суваров из-за агрессивной активизации печенегов. Сувары направляются на север и в самом конце IX в. достигают южных пределов Булгарии. Здесь они основывают свою столицу Сувар.

Но в 922 г. из-за конфликта на религиозной почве с болгарским князем Алмушем сувары уходят на правобережье Волги. Археологические находки позволяют утверждать, что они поселились на месте старого Тигашевского городища и основали свое святилище. В работе также отвергается квазитеория об исходе савиров из Сибири. Как видим, вертикальная (меридиональная) миграция по линии Южное Предкавказье — Среднее Поволжье способствовала сохранению этнической идентичности.

Частота гаплотипов чувашей подтверждает различный вклад центральных европейцев и кавказцев, евроазиатов и средиземноморцев. Однако конкретные тюркские аллели или гаплотипы не были найдены у тюркоговорящего чувашского населения. Некоторые гаплотипы уральских народов, найденные у чувашей, отражают определенное влияние населения, проживающего в соседних районах. Сравнение чувашей с кавказцами и народами Ближнего Востока показывает, что их генофонд характерен для популяций древнего Кавказа, Ближнего Востока и Северной Месопотамии.

В книге проводился анализ исследований антропологов, посвященных в той или иной степени этнической истории чувашского народа. Используются результаты работ таких ведущих

ученых, как В. П. и Т. И. Алексеевы, В. А. Бацевич, И. Р. Газимзянов, М. М. Герасимова, Н. А. Дубова, А. Г. Козинцев, В. Г. Моисеев и др. Основное внимание уделялось кавказскому и поволжскому периодам. Соответственно, проводилось сравнение с морфологическими комплексами, краниологическими показателями и пальцевыми узорами исторических и современных соседей. Антропологические показатели исторических предков чувашей, обитавших на Кавказе и в Волго-Донском междуречье с древнейших времен до конца IX в., имеют фундаментальные сходства и однотипны с данными аборигенов этих регионов. По головному указателю больше брахицефалов, но значителен и процент долихоцефалов и мезоцефалов. Многовековая соседская и диффузная жизнь на Среднем Поволжье в целом способствовала образованию единого митохондриального генофонда.

Раскопки археологов из Махачкалы способствуют отказу от версии перемещения савиров в середине V в. из Дербентского региона на Юго-Восточное Предкавказье якобы из-за нахлынувших из Сибири псевдоаваров. На самом деле, такое передвижение продиктовано наступлением Сасанидского Ирана. Нас также интересовали могильники в Кизилюртовском районе Дагестана, особенно грунтовые захоронения. Наблюдается преемственность черной и серой глиняной посуды Северного Кавказа и Волжской Булгарии. В 922 г. из-за религиозных разногласий с князем волжских булгар савиры перешли на правобережье и основали новые стоянки. Это современные южные районы Чувашской Республики и северные районы Ульяновской области.

Сходства, параллели и даже прямые совпадения традиционных чувашских верований с закавказскими и кавказскими сюжетами свидетельствуют об обитании исторических предков чувашей в пределах Передней Азии и Северного Кавказа. Об этом же говорят однотипные нарративы о нахождении неба на высоте лабаза. Сохранились исторические свидетельства о принятии в начале VI в. некоторыми савирами христианства монофизитского толка. В VII–VIII вв. жители Царства гунно-савиров исповедовали три религии одновременно: в пятницу часть из них отмечала мусульманский праздник, в субботу — еврейский, а в воскресенье — христианский. Но основная часть продолжала собираться у огромного дерева, приносить подарки и поклоняться. Прямые чувашско-кавказские (в основном чувашско-дагестанские) параллели из области традиционных верований и обрядности бытуют по сей день. В эпитафиях Волго-Камья конца XIII — начала

XIV в. сохранились слова, являющиеся сугубо чувашскими. Среди них много лексики, отражающей этническую историю и народные верования. Например: *Savar ñli* (чуваш. *Сăвар ывăлĕ* ‘сын Сăвара’); *Мăн турра алăк уçакан* ‘Отворяющий двери жилища’; *Тăвам ыра* ‘Божество, заседающее в диване’. Несмотря на перипетии исторического пути, чувашки сумели сохранить основные (базовые) непрерывные традиции своей «дедовской» религии. Как в самой республике, так и в дисперсно расселенных деревнях живут некрещенные чувашки. В их обрядовой практике и верованиях пульсирует жизнеспособная энергия, отвечающая критериям этнической идентичности.

В книге проанализированы основные позиции по характеристике традиционной этнографии чувашского народа на Кавказе, в Волго-Донском междуречье и на Среднем Поволжье. Отмечены исторические связи с народами Кавказа, булгарами, гуннами и хазарами, а также с жителями Среднего Поволжья (казанскими татарами, марийцами, эрзей и мокшей). 922 г. для исторических предков чувашей оказался переломным и положительно повлиял на подъем национального самосознания.

Семантика вышивок чувашей и народов Кавказа, а также аналогии украшений из салтово-маяцких археологических памятников со средневожскими говорят об исходе исторических предков чувашей с юга Европейской России.

В истории изучения чувашского языка было несколько направлений. Чувашей считали финнами, булгарами и тюрками. Прослеживается родство с языками народов Кавказа, в том числе хазар. Академик РАН В.В. Радлов и некоторые другие языковеды считали, что чувашский язык в основе не тюркский, а тюркизированный со временем. По мнению других лингвистов, изучение этого языка вызывает затруднение у исследователей. Памятники рунической письменности на территории Восточной Европы свидетельствуют об использовании суваров этого типа графики. Средневековые источники из южной части Восточной Европы на уровне лексики активно переключаются с современным чувашским языком. Топонимы с компонентом *сувар* имеются в Южном Азербайджане. Слова явно чувашского типа есть в Армении и Дагестане (*чор/цор* — *сыр* ‘овраг’, *авчи* — *евчĕ* ‘сват’ и др). Сохранились следы суварско-мажарских взаимоотношений и в южнорусских степях до конца IX в. (*eke* — *ака* ‘плуг’, *szór* — *săvăr* ‘веять зерно’, *agár* — *акар* ‘гончая собака’).

Н. Н. Поппе предложил делить тюркские языки на две группы: *p*-языки (булгарский и чувашский) и *z*-языки (все остальные). Он

не сомневался в принадлежности чувашского языка к болгарской группе. При этом основным его доводом была *r*- и *l*-язычность обоих наречий. Но, уточнял он, сувары были сельским населением, мало ассимилированным исламским миром. Н. И. Ашмарин указал на влияние хазарского языка на чувашей. Это наличие в диалектах таких фонетических особенностей, как цоканье (*кайццӑр* вместо *кайччӑр* ‘пусть идут’).

Сведения об исторических предках чувашей в наибольшей степени сохранились в таких фольклорных жанрах, как предания, легенды и сказки, а также в речи старшего дружка *саламалик*. Среди персонажей чаще всего встречаются орел и собака. Как показывают материалы и исследования, фольклорные тексты или имеют прямое отношение к Кавказу и Волго-Донскому междуречью, или сохранили аналогичные сюжеты. Все эти наблюдения находят прямое подтверждение в исторических фактах.

Полученные в ходе анализа умозаключения о булгарах приводят к следующим выводам.

Самые ранние известные упоминания булгар относятся к концу II в. Источником является рассказ Мар Абаса Катины, добавленный в «Историю» Мовсеса Хоренаци. Регион — юго-запад Великой Армении. Дискуссии позволяют делать заключение, что этноним *булгар* подразумевает значение ‘смешанные’, ‘микс’ (чуваш. *пӑлхат* ‘мутить’). Притом подразумевается изначально смешанный характер болгарской конфедерации. Булгарский этноним содержит элементы наименований адыго-абхазских племен, что свидетельствует об исторических связях. Начиная с XIII в. этноним *булгар* постепенно начинает сменяться на «болгаре, глаголемии казанци», «казанские тюрки», «мусульмане». Ностальгия по нему еще жива среди казанских татар. С целью различения дунайских *bulgar* от поволжских в русскоязычной литературе за ними закрепился этноним *болгар*.

Часть булгар на Северном Кавказе находилась уже в первой половине IV в. Во времена Атилы они воевали в составе гуннских войск. Но речь идет не о подчинении гуннам. До конца V в. булгары дальние походы не совершали. После смерти Кубрата его сыновья разошлись со своими отрядами по разным направлениям. После распада гуннской конфедерации булгары оказались в военно-политическом союзе савиров. В VII в., когда савиры и хазары создали единую конфедерацию, булгары попали в немилость у этих народов. Согласно археологическим данным, они пришли в Среднее Поволжье во второй половине VIII в. Причиной ухода

с южных территорий послужило вторжение на Северный Кавказ арабов, а затем активные действия печенегов. В Волжской Булгарии не было единоначалия. Князья племен имели равные права и должны были руководить страной по очереди. Отделение суваров, татаро-монгольское вторжение, набеги ушкунников и походы Московии сыграли свою роль — Булгария распалась.

Аналитический подход к историческим источникам и опубликованной литературе позволяет констатировать, что регион обитания булгар в поздней древности и в раннем Средневековье включал земли между Черным и Каспийским морями, а также смежные районы. При этом нет никаких оснований говорить о Прибайкалье, Центральной Азии и Сибири в целом как о прародине булгар. Булгары и савиры всегда были ареальными соседями, но никогда не смешивались в один народ. Что касается Великой Булгарии VII в., то в те годы булгары контролировали земли между реками Кубань и Днепр. В 737 г. они, воспользовавшись арабскими набегами на Хазарию, переместились в Волго-Донское междуречье, а основная часть в конце VIII в. достигла Среднего Поволжья. Здесь они основали свою столицу Булгар. Татаро-монгольское нашествие 1236 г. положило начало развалу Волжской Булгарии. Булгары массово выдвинулись на северные территории, а их столицей стал *Казан*. Исламизированных булгар стали называть казанцами и казанскими татарами. Среди интеллигенции Татарстана сохранилась ностальгия как по булгарам, так и по азиатским татаро-монголам.

Новейшие исследования свидетельствуют, что по матрилинейным показаниям протобулгары имеют западноевразийское происхождение. Такой вывод не согласуется с восточноазиатской теорией этнической истории как кавказско-поволжских булгар, так и дунайских болгар. Изучение генофонда продемонстрировало отсутствие общности происхождения татар трех регионов: крымских, поволжских и сибирских. Притом выяснилась вторичность и незначительность восточноазиатских компонентов. Так, у казанских татар и мишарей митохондриальный генофонд включает западно-евразийский компонент до 84%, а восточно-евразийский компонент составляет 16%. При рассмотрении гаплогруппы C-M130 обнаружилось, что она имеет азиатское происхождение. Самые высокие частоты этой гаплогруппы оказались среди бурят (83,6%), а также эвенков, нанайцев, ительменов и монголов. Что касается волго-уральских татар, то у них она встречается с крайне низкой частотой (порядка 2%), а у башкир — довольно редко или

не встречается вовсе. Также отмечена одинаковая популяционная шкала у татар Буинского района и чувашей. Автор этих строк объясняет такое явление ассимиляцией последних.

Волжские и уральские татары в антропологическом отношении подразделяются на четыре типа: понтийский, светлый европеоидный, сублапоидный (волго-камский) и монгольский (южносибирский). Притом понтийский преобладает и составляет 33,5%. Население этого типа в основном проживает в Чистопольском и Нурлатском районах Татарстана и Наровчатовском районе Пензенской области. Южный компонент у поволжских татар обусловлен появлением в регионе болгарских племен. Татар от чувашей отличают краниологические показатели. Например, болгаро-татарские черепа ниже, чем у чувашей.

Археологические раскопки свидетельствуют об идентичности расположения костей в могильниках Северного Кавказа, Дунайской Болгарии и Волжской Булгарии: положение на спине, руки вдоль туловища, а ноги скрещены в коленях. Археологические свидетельства подтверждают связь волжских болгар с приазовскими булгарами, хазарами, дунайскими булгарами и с салтово-маяцкой культурой. На Средней Волге болгары смешались с именковцами, произошел взаимообмен культур. Прослеживается процесс образования конгломерата племен, из которого сложился народ под названием волжские болгары. Археологи приходят к выводу о преемственности культур домонгольских болгар и казанских татар.

Исторические источники и опубликованная литература свидетельствуют о частичном влиянии ислама на болгар еще на Кавказе. А правитель онногундуров Кубрат и его дядя в 619 г. были крещены в Константинополе. Более того, Кубрат был удостоен чина патрикия. А князь Булгарии Алмуш принял ислам еще в конце IX в. Но все это никак не затронуло массы. Переход в мусульманство начался в 922 г. с появлением в Волжской Булгарии арабской миссии. Исследователи подчеркивают изначально насильственный характер распространения ислама в Поволжье. Религия стала в регионе не только этнообъединяющей силой, но и этноразделительным барьером. Так, не согласные с религиозной политикой болгар сувары в основной массе ушли на правобережье Волги и основали ряд новых святынь по примеру своих дедов. Все это не могло не сказаться на политическом, экономическом и моральном состоянии Волжской Булгарии в целом, чем и воспользовались недружественные соседи.

К XX в. ислам на Средней Волге окончательно утвердился, оттеснив традиционные верования местного татарского, чувашского, мордовского и марийского населения. В регионе создалась двуполярная религиозная ситуация в лице православия и ислама. Хотя по большому счету говорить об их противостоянии не приходится. По крайней мере, речь следует вести о конкуренции.

В древности и раннем Средневековье болгары были многочисленны и известны под этнонимами *Vununtur* и *Οὐνογοννδοῦρων*. Их военно-политический конгломерат включал в разные века оногуров, огуров, кутригуров и утигуров. Также источники называли их антами, склавенами и гуннами. Греческие и славянские писатели историческими предками волжских болгар признавали припонтийских черных болгар. Есть сторонники идентификации болгар с балкарцами. Одежда кавказских и поволжских болгар сходна с одеждой болгар Восточной Болгарии в деталях. Миграция болгар с Волго-Донского междуречья на Среднее Поволжье повлекла за собой кардинальное изменение этнографической культуры средневолжского населения. Образование Волжской Болгарии, а затем смешение с монголо-татарами еще больше изменили самосознание болгар. Развивались не только земледелие и скотоводство, но и торговля с соседними народами. В пост-золотоордынский период появились каменные здания и крепости. С падением Булгара, Биляра и других городов центром становится *Казан*, а сами болгары все чаще называют себя татарами. В книге подтверждается тезис о несовместимости этнонимов *булгар/татар* и *сувар/чуваш*. Эти два народа никогда не смешивались до неузнаваемости.

Искусство Волжской Болгарии отражает как саму историю, так и историю искусств. Оно помогает проследить преемственность с малоазийской и салтовской культурой. Булгарские умельцы возводили мечети, изготавливали украшения, приносили свои особенности в стилистику изделий, поступающих из восточных стран. Некоторые образцы архитектурных изразцов сохранились вплоть до середины XX в.

О независимости болгар в языковом отношении от сильнейших в древности и раннем Средневековье народов (в том числе аваров и тюрков) пишут первоисточники. Мнение об изначальной тюркоязычности не подтверждается источниками и не принимается многими исследователями. Следы прежнего болгарского языка сохранились в чувашском. А язык казанских татар (прямых наследников болгар) сильно трансформировался и превра-

тился в кыпчакский. Поэтому теперь говорить об идентичности современного казанско-татарского языка и древне- и среднебулгарского невозможно. Полагают, что язык булгар входил изначально в семью народов, говоривших на чувашеподобном языке (*Chuvashlike language*). Некоторая часть булгарской лексики, относящаяся к земледелию, домашнему животноводству и одежде, сохранилась у венгров. Языки булгар и суваров в Волжской Булгарии называют диалектами. Но это два разных языка. Переход на арабскую графику, тюркизация и исламизация сильно отгородили язык булгар от суваро-чувашского. Затем язык казанских татар стал государственным на основе тюрко-татарского с элементами арабизмов и ислама. Булгары-мусульмане (в первую очередь городское население) окончательно отатарились к концу XIV в. Сильная тюркизация коснулась и предков современных чувашей. В связи с тем, что основная масса тюркоязычного населения мира почти потеряла исходную лексику, теперь тюркологи все чаще обращаются в своих реконструкциях к образцам чувашского языка.

Жанры татарского фольклора отчетливо отражают волжско-булгарский и золотоордынский периоды истории. Они также подтверждают исход исторических предков казанских татар из Кавказа. В преданиях, легендах, песнях и других образцах фольклора упомянуты все социальные слои. В них также дается характеристика конкретным историческим лицам. Фольклор свидетельствует о том, что булгары являются несомненными историческими предками поволжских татар.

Приведенные в книге немногочисленные примеры (особенно из религии и языка), указывающие на наличие совпадений или сходств с народами Северной Месопотамии и Северной Африки, не могут свидетельствовать о прямых контактах с населением этих регионов. В таких случаях, как показывают доисторические сведения, следует говорить об опосредованных заимствованиях. Посредниками были исторические соседи предков чувашей. Это, например, древние армяне, колхи и представители абхазо-адыгской и нахско-дагестанской групп. Как показал анализ, на повестке дня может быть и индоевропейский субстрат.

Именно народные массы, а не племенную верхушку, связанную с Золотой Ордой, следует иметь в виду, когда говорим об истории поволжских татар. Следует разделять два понятия — «булгары» и «сувары» — и не писать их через дефис: «булгаро-сувары» или «булгары-сувары». Необходимо говорить о суварах только в конкретном значении — например, «сувары Булгарии».

Этнонимы *булгары* и *сувары* — понятия разделимые и вполне самостоятельные, какими бы близкими по отношению друг к другу они ни были. Когда исследователи не могут идентифицировать предков чувашей, то прибегают к «хитрости» и пишут «булгары-сувары». Словно «страхуют» себя и на всякий случай указывают оба племени в качестве предков. Мол, пусть читатель выбирает «по вкусу». Но все это не имеет никакого отношения к научному подходу. Притом исследователи Волжской Булгарии описывают булгар как кочевых скотоводов и торговцев, а суваров — как искусных земледельцев.

Естественно, формула формирования казанских татар выглядит так: «пришлые булгары + аборигены Среднего Поволжья (именьковцы) + восточные финны-аборигены + монголо-татары + кыпчаки». Но, как свидетельствуют источники, булгары оказались основным этническим компонентом для формирования казанских татар. Савиры и булгары (по крайней мере с начала нашей эры) всегда были соседями. Но они в этническом плане полностью никогда не смешивались до неузнаваемости. Савиры/сувары/чувашаи прошли свой славный исторический путь. В силу указанных фактов булгары не могли быть предками чувашей. Пора признать объективную историческую истину, а не топтаться на перепутье: булгары составили основную генофонд казанских татар, а савиры/сувары — чувашей.

ETHNIC HISTORY OF THE CHUVASH AT THE SAVIR-BULGAR CROSSROADS

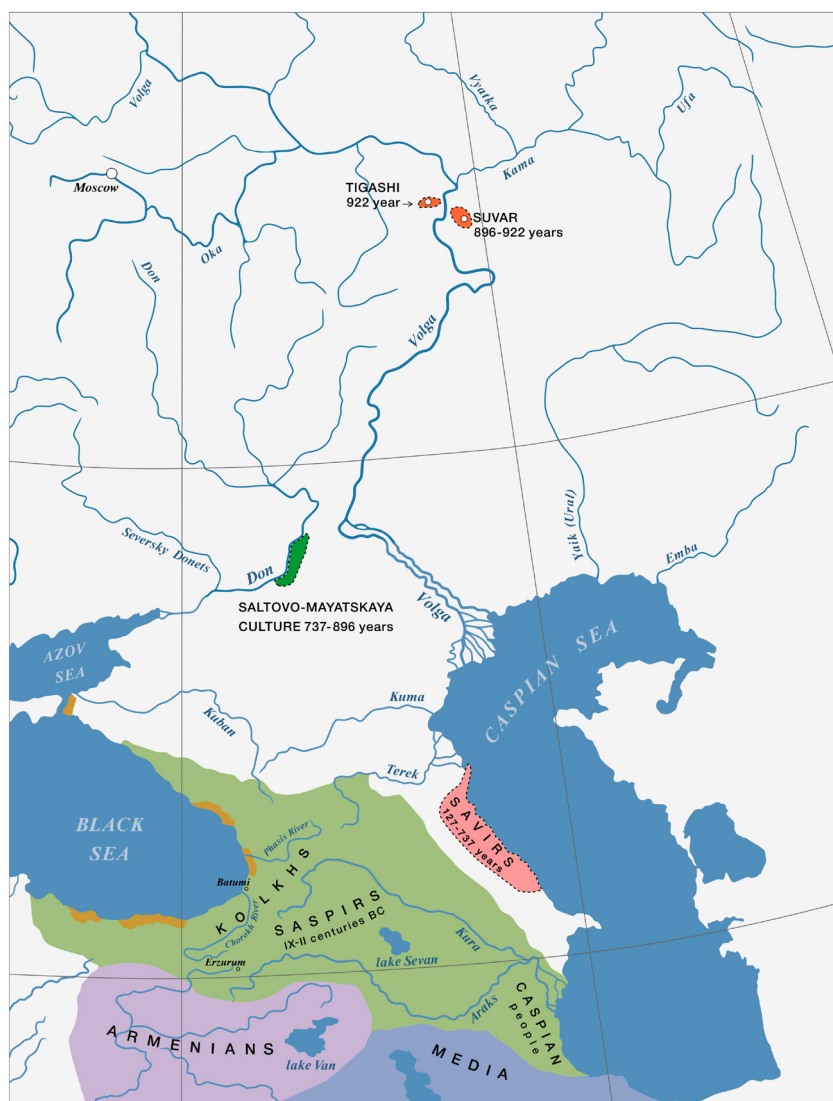

Fig. 27. The migration of the Saspis/Savirs/Suvars (9th century. BCE – 922 CE). This map for the period 737–896 CE shows the location of the Suvars as part of the Saltovo-Mayaki archaeological cultural community

Keywords: ethnic history, Saspirs/Sapirs/Savars/Savirs/Suvars, Bulgars, Chuvash, Tatars, ethnonyms, history, geography, genogeography, anthropology, archaeology, religion, ethnography, art, language, folklore.

This book is devoted to an analysis of the two main versions of the origins of the Chuvash people — the Savir and the Bulgar theories. There are two possible opposing views of how to deal with the situation. They are 1) the exclusion/inclusion of the Bulgar theory, and 2) the joint (simultaneous) examination of both positions. For the monograph, the latter “traumatic” course has been chosen — a study of both theories. Thus, the task set was to reduce subsequent questions to a minimum.

Drawing on original sources and the writings of historians, ethnographers and mixed discipline researchers, the author has compiled and presented a set of facts. In doing so, a critical approach was taken to the analysis of primary sources and the literature. The book examines hypotheses, versions and factors that have borne and still bear relation to the topic under consideration. The aim was to extract forgotten facts from the recesses of history and to lay them out as consistently and systematically as possible, so that readers may (if they wish) draw their own conclusions. It emerged that the majority of works on the topic have been written following pre-existing templates.

The current state of the body of issues considered in this work might be figuratively described as a protracted halt at a parting of the ways. A parting of the ways is usually understood as a Y-shaped junction where two roads come together or separate. In the present case, it refers to studies with conclusions that boil down to either the Savir or the Bulgar version of the origins of the Chuvash people. Meanwhile, we should, of course, be speaking not of the ethnos itself being at the parting of the ways, but rather of researchers marking time and not moving forward. There is only one truth. And one history of a people. There is, however, a whole host of people interpreting that single truth. That is what leads to idle talk. Nobody stops at a Y-junction for a long time: the required road is chosen and the journey continues. It is the same in scholarship: of two versions, one should be set aside and the other accepted as correct.

Even Nikolai Ashmarin, whom Turkologists studying the Chuvash language perceive as their standard-bearer, did not unambiguously assert the Bulgar origins of the Chuvash, as researchers write in book after book. In his works, one can find references to Hunnic, Savir, Bulgar

and Finnic elements. He also pointed to assimilation with the Khazars. That is why there should not be talk about Ashmarin's (and not only his) explicit interpretation of the ethnogenesis of the Chuvash.

Impartial investigation shows that the ethnonym *Chuvash* has undergone a lengthy course of transformation through history along the lines *Savir* (*Saspir/Sapir, Savar, Sabir*) → *Suvar* (*Suvas, Suvan*) → *Suvash* (*Sāvaš*) → *T'šāvaš* (*Chuvash*). Such is the skein of names by which this people has been known through the labyrinths of time. Contrary to the widespread thinking that ethnonyms cannot serve as a reliable source in research on ethnogenesis, they do reflect the actual history of a people and even point to the chronology of decisive events.

Taken together, Herodotus' topographical coordinates leave no room to distrust the historical accuracy of the Saspirs' reported area of habitation in the 5th century BCE. Drawing on previous research done by others, it is possible to enlarge that time span to cover the 9th to the 1st centuries BCE. In that period, the Saspirs occupied a territory from Media to Colchis, between the Medes and the Colchians, with the former to the south and the latter to the north by the River Phasis. The Matieni mountains, alongside which the Saspirs dwelt, are considered to be those near Erzurum.

In the 3rd century BCE and 3rd century CE, the Saspirs are recorded by Apollonius Rhodius and Aelius Herodianus respectively in the valley of the River Chorokh, alongside the Bechyres and Byzeres.

The Saspirs' settlement of the Central and Northern Caucasus began in the 1st-2nd centuries CE. The migrants were attracted by the favourable conditions for animal husbandry and the development of arable farming. The route that they chose was overland. An analysis of primary sources and published research on the subject made it possible to trace the history and geography of the migrations of the distant ancestors of the Chuvash — the *Saspirs/Savars/Savirs/Sapirs/Sabirs/Suvars* (Fig. 27).

A reliable and acknowledged record of the historical ancestors of the Chuvash, based on Ptolemy's reporting, dates from the first half of the 2nd century and can be narrowed down to the area immediately north-west of the Caspian Sea.

In the 4th century, according to Ammianus Marcellinus, the Saspirs were based on the south-eastern shores of the Pontic Sea. In the 4th-5th centuries, judging by modern-day archaeological excavations, on the Palasa-Syrt heights (30 kilometres south of Derbent). In the second half of the 5th century, the Savirs settled in the basin of the River Kuma, along the Caspian Sea. After the death of Attila in 453,

they assumed leadership of a new military-political confederation, which, besides the Savirs/Sabirs themselves, also included the Bulgars and the eastern wing of the Huns.

From the early 6th century, the Savirs began to control the eastern and central regions of the Northern Caucasus. From that time, too, the Khazars became part of the military-political confederation led by the Savirs. In the year 571, individual advance detachments of Turks reached the fringes of the Northern Caucasus. The fact that the Savirs were recorded in the 2nd-6th centuries across a large expanse of the Caucasus (north-east and south) speaks to their substantial numbers and high mobility. According to the *Armenian Geography*, attributed to the “Father of Armenian history-writing” Movses Khorenatsi (5th century), the habitat of the Savirs occupied an area from the lower reaches of the Terek to the lower Volga.

As a result of the disintegration of the Western Turkic Kaganate in 657–659, the state of Suvar formed in the north-eastern foothills of Daghestan, with Varachan as its capital.

After the Arabs’ crushing defeat of Suvar in 737, the city of Semender briefly became the capital of the land of the Hunno-Savirs. In the second half of the 8th century, the military and political situation shifted in favour of the Khazars. They imposed tribute on both the Suvars/Savirs and the Bulgars.

The year 895 became a turning point in the destiny of the Suvars due to the aggression of the Pechenegs. The Suvars headed northwards, and right at the end of the 9th century they reached the southern boundaries of Volga Bulgaria. There they established their capital — the settlement of Suvar.

In 922, however, because of a conflict on religious grounds with the Bulgar prince Almush, the Suvars moved to the right bank of the Volga. Archaeological excavations allow us to confirm that the Suvars settled on the site of the old Tigashevsk settlement, and established their sanctuary there. The pseudo-theory of the Savirs having their origins in Siberia is also refuted in this work. As we see, northward migration along a course from the southern foothills of the Caucasus to the middle Volga basin enabled the Savirs to preserve their ethnic identity.

The relative frequency of haplotypes among the Chuvash confirms the different contributions of central Europeans and Caucasian, people from Eurasia and the Mediterranean. On the one hand, specifically Turkic alleles or haplotypes have not been found in the Turkic-speaking Chuvash population. The number of haplotypes of Uralic peoples

found in the Chuvash reflect a certain influence of the inhabitants of their neighbouring regions. A comparison of the Chuvash with Caucasians and the peoples of the Middle East shows that the Chuvash gene pool is typical for the population of the ancient Caucasus, Middle East and northern Mesopotamia.

The book contains an analysis of those anthropologists' researches that cover the ethnic history of the Chuvash people to one extent or another. It draws upon the results of the work of such leading figures in this field as B. P. and T. I. Alexeyev, V. A. Batsevich, I. R. Gazimzianov, M. M. Gerasimova, N. A. Dubova, A. G. Kozintsev and V. G. Moiseyev. Attention was focussed mainly on the Caucasian and Volga periods. Comparisons were made with morphological complexes, cranial indices and finger skin patterns of historical and modern neighbours respectively. Anthropological indicators of historical ancestors of the Chuvash who lived in the Caucasus and in the Volga-Don interfluvium from the earliest times to the end of the 19th century present fundamental data of the same type as the native peoples of these regions. Looking at the cranial index, there are more brachycephalics, but the percentage of dolichocephalics and mesaticephalics is also substantial. Centuries of neighbourly existence and diffusion in the Middle Volga region have generally contributed to the formation of a single mitochondrial gene pool.

Excavations by archaeologists from Makhachkala support a rejection of the version that has the Savirs moving in the mid-4th century from the Derbent area to the south-eastern foothills of the Caucasus supposedly due to the Pseudo-Avars pouring in from Siberia. In actual fact, that relocation was dictated by the advance of Sasanid Iran. We were also interested in burial sites in the Kizilyurt district of Dagestan, especially in-ground burials. A line of continuity can be observed between the black and grey earthenware of the northern Caucasus and Volga Bulgaria. In 922, religious differences with the ruler of the Volga Bulgars caused the Suvars to move to the right bank of the great river and establish new settlements. These are in the present-day southern districts of the Chuvash Republic and northern districts of Ulyanovsk Region.

Similarities, parallels and even instances of direct coincidence between traditional Chuvash beliefs and Transcaucasian or Caucasian stories testify to the historical ancestors of the Chuvash having lived in places between Western Asia and the Northern Caucasus. The same thing is indicated by narratives of one and the same type about the sky being at the height of a granary. Historical evidence survives for some

Savirs adopting Monophysite Christianity in the early 6th century. In the 7th and 8th centuries, inhabitants of the Hunno-Savir state followed three religions simultaneously: some observed the Muslim holy day on Friday, others the Jewish Sabbath on Saturday or the Christian Lord's Day on Sunday. The bulk of the people, however, continued to gather by a huge tree, bringing their gifts and veneration. Direct Chuvash-Caucasian (in the main, Chuvash-Daghestani) parallels in the realm of traditional beliefs and rituals still exist today. Epitaphs in the Volga-Kama basin from the late 13th and early 14th centuries have preserved words that are purely Chuvash. Among those, there is much vocabulary that reflects ethnic history and folk beliefs. Despite the vicissitudes along their historical course, the Chuvash have managed to preserve the main (basic) unbroken traditions of their "ancestral" religion. There are unbaptised Chuvash living both in the republic itself and in scattered villages beyond its bounds. Their ritual practices and beliefs are alive with a vital energy that accords with the criteria for ethnic identity.

The book analyses the main positions regarding the characterization of the traditional ethnography of the Chuvash people in the Caucasus, the Volga-Don interfluvium and the Middle Volga. It points to historical ties with the peoples of the Caucasus, Bulgars, Huns and Khazars, as well as with the peoples of the Middle Volga (Kazan Tatars, Mari, Erzyas and Mokshas). The year 922 proved a turning point in the history of the ancestors of the Chuvash and had a positive influence, prompting a rise in ethnic self-awareness.

The semantic functions of embroideries among the Chuvash and Caucasian peoples, as well as analogies between ornaments from Saltovo-Mayaki archaeological sites with others from the Middle Volga again speak of the historical ancestors of the Chuvash having made an exodus from the south of European Russia.

In the history of the study of the Chuvash language there have been several tendencies. The Chuvash have been considered Finnic, Bulgar and Turkic. A kinship can be detected with languages of the Caucasus, including Khazar. Academician Vasily Radlov of the Russian Academy of Sciences and certain other linguists reckoned that the Chuvash language was not fundamentally Turkic, but became Turkicized over time. In the opinion of other linguists, the study of this language perplexes researchers. Runic inscriptions found in Eastern Europe testify to the Suvars having used that writing system. Mediaeval sources from the southern part of Eastern Europe show active correspondences at the lexical level with the modern-day Chu-

vash language. Place names with the component *suvar* exist in souther Azerbaijani.

Nikolai Poppe proposed dividing Turkic languages into two groups: *r*-languages (Bulgar and Chuvash) and *z*-languages (all the rest). He was already in no doubt about the Chuvash language belonging to the Bulgar group. His main argument for this was the *r*- and *l*-linguality of both. However, he specified, the Suvars were a rural population barely assimilated by the Islamic world. Nikolai Ashmarin pointed to the influence of the Khazar language on the Chuvash. It lies in the existence in dialects of such phonetic peculiarities as pronouncing *ch* as *ts* (*kaitstsār* instead of *kaichchēr* – ‘let them go’). Today, when studying history and language, practically all Turkologists will inevitably have recourse to sources about the Chuvash people, because they preserved to the greatest degree the most ancient features that are absent among other Turkic-speaking peoples. That is explained by the fact that many of the Chuvash’s historical neighbours (Bulgars, Khazars, Esegels and others) vanished from the historical arena. Moreover, the languages of the surviving Turkic peoples have been largely transformed. Information about the historical ancestors of the Chuvash has survived to the greatest extent in such folklore genres as legends and fairy tales. And also in the speech of the best man. The folklore personages most frequently encountered are the eagle and the dog. As the materials and research show, the folklore texts have either a direct relation to the Caucasus or the Volga-Don interfluvium, or else have retained story lines comparable to the folklore of the peoples of the given regions. All these observations find direct confirmations in historical facts.

The deductions made about the Bulgars in the course of analysis lead to the following conclusions.

The earliest known mentions of the Bulgars date from the late 2nd century CE. The source is an account from Mar Abas Catina incorporated into Movses Khorenatsi’s *History*. The region is the south-east of Greater Armenia. Discussions make it possible to conclude that the ethnonym *Bulgar* means “mixed, mixture” (cf. Chuvash *pălkhat* “to muddle”). This implies the mixed character of the Bulgar confederation from the outset. The Bulgar ethnonym is present in elements of those of Adygo-Abkhazian tribes, attesting to historical connections. From the 13th century onwards, the ethnonym *Bulgar* gradually begins to change to “*Bolgars called Kazanians*”, “*Kazan Turki*”, “*Muslims*”. Nostalgia for the name *Bulgar* still exists among the Kazan Tatars. In order to distinguish the *Bulgars* found on the Danube from

those living on the Volga, the ethnonym *Bolgar* became the norm in Russian-language publications.

Some fraction of the Bulgars were in the Northern Caucasus as early as the first half of the 4th century. In Attila's time, they fought as part of the Hunnic forces. It was not, however, a matter of subordination to the Huns. Until the late 5th century, the Bulgars did not go on distant campaigns. On the death of Kubrat, his sons separated along with their cohorts and went in different directions. After the disintegration of the Hunnic confederation, the Bulgars ended up in the military and political alliance of the Savirs. In the 7th century, when the Savirs and Khazars formed a single confederation, the Bulgars found themselves in disfavour with those peoples. According to the archaeological data, the Bulgars arrived on the Middle Volga in the second half of the 8th century. The reason for their departure from southern parts was the Arab incursion into the Northern Caucasus and then the belligerent actions of the Pechenegs. Volga Bulgaria did not have a one-man leadership. The tribal chieftains enjoyed equal rights and were supposed to govern the country by turns. The Suvars' separating off, the Tatar-Mongol invasion, raids by *ushkuyniks* (river pirates) and the Muscovite campaigns against it had their effect — Volga Bulgaria disintegrated.

An analytical approach to the historical sources and the published literature makes it possible to establish that the region inhabited by the Bulgars in late Antiquity and the early Middle Ages covered lands between the Black Sea and the Caspian and adjoining areas. At the same time, there are no ground for speaking of the Lake Baikal region, Central Asia and Siberia as a whole as the ancestral homeland of the Bulgars. The Bulgars and Savirs were always territorial neighbours, but never merged to become one people. As for the Great Bulgaria of the 7th century, in that period the Bulgars controlled the lands between the River Kuban and the Dnieper. In 737, exploiting the Arab raids against Khazaria, the Bulgars moved to the Volga-Don interfluvium, while in the late 8th century the main body of them reached the Middle Volga basin. The Tatar-Mongol invasion of 1236 marked the beginning of the collapse of Volga Bulgaria. The Bulgars decamped *en masse* into their northern territories and Kazan became their capital. The Islamized Bulgars came to be known as Kazanians and Kazan Tatars. Among the intelligentsia of Tatarstan, a nostalgia remains both for the Bulgars and for the Asiatic Tatar-Mongols.

The latest researches attest that by matrilineal indicators the proto-Bulgars had West Eurasian origins. That conclusion does not

accord with the East Asiatic theory of the ethnic history of both the Caucasian-Volga Bulgars and the Danube Bulgarians. A study of the Tatars' gene pool showed the absence of common origins between the Tatars of the three regions: Crimea, Volga and Siberia. In the case of the Kazan and Mishar Tatars, the mitochondrial gene pool has a West Eurasian component of up to 84%, while the East Eurasian component amounts to 16%. Examination of the haplogroup C-M130 revealed that it is of Asiatic origin. The highest frequencies of this haplogroup proved to be among the Buryats (83.6%), and also the Evenks, Nanai, Itelmens and Mongols. As for the Volga-Ural Tatars, among them the haplogroup occurs very infrequently (around 2%), and among the Bashkirs quite rarely or not at all. An identical population scale has also been observed between the Tatars of Buinsk District and the Chuvash. The present author attributes that phenomenon to assimilation of the Chuvash.

In terms of physical anthropology, the Volga-Ural Tatars can be divided into four types: Pontid, light-skinned Europoid, Sub-Lappoid (Volga-Kama) and Mongoloid (South Siberian). The Pontid is predominant, accounting for 33.5%. People of this type live mainly in the Chistopol and Nurlat districts of Tatarstan and the Narovchat District of Penza Region. The southern component in the make-up of the Volga Tatars is due to the Bulgar tribes that came into the area. The Tatars differ from the Chuvash in their cranial indices. Bulgar-Tatar skulls are, for example, not as high as those of the Chuvash.

Archaeological excavations testify to the identical positioning of skeletons in grave sites in the Northern Caucasus, Danube Bulgaria and Volga Bulgaria: laid on their backs, the arms alongside the torso, but the legs crossed at the knees. Evidence from digs confirms the connection between the Volga Bulgars and the Bulgars who lived by the Sea of Azov, the Khazars, the Danube Bulgars and the Saltovo-Mayaki culture. On the Middle Volga, the Bulgars mixed with the bearers of the Imenkovo culture, with a mutual exchange of cultures taking place. We can trace the process of the formation of a conglomerate of tribes, from which the people known as Volga Bulgars emerged. Archaeologists deduce a line of continuity between the cultures of the pre-Mongol Bulgars and the Kazan Tatars.

Historical sources and published literature attest to Islam having already exerted a limited influence on the Bulgars in the Caucasus, while Kubrat the ruler of the Onogur-Bulgars and his uncle were baptised in Constantinople in 619. Kubrat was, moreover, invested with the rank of patrician. Then Almush, the ruler of Bulgaria,

converted to Islam as far back as the late 9th century. None of these examples, however, affected the masses. The shift to Islam begins in 922, with the arrival of an Arab mission in Volga Bulgaria. Researchers stress the forcible character of the propagation of Islam initially. In the region, religion became not only a force uniting an ethnic group, but also something that divided it off from others. For example, the bulk of the Suvars, dissatisfied with the Bulgars' religious policy, moved across to the right bank of the Volga and established a number of new sanctuaries following the pattern used by their forefathers. All of this would inevitably affect the political and economic strength and morale of Volga Bulgaria as a whole, and this was exploited by hostile neighbours.

By the 20th century, Islam had firmly established itself on the Middle Volga, having pushed aside the traditional beliefs of the local Tatar, Chuvash, Mordvin and Mari population. Thus a bipolar religious situation formed in the region with Orthodox Christianity on one side and Islam on the other. By and large, though, there is no call to speak of a clash between the two. The talk should at the most be of competition.

In Antiquity and the early Middle Ages, the Bulgars were numerous and known by the ethnonyms *Vununtur* and *Οὐνογοννδούρων*. Their military-political conglomerate included in various centuries the Onogurs, Kutrigurs and Utigurs. Historical sources also referred to them as Antes, Sclaveni and Utigurs. Greek and Slavic writers recognized the Black Bulgars of the Pontic steppe as the historical ancestors of the Volga Bulgars. There are those who advocate identifying the Bulgars with the Balkars. The clothing of the Caucasian and Volga Bulgars is similar to that of the inhabitants of Eastern Bulgaria down to the details. The Bulgars' migration from the Volga-Don interfluvium to the Middle Volga basin brought about cardinal changes in the ethnographic culture of the population in their area of settlement. The formation of Volga Bulgaria, and then the intermixing with the Mongol-Tatars changed the Bulgars' sense of self still further. They developed not only crop farming and animal husbandry, but also trade with the neighbouring peoples. In the post-Golden Horde period, masonry buildings and fortresses appeared. Following the fall of Bulgar, Bilar and other cities, Kazan became the centre, while the Bulgars increasingly took to calling themselves Tatars. The book confirms the thesis of the incompatibility of the ethnonyms *Bulgar*/*Tatar* and *Suvar*/*Chuvash*. The two peoples have never mixed to the point of unrecognizability.

The art of Volga Bulgaria reflects both history itself and the history of art. It is an aid in tracing the line of continuity from the culture of Asia Minor and Saltovo-Mayaki. Skilled Bulgar craftsmen erected mosques locally, produced adornments and introduced their own traditions into articles that came from the lands of the East. Some examples of architectural tiles survived right up to the mid-20th century.

The Bulgars' linguistic independence from the most powerful peoples in Antiquity and the early Middle Ages (including the Avars and Turkic tribes) is also mentioned in the primary sources. The suggestion that they were originally Turkic-speaking is not confirmed by the sources and is not accepted by many scholars. Traces of the former Bulgar language have been preserved in Chuvash. Meanwhile the language of the Kazan Tatars (direct heirs to the Bulgars) became heavily transformed and turned into a Kipchak tongue. For that reason, it is not possible to speak of the common identity of the modern Kazan Tatar language and Old or Middle Bulgar. It is believed that the Bulgars originally belonged to a family of peoples speaking a Chuvash-like language. Some portion of Bulgar vocabulary, relating to agriculture, livestock farming and clothing has survived in Hungarian. The languages of the Bulgars and Suvars in Volga Bulgaria do get called dialects of a single tongue, but they are two different languages. The adoption of the Arabic script, Turkization and Islamization set the language of the Bulgars strongly apart from the Suvar-Chuvash one. Then the language of the Kazan Tatars became the official one with a Turko-Tatar basis coupled with elements of Arabism and Islam. The Muslim Bulgars (above all the urban population) had become completely Tatarized by the late 14th century. Strong Turkization also affected the ancestors of today's Chuvash. Since the bulk of the world's Turkic-speaking populations have all but lost their original vocabulary, Turkologists are now ever more frequently looking to the Chuvash language for models in their reconstructions.

Various genres of Tatar folklore clearly reflect the Volga Bulgar and Golden Horde periods of history. They also bear out the Kazan Tatars' historical ancestors having come from the Caucasus. All social strata have a presence in the legends, songs and other types of folklore. Those also give characterizations of specific historical figures. The folklore is living testimony that the Bulgars are the unarguable historical forerunners of the Volga Tatars.

The few examples (particularly from religion and linguistics) cited in the book that point to the existence of concurrences or similarities with the peoples of Northern Mesopotamia and North Africa cannot

be evidence of direct contacts with the populations of those regions. In such instances, as the prehistoric material indicates, we should rather speak of indirect borrowings. The intermediaries were the historical neighbours of the Chuvash, such as the ancient Armenians, Colchian and members of the Abkhazo-Adyghian and Nakh-Daghestani language groups. Analysis has shown that an Indoeuropean substrate may also be relevant here.

It is the broad masses, and not the tribal elite with its connections to the Golden Horde, that we should have in mind when speaking of the history of the Volga Tatars. We need to keep the two terms “Bulgars” and “Suvars” separate and not hyphenate them as “Bulgaro-Suvars” or “Bulgars-Suvars”. We should speak of the Suvars only in a specific meaning, such as “the Suvars of (Volga) Bulgaria”. The ethnonyms *Bulgars* and *Suvars* are distinguishable and entirely independent concepts, however closely related the two peoples might have been. When researchers cannot identify the ancestors of the Chuvash, they “resort to cunning” and write “Bulgars-Suvars”, covering themselves, as it were, and indicating both tribes as forefathers. It is as if they are saying, “Let readers decide which they prefer.” That bears no relation to scholarly research, though. Meanwhile, students of the history of the state of Volga Bulgaria classify the Bulgars as nomadic herders and traders, the Suvars as skilful tillers of the soil.

Of course, the formula for the making of the Kazan Tatars reads like this: “Bulgar incomers + natives of the Middle Volga (the Imenkovo culture) + indigenous Eastern Finnic peoples + Tatar-Mongols + Kipchaks”. As the sources show however, the Bulgars provided the main ethnic ingredient in the making of the Kazan Tatars. The Savirs and Bulgars were constant neighbours, at least from the start of the Common Era. In ethnic terms, however, they never mixed fully to the point of becoming indistinguishable. The Savirs/Suvars/Chuvash forged their own glorious historical course. Due to the facts cited, the Bulgars cannot have been the ancestors of the Chuvash. It is time to acknowledge the objective historical truth and not to keep standing at the parting of the ways: the Bulgars contributed the basis of the Kazan Tatars’ gene pool, while the Savirs/Suvars did the same for the Chuvash.

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

- Автор — полевые записи и собрания автора в 1967–2004 гг. 208 с. + коллекция фотографий.
- ГИА ЧР. Ф. 557. Оп. 3. Д. 59–66 — Метрические книги. 1855–1863 гг.
- Поле 88 — экспедиция автора в 1988 г. в Базарно-Карабулакский р. Саратовской обл. Магнитофонные записи, фотографии, записи от руки. 54 л.
- Поле 90 — Экспедиция автора в 1990 г. в Шенталинский р. Куйбышевской обл. Магнитофонные записи, фотографии, записи от руки. Л. 134–240.
- РГВИА. Ф. ВУА. Д. 19026 — Масленицкий Тимофей. Топографическое зписание губернии Симбирской. 1785 г. 450 л.
- РГИА. Ф. 470. Оп. 4. Д. 111 — Гоф-интендантская контора Министерства Императорского двора. Дело № 3 по предложению Его Превосходительства генерала-лейтенанта и кавалера господина Фермора об определении в службу в Ее Величества канцелярию от строений из чуваш новокрещеного Петра Егорова в архитектурную науку. 1755 г. 7 л.
- РНБ. Ф. 885. Д. 223 — Дамаскин, епископ Нижегородской и Алаторский. Словарь языков разных народов в Нижегородской епархии обитающих; имянно Россиян, Татар, Чувашей, Мордвы и Черемис... 1785 г. 477 л., ил.
- СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1917 г.). Д. 30 — Комиссия по исследованию племенного состава населения России. Т. II. 1917–1920 гг. 410 л.
- СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 5. Д. 6 — Миллер Г. Ф. Описание сибирских народов. Перевод с немецкого. XVIII в. 132 л.
- СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 2. Д. 1 — Messerschmidt D. G. [Karte der Reiseroute Moskau — Tobolsk]. 1720 г. 1 л.
- СПбФ АРАН. Ф. 177. Оп. 1. Д. 30 — Radlow W. W. Alttürkische Studien. VII. [Phonetik, Morphologie und Schlußfolgerung. Zweite Auflage. Der Inhalt wurde im Ural-Altai-Kreis gemeldet. Nicht veröffentlicht]. 1916 J. 97 Blätter.
- СПбФ АРАН. Ф. 177. Оп. 1. Д. 33 — Radlow W. W. [Studie der Grammatik der Chuwaschsprache. 1916–1918 JJ.]. 35 Blätter.
- СПбФ АРАН. Ф. 177. Оп. 1. Д. 107 — Радлов В. В. Смешанный словарь на карточках. Не опубликовано. Б. д. 2888 л.
- СПбФ АРАН. Р. IX. Оп. 4. Д. 1–760 — Рисунки с предметов, хранившихся в Кунсткамере в XVIII в. 760 л.
- ЧГИ 24 — Ашмарин Н. И. Этнография. 1883–1900 гг. 736 л.
- ЧГИ 74 — Патмар И. А. Фольклор. 1882–1931 гг. 148 с.
- ЧГИ 151 — Никольский Н. В. Этнография. 1887–1905 гг. 355 с.
- ЧГИ 154 — Никольский Н. В. Этнография, фольклор. 1892–1905 гг. 405 с.
- ЧГИ 160 — Никольский Н. В. Этнография, фольклор. 1899–1910 гг. 552 с.

- ЧГИ 167 — Никольский Н. В. Этнография. 1903–1910 гг. 474 с.
- ЧГИ 177 — Никольский Н. В. Этнография, фольклор. 1910–1911 гг. 804 с.
- ЧГИ 183 — Никольский Н. В. История, этнография, фольклор. 1910–1911 гг. 266 с.
- ЧГИ 207 — Никольский Н. В. История, этнография. 1909–1911 гг. 550 с.
- ЧГИ 208 — Никольский Н. В. Этнография, фольклор. 1910–1911 гг. 580 с.
- ЧГИ 209 — Никольский Н. В. Этнография, фольклор. 1910–1911 гг. 646 с.
- ЧГИ 215 — Никольский Н. В. Этнография. 1832–1916 гг. 537 с.
- ЧГИ 216 — Никольский Н. В. Этнография. 1910–1911 гг. 570 с.
- ЧГИ 218 — Никольский Н. В. История, археология, топонимика. 1752–1911 гг. 366 с.
- ЧГИ 284 — Никольский Н. В. Народная медицина. 1912–1925 гг. 47 л.
- ЧГИ 309 — Никольский Н. В. Краткие материалы по этнографии. Вторая пол. XIX — начало XX вв. 526 с.
- ЧГИ 319 — Никольский Н. В. Этнография. Вторая пол. XIX — начало XX вв. 646 с.
- ЧГИ 623 — Элле К. В. Этнография. 1925–1928 гг. 132 с.
- ЧГИ III-152 — Васильев П. Фольклорные материалы, собранные воспитанником Симбирской чувашской школы. 1886 г. 226 л.
- ЧГИ III-195 — Вершков Д. П. Фольклор с. Шашкары. 1937–1959 гг. 352 л.
- ЧГИ III-229 — Васильев А. И. Этнография, фольклор. 1928–1931 гг. 407 л.
- ЧГИ III-536 — Материалы экспедиции студентов ЧГУ под руководством автора в Шакуловский с/с Канашского р. Тетрадь Галины Акчуриной. 1976 г. 96 л.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 601 с.
- Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 1. М. — Л.: Изд-во АН, 1958. 655 с.
- Абайдулова А. Г., А. К. Салмин. Причеремшанский дневник экспедиции П. С. Палласа // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2018. Кн. 3: 592–604.
- Абдушелишвили М. Г. Антропология древних и современных народов Кавказа // Горизонты антропологии. М.: Наука, 2003: 248–265.
- Абу-л-Фида'. Таквим ал-булдан (Книга упорядочения стран) // Коновалова И. Г. Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII–XIV вв.: текст. Перевод. Комментарий. М.: Восточ. лит., 2009: 76–166.
- Адонц Николай. Армения в эпоху Юстиниана. Ереван: ЕГУ, 1971. 528 с.
- Акиев Х. А. Исследования, материалы, статьи (к 80-летию со дня рождения). Сост., ред., предисл. и вступ. ст. к текстам П. Х. Акиевой. М.: Известия, 2022. 460 с.
- Акиева П. Х. Архетипическое в этнокультуре ингушей (на материале мифологии, нартского эпоса и обрядов жизненного цикла). ДД. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2016. 425 с.
- Акимов М. С. Палеоантропологические материалы с территории Чувашской АССР // Краткие сообщения / Институт этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР. Вып. 23. 1955: 78–92.
- Акимов О. А. Комментарии к главе 29 // Багрянородный Константин. Об управлении империей: Введение — Г. Г. Литаврин. [Греч.] текст, пер., коммент. М.: Наука, 1991: 361–368.
- Акчурин М. М., Владимиров О. О., Салихов Р. Р., Хакимов Р. С. Генофонд татар: историко-генетическое исследование. Гаплогруппы Y-хромосомы. Казань: ИИ АН РТ, 2021. 112 с.
- Ал-Бекри. Известия о славянах и их соседях. Издал и перевел барон В. Розен // Записки Императорской Академии наук. Т. 32. СПб.: Имп. АН, 1879: 1–64.
- Ал-Гарнати А. Х. Путешествие в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.). М.: Наука, 1971. 136 с.
- Ал-Идриси. Отрада страстно желающего пересечь мир // Коновалова И. Г. Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы: текст, перевод, комментарий. М.: Восточ. лит., 2006: 108–275.
- Ал-Истахри Абу-Исхак. Книга путей и царств. Пер. и примеч. Н. А. Караулова. Тифлис: Канцелярия Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1901. 73 с.
- Ал-Истахри. Книга путей и стран. Пер. Т. М. Калининой // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. III. Восточные

- источники. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2009: 81–86.
- Ал-Кāшгарī Махмуд. Дивāн Лугāt ат-Турк. Пер., предисл. и коммент. З.-А. М. Ауэзова. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 1288 с.
- Ал-Куфи Абу Мухаммад. Книга завоеваний (извлечения по истории Азербайджана VII–IX вв.). Пер. с араб. З. М. Бунятова. Баку: Элм, 1981. 84 с.
- Ал-Мукаддаси. Наилучшее распределение для познания стран // Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. I. VII–XV вв. Арабские и персидские источники. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939: 184–208.
- Ал-Мукаддаси. Лучшее разделение для познания климатов. Пер. с араб., введ., коммент., указ., карта, таблица — Н. И. Сериков // Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины. Вып. 2. М.: Наука, 1994: 268–334.
- Алаев Л. Б., Ашрафян К. З., отв. ред. История Востока. Т. 2. Восток в Средние века. М.: Вост. лит., 2002. 716 с., карты.
- Албогачиева М. С.-Г. Этнография и история ингушского народа в письменных источниках конца XVIII — первой трети XX в. СПб.: Наука, 2011. 180 с., ил.
- Алексеев В. П. Антропологические данные к проблеме происхождения населения Центральных предгорий Кавказского хребта // Антропологический сборник. IV. М.: Изд-во АН СССР, 1963: 28–64.
- Алексеев В. П. Очерк происхождения тюркских народов Восточной Европы в свете данных краниологии // Археология и этнография Татарии. Вып. 1. Казань: ИЯЛИ КФ АН СССР, 1971: 232–271.
- Алексеева Т. И. Антропологический тип населения Чувашии // Краткие сообщения / Институт этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР. XXIII. М.: Изд-во АН СССР, 1955: 93–100.
- Алексеева Т. И. Очерк этнической антропологии чувашей // Актуальные аспекты антропологии. Чебоксары: ЧГИГН, 2004: 50–58.
- Аликуберов А. К. Ранние хазары (до 652/653 г.), тюрки и Хазарский каганат // Хазары: миф и история. М.: Мосты культуры; Jerusalem: Gesharim, 2010: 42–65.
- Аликуберов А. К. Об интерактивных подходах к гуманитарному знанию в востоковедении // Труды Отделения историко-филологических наук РАН: 2018. М.: РАН, 2019: 152–164.
- Аль-Балхи Абу-Зайд Ахмед Ибн-Сахль. Книга видов земли. XXIV (XV) // Древние и средневековые источники по этнографии и истории Африки южнее Сахары. Т. 1. Арабские источники VII–X вв. Пер. Л. Е. Кубебя, В. В. Матвеева. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960: 274–278.
- Альмеева Н. Песенная традиция молькеевских крышен // Молькеевские крышени. Казань: ИЯЛИ, 1993: 98–116.
- Амаякян С. Г. Государственная религия Ванского царства. АДК. Ереван: ИАЭ, 1986. 22 с.

- Андрей, епископ, Никольский Н. В. Наиболее важные статистические сведения об инородцах восточной России и Западной Сибири, подверженных влиянию ислама. Казань: Тип. губ. правления, 1912. 271 с.
- Аннинский С. А. Известия венгерских миссионеров XIII и XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. Т. III. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940: 71–112.
- Аноним Равеннский. Космография // Подосинов А. В. Восточная Европа в римской картографической традиции: тексты, перевод, комментарий. М.: Индрик, 2002: 161–286.
- Анфертьев А. Н. Комментарии к «Иордан. Getica» // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I (I–VI вв.). М.: Восточ. лит., 1994: 98–160.
- Аполлоний Родосский. Аргонавтика. Изд. подг. Н. А. Чистякова. М.: Ладомир, 2001. 235 с.
- Аракелян Б. Н. Очерки по истории искусства древней Армении (VI в. до н. э. — III в. н. э.). Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1976. 124 с.
- Ардзинба В. Г. Собрание трудов. Т. III. Кавказские мифы, языки, этносы. М.; Сухум: ИВ РАН, 2015. 320 с.
- Арнаутов Михаил. Българските сватбени обреди. Етноложки и фолклорни студии. Ч. I. София: БАН, 1931. 148 с.
- Артамонов М. И. История хазар. Л.: Гос. Эрмитаж, 1962. 524 с.
- Артемьев А. [И.], ред. Казанская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 года. СПб.: Центр. стат. комитет МВД, 1866. LXXX, 237 с.
- Арутюнов С. А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М.: Наука, 1989. 247 с.
- Арутюнов С. А. Быть или не быть? (Этнография памяти) // Этнография. 2019. № 2: 172–208.
- Ат-Табари. История. Пер. с араб. В. И. Беляева. Дополнения к пер. О. Г. Большакова и А. Б. Халидова. Ташкент: Фан, 1987. 442 с.
- Атнагулов И. Р. Структура нагайбакских идентичностей: история и факторы формирования // Уральский исторический вестник. 2015. № 2: 133–143.
- Ахвандерова А. Д. Общая лексика чувашского и волжско-финских языков // Вестник ЧГПУ им. И. Я. Яковлева. 2020. № 3: 12–17.
- Ахмадов Я. З. Нахоязычные народы Кавказа в источниках раннесредневекового времени (конец IV — VI вв.) // История нахов Передней Азии, Кавказа и Чечни. М.: Литера, 2019: 378–426.
- Ахмаров Гайнетдин. Экскурсия на место древнего Суvara // ИОАИЭ. Т. XI. 1893: 478–481.
- Ахмеров Гайнетдин. Избранные труды. История Булгарии. История Казани. Этнические группы и традиции татар. Казань: Татар. кн. изд-во, 1998. 240 с.

- Ахметьянов Р. Г. Сравнительное исследование татарского и чувашского языков (фонетика и лексика). М.: Наука, 1978. 248 с.
- Ахунов А. М. Хусаин Амирхан и его книга «Таварих-е Булгарийа» // Амирханов Хусаин. Таврих-е Булгарийа (Булгарские хроники). Пер. со старотатар., вступ. ст. и коммент. А. М. Ахунова. М.: Марджани, 2010: 4–13.
- Ашмарин Н. И. Болгары и чуваша. Казань: Имп. ун-т, 1902. 132 с.
- Ашмарин Н. И. Об одном мусульманском камне на «Архирейской даче» в Казани. Казань: Тип. — лит. Имп. ун-та, 1905. 23 с.
- Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Вып. IV. Чебоксары: Наркомпрос ЧАССР, 1929. 352 с.; Вып. V. Чебоксары: Наркомпрос ЧАССР, 1930. 420 с.; Вып. XIII. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1937. 320 с.
- Багаутдинов Риза, Хузин Фаяз. Ранние болгары на Средней Волге // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. 2. Волжская Булгария и Великая Степь. Казань: Рухият, 2006: 116–123.
- Багин С. А. Об отпадении в магометанство крещеных инородцев Казанской епархии и о причинах этого печального явления // Православный собеседник. Казань, 1910: 118–127, 225–236.
- Багрянородный Константин. Об управлении империей. Введение — Г. Г. Литаврин. [Греч.] текст, пер., коммент. М.: Наука, 1991. 496 с., карта.
- Баладзори. Книга завоевания стран. Текст и перевод. Пер. с араб. П. К. Жузе. Баку: Об-во обследования и изучения Азербайджана, 1927. 111 с.
- Балановская Е. В., Агджоян А. Е., Жабагин М. К., Юсупов Ю. М., Схаляхо Р. А., Долинина Д. О., Падюкова А. Д., Кузнецова М. А., Маркина Н. В., Атраментова Л. А., Лавряшина М. Б., Балановский О. П. Татары Евразии: своеобразие генофондов крымских, поволжских и сибирских татар // Вестник Московского университета. Серия XXIII: Антропология. 2016. № 3: 75–85.
- Балановский О. П. Генофонд Европы. М.: Тов-во науч. изданий КМК, 2015. 354 с.
- Баранов В. С., Валеев Р. М., Ситдилов А. Г., Хайрутдинов Р. Р. Древний Болгар с истории и культуре Евразии // Город Болгар. История изучения и сохранения. М.: Наука, 2021: 106–180.
- Барбаро Контарини о России: к истории итало-русских связей в XV в. Пер. Е. Ч. Скржинской. М.: Наука, 1971. 275 с.
- Бардавелидзе В. В. Древние религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен. Тбилиси: Изд-во АН ГССР, 1957. 305 с., XXXII табл.
- Бартольд В. В. История турецко-монгольских народов. Ташкент: Казак. высш. пед. ин-т, 1928. 35 с.
- Бартольд В. Введение // Худūd ал-‘Āлем. Рукопись Туманского. С введением и указателем В. Бартольда. Л.: Изд-во АН СССР, 1930: 1–32.

- Бартольд В. В. Сочинения. Т. V. М.: Наука, 1968. 757 с.; Т. VIII. 1973. 723 с.
- Баскаков Н. А. Тюркские языки. М.: ЛКИ, 2008. 242 с.
- Бгажноков Б. Х. К вопросу о происхождении и ранней истории майкопско-анатолийских племен // Археология и этнология Северного Кавказа. Вып. 8. Нальчик: ИГИ КБНЦ РАН, 2018: 7–18.
- Белоруссова С. Ю. Нагайбаки: динамика этничности. СПб.: МАЭ РАН, 2019. 424 с.
- Белорыбкин Г. Н. Западное Поволжье в средние века. Пенза: ПГПУ, 2003. 199 с.
- Бенцинг И. Языки гуннов, дунайских и волжских болгар // Зарубежная тюркология. Вып. I. М.: Наука, 1986: 1–28.
- Бердзенишвили Н. А., гл. ред. История Грузии. Т. I. С древнейших времен до 60-х годов XIX века. Тбилиси: Учпедгиз, 1962. 254 с.
- Березин А. Ю., Березина Н. С., Михайлов Е. П., Мясников Н. С., Хамзин Р. Н. Итоги археологических раскопок Большетаябинского городища и могильника в 2018 году // Чувакская археология. Вып. 4. Чебоксары: ЧГИГН, 2022: 45–197.
- Березина Н. С., Харитонова В. Г., Ефремова Д. Ю. Предварительные итоги изучения болгаро-чувакского Шинерпосинского святилища в округе города Чебоксары (по материалам этнографии и археологической разведки) // Город Чебоксары и его округа в эпоху Средневековья. Чебоксары: ЧГИГН, 2013: 56–65.
- Бермишева М., Тамбетс К., Виллемс Р., Хуснутдинова Э. Разнообразие гаплогрупп митохондриальной ДНК у народов Волго-Уральского региона России // Молекулярная биология. Т. 36. 2002. № 6: 990–1001.
- Беруни Абу Райхан (973–1048). Избранные произведения. Т. VI. Вст. ст., пер. и примеч. Б. А. Розенфельда и А. Ахмерова. Ташкент: Фан, 1975. 328 с.
- Большаков О. Г. Примечания // Ал-Гарнати Абу Хамид. Путешествие в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.). М.: Гл. ред. восточ. лит., 1971: 62–83.
- Боталов С. Г. Гунны и тюрки (историко-археологическая реконструкция). Челябинск: ЮУФ ИИА УрО РАН, 2007. 306 с.
- Бруин Корнелий де. Путешествия в Московию // Россия XVIII века глазами иностранцев. Л.: Лениздат, 1989: 19–188.
- Буданова В. П. Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М.: Наука, 2000. 540 с.
- Бужилова А. П. Донские аланы по данным антропологии // Человек и древности: памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009). М.: Гриф и К., 2010: 855–866.
- Булатов А. Б., Димитриев В. Д. Параллели в верованиях древних суваров и чувашей // Ученые записки. Вып. XXI. Чебоксары: НИИЯЛИЭ, 1962: 226–236.

- Булыгина Е. А., Соловьев В. Д. ДНК-филогения и лингвистическое разнообразие тюркских народов // Ученые записки Казанского университета: Естественные науки. Т. 155, кн. 4. 2013: 69–81.
- Быковский С. Н. Яфетический предок восточных славян — коммеричи. М.: ОГИЗ, 1931. 100 с.
- Валеев Р. М. Торговля в Поволжье и Приуралье в IX — начале XV веков. АДД. Казань: КГУКИ, 2011. 42 с.
- Валеева-Сулейманова Г. Ф. Болгаро-хазарский генезис и проблема средневожского варианта салтовской культуры в искусстве казанских татар // Средневековые тюрко-татарские государства. № 9. 2017: 31–37.
- Валиулина С. И., Зиливинская Э. Д. Стекланные изделия с I раскопа Самосдельского городища // Самосдельское городище: вопросы изучения и интерпретации. Астрахань: Астраханская цифровая типография, 2011: 100–112.
- Вардан Великий. Всеобщая история. Пер. Н. Эмин. М.: Лазарев. ин-т восточ. яз., 1861. 218 с.
- Васильев Д. В., Зиливинская Э. Д. К вопросу об интерпретации Самосдельского городища на разных этапах его существования // Самосдельское городище: вопросы изучения и интерпретации. Астрахань: Астраханская цифровая типография, 2011: 159–167.
- Васильева Т. А., Петрова Н. В., Тимковская Е. Е., Ельчинова Г. И., Зинченко Р. А., Гинтер Е. К. Медико-генетическое изучение населения Республики Татарстан. Сообщение VI. Популяционно-генетическое изучение этногеографических групп татар (анализ девяти полиморфных ДНК-локусов ядерного генома) // Медицинская генетика. Т. 12. 2013. № 5: 3–20.
- Вернадский Г. В. История России: Древняя Русь. Тверь: ЛЕАН, 1996. 448 с., карты.
- Витсен Николаас. Северная и Восточная Тартария, включающая области, расположенные в северной и восточной частях Европы и Азии. Т. I. Амстердам: Pegasus, 2010. XXIII, 621 с.
- Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М.: Наука, 1973. 208 с.
- Воробьева Е. Е., Федулов М. И. «Большие Ключищи» Ульяновской области как новый археологический комплекс: предварительные итоги // Поволжская археология. 2016. № 1: 235–248.
- Гаджиев А. Г. Древнее население Дагестана. По данным краниологии. М.: Наука, 1975. 128 с., ил.
- Гаджиев М. С. О местоположении Варачана // РА. 1995. № 2: 29–35.
- Гаджиев М. С. Из истории создания кавказско-албанской письменности: некоторые спорные моменты // Вестник Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН. 2005. № 2: 48–57.

- Гаджиев М. С. Определение абсолютной даты строительства цитадели и северной городской стены Дербента и произведенных трудовых затрат // Вестник Института ИАЭ. 2006. № 1: 77–94.
- Гаджиев М. С. Этническая карта Северного Кавказа в период поздней античности (общий обзор по данным письменных источников) // Вестник Дагестанского научного центра. 2019. № 72: 17–30.
- Гаджиев М. С., Будаичиев А. Л., Абдулаев А. М., Абиев А. К. Раскопки Дербентского поселения в 2017 г. // История, археология и этнография Кавказа. 2020. № 2: 461–488.
- Гаджиев М. С., Будаичиев А. Л., Абдулаев А. М., Абиев А. К. Раскопки Дербентского поселения в 2019 г. // История, археология и этнография Кавказа. 2022. № 2: 519–542.
- Гаджиев М. С., Касумова С. Ю. Среднеперсидские надписи Дербента VI века. М.: Вост., лит., 2006. 128 с.; ил.
- Гадлю А. В. Основные этапы и тенденции этносоциального развития этнических общностей Северного Кавказа в период раннего средневековья // Вестник Ленинградского университета. Серия 2. Вып. 1. 1986: 11–23.
- Газимзянов И. Р. Антропологический облик татар // Татары. М.: Наука, 2001: 35–40.
- Газимзянов И. Р., Набиуллин Н. Г. Антропология населения Джукетау (по материалам Донауровского некрополя) // Ученые записки Казанского университета. Т. 153, кн. 3. Гуманитарные науки. 2011: 21–28.
- Галкина Е. С. К вопросу о роли Великой Булгарии в этнополитической истории Восточной Европы // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2011. № 1: 5–32.
- Галлямова А. Г., Столярова Г. Р. Чуваш-язычники Татарстана: этнокультурная отличительность в условиях модернизации // Крестьянство в российских трансформациях: исторический опыт и современность. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2010: 107–112.
- Гасанов М. Р. Кавказская Албания — древнейшее государство на территории Кавказа // Научная мысль Кавказа. 2015. № 1: 76–81.
- Гевонд Вардапет. История халифов. Пер. с армян. К. Патканьян. СПб.: Тип. Имп. АН, 1862. [2], XII, 165, [3] с.
- Гейбуллаев Г. А. Топонимия Азербайджана (историко-этнографическое исследование). Баку: Элм, 1986. 116 с.
- Генко А. Н. Арабский язык и кавказоведение // Труды Института востоковедения. Вып. XXXVI. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941: 81–110.
- Георги И. И. Изображение одежд принадлежащих к Описанию всех народов, обретающихся в Российской империи. Собрание 1–3. СПб.: Артиллер. и инж. кад. корпус, 1776–1779. Собрание 1. Народы финского племени. 1776. [3] с., 25 л. грав. Собрание 2. Народы татарского племени. 1776. [3] с., 30 л. грав.

- Герасимова М. М. К вопросу о происхождении балкарцев // Вестник антропологии. 2013. № 3: 52–71.
- Герберштейн Сигизмунд. Записки о Московии. Пер. А. В. Назаренко. М.: МГУ, 1988. 431 с.
- Геродот. История в девяти книгах. Примечания — Г. А. Стратановский. М.: Ладомир, 1993. 900 с.
- Гмыря Л. Б. «Царство гуннов» (савир) в Дагестане в IV–VII вв. АДК. СПб.: ИА АН СССР, 1980. 20 с.
- Гмыря Л. Б. Некоторые сведения о гуннах Дагестана // Древние в средневековые археологические памятники Дагестана. Махачкала: ИИЯЛ ДФ АН СССР, 1980а: 153–169.
- Гмыря Л. Б. Страна гуннов у Каспийских ворот: Прикаспийский Дагестан в эпоху Великого переселения народов. Махачкала: Дагестан. кн. изд-во, 1995. 287 с.
- Гмыря Л. Б. Обретенная родина в представлениях номадов Прикаспийского Дагестана (IV–VII вв.) // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. № 18: 111–118.
- Гмыря Л. Б. «Диковинный» обряд вызова дождя в религиозной практике населения Прикаспийского Дагестана (652/653) // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2009. № 3: 58–62.
- Гмыря Л. Б. Правовые нормы в Хазарском каганате на раннем этапе истории (середина VII — первая треть VIII в.) // Вестник Института ИАЭ ДНЦ РАН. 2012. № 2: 3–20.
- Гмыря Л. Б. Височные привески как социальные маркеры у кочевников Западного Прикаспия (по материалам Паласа-Сыртского курганного могильника IV–V вв.) // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 234. М.: Языки славянской культуры, 2014: 25–42.
- Гмыря Л. Б. Намеренное искажение убора женского костюма в погребальной практике кочевников Западного Прикаспия (по материалам Паласа-Сыртского курганного могильника IV–V вв.) // Древние культы, обряды, ритуалы: памятники и практика. Зимовники: ЗКМ, 2015: 194–228.
- Гмыря Л. Б. Височные привески как социальные маркеры у кочевников Западного Прикаспия (по материалам Паласа-Сыртского курганного могильника IV–V вв.) // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 234. М.: Языки славянской культуры, 2014: 25–42.
- Гмыря Л. Б., Саидов В. А., Абдулаев А. М., Шаушев К. Б., Магомедов Ю. А., Кузеева З. З. Раскопки нового объекта сасанидской фортификации на р. Рубас в 2014 г. // Вестник Института ИАЭ ДНЦ РАН. 2015. № 4: 165–170.
- Голан Ариэль. Миф и символ. М.: Русслит, 1993. 375 с.: ил.
- Голден П. Б. Религия кыпчаков средневековой Евразии // Степи Евразии в эпоху Средневековья. Т. 6. Донецк: ДНУ, 2008: 309–340.

- Головнёв А. В. Антропология движения. (Древности Северной Евразии.) Екатеринбург: Волот, 2009. 496 с.
- Головнёв А. В. Дрейф этничности // Уральский исторический вестник. 2009а. № 4: 46–55.
- Головнёв А. В. Этногенез как пасьянс: о происхождении самодийцев и угров // Этнография. 2023. № 3: 6–44.
- Гончаров Е. Ю. Двуглавый орел на монетах Золотой Орды и Малой Азии: вторая половина XIII — XIV вв. // Нумизматика Золотой Орды. 2015. № 5: 5–15.
- Горелов Н. С., подг. к изд. Книга странствий. СПб.: Азбука-классика, 2006. 320 с.
- Греков Б. Д. Избранные труды. Т. II. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 624 с.
- Григорьев С. А. Индоевропейская проблема: основные тенденции в распространении языка, культуры и генов в Евразии // Степная Евразия: бронзовый мир. Челябинск: ЧГУ, 2020: 73–110.
- Гришкина М. В. Служилое землевладение арских князей в Удмуртии XVI — первой половины XVIII веков // Проблемы аграрной истории Удмуртии. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1988: 20–40.
- Грузины спели чувашскую песню «Вёс-вёс куккук» — Достояние Республики [Электронный ресурс]. URL: <https://d-r.su/gruziny-speli-chuvashskuju-pesnju-vec-vec-kukuk/> (дата обращения: 15.12.2023).
- Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. 2. Исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии. Л.: Учен. комитета МНР, 1926. VI, 898 с.
- Гумба Г. Д. Саспиры (сасперы) Геродота // Труды Абхазского государственного музея. Сухум: Абгосиздат, 2018: 95–105.
- Гумилев Л. Н. Открытие Хазарии. М.: Айрис-пресс, 2007. 411 с.
- Гуревич А. Я. Подводя итоги... // Одиссей. Человек в истории. 2000. М.: Наука, 2000: 125–138.
- Гусейнзаде А. Об одном древнем этнопониме Азербайджана (Biläsuvar) // Советская тюркология. 1979. № 5: 30–35.
- Далгат Б. К. Первобытная религия чеченцев и ингушей. М.: Наука, 2004. 240 с.
- Даль Владимир. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. III. М.: Рус. яз., 1982. 556 с.
- Данзан Лубсан. Алтан тобчи «Золотое сказание». Пер., введ., коммент. и прил. Н. П. Шастиной. М.: Наука, 1973. 439 с.
- Дебет Златоликий и его друзья. Балкаро-карачаевский нартский эпос. Пер. С. Липкина. Нальчик: Эльбрус, 1973. 155 с.
- Дебец Г. Ф. Турко-финские взаимоотношения в Поволжье по данным палеоантропологии // Антропологический журнал. 1932. № 1: 54–73.
- Денисов П. В. Религиозные верования чуваш. Историко-этнографические очерки. Чуваш. гос. изд-во, 1959. 408 с.

- Денисов П. В. Этнокультурные параллели дунайских болгар и чувашей. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1969. 176 с.
- Денисова Г. А., Мальярчук Б. А., Деренко М. В., Кравцова О. А. Популяционная структура поволжских татар по данным о разнообразии митохондриальной ДНК // Генетика. Т. 47. 2011. № 3: 387–393.
- Дестунис Г. С., пер. с греч., примеч. Сказания Приска Панийского. СПб.: Тип. АН, 1860. 112 с.
- Дёрфер Г. О языке гуннов // Зарубежная тюркология. Вып. I. М.: Наука, 1986: 71–134.
- Джапуа Зураб Д. Вклад Е. М. Мелетинского в кавказское эпосоведение: к 100-летию со дня рождения ученого // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2020. № 4: 76–89.
- Джафаров Ю. Р. Гунны и Азербайджан. Баку: Элм, 1985. 124 с.
- Джувейни Ала-ад-Дин Ата-Мелик. Чигисхан: История завоевателя мира. Предисл. и библиогр. — Дэвид О. Морган. Пер. текста с англ. на рус. яз. — Е. Е. Харитоновна. М.: Магистр-Пресс, 2004. LXI, 690 с.
- Димитриев В. Д. О происхождении чувашского народа // Материалы по истории Чувашской АССР: Вып. 1. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1958: 50–61.
- Димитриев В. Д. Население Чувашского Поволжья в составе Булгарского государства (X — начало XIII веков) // История Чувашской АССР с древнейших времен до наших дней (краткие очерки). Кн. 1 (дореволюционный период). Чебоксары: НИИЯЛИЭ, 1962: 23–33.
- Димитриев В. Д. О значении этнонима «черемисы» в русских и западноевропейских источниках XVI — начала XVIII веков // Ученые записки / НИИ при СМ ЧАССР. Вып. XXVII. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1964: 118–132.
- Димитриев В. Д. Навеки с русским народом. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1976. 80 с.
- Димитриев В. Д. Чувашские исторические предания: Очерки истории чувашского народа с древнейших времен до середины XIX века. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1993. 448 с.
- Димитриев В. Д. История и национальные проблемы чувашского народа // Вестник Чувашской национальной академии. 1994. № 2: 26–33.
- Димитриев В. Д. Истощает нацию нигилизм // Чувашское население России: Консолидация. Диаспоризация. Интеграция. Т. 1. М.: ИЭА РАН, 2000: 357–360.
- Димитриев В. Д. Чебоксары: Очерки истории города конца XIII–XVII веков. Чебоксары: ЧГИГН, 2003. 180 с.
- Димитриев В. Д. Землевладение служилых чувашей Свияжского уезда в середине XVII века // Аграрный строй Среднего Поволжья в этническом измерении. М.: ИНИОН РАН, 2005: 53–71.
- Димитриев В. Д. Чувашский народ в составе Казанского ханства: Предыстория и история. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2014. 190 с.

- Димитриев В. Д. Фальсификация истории. URL: [http:// chuvbolgari. ru/ index.php/template/kultura-chuvashii/217-falsifikatsiya-istorii](http://chuvbolgari.ru/index.php/template/kultura-chuvashii/217-falsifikatsiya-istorii).
- Добродомов И. Некоторые осетинско-чувашские лексические параллели // Межъязыковое взаимодействие в Волго-Камье. Чебоксары: ЧГУ, 1988: 78–84.
- Добродомов И. Г. Буртасский язык — исчезнувший аланский диалект в Среднем Поволжье // *Uralo-Indogermanica*: Балто-славянские языки и проблема урало-индоевропейских связей. Ч. II. М.: Ин-т славяноведения и балканистики, 1990: 64–70.
- Дондуа К. Д. Статьи по общему и кавказскому языкознанию. Л.: Наука, 1975. 319 с.
- Дубов И. Великий Волжский путь. Л.: ЛГУ, 1989. 257 с.
- Дубова Н. А. Соотношение биологической и социально-культурной дифференциации человечества (на примере народов Средней Азии, Северного Кавказа и Приуралья). АДД. М.: ИЭА РАН, 2002. 80 с.
- Дударев С. Л., ред. Сборник избранных статей Виталия Борисовича Виноградова. К 70-летию со дня рождения. Армавир. гос. пед. ун-т, 2008. 228 с.
- Дыбо А. В. Хронология тюркских языков и лингвистические контакты ранних тюрков // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. М.: Наука, 2006: 766–817.
- Дыбо А. В. Вокализм раннетюркских заимствований в венгерском // *Finnisch-Ugrische Mitteilungen*. В. 32/33. Hamburg: Helmut Buske Verlag, 2009: 71–120.
- Дыбо А. В. Этимологический словарь тюркских языков. Т. 9 (дополнительный). Этимологический словарь базисной лексики тюркских языков. М.: Наука, 2015. 577 с.
- Дьяконов И. М. Языки древней Передней Азии. М.: Наука, 1967. 492 с.
- Дьяконов И. М. Предыстория армянского народа. История Армянского нагорья с 1500 по 500 г. до н. э. Хурриты, лувийцы, протоармяне. Ереван: ИИ АН АрмССР, 1968. 264 с.
- Дьяконов И. М. История Мидии от древнейших времен до конца IV века до н. э. СПб.: Филол. фак-т СПбГУ, 2008. 571 с.
- Дьяконов И. М., Старостин С. А. Хуррито-урартские и восточнокавказские языки // Старостин С. А. Труды по языкознанию. М.: Языки славян. культуры, 2007: 359–406.
- Дьяконов М. М. Очерк истории Древнего Ирана. М.: Изд-во восточ. лит-ры, 1961. 444 с.
- Егоров В. Г. К вопросу о происхождении чуваш и их языка // Записки. Вып. VII. Чебоксары: НИИЯЛИЭ, 1953: 64–91.
- Егоров В. Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1964. 355 с.

- Егоров В. Г. Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1971. 204 с.
- Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: Наука, 1985. 246 с.
- Егоров Н. И. Избранные труды. Этимология. Этноглоттогенез. Этнолингвокультурология. Т. 1. Астана; Чебоксары: ЧГИГН, 2009. 1016 с.
- Егоров Н. И. Динамика формирования национальных концепций идентичности у татар и чувашей. От конфессионального к этнонациональному. Чебоксары: ЧГИГН, 2012. 52 с.
- Еремеев Д. Е. «Тюрк» — этноним иранского происхождения? (К проблеме этногенеза древних тюрков) // СЭ. 1990. № 3: 129–135.
- Ефимова А. М. Могильник на Бабьем бугре городища Болгары // Материалы и исследования по археологии СССР. № 80. М.: Изд-во АН СССР, 1960: 169–194.
- Ефимова С. Г. Краниология чувашей как исторический источник // Чуваши. Актуальные аспекты антропологии. Чебоксары: ЧГИГН, 2004: 59–80.
- Желтов П. В., Фомин Е. В., Луутонен Й. Обратный словарь чувашского языка. Helsinki: SFO, 2009. 344 с.
- Журнал общего годичного собрания членов Православного миссионерского общества по Симбирскому его комитету 7 апреля 1902 года // Симбирские епархиальные ведомости. 1902: 476–481.
- Забелин И. Е. История русской жизни с древнейших времен. Ч. 1. М.: Тип. Грачева и К, 1876. 1174 с.
- Закирова И. Г. Народное творчество Булгарского периода. ДК. Казань: ТГГИ, 2000. 175 с.
- Заяй Л. З. Ответы на вопросы // Происхождение казанских татар. Казань: Татгосиздат, 1948: 156–158.
- Захария Ритор. Хроника // Пигулевская Н. В. Сирийская средневековая историография. Исследования и переводы / Сост. Е. Н. Мещерская. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011: 570–597.
- Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. I. Горган и Поволжье IX–X вв. М.: Наука, 1962. 278 с.; Т. II. Булгары, мадьяры, народы Севера, печенеги, русы, славяне. М.: Наука, 1967. 212 с.
- Зеленеев Ю. А. Этнокультурная история Поволжья в XII–XV вв. АДД. Казань: ИИ АН РТ, 2013. 58 с.
- Зиливинская Э. Д. Дома с подпольным отоплением в Волжской Булгарии // СА. 1989. № 4: 223–234.
- Зиливинская Э. Д. Взаимодействие культурных традиций в зодчестве Золотой Орды по данным археологии. АДД. М.: ИА РАН, 2012. 40 с.
- Золотов Н. Я. Краткий очерк народной поэзии чуваш. Шупашкар: Чăваш кĕн. уйрăмĕ, 1928. 87 с.
- Ибн ал-Асир. Полный свод истории (Ал-Камил фи-т-та'рих). Пер. с араб., коммент., указ. — П. Г. Булгаков. Доп. к пер., примеч. и коммент. Ш. С. Камолиддина. Ташкент: Узбекистан, 2006. 590 с.

- Ибн Баттута Абу Абдаллах. Подарок наблюдателям по части диких стран и чудес путешествий // Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб.: С. Г. Строганов, 1884: 278–314.
- Ибн-Даста. Известия о хозарах, бургасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен Омар Ибн-Даста, неизвестного доселе арабского писателя X века, по рукописи Британского музея в первый раз издал, перевел и объяснил Д. А. Хвольсон. СПб.: Имп. ун-т, 1869. XIII, 199 с.
- Ибн Са'ид ал-Магриби. Книга распространения земли в длину и ширину // Коновалова И. Г. Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII–XIV вв.: Текст. Перевод. Комментарии. М.: Восточ. лит., 2009: 19–75.
- Ибн-Фадлан. Книга // Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Ст., пер. и коммент. Харьков: Харьков. ун-т, 1956: 119–148.
- Ибн Фадлан Ахмад. Книга. Пер. с араб. и примеч. Вяч. С. Кулешова // Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара. Каталог выставки. М.: Издательский дом Марджани, 2016: 18–47.
- Ибн Хаукал Абу-л-Касым. Книга путей и стран. Пер. Т. М. Калининой // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. III. Восточные источники. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2009: 86–94.
- Ибн Хордадбех. Книга путей и стран. Пер., коммент., исслед., указатели и карты Н. М. Велихановой. М.: Наука, 1986. 527 с., карты.
- Иванов Виталий. Этническая история чувашского народа. Научный очерк. Чебоксары: ЧГИГН; Фонд историко-культурологических исследований им. К. В. Иванова, 2010. 88 с.
- Иванов В. П. Метаморфозы этничности. Полемиические этюды по этнопсихологии чувашей. Чебоксары: Фонд историко-культурологических исследований им. К. В. Иванова, 2019. 143 с.
- Иванов В. П. Очерки по истории и этнографии Чувашии: избранные труды (2012–2022). Чебоксары: ЧГИГН, 2022. 304 с.
- Иванов Вяч. Вс. О некоторых переднеазиатских параллелях к картвельским лексемам // Лингвистический сборник. Тбилиси: Мецниереба, 1979: 111–129.
- Измайлов Искандер. Защитники «Стены Искандера»: Вооружение, военное искусство и военная история Волжской Булгарии X–XIII вв. Казань: Татар. кн. изд-во, 2008. 206 с.
- Измайлов И. Л. Распространение и местные особенности ислама в Волжской Болгарии // Исламоведческие исследования в современной России и СНГ: достижения, проблемы и перспективы. Т. II. Казань: Intelpress, 2009: 40–50.

- Измайлов И. Л. Ислам в Волжской Булгарии: распространение и региональные особенности // История и современность. № 2. Волгоград, 2011: 34–51.
- Измайлов И. Л. История Болгара по письменным источникам // Город Болгар. История изучения и сохранения. М.: Наука, 2021: 5–34.
- Измайлов И. Л. Средневековые болгары: становление этнополитической общности в VIII — первой трети XIII в. Казань: ИИ АН РТ, 2022. 736 с.
- Измайлов И. Л. Знаки-тамги как символы Булгарской государственности X — первой трети XIII века // Археология Евразийских степей. 2022а. № 1: 148–159.
- Иованнес Драсханакертци. История Армении. Пер. с древнеармян., вступ. ст. и коммент. М. О. Дарбинян-Меликян. Автор карт С. Т. Еремян. Ереван: Советакан грох, 1986. 400 с., 3 карты.
- Иордан. О происхождении и деяниях геттов. *Getica*. Вступ. ст., пер., комм. Е. Ч. Скржинской. СПб.: Алетей, 2001. 512 с.
- Исхаков Д. М. От средневековых татар к татарам нового времени (этнополитический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.). Казань: Мастер Лайн, 1998. 276 с.
- Исхаков Д. М. Этнополитические и демографические процессы в XV–XX веках // Татары. М.: Наука, 2001: 101–161.
- Исхаков Д. М., Измайлов И. Л. Этнополитическая история татар в VI — первой четверти XV в. Казань: ИИ АН РТ, 2000. 136 с.
- Исхаков Д. М., Измайлов И. Л. Этнополитическая история татар в VI — первой четверти XV в. // Татары. М.: Наука, 2001: 41–100.
- Исхаков Р. Р. Миссионерство и мусульмане Волго-Камья (последняя треть XVIII — начало XX вв.). Казань: Татар. кн. изд-во, 2011. 222 с.
- Исхаков Р. Р. Параллели в религиозно-мифологической картине мира и обрядовости татар и чувашей. Опыт историко-этнографической реконструкции. Чебоксары: ЧГИГН, 2013. 56 с.
- Исхаков Р. Р., Багаутдинова Х. З., авторы-составители. Материалы по истории образования и просвещения народов Волго-Уралья в рукописных фондах Н. И. Ильминского. Сборник документов и материалов. Казань: ИИ АН РТ, 2015. 620 с.
- Исхаков Р. Р., Николаев Г. А., сост., предисл. и примеч. Татары-кряшены в зеркале фольклора и этнографических сочинений Казанских кряшенских педагогических курсов (педагогического техникума) (1921–1922 гг.): Сб. материалов и документов. Казань: ИИ АН РТ; Чебоксары: ЧГИГН, 2014. 316 с.
- Казаков Е. О типологии и периодизации древностей Болгарии: VII–X вв. // Симпозиум «Славяни и прабългари»: Доклады. София: БАН, 1982: 388–391.
- Казаков Евгений. Ранние болгары в Поволжье // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. I. Народы степной Евразии в древности. Казань: Рухият, 2002: 185–194.

- Казаков Е. П. Хронология древностей Волжской Болгарии в системе средневековых миграций Восточной Европы // Поволжская археология. 2014. № 3: 222–241.
- Казаков Е. П. Проблемы становления салтово-маяцкой культуры // VII Халиковские чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 50-летию Билярской археологической экспедиции. Казань: Институт археологии им. А. Х. Халикова АН РТ, 2017: 155–170.
- Казаков Е. П., Халиков А. Х., Халикова Е. А. Биляр // Археологические открытия 1967 года. М.: Наука, 1968: 133–134.
- Казанский М. М. Ранневизантийский орел из Концешт: о возможной идентификации // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. XIII Международного византийского семинара (Севастополь — Балаклава, 29 мая — 3 июня 2021 г.). Симферополь: АРИАЛ, 2021: 139–148.
- Каланкатуаци Мовсэс. История страны Алуанк (в 3-х книгах). Пер. с древнеармян., предисл. и коммент. Ш. В. Смбатяна. Ереван: Матенадаран, 1984. 257 с.
- Калинина Т. М. Проблемы истории Хазарии (по данным восточных источников). М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. 288 с.
- Каракетов М. Д. Этнонимия. Традиционные верования // Карачаевцы. Балкарцы. М.: Наука, 2014: 92–97, 394–442.
- Карамзин Н. М. Полное собрание сочинений. Т. 1. История государства Российского. Подг. текста и коммент. А. М. Кузнецова. М.: Терра-Книжный клуб, 1998. 576 с.
- Карпов Ю. Ю. Женское пространство в культуре народов Кавказа. СПб.: Петербург. востоковедение, 2001. 419 с.
- Касьян А. С. Некоторые соображения о лексических схождениях между хурритским и северокавказскими языками // Индоевропейское языкознание и классическая филология — XV (чтения памяти И. М. Тронского). СПб.: Наука, 2011: 252–258.
- Касьян А. С., Сидельцев А. В. Хеттский язык // Языки мира. Реликтовые индоевропейские языки Передней Азии. М.: Academia, 2013: 26–75.
- Каховский Б. В. О язычестве волжских болгар (по археологическим данным) // Новые исследования по археологии и этнографии Чувашии. Чебоксары: НИИ, 1983: 26–42.
- Каховский В. Ф. Была ли письменность у чувашей в древности? // Ученые записки / НИИЯЛИЭ. Вып. XXI. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1962: 201–225.
- Каховский В. Ф. Происхождение чувашского народа. Основные этапы этнической истории. Чуваш. кн. изд-во, 1965. 484 с.
- Каховский В. Ф. Об историко-культурных связях предков чуваш с народами Кавказа по данным этнографии // Ученые записки / ЧГПИ. Вып. XXI. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1965а: 189–212.

- Каховский В.Ф. Сувары и чувашы // Городище Хулаш и памятники средневековья Чувашского Поволжья. Чебоксары: НИИ при СМ ЧАССР, 1972: 200–217.
- Каховский В.Ф., Смирнов А.П. Хулаш // Городище Хулаш и памятники средневековья Чувашского Поволжья. Чебоксары: НИИ при СМ ЧАССР, 1972: 3–73.
- Каховский В.Ф., Смирнов А.П. Памятники средневековья Чувашского Поволжья // Городище Хулаш и памятники средневековья Чувашского Поволжья. Чебоксары: НИИ при СМ ЧАССР, 1972а: 116–117.
- Кашибадзе В.Ф. Кавказ в антропоисторическом пространстве Евразии (одонтологическое исследование). АДД. Вешенская: ГМЗ М.А. Шолохова, 2007. 50 с.
- Кеппен Петр. Хронологический указатель материалов для истории инородцев Европейской России. СПб.: Имп. АН, 1861. VI, 2, 510 с.
- Климов Г.А., Халилов М.Ш. Словарь кавказских языков. Сопоставление основной лексики. М.: Восточ. лит-ра, 2003. 511 с.
- Климов Г.А., Эдельман Д.И. К этимологии Albasty/Almasty // СТ. 1979: 57–63.
- Кобзев А.В. Исламизация православных чувашей и чувашей-язычников Симбирской губернии в XIX — начале XX веков // Отечественная история. 2007. № 5: 120–126.
- Ковалевский А.П. Чувашы и булгары по данным Ахмеда Ибн-Фадлана. Чебоксары: НИИ, 1954. 64 с.
- Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Ст., пер. и коммент. Харьков: ХГУ, 1956. 347 с., 1 л. ил.
- Ковалевский Максим. Современный обычай и древний закон. Т. 1. М.: Тип. В. Гатцук, 1886. VII, 340, II с.
- Козинцев А.Г., Моисеев В.Г. Об антропологическом своеобразии уралоязычных народов: сопоставление данных краниоскопии и краниометрии // Этнографическое обозрение. 1995. № 4: 81–88.
- Коковцев П.К. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л.: Изд-во АН СССР, 1932. XXXVIII, 134 с.
- Комар А.В. К дискуссии о хронологии раннесредневековых кочевнических памятников Среднего Поволжья // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (вопросы межетнических контактов межкультурного взаимодействия). Самара: Офорт, 2010: 169–199.
- Комар А.В. Хазарская дилемма: тюрки или теле // Тюркологический сборник: 2011–2012. М.: Наука, 2013: 171–203.
- Комит Марцеллин. Хроника. Пер., ред. Н.Н. Болгов. Белгород: БелГУ, 2010. 230 с.
- Кондратьев М.Г. Музыкальный фольклор молькеевских кряшен в свете чувашских параллелей // Чувашское искусство. Вопросы теории и истории. Вып. 3. Чебоксары: ЧГИГН, 1997: 29–69.

- Кондратьев М. Г. Музыкальные культуры Волго-Уралья как цивилизационная целостность // Проблемы музыкальной науки. 2011. № 1: 6–10.
- Коновалова И. Г. Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы: текст, перевод, комментарий. М.: Восточ. лит., 2006. 328 с.
- Кононов А. Н. История изучения тюркских языков в России. Дookтябрьский период. Л.: Наука, 1982. 360 с.
- Кореневский С. Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. Майкопско-новосвободненская общность. Проблемы внутренней типологии. М.: Наука, 2004. 241 с.
- Кореневский С. Н. Историко-культурные процессы в Предкавказье в отражении поселенческих и погребальных памятников в свете аналогий с югом и севером в эпоху урукской культуры (обзор аспектов темы) // Е. И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. М.: ИА РАН, 2014: 67–69.
- Котович В. М. Некоторые данные о связях населения Дагестана и Передней Азии в древности // Средняя Азия, Кавказ и Зарубежный Восток в древности. М.: Наука, 1983: 4–12.
- Кошеленко Г. А., ред. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М.: Наука, 1985. 495 с.
- Кравцова О. А., Газимзянов И. Р. Генетический портрет поволжских татар: за гранью видимого, или что скрывает ДНК. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2011. 204 с.
- Кравцова О. А., Газимзянов И. Р., Миргалеев И. М. Генетический облик поволжских татар // Золотоордынское наследие. Вып. 2. Казань: ИИ АН РТ, 2011: 233–237.
- Краснов Ю. А. Проблема происхождения чувашского народа в свете археологических данных // СА. 1974. № 3: 112–124.
- Краснов Ю. А. Избранные труды. М.: ИА РАН, 2011. 392 с.
- Кудрявцев О. В. Племена и народности Кавказа (VI–IV вв. до н. э.) // Всемирная история. Т. II. М.: Госполитиздат, 1956: 154–158.
- Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. Уфа: АН РБ, 2010. 560 с.
- Куник А. А. Замечания [на кн. Ибн-Дасты «Известия...»] // Записки Императорской Академии наук. 1870. Т. 18. Кн. I: 152–154.
- Куник А. О родстве хагано-болгар с чувашами по славяно-болгарскому Именнику // Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. Ч. 1. СПб.: Имп. АН, 1878: 118–161.
- Кунина А. Семейные обычаи и обряды у шапсугов // Религиозные пережитки у черкесов-шапсугов. МГУ, 1940: 19–22.
- Кутуев И. А., Литвинов С. С., Хусаинова Р. И., Юнусбаев Б. Б., Виллемс Р., Хуснутдинова Э. К. Генетическая структура и молекулярная филогеография популяций Кавказа по данным Y-хромосомы // Медицинская генетика. Т. 9. 2010. № 3: 18–25.

- Кутуев И. А., Хуснутдинова Э. К. Генетическая структура и молекулярная филогеография народов Евразии. Уфа: Гилем, 2011. 239 с.
- Кызласов И. Л. Вопросы хазароведения // Степи Восточной Европы в Средние века. М.: Авторская книга, 2016: 249–257.
- Кызласов Игорь. Современные основы тюркской рунологии // *Turkic Studies Journal*. 2020. № 2: 6–14.
- Лайпанов К. Т. Этногенетические взаимосвязи карачаево-балкарцев с другими народами. Черкесск, КЧГТИ РЧО, 2000. 80 с., [1] л. карты.
- Латышев В. В., пер. и примеч. Приск Панийский. Готская история // Вестник древней истории. 1948. № 4: 244–267.
- Левин И. Х. Этана: Шумеро-акадское предание. Источниковедческое исследование. Автореферат ДК. Л.: Ин-т народов Азии, 1967. 15 с.
- Лепехин Иван. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 году. СПб.: Имп. АН, 1771. IV, 538 с., 23 табл.
- Лерх П. И. Рец.: История агван Моисея Каганкатваца. СПб., 1861 // Известия Императорского археологического общества. Т. III. СПб.: Тип. Имп. АН, 1861: 479–499.
- Лихачев А. Ф. Бытовые памятники Великой Булгарии. СПб.: Имп. АН, 1876. 50 с.
- Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 6. Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии. 1747–1765 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 693 с.
- Лызлов Андрей. Скифская история. Ч. I. М.: Тип. Компании Типографской, 1787. 206 с.
- Магницкий В. Грамота царей Иоанна и Петра Алексеевичей посланная в 1692-м году, по челобитью ядринского уезду деревень: Сормы, Хотяшевы, Яушевы и Оксыны (Аккозиной) чуваш Пихшички Чебакова с товарищи, в г. Ядрин столнику и воеводе Ивану Киприяновичу Лопухину // Сборник статей, сообщений, описей и документов. Т. IV. Н. Новгород: Нижегород. губ. учен. архив. комиссия, 1900: 20–24.
- Магницкий В. К. К истории «присурских» чуваш, черемис, мордвы и Фролищевой пустыни // Сборник статей, сообщений, описей и документов. Т. V. Н. Новгород: Нижегород. губ. учен. архив. комиссия, 1903: 24–43.
- Магницкий В. К. Чувашские языческие имена. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1905. 101 с.
- Мадуров Д. Ф. Традиционное декоративное искусство и праздники чувашей. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. 287 с., ил.
- Маенхен-Гельфен Отто Дж. Мир гуннов. Исследования истории и культуры. Пер. с англ. В. С. Мирзаянова. Казань: Слово, 2010. 528 с.
- Макеева А. И. Дерматоглифика крышен Поволжья и Урала // Вестник Московского университета. Серия XXIII: Антропология. № 1. 2015: 49–65.

- Макеева А. И. Данные дерматоглифики к проблеме формирования татароязычного населения Волго-Уральского региона: ДК. М.: ИЭА РАН, 2015а. 143 с.
- Манандян Я. А. «Начальная история Армении» Мар-Абаса. (К вопросу об источниках Себеоса, Моисея Хоренского и Прокопия Кесарийского) // Палестинский сборник. Вып. 2 (64–65). 1956: 69–86.
- Марр Н. Арабское извлечение из сирийской Хроники Марибаса // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. Т. XIV. СПб.: Имп. АН, 1902: 078–091.
- Марр Н. Я. Избранные работы. Т. V. М.; Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1935. XXI, 668 с.
- Масуди. Мурудж ад-Дзахаб // Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда. М.: Восточ. лит., 1963: 192–201.
- Мегрелидзе И. В. Лазский и мегрельский слои в гурийском. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. 249 с.
- Медведев В. В. Доместицированные объекты чувашей Республики Башкортостан и сопредельных территорий. СПб.: Нестор-История, 2020. 335 с.
- Медведев Д. Т. Житие св. Авраамия, мученика Булгарского: изложено на крещено-татарском языке, с перефразированным русским переводом. Казань: Православ. миссионер. об-во, 1878. 12 с.
- Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники. М.: Восточная лит-ра, 1963. 462 с.
- Мерперт Н. Я. К вопросу о древнейших болгарских племенах. Казань: Гос. музей ТАССР, 1957. 37 с.
- Милан Иоанн. Письмо к отцу Иоанну Миллеру, посланное из Москвы 6 августа 1712 года // Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII века. СПб.: Сенат. тип., 1904: 202–208.
- Миллер Б. В., сост. Персидско-русский словарь. М.: ГИИНС, 1953. 668 с.
- Миллер Г. Ф. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков. СПб.: Имп. АН, 1791. VIII, 99, II с., 8 л. ил.
- Миллер Г. Ф. Описание сибирских народов. М.: Памятники историч. мысли, 2009. 454 с.
- Миллер Г. Ф. Дополнения к Географическому лексикону Российского государства // Географический лексикон Российского государства. М.: Янус-К, 2012: 490–603.
- Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда X–XI веков. М.: Изд-во восточ. лит-ры, 1963. 265 с., прил.
- Мириджанян Левон. Истоки армянской поэзии. Пер. с армян. М. В. Саакян. Ереван: Советакан Грох, 1980. 216 с.
- Митяев Кр. Крумвият дворец и други новооткрити постройки в Плиска // Известия на Българския археологически институт. Т. XIV. София: Държавна печатница, 1943: 73–135.

- Михайлов Е. П. Петр Николаевич Третьяков и страницы истории археологии Чувашии // Чувашская археология. Вып. 4. Чебоксары: ЧГИГН, 2022: 6–43.
- Михайлов Е. П., Березина Н. С., отв. ред. Археологическая карта Чувашской Республики: научно-справочное издание. Т. 3. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2015. 366 с.
- Михайлов Е. П., Березина Н. С., Мясников Н. С. Археологические памятники Чувашского Поволжья: некоторые итоги и задачи изучения. Чебоксары: ЧГИГН, 2015. 64 с.
- Михайлов С. М. Собрание сочинений. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. 512 с.
- Мишин Д. Е. Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннем Средневековье. М.: ИВ РАН, 2002. 368 с.
- Моисеев В. Г. Происхождение уралоязычных народов по данным краниологии. СПб.: Наука, 1999. 134 с.
- Мокшин Н. Ф. Мордовское название чувашей // Советское финноугроведение. Т. 14. 1978. № 4: 281–282.
- Молодин В. И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 1985. 200 с.
- Мудрак О. А. Заметки о языке и культуре дунайских булгар // *Orientalia et Classica*. Вып. VI. М.: РГГУ, 2005: 83–106.
- Мудрак О. А. Аварская надпись на сосуде из клада Надь-Сент-Миклош URL: <http://altaica.ru/LIBRARY/mudrak/buyla-zoapan.pdf>.
- Мустафина Д. А., Амерханова Э. И., подг. к изд. Казанские документы 1649–1675 гг. Казань: КГУ, 2008. 136 с.
- Мухелишвили Д. Л. Ранние этапы этнической истории // Грузины. М.: Наука, 2015: 12–25.
- Мутафян Клод, Лев Эрик ван. Исторический атлас Армении. Ближний Восток и Южный Кавказ с VIII века до Р. Х. до XXI века. М.: Ключ-С, 2012. 143 с.
- Мухамадеев Алмаз. Объединительная политика Алмыша и суварский фактор // Эхо веков. 2014. № 3/4: 3–10.
- Мухамадиев Азгар. Новый взгляд на историю гуннов, хазар, Великой Булгарии и Золотой Орды. Казань: Татар. кн. изд-во, 2011. 159 с., ил.
- Мухаметшин Д. Г., Хакимзянов Ф. С. Эпиграфические памятники города Булгара. Казань: Татарское кн. изд-во, 1987. 128 с.
- Мухаммед-Аваби Акташи. Тарихи Дербенд-наме (с 9 приложениями). Пер. и ред. М. Алиханова-Аварского. Тифлис: Тип. Я. И. Либермана, 1898. 192 с.
- Мухетдинов Д. В., Тишин В. В. История Волжской Булгарии в свете письменных источников: проблемы, дискуссии, решения. М.: ИД «Медина», 2023. 240 с.: илл.
- Наделяев В. М., Насилов Д. М., Тенишев Э. Р., Щербак А. М., ред. Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. XXXVIII, 676 с.

- Надырова Х. Г. Хазаро-болгарские традиции в градостроительстве Волжско-Камской Булгарии // Известия КазГАСУ. 2010. № 2: 20–31.
- Надырова Х. Г. Градостроительная культура татарского народа и его предков. Казань: КГАСУ, 2012. 294 с., илл.
- Напольских В. В. Очерки по этнической истории. Казань: Казан. недвижимость, 2018. 648 с., ил.
- Насыров Р. Г. Служилые чувашаи Закамья XVII–XVIII вв. // Средневековые тюрко-татарские государства. № 8. Казань: ИИ АН РТ, 2016: 182–185.
- Немет Ю. Специальные проблемы тюркского языкознания в Венгрии // Вопросы языкознания. 1963. № 6: 126–136.
- Никифор, патриарх Константинопольский. Краткая история со времени после царствования Маврикия. Пер. Е. Э. Липшиц // Византийский временник. Т. 3. М., 1950: 349–387.
- Николаев Г. А. Об асимметрии в этнокультурных взаимосвязях чувашей и татар в Средневожской деревне во второй половине XIX — начале XX века // Чувашаи и их соседи: этнокультурный диалог в пространственно-временном континууме. Чебоксары: ЧГИГН, 2012: 5–17.
- Никольский Н. Религиозно-нравственное состояние инородцев Поволжья // Инородческое обозрение. Казань, 1912: 3–5.
- Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.: Наука, 1990. 263 с.
- Оллсен Т. Т. Прелюдия к западным походам: монгольские военные операции в Волго-Уральском регионе в 1217–1237 годах // Степи Евразии в средневековье. Т. 6. Донецк: ИА НАНУ, 2008: 351–362.
- От издателя // Чувашаи: актуальные аспекты антропологии. Чебоксары: ЧГИГН, 2004: 3–4.
- Паллас П. С. Путешествие по разным местам Российского государства [1768 и 1769 гг.]. Ч. 1. Пер. Василий Зуев. СПб.: Имп. АН, 1773. X, 115, 657 с., 117 ил.
- Перевалова Е. В., Перевалова А. А., Брусницына А. Г. Сибирская одиссея Стефано Сомье // Уральский исторический вестник. 2016. 2: 79–89.
- Петров М. П. О происхождении чуваш. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1925. 62 с.
- Петрухин В. Я., Раевский Д. С. Очерки истории народов России в древности и раннем Средневековье. М.: Языки славянской культуры, 2004. 415 с.
- Пигулевская Н. В. Сирийский источник VI в. о народах Кавказа // ВДИ. № 1. 1939: 113–115.
- Пигулевская Н. Мар Абa I. (К истории культуры VI в. н. э.) // Советское востоковедение. Т. V. 1948: 73–84.
- Пилипчук Я. В. Миграции огузских племен (V–VII вв.) // Тюркологические исследования. 2019. 2: 63–85.

- Пиотровский Б. Б. Кармир-Блур: II. Ереван: АН АрмССР, 1952. 88 с., табл.
- Пиотровский Б. Б. Ванское царство (Урарту). М.: Изд-во восточ. лит-ры, 1959. 284 с., илл.
- Плетнёва С. А. Салтово-маяцкая культура Степи Евразии в эпоху Средневековья. М.: Наука, 1981: 62–74.
- Плетнева Светлана. Древние болгары в восточноевропейских степях // Татарская археология. 1997. № 1: 31–60.
- Подосинов А. В. Восточная Европа в римской картографической традиции: Тексты, перевод, комментарий. М.: Индрик, 2002. 488 с., 16 илл.
- Поло Марко. Книга. Примечания — М. Б. Горнунг // Карпини Джованни дель Плано. История монгалов; Рубрук Гильом де. Путешествие в Восточные страны; Поло Марко. Книга. М.: Мысль, 1997: 192–393.
- Полубояринова М. Д. Дома монгольского типа в Болгаре // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Азов: АИАПМЗ, 2009: 436–437.
- Полубояринова М. Д. Торговый инвентарь с Болгарского городища // Поволжская археология. № 2 (4). Казань, 2013: 252–258.
- Поппе Н. Н. О родственных отношениях чувашского и тюрко-татарских языков. Чебоксары: Чувашоблиздат, 1925. 32 с.
- Поппе Н. Н. Указательные и вопросительные местоимения в чувашском языке // Вестник научного общества татароведения. № 7. Казань, 1927: 61–64.
- Приск Панийский. Сказания. Пер. Г. С. Дестуниса. СПб.: Имп. АН, 1860. 112 с.
- Прицак Омелян. Киевское письмо — подлинный документ хазарских евреев Киева. Раздел Б // Голб Норман и Прицак Омелян. Хазарско-еврейские документы X века. Иерусалим: Гешарим, 5763; М.: Мосты культуры, 2003: 53–98.
- Прокопий Кесарийский. Война с готами. М.: Арктос, 1996. 335 с.
- Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. М.: Алетейя, 1998. 544 с.
- Псевдо-Орфей. Поход аргонавтов // ВДИ. 1948. № 3: 267–271.
- ПСЗ. Т. XXV. 1905. СПб.: Гос. тип., 1908. 966, 157 с.
- ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М.: Языки славянской культуры, 2001. VIII, 733 с.; Т. 2. Ипатьевская летопись. М.: Языки славянской культуры, 2001. 938, 87, L с.; Т. 4, Вып. 1. Новгородская четвертая летопись. М.: Языки рус. культуры, 2000. XXXVIII, 686 с.; Т. 6. Вып. 1. Софийская первая летопись старшего извода. М.: ИРИ РАН, 2000. VIII, 312 с.; Т. 6. Вып. 2. Софийская вторая летопись. М.: Языки рус. культуры, 2001. VIII, 446 с.; Т. 8. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1859. X, 302 с.; Т. 9. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М.: Языки рус. культуры, 2000. 288 с.;

- Т. 11. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью (продолжение). М.: Языки рус. культуры, 2000. 254, 6 с.; Т. 12. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью (продолжение). М.: Языки рус. культуры, 2000. VI, 266 с.; Т. 13. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью (продолжение). М.: Языки рус. культуры, 2000. VIII, 532 с.; Т. 14. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М.: Языки рус. культуры, 2000. 154, 286, 158 с.; Т. 16. Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки. М.: Языки рус. культуры, 2000. 252 с.; Т. 17. Западнорусские летописи. М.: Языки рус. культуры, 2008. 384 с.; Т. 18. Летопись Симеоновская. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1913. 316 с.; Т. 19. История о Казанском царстве. М.: Языки рус. культуры, 2000. 368 с.; Т. 20. Львовская летопись. Ч. 1. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1910. IV, 418 с.; Т. 22. Русский хронограф. Ч. 2: Хронограф западнорусской редакции. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1914. IX, 289, II с.; Т. 23. Ермолинская летопись. М.: Языки славян. культуры, 2004. V, 239, 2 с.; Т. 25: Московский свод. Летописный свод конца XV века. М.: Языки славянской культуры, 2004. XV, 463 с.; Т. 27. Никаноровская летопись. Сокращенные летописные своды конца XV века. М.: Языки славянской культуры, 2007. 424 с.; Т. 28. Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. 413 с.; Т. 30. Владимирский летописец. Новгородская вторая (Архивская) летопись. М.: Наука, 1965. 240 с.; Т. 33. Холмогорская летопись. Двинский летописец. Л.: Наука, 1977. 251 с.; Т. 34. Предисловие. Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы. Опечатки и исправления. М.: Наука. 1978. 304 стр.
- Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара. Каталог выставки. М.: Издат. дом Марджани, 2016. 561 с.
- Пчелов А. И. Татары или чуваша? // Инородческое обозрение. Казань, 1913: 14–15.
- Пьянков И. В. Матианы и саспиры // VIII Всесоюзная конференция по древнему Востоку, посвященная памяти академика В. В. Струве. М.: Наука, 1979: 72–76.
- Пьянков И. В. Средняя Азия и Евразийская степь в древности. СПб.: Петербург. лингв. об-во, 2013. 736 с.
- Рабо Шарль. Путешествие по Среднему Поволжью и Северу России: Пер. с фр. А. Ш. Губайдуллиной под ред. И. В. Кучумова. СПб.: Алетейя, 2021. 250 с., ил.
- Раджабов М. О., Рабаданов Ш. Х., Раджабова Г. М., Харьков В. Н. Этногенез коренных малочисленных народов Дагестана по данным молекулярной генетики (ДНК анализа) // Вторые Всероссийские (с международным участием) историко-этнографические чтения,

- посвященные памяти профессора Магомедова Расула Магомедовича. Махачкала: ДГУ, 2014: 217–221.
- Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. II. 2. СПб.: Изд-во Имп. АН, 1899. 1814, 64 с.; Т. III. 1905. 2204, 98 с.
- Раимов Р. М. Выступление // Происхождение казанских татар. Казань: Татгосиздат, 1948: 143–145.
- Рашев Рашо. Великая Болгария // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. 2. Волжская Булгария и Великая степь. Казань: Рухият, 2006: 36–47.
- Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. II. Пер. с персид. Ю. П. Верховского. Примеч. Ю. П. Верховского и Б. И. Панкратова. Ред. И. П. Петрушевский. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 253 с.
- Рекеев А. Разные чувашские моления. Казань: Известия по Казан. епархии, 1898. 11 с.
- Риттих А. Ф. Материалы для этнографии России. XIV: Казанская губерния. Ч. I. Казань: Имп. Казан. ун-т, 1870. 2, X, II, 109 с., 6 л. ил., карта.
- Рона-Таш А. Основные звуковые изменения в истории чувашского языка // Вопросы фонетики, грамматики и ономастики чувашского языка. Чебоксары: НИИ, 1987: 43–47.
- Рона-Таш Андраш. Хазары и мадьяры // Хазары. М.: Мосты культуры; Jerusalem: Gesharim, 2005: 111–124.
- Рона-Таш А. От Урала до Карпатского бассейна. (Новые результаты исследований по ранней истории венгров) // Алтаистика и тюркология. № 4 (4). 2011: 131–139.
- Рубрук Гильом де. Путешествие в Восточные страны // Карпини Джованни дель Плано. История монгалов. Рубрук Гильом де. Путешествие в Восточные страны. Поло Марко. Книга. Пер. И. М. Минаева. М.: Мысль, 1997: 88–189.
- Руденко К. А. История Волжской Булгарии в свете археологических исследований // Золотоордынское обозрение. 2013. № 2: 19–41.
- Руденко К. А. Булгарское серебро. Древности Биляра. Т. II. Казань: Заман, 2015. 528 с.
- Руденко К. А. О связях Волжской Булгарии и Булгарского улуса Золотой Орды с Ираном в X–XIV вв. (по археологическим материалам) // Золотоордынское обозрение. 2018. № 6 (3): 472–488.
- Саакян А. А. Столица Мцурн и историограф Мараб Мцурнийский // Доклады Национальной академии наук Армении. 2011. № 2: 195–206 (на армян. яз.; резюме на рус. и англ. яз.).
- Садеков М. Р. Татарский фольклор периода Казанского ханства в русских исторических источниках. АДК. Казань: ИЯЛИ АН РТ, 2001. 24 с.
- Саидов В. А. Предметы вооружения населения Паласа-Сыртской возвышенности в IV–V вв. (по материалам погребений) // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общие и гуманитарные науки. 2014. № 2: 21–25.

- Салмин А. К. Народная обрядность чувашей / Отв. ред. — член-корр. РАН С. А. Арутюнов. Чебоксары: ЧГИГН, 1994. 339 с., схема.
- Салмин А. К. Этнография музыкальных инструментов у чувашей // Проблемы востоковедения. Уфа: АН РБ, 2010. № 1: 77–83.
- Салмин А. К. Традиционная культура чувашей. Тексты (материалы научного архива Чувашского государственного института гуманитарных наук). СПб.: Филфак СПбГУ, 2014. 358 с.
- Салмин А. К. Краткая история болгар // Вестник Томского государственного университета. № 395. 2015: 116–122.
- Салмин А. К. Праздники, обряды и верования чувашского народа / Науч. ред. — член-корр. РАН С. А. Арутюнов. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2016. 688 с., илл.
- Салмин А. К. История чувашского народа: анализ основных версий. СПб.: Нестор-История, 2017. 464 с.
- Салмин А. К. Две курьезные версии о происхождении чувашского народа // Гуманитарные науки в Сибири. 2019. № 2: 35–39.
- Салмин А. К. Академические исследования этнической самобытности чувашского народа. СПб.: Нестор-История, 2022. 332 с.
- Салмин А. К. Компоненты этнической идентичности // Вестник Чувашского университета. 2022а. № 2: 112–122.
- Салько Н. Б. Ковры Южного Дагестана // СЭ. 1951. № 2: 204–213.
- Сарианиди В. И. Змеи и драконы в глиптике Бактрии и Маргианы // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока. М.: Наука, 1986: 66–71.
- Сафарова И. Х. К вопросу о матиенах // Труды Института истории НАН Азербайджана. Т. 27. Баку, 2009: 5–20.
- Свенцицкая И. С., отв. ред. История древнего мира. Кн. 2. Расцвет древних обществ. М.: Наука, 1989. 572 с.
- Свистун Г. Е., Горбаненко С. А. Потребительские предпочтения продуктов земледелия как проявление градообразующих тенденций на примере Чугуевского городища салтово-маяцкого времени // История и археология восточноевропейской деревни. Вып. I. Брянск: БГСХА, 2011: 34–48.
- Севастьянов И. В. Этнокультурная идентичность кряшен в сравнительном контексте: историко-этнографическое исследование молькеевской и заказанской этнографических групп. ДК. М.: ИЭА РАН, 2018. 238 с.
- Седов В. В. К этногенезу волжских болгар // РА. 2001. № 2: 5–15.
- Семёнов И. Г. Восточнокавказские этнонимы в раннесредневековых армянских источниках // Восток (Oriens). 2012. № 5: 27–38.
- Семёнов И. Г. Основные этапы миграций огурских племен в Юго-Восточную Европу // Тюркологический сборник: 2011–2012. М.: Наука, 2013: 333–351.
- Семёнов И. Г. К истории Унногундурского государства // Византийский временник. Т. 72 (97). МГУ, 2013а: 45–67.

- Семёнов И. Г. Основные аспекты концепции протославянской этнической принадлежности древних болгар // Восток. 2015. № 6: 12–27.
- Семёнов И. Г. Кавказ в политических отношениях Ирана с Византией и тюркским каганатом в 556–591 годах // Хазарский альманах. Т. 13. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2015а: 234–298.
- Семёнов И. Г. К дешифровке О. А. Мудраком восточноевропейских рунических памятников // Acta Historica: труды по истории, археологии, этнографии и обществознанию. 2018. № 2: 189–192.
- Семыкин Ю. А. Технология изготовления кузнечной продукции из Болше-Тарханского могильника // Среднее Поволжье и Южный Урал: человек и природа в древности. Казань: Фэн, 2009: 213–233.
- Сефербеков Р. И. Пантеон языческих божеств народов Дагестана (типология, характеристика, персонификации). Махачкала: ДИНЭМ, 2009. 407 с.
- Сириец Михаил. Хроника. Пер. Р. А. Гусейнова // Сирийские источники XII–XIII вв. об Азербайджане. Баку: Изд-во АН АзССР, 1960: 15–53.
- Скржинская Е. Ч. Вступ. ст., пер., коммент. // Иордан. О происхождении и деяниях гетов. Getica. СПб.: Алетейя, 2001. 512 с.
- Слово о погибели Русской земли после смерти великого князя Ярослава // Изборник (сборник произведений литературы Древней Руси). Сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. М.: Худож. лит., 1969: 236–327, 738–739.
- Смирнов А. П. Сувар: Итоги раскопок 1933–1937 гг. // Труды Государственного исторического музея. Вып. XVI. М.: ГИМ, 1941: 135–171.
- Смирнов А. П. К вопросу о происхождении татар. Ответы на вопросы // Происхождение казанских татар. Казань: Татгосиздат, 1948: 5–26, 148–151.
- Смирнов А. П. Волжские булгары. М.: ГИМ, 1951. 375 с., 18 табл., 1 карта.
- Смирнов А. П. Археологические исследования в Чувашии в 1958–1959 годах // Ученые записки. Вып. XXV. Чебоксары: НИИЯЛИЭ при СМ ЧАССР, 1964: 4–28.
- Смирнов А. П. О культурных связях Кавказа с Поволжьем // Кавказ и Восточная Европа в древности. М.: Наука, 1973: 130–135.
- Смирнов А. П., Мерперт Н. Я. Вопросы этногенеза народов Поволжья (по материалам Куйбышевской археологической экспедиции) // Вестник Академии наук СССР. № 10. 1955: 48–53.
- Смирнов А. С. Землевладение и хозяйство инородцев Казанского уезда во второй половине XVI — начале XVII веков // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2014. № 3 (1): 186–193.
- Софронова И. В. Отображение образа Волжской Булгарии в чувашском и татарском фольклорах // Вестник ЧГПУ им. И. Я. Яковлева. 2012. № 1 (73). Ч. 2: 174–179.
- Спасский Н. А. Очерки по родиноведению. Казанская губерния. Казань: Имп. ун-т, 1912. 376 с.

- Списки инородческих селений Казанского учебного округа. Прибавления к карте инородческого населения. СПб.: Имп. АН, 1870: 60–61.
- Спицын В. А., Бацевич В. А., Ельчинова Г. И., Кобылянский Е. Д. Генетическое положение чувашей в системе финно-угорских и тюркоязычных народов // Генетика. 2009. № 9: 1270–1276.
- Старостин С. А. Индоевропейско-северокавказские изоглоссы // Древний Восток: этнокультурные связи. Т. LXXX. М.: Наука, 1988: 112–163.
- Старостин С. А. Труды по языкознанию. М.: Языки славян. культуры, 2007. XXXIV, 924 с.
- Сташенков Д. А. О группах поселений хазарской эпохи в Самаро-Сибирском Поволжье // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (вопросы межэтнических контактов и межкультурного взаимодействия). Самара: Офорт, 2010: 118–127.
- Стеблин-Каменский И. М. Повседневная и ритуальная пища ваханцев // Страны и народы Востока. Вып. XVI. М.: Наука, 1975: 192–209.
- Стеблин-Каменский И. М. Этимологический словарь ваханского языка. СПб.: Петербург. востоковед., 1999. 478 с.: ил.
- Степанов В. А., Балановский О. П., Мельников А. В., Лаш-Завада А. Ю., Харьков В. Н., Тяжелова Т. В. и др. Характеристика популяций Российской Федерации по панели пятнадцати локусов, используемых для ДНК-идентификации и в судебно-медицинской экспертизе // Acta naturae. 2011. № 2: 59–71.
- Степанов Р. Н., сост. Писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 годов. Публикация текстов. Казань: КГУ, 1978. 240 с.
- Степанов Цветелин. Эволюция на българската държава IV–IX век. София: УИ «Св. Климент Охридски», 2023. 354 с.
- Стриттер Иван. Известия византийских историков, объясняющие российскую историю древних времен и переселения народов. Ч. 2. О тотфах, вандалах, гепидах, ерулах, унгах и о аварях. СПб.: Имп. АН, 1771. 166 с.
- Схаляхо Р. А. Геногеография тюркоязычных народов Кавказа: анализ изменчивости Y-хромосомы: АДК. М.: РАМН, 2013. 24 с.
- Схаляхо Р. А., Почешхова Э. А., Теучеж И. Э., Дибирова Х. Д., Агджоян А. Т., Утевская О. М. и др. Тюрки Кавказа: сравнительный анализ генофондов по данным о Y-хромосоме // Вестник Московского университета. Серия XXIII: Антропология. 2013. № 2: 34–48.
- Таймасов Л. А. Сувары // Чувашская энциклопедия. Т. 4. Си — Я. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2011: 140–141.
- Татищев В. Н. История Российская. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 500 с.; Т. 3. М.: Изд-во АН СССР, 1964. 333, 5 с.; Т. 4. М.; Л.: Наука, 1964. 557 с.
- Тер-Саркисянц А. Е. История и культура армянского народа с древнейших времен до начала XIX в. М.: Вост. лит., 2008. 686 с., ил., карты.

- Тер-Саркисянц Алла. Армяне Нагорного Карабаха. История. Культура. Традиции. М.: Русская панорама, 2015. 918 с.
- Терентьева О. Н., пухса хатёрлекенё. Чăваш халăх пултарулăхĕ. Тавралăх халапĕсем. 1-мĕш кĕн. Шупашкар: Чăваш. кĕн. изд-ви, 2013. 494 с.
- Теучеж И. Э. Генофонд абхазо-адыгских народов, грузин и армян по данным о полиморфизме Y-хромосомы и фамилий. АДК. М.: ИОГ РАН, 2013. 25 с.
- Тимофеев Г. Т. Тăхăрĕял. (Сĕве тăршшĕнчи чăвашсем.) Этнографии очеркĕсемпе халăх сăмахлăхĕ. Шупашкар: Чăваш АССР кĕн. изд-ви, 1972. 492 с.
- Тихомиров М. Н. Российское государство XV–XVII веков. М.: Наука, 1973. 432 с., 1 л. ил.
- Тихонов А. Г. Опыт реконструкции физического типа средневекового населения Поволжья по остеологическим данным // Горизонты антропологии. М.: Наука, 2003: 218–222.
- Тихонова Н. Е. Особенности идентичностей и мировоззрения основных страт современного российского общества // Мир России. Социология. Этнология. 2020. № 1: 6–30.
- Тишков В. А. Российская полиэтничность в мировом контексте // X Конгресс этнографов и антропологов России. М.: ИЭА РАН, 2013: XLII–LII.
- Тишков В. А. Отечественная этнология и симбиоз наук // Феномен междисциплинарности в отечественной этнологии. М.: ИЭА РАН, 2016: 5–16.
- Токарев С. А. К постановке проблем этногенеза // СЭ. 1949. № 3: 12–36.
- Тревер К. В. Сэнмурв-Паскудж. Собака-птица. Л.: Б. и., 1937. 73 с.
- Трофимов А. А. Орнамент чувашской народной вышивки. Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1977. 112 стр. с илл.
- Трофимова Н. В. Изменчивость митохондриальной ДНК и Y-хромосомы в популяциях Волго-Уральского региона. АДК. Уфа: ИБГ УНЦ РАН, 2015. 24 с.
- Трофимова Н. В., Литвинов С. С., Хусаинова Р. И., Ахметова В. Л., Ахатова Ф. С., Виллемс Р., Хуснутдинова Э. К. Генетическая характеристика поволжских татар по данным об одноклеточных маркерах // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 15. 2013. № 3: 1466–1469.
- Трофимова Н. В., Литвинов С. С., Хусаинова Р. И., Пенкин Л. Н., Ахметова В. Л., Ахатова Ф. С., Хуснутдинова Э. К. Генетическая характеристика популяций Волго-Уральского региона по данным об изменчивости Y-хромосомы // Генетика. Т. 51. 2015. № 1: 120–127.
- Трофимова Т. А. Этногенез татар Среднего Поволжья в свете данных антропологии // Происхождение казанских татар. Казань: Татгосиздат, 1948: 27–61.
- Трофимова Т. А. Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 264 с.

- Трофимова Т. А. Антропологические материалы к вопросу о происхождении чувашей // СЭ. 1950. № 3: 54–65.
- Труды Четвертого археологического съезда в России, бывшего в Казани с 31 июля по 18 августа 1877 года. Т. 1. Казань: Имп. ун-т, 1884. 652 с. с разд. паг.
- Успенский Ф. И. Надписи староболгарские // Известия Русского археологического института в Константинополе. Т. X. София: Державна печатница, 1905: 173–242.
- Фасмер Р. Р. О монетах Волжских болгар X века // ИОАИЭ. Т. XXXIII. Вып. 1. Казань, 1925: 29–60.
- Фахрутдинов Р. Мелодия камней. Казань: Татар. кн. изд-во, 1986. 224 с.
- Фахрутдинов Р. Г. Волжская Булгария X–XIV вв. (историко-археологическое исследование). АДД. МГУ, 1990. 44 с.
- Фахрутдинов Р. Г. История татарского народа и Татарстана. (Древность и средневековье.) Казань: Татар. кн. изд-во, 2011. 303 с.
- Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка. Т. I. Чебоксары: ЧГИГН, 1996. 472 с.; Т. II. 1996а. 511 с.
- Феофан Исповедник. Хронография. Текст на др.-греч. и рус. яз. Пер. и коммент. И. С. Чичурова // Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения. М.: Наука, 1980: 24–144.
- Фёдоров Г. Ф. 146 песен, записанных от Гаврила Федорова С. Максимовым, Ф. Павловым, В. Воробьевым и Т. Парамоновым. Чебоксары: Чувашиздат; М.: Музгиз, 1934. 127 с., ил.
- Фёдоров Я. А. Хазария и Дагестан // Кавказский этнографический сборник. Вып. V. М.: Наука, 1972: 18–40.
- Фёдоров Я. А. Историческая этнография Северного Кавказа. М.: МГУ, 1983. 128 с.
- Фёдоров Я. А., Фёдоров Г. С. Ранние тюрки на Северном Кавказе (историко-этнографические очерки). МГУ, 1978. 296 с.
- Фёдоров-Гусейнов Г. С. Государственное образование СуварЖидан и его роль в истории Юго-Восточной Европы // Кавказ и степной мир в древности и Средние века. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2000: 155–162.
- Фёдоров-Давыдов Г. А. Тигашевское городище (археологические раскопки 1956, 1958 и 1959 гг.) // Материалы и исследования по археологии СССР. № 111. М.: Изд-во АН СССР, 1962: 49–89.
- Фёдоров-Давыдов Г. А. Курганы, идолы, монеты. М.: Наука, 1968. 152 с.
- Филатов К. А., сост., ред. Византийский словарь. Т. 2. СПб.: Амфора, 2011. 592 с.
- Филиппов Л. К. Этноним *чуваш* и предыстория чувашского этноса. Историко-лингвистическое исследование. Саратов: СГУ, 2008. 340 с.
- Фредегар. Хроники. Пер. с латин., коммент., вступ. ст. Г. А. Шмидта. СПб.: Евразия; М.: Клио, 2015. 464 с.
- Фукс Александра. Записки о чувашах и черемисах Казанской губернии. Казань: Казан. ун-т, 1840. 329 с.

- Фукс К. История города Казани: из русских и татарских летописей. Казань: Умид, 1914. VII, 23 с.
- Хакимов Р. Ф. Исторические песни в татарском фольклоре. Казань: ИЯЛИ, 2017. 172 с.
- Халиков А. Х., отв. ред. Культура Биляра. Булгарские орудия труда и оружие X–XIII вв. М.: Наука, 1985. 216 с.
- Халиков А. Х. Татарский народ и его предки. Казань: Татар. кн. изд-во, 1989. 222 с.
- Халикова Е. А. Погребальный обряд Танкеевского могильника (к вопросу об истоках населения Волжской Булгарии IX–X вв.) // Археология и этнография Татарии. Вып. 1. Казань: ИЯЛИ АН СССР, 1971: 64–93.
- Хаттори С. О формировании татарского и чувашского языков // Вопросы языкознания. 1980. № 3: 86–94.
- Хачикян М. Л. Хуррито-урартские языки. Хурритский язык // Языки мира. Древние реликтовые языки Передней Азии. М.: Academia, 2010: 118–149.
- Хвольсон Д. А., пер., введ., коммент. Ибн-Даста. Известия о хозарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен Омар Ибн-Даста, неизвестного доселе арабского писателя X века, по рукописи Британского музея. СПб.: Тип. Имп. ун-та, 1869. XIII, 199 с.
- Хисамитдинова Ф. Г. Ногайская ономастика в Башкортостане // Ногайцы: XXI век. История. Язык. Культура. От истоков — к грядущему. Черкесск: КЧИГИ, 2016: 222–226.
- Хлебникова Т. А. Гончарное производство волжских болгар X — начала XIII вв. // Материалы и исследования по археологии СССР. № 111. М.: Изд-во АН СССР, 1962: 93–152.
- Хлебникова Т. А. Керамика памятников Волжской Болгарии: к вопросу об этнокультурном составе населения. М.: Наука, 1984. 240 с., илл.
- Хоренаци Мовсес. История Армении. Пер. с древнеармян. яз., введ. и примеч. Гагика Саркисяна. Ереван: Айтастан, 1990. L, 291 с.
- Хорикиан О. Г. К локализации саспиров XVIII сатрапии Ахеменидской Персии // Иран-наме. Научный востоковедческий журнал. Алматы, 2015. № 3–4: 194–200.
- Хорикиан О. Г. Принцип административного деления в Ахеменидской Персии // Scripta antiqua. Т. 8. М.: Собрание, 2019: 20–28.
- Худавердян А. Об этногенетических связях переднеазиатских (арменоидных), кавкасионских и понтийских популяций // Review of Armenian Studies. Вестник армяноведения. 2018. 3: 128–152.
- Худяков М. Г. К вопросу о происхождении чуваш // Известия Общества обследования и изучения Азербайджана. 1927. № 4: 135–146.
- Хуснутдинова Э. К., Викторова Т. В., Ахметова В. Л., Мустафина О. Е., Фатхлисламова Р. И., Балановская Е. В. и др. Популяционно-генети-

- ческая структура чувашей (по данным о восьми ДНК-локусах ядерного генома) // Генетика. Т. 39. 2003. № 11: 1550–1563.
- Хуснутдинова Э.К., Литвинов С.С., Кутуев И.А., Юнусбаев Б.Б., Хусаинова Р.И., Ахметова В.Л. и др. Генофонд этнических групп Кавказа по данным комплексного исследования Y-хромосомы, митохондриальной ДНК и полногеномного анализа // Генетика. Т. 48. 2012. № 6: 750–761.
- Хуснутдинова Э.К., Юсупов Р.М., Бермишева М.А., Лобов А.С. Этногеномика башкир в системе популяций Восточной Европы // Проблемы этногенеза и этнической истории башкирского народа. Уфа: Гилем, 2006: 139–156.
- Цароева М.Г. Об ингушских полубожествах нартах // Кавказ: перекресток культур. СПб.: МАЭ РАН, 2015: 10–64.
- Цароева Марет. Следы древних цивилизаций в языках и культуре ингушей и чеченцев. М.: Триумф, 2016. 320 с.
- Цароева Марет. Древнейшие мотивы ингушской мифологии // Нартоведение в 21 веке: проблемы, поиски, решения. Магас: ИнгНИИ имени Чаха Ахриева, 2016а: 287–332.
- Чекалова А.А. Пер. с греч., вступит. ст., примеч. // Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. М.: Алетейя, 1998. 544 с.
- Черных А.В., Каменских М.С. Чуваши в Пермском крае: очерки истории и этнографии. СПб.: Изд-во «Маматов», 2014. 272 с., ил.
- Чеченов И.М. К вопросу о ранних этапах тюркизации Центральнокавказского субрегиона // Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. М.: ИА РАН, 2014: 288–290.
- Чистякова Н.А. Сказание об аргонавтах, его история и поэма «Аргонавтика» Аполлония Родосского // Аполлоний Родосский. Аргонавтика. М.: Ладомир, 2001: 141–175.
- Чичерина С. У приволжских инородцев: путевые заметки. СПб.: Тип. В.Я. Мильштейна, 1905. 2, VI, 427, 1, 210, 4 с., 16 л. ил.
- Чичерина С.В. Положение просвещения у приволжских инородцев. СПб.: Тип. М. Стасевича, 1906. 66 с.
- Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения. М.: Наука, 1980. 215 с.
- Чурсин Г.Ф. Очерки по этнологии Кавказа. Тифлис: Тип. К.П. Козловского, 1913. 189 с.
- Шагинян А.К. Армения и страны Южного Кавказа в условиях византийско-иранской и арабской власти. СПб.: Алетейя, 2011. 512 с.
- Шагинян А.К. Арабо-мусульманская историография IX в. о странах и народах Кавказа, Армянского нагорья и смежных областей. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. 416 с.
- Шамильоглу Юлай. Направления в исследовании Золотой Орды // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. Казань: ИИ АН РТ, 2001: 15–29.

- Шамильоглу Юлай. Конец языка волжских булгар // Шпулер Бертольд. «Золотая Орда»: традиции изучения и современность. Казань: Фэн, 2007: 169–175.
- Шамильоглу Юлай. «Джагфар Тарихы»: как изобреталось болгарское самосознание // Фальсификация исторических источников и конструирование этнократических мифов. М.: ИА РАН, 2011: 275–287.
- Шаншиев З. По Сванетии: путевые очерки. Тифлис: Заккнига, 1931. 8, 197, 2 с.
- Шелов-Коведяев Ф. В. Птолемей // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I (I–VI вв.). М.: Восточная литература, 1994: 46–62.
- Шихсаидов А. Р. Дагестанские святыни. Кн. 2. Махачкала: Эпоха, 2008. 23 с.
- Шкляева Л. М. История возникновения, семантика и стилевые особенности некоторых устойчивых элементов орнамента домового резьбы по дереву у татар Среднего Поволжья // Tatarica. 2018. 1: 137–156.
- Шнирельман В. А. Этногенез и идентичность: националистические мифологии в современной России // Этнографическое обозрение. 2003. № 4: 3–14.
- Шпак Л. Ю., Славолубова И. А., Юдина А. М. Особенности изменчивости пальцевых узоров народов Волго-Камского региона // XI Конгресс антропологов и этнологов России. Сборник материалов. М.; Екатеринбург: ИЭА РАН, ИИиА УрО РАН, 2015: 162.
- Шушарин В. П. Ранний этап этнической истории венгров. Проблемы этнического самосознания. М.: РОССПЭН, 1997. 512 с.
- Эломари Ибн-Фадлаллах. Сочинения // Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб.: С. Г. Строганов, 1884: 207–251.
- Эль-Муфаддаль, сын Абульфадалия. Прямой путь и единственная жемчужина в том, что случилось после летописи Ибнамида // Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб.: С. Г. Строганов, 1884: 176–199.
- Эрдман П. Ф. О надгробных надписях в Болгарах // Заволжский мурaveй. Ч. 3. Казань, 1832: 1219–1230, 1342–1358.
- Юсупов Р. М. Антропологический состав башкир и его формирование. Башкирское общество: внутренняя организация и структура // Башкиры: этническая история и традиционная культура. Уфа: Башкир. энцикл., 2002: 21–44, 155–186.
- Юсупов Ю. М., Балановская Е. В., Сабитов Ж. М., Балановский О. П. Комплексные исследования этногенеза: союз геногеографии и этнографии // Вестник антропологии. 2017. № 2: 28–35.
- Ююкин Максим. Этимологические заметки по древнерусской ономастике XI–XVI вв. // Europa orientalis. 34. 2015: 307–316.

- Ягафова Е. А. Исламизация чувашей в Урало-Поволжье в XVIII — начале XX вв. // *Этнографическое обозрение*. 2007. № 4: 101–117.
- Ягафова Е. А. Чуваш-мусульмане в XVIII — начале XXI вв. Самара: ПГСГА, 2009. 128 с.; цв. илл.
- Ягафова Е. А. Динамика религиозности и современные религиозные практики в чувашском селе // *Этнография*. 2021. 2: 72–97.
- Яковлев А. И., науч. ред. Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Т. 1. Ч. 2. Социально-экономические отношения в Казанском крае, Саранском и Темниковском уездах XVII в. Саранск: Мордов. гос. изд-во, 1950. 583 с.
- Якубовский А. Ю. Выступление // *Происхождение казанских татар*. Казань: Татгосиздат, 1948: 130–133.
- Ямалтдинов И. И. Татарская фольклористика 20–60-х гг. XX века: собрание, публикация и научное изучение фольклора. Казань: ИЯЛИ, 2016. 184 с.
- Янина С. А. Новые данные о монетном чекане Волжской Болгарии X в. // *Материалы и исследования по археологии СССР*. № 111. М.: Изд-во АН СССР, 1962: 179–204.
- Әхмәтжанов Марсель. Татар шәжәрәләре (Беренче китап). Казан: Татар-китнәшир, 1995. 127 б.
- Agathiae Myrinaei. *Historiarum libri quinque*. Ἱστοριῶν. Bonnae: Impensis Ed. Weberi, 1828. XXXVII, 420 p.
- Agyagási Klára. Die historische Wandlung der ethnischen Struktur des Wolgagebiets // *Die ural-altaischen Völker: Identität im Wandel zwischen Tradition und Moderne*. Wiesbaden: Harrassowitz, 2003: 9–14.
- Agyagási Klára. Mittelbulgarische Dialekte — mittelbulgarischer Sprachzustand // *Einheit und Vielfalt in der türkischen Welt*. Wiesbaden: Harrassowitz, 2007: 24–36.
- Al-Masûdî. *Kitâb at-tanbîh wa'l-ischrâf*. Leiden: E. J. Brill, 1894. 564 p.
- Alemany Agusty. Early Byzantine Sources on the Oghuric Tribes in the Northern Black Sea Area // *The Bosphorus: Gateway between the Ancient West and East (1st millennium BC — 5th century AD)*. Oxford: BAR International Series, 2013: 233–236.
- Alemany Agustí. Sixth Century Alania. Between Byzantium, Sasanian Iran and the Turkic World // *Ērān ud Anērān*. Venetia: Cafoscarina, 2006: 43–50.
- Ammianus Marcellinus. *Römische Geschichte*. Lateinisch und Deutsch und mit einem Kommentar versehen von Wolfgang Seyfarth. Dritter Teil. Buch 22–25. Berlin: Akademie-Verlag, 1970. 255 S.
- Anthony David W. and Ringe Don. The Indo-European Homeland from Linguistic and Archaeological Perspectives // *Annual Review of Linguistics*. 2015. No 1: 199–219.
- Apollonius Rhodius. *The Argonautica*. Tr. into English Prose from the Text of R. Merkel by Edward P. Coleridge. L.: G. Bell & sons, 1889. XXVI, 209 p.

- Apollonii Rhodii Argonautica. Recogn. brevisque adnot. crit. instruxit Hermann Fränkel. Oxonii e tip. Clarendoniano, 1986. XXIV, 267 p.
- Arnaiz-Villena Antonio, Martínez-Laso Jorge, Moscoso Juan, Livshits Gregory, Zamora Jorge, Gomez-Casado Eduardo, et al. HLA Genes in the Chuvashian Population from European Russia. Admixture of Central European and Mediterranean Populations // *Human Biology*. Vol. 75. No 3. 2003: 375–392.
- Balanovsky Oleg, Dibirova Khadizhat, Dybo Anna, Mudrak Oleg, Frolova Svetlana, Pocheshkhova Elvira, et al. Parallel Evolution of Genes and Languages in the Caucasus Region // *Molecular Biology and Evolution*. Vol. 28. N. 10. 2011: 2905–2920.
- Bárczi Géza. A magyar szókínos eredete. Budapest: Tankönyvkiadó, 1951. 91, [5] p., il.
- Bazin Louis. Les calendriers turcs anciens et médiévaux. Univ. de Lille, 1974. 800 p.
- Bereczki Gábor. A Volga-Káma vidék areális kapcsolatai // *Areális nyelvészeti tanulmányok*. Budapest: Tankönyvkiado, 1983: 207–236.
- Biruni Abu Rayhan Muhammad ibn Ahmad. The Chronology of Ancient Nations. An English Version of the Arabic Text of the Athar-ul-Bakiya of Albiruni or “Vestiges of the Past”. Transl. C. Edward Sachau. L.: By William H. Allen & Co, 1879. XIV, 464 p.
- Brandenstein W., Mayrhofer M. Handbuch des Altpersischen. Wiesbaden: O. Harrassowitz, 1964. xii, 160 p.
- Bretschneider E. Mediæval Researches from Eastern Asiatic Sources. Vol. I. London: Trübner & Co., 1910. XII, 334 p.
- Castrén Alexander M. Kleinere Schriften. St. Petersburg: Kaiserl. Akad. der Wiss., 1862. X, 382 p.
- Cecota Błażej. Od wdowy Boa po Boyrankiz, “carycę Dagestanu” — wybrane przykłady dyskursów parahistorycznych na temat “władczyni Sabirów” // *Kobieta na przestrzeni dziejów*. T. V. Kraków: Wydawnictwo, 2023: 243–280.
- Cedrenii Georgii Compendium Historiarum. T. 1. Accurante et denuo Recognoscente J.-P. Migne. Parisiis: Apud Garnier Fratres, 1894. 1168 p.
- Chobanov Todor. The debate about the Origin of Protobulgarians in the Beginning of the 21st century. Sofia: Ciela, 2021. 251 p.
- Curta Florin. Ethnicity in the Steppe Lands of the Northern Black Sea Region During the Early Byzantine Times // *Archaeologia Bulgarica*. 2019. 1: 33–70.
- Czeglédy Károly. Nomád népek vándorlása Napkelettől Napnyugatig. Budapest: Akad. kiadó, 1969. 160 old.
- Damgaard Peter de Barros, Marchi Nina, Rasmussen Simon, Peyrot Michaël, Renaud Gabriel, Korneliussen Thorfinn, et al. 137 Ancient Human Genomes from across the Eurasian steppes. URL: [http:// www.137_ancient_human_genomes_from_across_th.pdf](http://www.137-ancient_human_genomes_from_across_th.pdf).

- Dobrovits Mihály. The Altaic World through Byzantine Eyes: Some Remarks on the Historical Circumstances of Zemarchus' Journey to the Turks (AD569–570) // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hung.* Vol. 64 (4). 2011: 373–409.
- Eminov Ali. Turks and Tatars in Bulgaria and the Balkans // *Nationalities Papers*. 2000. No. 1: 129–164.
- Erdal Marcel. The Khazar Language // *The World of the Khazars. New Perspectives Selected Papers from the Jerusalem 1999 International Khazar Colloquium Hosted by the Ben Zvi Institute*. Leiden – Boston: Brill, 2007: 75–108.
- Frähn M. Die ältesten arabischen Nachrichten über die Wolga-Bulgaren aus Ibn-Foszlans Reiseberichten // *Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg*. VI série. T. I. S.-P., 1832: 527–577.
- Gadjiev M. S. The Mission of Bishop Israyēl in the Context of the Historical Geography of Caucasian Albania // *From Albania to Arrān: The East Caucasus between the Ancient and Islamic Worlds (ca. 330 BCE – 1000 CE)*. Ed. by Rodert G. Hoyland. Piscataway: Gorgias Press, 2020: 99–117.
- Georgi J. G. Beschreibung aller Nationen des Russischen Reichs, ihrer Lebensart, Religion, Gebräuche, Wohnungen, Kleidungen und übrigen Merkwürdigkeiten. 2 Bd. Ausgabe 1. St. Petersburg: C. W. Müller, 1776. XII, 530 S., 95 Taf.
- Golden Peter B. Khazar Studies: An Historico-Philological Inquiry into the Origins of the Khazars. Vol. 1. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1980. 291 p.
- Golden Peter B. An Introduction to the History of the Turkic Peoples. Ethnogenesis and State-Formation in Medieval and Early Modern Eurasia and the Middle East. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1992. XIV, 483 p.
- Golden Peter B. The Peoples of the Russian Forest Belt // *The Cambridge History of Early Inner Asia*. Cambridge Univ. Press, 2008: 229–255.
- Golden Peter B. The Peoples of the South Russian Steppes // *The Cambridge History of Early Inner Asia*. Cambridge Univ. Press, 2008a: 256–284.
- Golden Peter B. Studies on the Peoples and Cultures of the Eurasian Steppes. Ed. by Cătălin Hriban. București: Editura Academiei Române, 2011. 424 p.
- Golden Peter B. Some Notes on the Etymology of Sabir // *KOINON ΔΩΡΟΝ*. Сборник статей к 60-летию В. П. Никонорова. СПб.: Филфак СПбГУ, 2013: 49–55.
- Goliyski Petar. In the Slopes of Elbrus. (Bulgars around the Caucasus in the 2nd-4th centuries AD, according to Armenian sources) // <http://sitekreator.bg/armenianstudies/welcome.html>
- Gombocz Zoltan. Die Bulgarisch-Türkischen Lehnwörter in der Ungarischen Sprache. Helsinki: Soc. Finno-Ougr., 1912. 251 S.
- Graf Orion M., Johnson Stephen M., Mitchell John, Wilcox Stephen, Livshits Gregory and Crawford Michael H. Analysis of Chuvash mtDNA points to Finno-Ugric origin // *American Journal of Physical Anthropology*. Vol. 147. Issue Supplement 54. 2012: 17–67.

- Granberg Antoaneta. Transferred in Translation: Making a State in Early Medieval Bulgarian Genealogies // *Slavica Helsingiensia* 35: Festschrift in Honour of Professor Arto Mustajoki on the Occasion of his 60th Birthday. 2008: 49–58.
- Guilielmi Dindorfii Grammatici Græci. Vol. I. Lipsiae: In Libraria Kuehniana, 1823. XXXIV, 443 p.
- Iagafova Ekaterina, Bondareva Valeriia. Traditional Rituals in the Religious Practice of Volga-Urals Chuvash Groups // *Journal of Ethnology and Folkloristics*. 2020. 1: 111–120.
- Imrani Rafiq. Kafkasda medeniyet ve kültürün oluşması ve gelişmesinde türk halklarının önemi // *Kafkas üniversitesi: Geleneksel Âşık sanatı ve edebiyatı uygulama ve araştırma merkezi*. I. Uluslararası Kafkasya halk kültürü kongresi. 09–11 Ekim 2017. Kars: Kafkas üniversitesi, 2017: 1–29.
- Jean Nikiou. La Chronique de Jean, évêque de Nikiou. Texte éthiopien publié et traduit par H. Zotenberg. Paris: Imperimerie Nationale, 1883. 264 p.
- Karachanak Sena, Carossa Valeria, Nesheva Desislava, Olivieri Anna, Pala Maria, Kashani Baharak Hooshia, et al. Bulgarians vs the Other European Populations: a Mitochondrial DNA Perspective // *International Journal of Legal Medicine*. Vol. 126. 2012: 497–503.
- Karachanak-Yankova Sena, Nesheva Desislava, Galabov Angel S., Toncheva Draga. Distribution of East Eurasian Y-Chromosome and Mitochondrial DNA Haplogroups across Eurasia. Insights into the Genetic Ancestry of Bulgarians // *Advances in Anthropology*, 2015. 5: 205–266.
- Kardaras Georgios. Nomadic Art of War. The Case of the Avars // *Acta Militaria Mediaevalia*. T. XI. Kraków — Sanok — Wrocław: Polish Academy of Art and Sciences, 2015: 7–25.
- Kassian Alexei. Hurro-Urartian from the Lexicostatistical Viewpoint // *Ugarit-Forschungen: Internationales Jahrbuch für die Altertumskunde Syrien-Palästinas*. Band 42. 2010. Münster: Ugarit-Verlag, 2011: 383–451.
- Kerényi Bálint. A Szavárd magyarok eredetéről II. Sabartoi–Szabir azonosítás // *Szakkollégiumi füzetek* 6: Móra akadémia szakkollégiumi tanulmánykötet. Szeged: Móra akadémia, 2019: 20–35.
- Kerényi Bálint. Huns and Bulgars // *Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae*. 2022. Vol. 62: 1–12.
- Khusnutdinova E. K., Bermisheva M. A., Kutuev I. A., Yunusbayev B. B., and Villems R. Genetic Landscape of the Central Asia and Volga-Ural Region // *Biosphere Origin and Evolution*. Berlin: Springer, 2008: 373–381.
- Kim Hyun Jin. The Huns, Rome and the Birth of Europe. Cambridge: CUP, 2013. VIII, 338 p.
- Kyrchanoff M. W. Imaging Chuvash Historical Time: Historical Continuities and Intellectual Failures // *Tractus aevorum: эволюция социокультурных и политических пространств*. 2017. № 4: 134–155.

- Langlois Victor. Etude sur les sources de l'Histoire d'Armenie de Moïse de Khorën // Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences de Saint-Petersbourg. T. III. 1861: 531–583.
- Mako Gerald. The Possible Reasons for the Arab-Khazar Wars // Archivum Eurasiae Medii Aevi. 17. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2010: 45–57.
- Mako Gerald. The Islamization of the Volga Bulgars: a Question Reconsidered // Archivum Eurasiae Medii. Band. 18. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2011: 199–223.
- Mako Gerald. Two Examples of Nomadic Conversion in Eastern Europe: the Christianization of the Pechenegs, and the Islamization of the Volga Bulgars (Tenth to Thirteenth century A. D.). Cambridge University. 2011a. IV, 81 p.
- Malalas Joannes Chronographia. Bonnae: Impensis E. D. Weberi, 1831. LXXVIII, 798 p.
- Marquart Josef. Die Chronologie der alttürkischen Inschriften. Leipzig: Theodor Weicher, 1898. 112 S.
- Marquart Josef. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge: Ethnologische und historisch-topographische Studien zur Geschichte des 9. und 10. Jahrhunderts (ca. 840–940). Leipzig: Theodor Weicher, 1903. L, 557 S.
- Menandri Protectoris Ex Historia // Corpus scriptorum Historiae Byzantinae. Editio emendatio et copiosior, consilio B. G. Niebuhrii C. F. P. I. Bonnae: Impensis Ed. Weberi, 1829: 279–444.
- Militarev Alexander. Reconstructing a Cultural Lexicon for Pre-history: Berber Zoonyms of Afrasian (Afro-asiatic) Origin // Asian and African Studies. 2022. No 1: 1–47.
- Minorsky V. Studies in Caucasian History. L.: Taylor's Foreign Press, 1953. 203 p.
- Minorsky V., translated and explained. Ḥudūd al-‘Ālam. ‘The Regions of the World’. A Persian Geography. 372 A. H. — 982 A. D. L.: E. J. W. Gibb Memorial, 1970. LXXXIII, 524 p.
- Mommsen Theodorvs, Ed. Monumenta Germaniae Historica. Chronica orvm Minorum Saec. IV. V. VI. VII. Vol. I: Accedvnt Tabvlae Dvae. Berolini: Apvd Weidmannos, 1892. XII, 756 p.
- Moravcsik Gyula. Byzantinoturcica. I: Die Byzantinischen Quellen der Geschichte der Türkvolker. Leiden: E. J. Brill, 1983. XXXII, 609 S.
- Morgenstierne Georg. Etymological Vocabulary of Shughni Group. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert, 1974. 119 p.
- Munkácsi Bernát. A volgai bolgárokról // Ethnographia. XIV. Budapest, 1903: 66–76, 147–152, 261–265.
- Munkácsi Bernát. Die heidnischen Namen der Wochentage bei den alten Völkern des Wolga-Uralgebietes // Kőrösi Csoma Archivum. II. Budapest, 1926: 42–64.
- Münster Sebastian. Cosmographia. Fernwald: Litblockin, 1988. VIII, 97 S., III.

- Németh Gyula. Szabirok és magyarok // Magyar Nyelv. XXV. Budapest, 1929: 81–88.
- Németh Gyula. A honfoglaló magyarság kialakulása. Közzéteszi Berta Árpád. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1991. 399 p.
- Nesheva D. V., Karachanak-Yankova S., Lari M., Yordanov Y., Galabov A., Caramelli D., and Toncheva D. Mitochondrial DNA Suggests a Western Eurasian Origin for Ancient (Proto-) Bulgarians // Human Biology. 2015. Vol. 87. N1: 19–28.
- Obrusánszky Borbála. Late Huns in Caucasus // Journal of Eurasian Studies. Vol. I, Issue 2. April-June 2009: 24–36.
- Paasonen Heikki, von. Gebräuche und Volksdichtung der Tschuwassen. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen seura, 1949. VI, 381 S.
- Petrosyan Armen Y. The Problem of Armenian Origins: Myth, History, Hypotheses. Yerevan: Institute of Archaeology and Ethnography, 2018. 222 p.
- Pohl Walter. Archaeology of Identity: Introduction // Archaeology of Identity – Archäologie der Identität. Wien: Österreichische Akademie der Wissenschaften, 2010: 9–23.
- Pohl Wolter. The Avars: A Steppe Empire in Central Europe, 567–822. Ithaca and L.: Cornell Univ. Press, 2018. XXIII, 636 p.
- Poppe Nicholas. On Some Altaic Loanwords in Hungarian // American Studies in Uralic Linguistics. Bloomington, 1960: 139–147.
- Poppe Nikolaus. Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen. T. 1. Wiesbaden, 1960a.
- Poppe Nikolaï N. Tatar Manual. Descriptive Grammar and Texts with a Tatar-English Glossary. Indiana University, 1963.
- Poppe Nicholas. Introduction to Altaic linguistics. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1965. 221 p.
- Poppe Nikolaus. Rev.: Kanjukova A. S. Čuvašskaja dialektologija (Kratkie očerki). Čeboksary: Čuvasskoe knižnoe izdatel'stvo, 1965, 148 p. // Ural-Altäische Jahrbücher 43. Wiesbaden, 1971: 227.
- Prisci Historica // Corpus scriptorum Historiae Byzantinae. Editio emendatior et copiosior, consilio B. G. Niebuhrii C. F. P. I. Bonnae: Impensis Ed. Weberi, 1829: 156–229.
- Prisci Panitae Fragmenta. A cura di Fritz Bormann. Firenze: Le Monnier, 1979. LVI, 207 p.
- Pritsak Omeljan von. ʾYowár und Káßap Kāwar // Ural-Altäische Jahrbücher. Vol. 36. Fasc. 3–4. Wiesbaden, 1965: 378–393.
- Procopii Caesariensis Opera omnia. Recognovit Jaecobus Haury. Vol. I: De bellis libri I–IV. Lipsiae: In aedibus B. G. Teubneri, 1905. LXIV, 552 p.; Vol. II: De bellis libri V–VIII. 1905a. II, 678 p.
- Ptolemaei Claudii Geographia. T. I. Lipsiae: Simptibus et typis Caroli Tauchnitii, 1843. XXIV, 284 p.
- Ramstedt G. J. Zur Frage nach der Stellung des Tschuwassischen // Journal de la Société Finno-Ougrienne. XXXVIII. Helsinki, 1922. S. 1–34.

- Räsänen Martti. Materialien zur Lautgeschichte der türkischen Sprachen. Helsinki: Societas Orientalis Fennica, 1949. 249 S.
- Róna-Tas András. A honfoglaló magyar nép. Budapest: Balassi, 1996. 412 p.
- Róna-Tas András. Hungarians and Europe in the Early Middle Ages: An Introduction to Early Hungarian History. Budapest: CEU Press, 1999. 608 p.
- Róna-Tas András. "Nutshell Chuvash". URL: <http://www2.lingfil.uu.se/aftro-tur/kiskasparakIP2007NUTSHELLCHUVASH.pdf>
- Róna-Tas András, Berta Árpád, Károly László. West Old Turkic. Turkic Loanwords in Hungarian. Wiesbaden: Harrassowitz, 2011. XX, 1494 p.
- Salmin Anton. Religious Rituals of the Chuvash // Anthropology and Archeology of Eurasia. N. Y, 1996. No 3: 68–89.
- Salmin Anton. Dogs in the Traditional Worldview of the Chuvash people // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. 2011. No 1: 124–128.
- Salmin Anton. Savirs – Bulgars – Chuvash. Ed. Peter Golden. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2014. 147 p.
- Salmin Anton K. The History of the Chuvash People in Ethnographic Facts // Revista Turismo: Estudos & Práticas. Brazil. 2020. No 2: 1–12.
- Salmin Anton. Why Is The Term *Folk Religion* Unrecognized In Russia? // Journal for the Study of Religions and Ideologies. București. Vol. 20. Issue 59. Summer 2021: 123–136.
- Salmin Anton. The Beer Tradition of the Chuvash // Issues in Ethnology and Anthropology, n. s. Belgrade. 2020a. Is. 2: 523–532.
- Salmin A. K. Genetic Geography of the Historical Ancestors of the Chuvash // Advances in Anthropology. 2022. No 12: 9–17.
- Salmin A.K. The History of the Savirs/Suvars from the Archeological Data // Oriental Studies. 2022a. No 6: 1244–1253.
- Salmin A. K. The Migration History of the Savirs // Journal of Frontier Studies. 2023. No 2: 353–373.
- Sarkissian A. O. On the Authenticity of Moses of Khoren's History // Journal of the American Oriental Society. Vol. 60. No 1. 1940: 73–81.
- Schamiloglu Uli. The End of Volga Bulgarian // Varia Eurasistica. Szeged: Department of Altaic Studies, 1991: 157–163.
- Schamiloglu Uli. Reflections on Regional Variation in the Impact of the Black Death on the Golden Horde // Turkological studies. 2018. Vol. 1. No 3: 19–22.
- Schleicher Frank. Iberia Caucasia: Ein Kleinkönigreich im Spannungsfeld großer Imperien. Stuttgart: Kohlhammer, 2021. 643 p.
- Sophoulis Panos. Containing the Bulgar Threat. Byzantium's Search for an Ally in the Former Avar Territories in the Early Middle Ages // Bulgaria Mediaevalis. Vol. 2. Studies in Honour of Professor Vassil Gjuzelev. Sofia: Bulgarian historical heritage foundation, 2011: 399–407.
- Stachowski Marek. Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch der türkischen Sprache. Kraków: Księgarnia Akademicka, 2019. 379 p.

- Stamatov Atanas. Christianity among the Bulgars in Armenia (Early Evidence) // *The Bulgars: The Discussion Continues*. Sofia: TANGRA, 2014: 17–27.
- Stepanov Tsvetelin. The Bulgars and the Steppe Empire in the Early Middle Ages. The Problem of the Others. Leiden; Boston: Brill, 2010. XIII, 154 p., ill.
- Stepanov Ts. State-formation in Danubian Bulgaria, ad 681–865: Religious Dimensions // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2013. No 1: 5–32.
- Stepanov Tsvetelin. Bulgar, Avar and Khazar Aristocratic Names in the Early Middle Ages (Scytho-Sarmatian and Altaic Heritage in Central and East Europe) // *Avars, Bulgars and Magyars on the Middle and Lower Danube*. София-Piliscsaba: National Institute of Archaeology and Museum BAS; Pázmány Péter Catholic University, 2014: 165–172.
- Stepanov Tsvetelin. The System of Succession in Qubrat's 'Magna Bulgaria': A New Approach to an Old Problem // *Central Asia in the Middle Ages. Studies in Honor of Peter B. Golden*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2016: 383–391.
- Stephani Byzantii Ethnicon. T. I. Berolini: Impensis G. Reimeri, 1849. VI, 818 p.
- Tóth Alfréd. Etymological Dictionary of Hungarian. The Hague, Holland: Mikes International, 2007. IV, 788 p.
- Triska Petr, Chekanov Nikolay, Stepanov Vadim, Khusnutdinova Elza K., Kumar Ganesh Prasad Arun, Akhmetova Vita, et al. Between Lake Baikal and the Baltic Sea: Genomic History of the Gateway to Europe // *BMC Genetics*. 2017. 18 (Suppl 1): 5–20.
- Tuite Kevin. A Short Descriptive Grammar of the Svan language. URL: <http://www.uni-jena.de/unijenamedia/Downloads/faculties/phil/kaukasiol-ogie/Svan%5Bslightlyrevised%5D.pdf>.
- Turner R. L. *Selected Papers 1912–1973*. L.: Oxford Univ. Press, 1975. XVI, 435 p., map.
- Unverzagt G. J. *Die Gesandtschaft Ihro Kayserl. Majest. von Gross-Russland an den Chinesischen Kayser, wie solche Anno 1719. aus St. Petersburg nach der Sinesischen Haupt-und Residenz-Stadt Peking abgefertiget*. Lübeck: Johann Christian Schmidt, 1725. 168 S.
- Yunusbayev Bayazit, Metspalu Mait, Järve Mari, Kutuev Ildus, Rootsi Siiri, Metspalu Ene, et al. The Caucasus as an Asymmetric Semipermeable Barrier to Ancient Human Migrations // *Molecular Biology and Evolution*. Vol. 29. 2012. No 1: 359–365.
- Yunusbayev B., Metspalu M., Metspalu E., Valeev A., Litvinov S., Valiev R., et al. The Genetic Legacy of the Expansion of Turkic-Speaking Nomads across Eurasia // *PLoS Genetics*. 2015. No. 11 (4): 1–24.
- Zhivkov Boris. *Khazaria in the Ninth and Tenth Centuries*. Leiden; Boston: Brill, 2015. XV, 335 p.

- Zimonyi István. *Medieval Nomads in Eastern Europe: Collected Studies*. Bucureşti: Brăila, 2014. 399 p.
- Zimonyi István. A volgai bulgárok öröksége // „...rég feledett munkásság utóhangjai mutatják hatásukat...“. Dunaszerdahely: Vámbéry Polgári Társulás, 2019: 235–251.
- Ηρόδοτος. *Ιστορία*. Μτφρ. Η. Σπυρόπουλος. Αθήνα: Γκοβόστη, 1995. 235 σελίδες.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

АДД	— автореферат диссертации докторской
АДК	— автореферат диссертации кандидатской
ВДИ	— журнал «Вестник древней истории»
ДД	— диссертация докторская
ДК	— диссертация кандидатская
ИИМК	— архив Института истории материальной культуры, г. Санкт-Петербург
ИОАИЭ	— «Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете»
ПСЗ	— Полное собрание законов Российской империи
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей
РА	— журнал «Российская археология»
РГВИА	— Российский государственный военно-исторический архив
РГИА	— Российский государственный исторический архив, г. Санкт-Петербург
РНБ	— Отдел рукописей Российской национальной библиотеки, г. Санкт-Петербург
СА	— журнал «Советская археология»
СПбФ АРАН	— Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук
СТ	— журнал «Советская тюркология»
СЭ	— журнал «Советская этнография»
ЧГИ	— архив Чувашского государственного института гуманитар- ных наук

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
Савиры.....	23
Этнонимика.....	26
Историко-географический анализ.....	51
Геногеография.....	76
Антропология.....	84
Археология.....	90
Религия.....	100
Этнография.....	127
Искусство.....	148
Язык.....	151
Фольклор.....	174
Булгары.....	183
Этнонимика.....	187
История.....	190
География.....	204
Геногеография.....	211
Антропология.....	217
Археология.....	221
Религия.....	228
Этнография.....	239
Искусство.....	254
Язык.....	257
Фольклор.....	265
Заключение.....	267
Ethnic History of the Chuvash at the Savir-Bulgar Crossroads.....	279
Архивные источники.....	291
Использованная литература.....	293
Список условных сокращений.....	334

Научное издание

Антон Кириллович Салмин

**ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ЧУВАШЕЙ
НА САВИРО-БУЛГАРСКОМ ПЕРЕПУТЬЕ**

Корректор *Д. М. Соколова*

Оригинал-макет *М. А. Гунькин*

Художники *О. Ю. Куканова, Д. А. Куканов, А. А. Сюзюмов*

Подписано в печать 12.02.2024. Формат 60×90/16

Бумага офсетная. Печать офсетная

Усл.-печ. л. 21

Тираж 300 экз. Заказ № 3075

Отпечатано в типографии
издательства «Нестор-История»

Тел. (812) 235-15-86

По вопросам приобретения книг
издательства «Нестор-История»
звоните по тел.: +7 960 243 32 82